

Ю.Ганская

На краю бездны

Женщина-адвокат. Полубессмертный мужчина. Потерявший всё, кроме своего настоящего, воин. Когда их судьбы начинают пересекаться, оказывается, что так было предрешено. Каждый сыграет свою роль в огромном движении вселенной, погружающейся в войну, и найдет то, что должен отыскать для того, чтобы начать новую жизнь.

Глава 1. Начало

Золотой свет огней, мерцавших в хрустальных лампадах вдоль стен, бросал таинственный свет на Круг Вечности, который напоминал молящимся о бесконечности и справедливом воздаянии, всегда приходящем в свое время. Святыня, выглядела такой же древней, как и стены храма, а уж его возраст никто не мог бы назвать. Если бы такая безумная идея и пришла вообще кому-либо в голову.

Говорят, что Храм, как и весь Анхаш — совершенный город всех существующих миров, строили прекрасные и мудрые Строители, которые были теми, кто создавал законы и украшал миры, чтобы те жили в красоте и единстве как самые ценные камни одного украшения.

Склоненная перед алтарем фигура одного из священников, одетого в белое одеяние, которое носили все служители храма, казалась почти нереальной, словно он сам тоже был одной из призрачных светлых теней, которые скользили по храму в бликах лампад. Всё в храме было белым — от камня стен и стекла лампад, до одежд священника. Белый напоминал пришедшим о том, что Круг Вечности — это лишь святыня, призванная говорить о том, что всё в мире подчиняется тому, чей свет настолько ослепителен, что разгоняет любой мрак как снаружи, так и внутри того, кто пришел в храм.

Священник поднялся с колен, когда одна из ажурных дверей храма отворилась, пропуская внутрь женщину. Посетительница закрывала лицо глубоким капюшоном плаща из дорогой ткани, явно не желая, чтобы кто-нибудь её узнал.

Спустившись по широким ступеням из белого камня, священник подошел к женщине и наклонил голову в установленном традициями приветствии.

— Двери Храма открыты для каждого, — произнес он, — что привело тебя сюда — просьба или молитва?

Женщина молчала, явно затрудняясь ответить. Но затем заговорила, осторожно подбирая слова:

— Я прибыла на Праздник издалека и слышала, что служители Храма видят то, что не дано видеть остальным.

Священник внимательно взглянул на неё и осторожно произнес:

— Не всё нужно видеть и не всё открывается по желанию.

Незнакомка, которая явно была из чужих земель и прибыла на праздник Объединения, собиравшего множество гостей в городе, боролась со смущением и необходимостью, которая привела её в Храм. Священник, на чьем, лишенном возраста, лице не отражалось ничего, кроме участия и спокойствия, молчал, давая ей возможность собраться с мыслями.

Наконец женщина произнесла:

— Моё сердце встревожено и говорит, что надвигаются недобрые перемены. Один из моих близких совершил поступок, который грозит ему опасностью. А я не могу сделать что-

либо, не зная — не принесет ли это вреда тем, кто мне дорог.

Очевидно, беспокойство в её голосе заставило священника мягко ответить, успокаивая женщину:

— Я обращаюсь с молитвой, и если твоё беспокойство действительно так серьезно, мы получим ответ. Подожди здесь.

Он оставил её стоять у подножия, а сам вновь поднялся по ступеням, приближаясь к алтарю и Кругу Вечности.

Женщина стояла неподвижно, но ткань плаща переливалась как шкура хамелеона, отчего казалось, что она находится в непрерывном движении. Священник, погрузившийся в молитву, выглядел так, словно он был бесплотным существом, лишенным тела и замершим в воздухе. Белое одеяние лежало вокруг него облаком, и только нашитое изображение Круга поблескивала золотыми нитями, как маленькое солнце.

Спустя некоторое время воздух над алтарем задрожал, словно превращаясь в льющийся поток, в котором неожиданно стали появляться какие-то образы. Они двигались, исчезали, на смену им приходили другие, но те были настолько нереальны и неотчетливы, что казались слабыми отражениями предыдущих. Время шло, и чем дальше, тем ярче становились некоторые из мелькавших изображений. Женщина смотрела на них, силясь различить хоть что-то, но те исчезали раньше, чем она могла рассмотреть их.

Круг Вечности неожиданно стал светлеть, словно сияя изнутри. Образы стали прозрачней, а воздух медленно возвращался снова в свое привычное состояние. Наконец, священник поднялся и протянул руку, заставляя чашу, стоящую на каменном выступе стены, закуриться, окутывая алтарь дымом плавящихся благовонных смол. Затем он повернулся и направился снова к женщине, ожидавшей его ответа.

Лицо священника было почти суровым, и она подалась вперед, скрывая нетерпение.

— Только от разумного решения, принятого с любовью и мудростью, темный час ночи может смениться часом рассвета. Не ошибись, иначе создашь еще большие беды, которые потрясут не только твою семью, но и многих других.

Священник замолчал, но выражение его лица оставалось по-прежнему суровым и отдаленным. За его спиной Круг Вечности сиял как солнце, и женщина невольно задержала на нём взгляд. Затем наклонила голову.

— Благодарю, я запомню это, — произнесла она.

Зал Храма, украшенный колоннами, несущими летящий прозрачный купол, словно был наполнен силой, которая почти ощутимо гудела, заполняя всё пространство. Казалось, что она течет вдоль стен Храма, исходя из святыни и возвращаясь обратно в неё.

Женщина поправила капюшон и зашагала к ажурным дверям Храма, созданным неведомым резчиком, который сплел кружево из материала, похожего на камень. Они раскрылись перед ней, выпуская на площадь перед Храмом от которого вниз уходила широкая дорога, спускающаяся в город.

Круг Вечности медленно угасал за спиной священника, смотревшего вслед ушедшей.

— Она всё равно сделает то, что решила, — произнёс более звучный голос, приближаясь. Он звучал слишком взволнованно, и священник обернулся к его обладателю. Одетый так же, как и он, один из служителей Храма стоял неподалеку и явно был обеспокоен тем, что услышал.

— Это выбор её свободной воли, — священник знал, что как бы жестоко не звучали его слова, они были правдой. Каждому предоставлялось право на выбор, и только он мог

определять их будущее.

— Как можно просто наблюдать за тем, что происходит, не пытаясь остановить явное зло? Как ты мог отпустить её, не сказав, что то, что её решение в корне неверно?

Священник выглядел более сурово, когда посмотрел на собрата.

— Они сами должны принять решение — совершать преступления или остановиться и изменить свое будущее. Ты слишком ревностен, но порой нельзя быть только мечом и воином, надо слышать не то, что просит от нас наше служение, но то, чего оно хочет на самом деле. Верить в то, что они выберут верное решение, гораздо сложнее, чем вмешиваться и менять всё. Но именно это помогает им найти верную дорогу. Ты не должен оспаривать то, что так же дано и нам, и им — свобода выбора. Ты хранишь Волю того, кто оставил нам этот подарок, наблюдаешь за жизнью и судьбами. Тому, кто имеет много, всегда сложнее, чем тем, кто лишен бремени знания.

Он говорил о том, кто стал вечным напоминание о том, куда может привести знание и сила. Они оба хорошо знали того, чье имя никогда больше не произносилось у алтаря Храма.

Белое одеяние служителя ничем не отличалось от одеяния священника. Они одинаково служили святыне. Но лица обоих были полной противоположностью друг другу: если первый испытывал волнение, которое выдавали его глаза, то второй был спокоен, как скала посреди моря. Служитель наконец справился со своими эмоциями и стал по-прежнему спокойным, словно с его лица сбежала туча. Пристально смотревший на него священник заметил перемену и улыбнулся. Его младший брат был слишком молодым и порывистым.

— Да будет так, — произнёс служитель.

Спустя несколько десятилетий.

Наступило время праздника Объединения, на котором собирались представители всевозможных миров. Великий город Анхаш гудел и шевелился тысячами спешащих по своим делам жителей. По подвесным мостам, соединявшим город и Семь Ворот, через которые прибывали гости, спешили караваны и одиночные путники.

Анхаш, расположенный на каменных террасах, которые перемежались каналами и зелеными островами, был расположен посередине пересечения всех плоскостей вселенной. Он существовал так давно и так долго, что даже самые старейшие жители вселенной не смогли бы вспомнить на своем веку его строительства или хотя бы ремонта. Хотя было известно, что город не строили, что город не был построен вовсе, он просто был центром миров, некоей срединной точкой.

Облицованные белыми плитами из камня здания сверкали на солнце, и потому город словно утопал в свете. На золотом небе Анхаша всегда сияло солнце, и висели три рога лун. Светила никогда не заходили и не закрывались тучами, отчего и день, и ночь в этом небе были единым целым.

Возле Анхаша лежало известное всем и каждому озеро Жизни, которое охранялось серебряными драконами. Хотя никому и в голову не могло придти, что кто-то нарушит покой бирюзовой глади, лежавшей в опрокинутой чаше из холмов и скалистых берегов. Над озером всегда царила тишина, которая давала исцеление и покой. Придти сюда — была привилегия, и давалась она не каждому.

По улицам города, лежащим на террасах, спешили по своим делам, готовясь к празднику, всевозможные создания. Несмотря на то, что для всех существовали свои кварталы, созданные городом для мирного сосуществования жителей, улицы объединяли всех мифических существ без разбору. Здесь были и причудливые биоморфы, загадочные жители миров, в которых объединялись математические коды и жизнь, спокойные и красивые создания, отчего они казались ещё более нереальными. Были и существа, известные в мире людей как сказочные — всевозможные гномы, оборотни, сиды. Вдоль кромки каналов сидели Шолотли — существа вроде человекообразных собак с развернутыми задом наперед лапами, державшиеся особняком от всех. Над ними время от времени сверкали молнии, которые напоминали прохожим о том, что лучше обходить стороной проводников Смерти. На крышах нескольких домов отдыхали грифоны, поблескивая чешуей и шерстью. В крытых паланкинах передвигались по городу обитатели ночных земель, несмотря на то, что солнца Анхаша не могли причинить им вреда, они все равно привычно скрывались от их лучей.

Это была лишь небольшая толика разнообразных гостей Анхаша, часть из которых находилась в центральной черте города, возле большого круглого храма, чей купол сверкал как большой алмаз.

Возле храма, на просторных террасах стояли дворцы, похожие на каменное кружево, настолько изящно были вытесаны стены, украшения фасадов и колонны, украшавшие просторные балконы, будто бы парившие в воздухе. В этих зданиях, отличавшихся от остальных построек города лишь большим количеством украшений, жили почетные гости, прибывшие на праздник.

Ветер колыхал шелковую занавесь на окнах, напоминая о том, что за стенами теплый и светлый день. В покое царил дурманящий запах меда и благовоний, струившихся из медных жаровень, стоявших у стен. Ступени поднимались вверх, поднимаясь на широкий балкон, с которого открывался вид на расходящиеся кругами террасы Анхаша и его бурлящую жизнь.

В плавно раскрывшихся ажурных дверях возникли мужчина и женщина, настолько непохожие друг на друга, что видеть их рядом было слишком странно.

Женщина шагнула вперед, опережая мужчину, словно передумавшего войти. Её тело, словно плыло по воздуху, отчего складки платья, закрывавшего её тело на северный лад, словно вокруг царила прохладная погода, лежали облаком вокруг неё. Прикрепленные к поясу на золотом кольце ключи мелодично позванивали, только так напоминая о том, что она шагает по светлым плитам полов. Она вошла в покой и огляделась, выискивая кого-то.

Мужчина тем временем, поборов раздумья, переступил порог и недовольно пожал плечами.

— Локи, я знаю, что ты тут. Покажись же, — голос женщины звучал мягко, словно она обращалась к подростку, с которым приходится быть терпеливым и спокойным.

Занавеси шевельнулись, открывая вид на каменный балкон, чья балюстрада мягко блестела, словно светила изнутри, и пропустили внутрь молодого мужчину. Он, покачиваясь, спустился по ступенькам и что-то напевал себе под нос. Подняв замутненный взгляд на вошедших, мужчина расплылся в дурашливой улыбке и поклонился, приветственно взмахнув рукой, в которой держал кубок, явно чем-то наполненный. Чем-то, что звучно плеснулось на пол, обрызгав подол платья женщины и, главным образом, очутилось на мужчине, стоявшем недостаточно далеко, чтобы увернуться.

Будто протрезвев на несколько секунд, обладатель кубка и буйных рыжих, почти что

красных волос, издевательски прищурившись, наблюдал за тем, как мужчина, гневно поблескивая черными глазами, вытирал лицо краем рукава расшитого одеяния. Золотые браслеты словно вторили хозяину, постукивая друг о друга и звеня недовольным хором, а богато украшенный пояс, придерживавший саронг, поблескивал камнями на свету.

— О, Фригг! — Рыжий мужчина внезапно снова превратился в нетрезвого выпивоху, пряча умный и острый взгляд за мутными парами медового напитка, — Прости, но я решил, что могу отдыхать в своих покоях так, как мне заблагорассудится. А тут оказывается, что у меня неожиданные гости... Нет-нет, тебе я всегда рад, но что он тут делает?

Фригг неловко передернула плечами, словно хотела что-то сказать, но просто повела рукой в направлении дверей.

— Мы просто зашли провести тебя.

Рыжий Локи захихикал и, пошатываясь, спустился на ещё пару ступенек. Споткнулся, чуть не упав, но удержал равновесие и покачал головой, прихлебывая из кубка то, что ещё не успел расплескать.

— Я тронут... Мое сердце так чувствовало себя одиноко, лишенное возможности видеть близких... Правда, я сейчас заплачу.

— Может хватит паясничать? — Терпению Фригг словно пришел конец, но только последние звуки её голоса затихли, на её лице вновь появилось мягкое выражение, — Как только мы прибыли, ты не выходишь из покоев и только пьешь. Разве это не должно казаться странным?

— Пью ли я в Гладсхейме, пью ли я в здесь — не все ли равно? Особенно, когда от меня большего то и не требуется? — Локи пощелкал пальцами, что получилось у него с третьей попытки, и к нему подплыл новый кубок. Затем прищурившись, посмотрел на безмолвного мужчину и хохотнул: — Если только вы не пытаетесь проконтролировать моё поведение. Поэтому ведь ты пришла с Шакрой, не так ли?

Оставшийся до сих пор безмолвным, Шакра выступил вперед. Он нахмурился, отчего его красивое лицо стало выглядеть угрожающе:

— Так, Локи. Все ещё хорошо помнят ту историю, которую ты заварил. И не хотелось бы, чтобы ты испортил этот праздник очередной выходкой.

Локи сжал ножку кубка, отчего его пальцы побелели, выдавая то, что слова Шакры заделали его.

— Ну конечно, — протянул он, — Выходка... История...

— Дорогой, — Фригг попробовала снять воцарившееся напряжение, шагнув так, чтобы оказаться между мужчинами, и повернулась к рыжему пьянице, — ты должен признать, что это не могло не остаться без последствий. Ты нарушил приличия, и нарушил их чересчур!

Локи отшвырнул кубок и развернулся к Фригг. Его лицо лишилось даже намек на опьянение, словно покрытое льдом, с безумно блестящими глазами. Рыжеволосый сжал кулаки и опасно мягко поинтересовался:

— Что же такого я нарушил? Разрушил мир или неудачно пошутил над очередным слабоумным храбрецом?

Фригг вздохнула, собираясь ответить, но её опередил Шакра, который разгневанно закричал:

— Что такого ты нарушил? Что такого? Ты просто соблазнил одну из моих Апсар, посягнув на то, что не принадлежит тебе! И думаешь, что я преспокойно забуду твою выходку?

Локи зарычал, и кубок пролетел мимо Шакры в опасной близости от его головы, а воздух потяжелел и стал холодным. Шакра вытянул руку, заставляя в покаях внезапно раздаться раскатам грома.

— Хватит! — Эти слова Фригг относились к обоим мужчинам, — Локи! То, что ты сделал равносильно тому, как с валькирией попытается заигрывать кто-то из... из...

Она словно не нашла подходящего примера и взмахнула рукой. Но успокоившись, продолжила:

— Ты не мог просто взять и соблазнить Апсару из свиты чужеземного бога. Это неправильно. Мы — из разных миров, и даже если такое было бы разрешено, наши миры не пересекаются. Но это не разрешено. Более того, как ты мог предложить ей сбежать? Куда?

— Вы же всё равно нашли её, — сарказмом, раздавшимся в смешке Локи, можно было захлебнуться, — даже мертвую, вы её нашли.

— Никогда. Не. Нарушай. Правил, — отчеканила Фригг, суровая.

— Я любил её! — На этот раз Локи закричал, отчего мелко задрожали все предметы, грозя расколоться или разбиться.

— Ты постоянно вытворяешь всё, что тебе взбредет в голову, испытывая терпение всех окружающих. И даже мое терпение прощать и понимать тебя заканчивается!

— Твоего терпения хватило хладнокровно дать умереть ей. И не только ей...

Локи неожиданно замолчал, горько качая головой. Затем пнул ногой резной столик, случайно оказавшийся в пределах досягаемости, и идиотски засмеялся:

— Даже она, и та оказалась исключением из правил, из-за которых можно легко лишать жизни. Давайте, наблюдайте за мной. Ах, я такой негостеприимный... Не хотите выпить?

Перед Фригг и Шакрой возникли кубки, покачиваясь в воздухе. Локи мотнул головой на них, заливаясь идиотским смехом. Затем внезапно рухнул как подкошенный, на, вовремя появившиеся на полу, искусно изукрашенные подушки. Раздался храп, словно на полу лежал не мужчина среднего роста, а гигант.

Фригг сокрушенно покачала головой и извиняюще взглянула на Шакру, который презрительно пожал плечами и пошел к выходу.

На просторном овальном поле возле круглого храма, собравшем почти весь Анхаш, начинались праздничные игры. Главным правилом города было — не приносить зла, поэтому игры носили состязательный характер, в которых участвовали порой отнюдь не мирные участники.

Это было не первое состязание, но Аноэль понимал, что впервые оказывается на празднике Объединения, который, как его просветил господин Хедрунг, происходит раз в несколько веков или десятилетий, в зависимости от того, как искажалось время на пересечении миров.

Его спутником был немолодой мужчина, одетый в темный с зеленым костюм, поверх которого лежал закрепленный на плечах золотыми фибулами плащ с глубоким капюшоном. Аноэль отвлекся от полировки оружия и выглянул наружу, на светлое поле, на котором уже пробовали свои силы другие участники. Затем перевел взгляд на человека, которого называл господином Хедрунгом. Этот человек, или не — человек, точнее, судя по мерцающим голубым искрам в глазах, которые внимательно смотрели из-под капюшона на окружающих, владел огромной властью на Земле. Полагаясь на холодный инстинкт охотника, текущий в венах Аноэля, Господин часто отлучался надолго. Аноэль был “вольным стрелком”,

получавшим удовольствие от любого дела, за которое брался. Он не страдал пристрастием к убийству тех, кто стоял на пути, заставляя их исчезнуть без следа, как это мастерски делал второй управляющий Хедрунга, а просто наслаждался умением просчитывать все на сотни шагов вперед, словно разыгрывал масштабные партии в шахматы.

Когда Господин в разговоре упомянул предстоящий праздник, Аноэль решил, что неплохо попробовать себя против тех, кого в мире людей нечасто встретишь. Аноэль не мог сидеть на одном месте, ему хотелось увидеть так много, как он только может. Будь на то его вол, он с радостью отправился бы бродить по тем мирам, которые смог бы сам найти. Но вот незадача — единственное, что он хотел больше всего, не давалось ему. Аноэль не мог сам никогда найти и намек на то, как получается у Хедрунга и других существ проходить через пространство и время, попадая туда, куда им хочется.

Поэтому он месяц убеждал Хедрунга позволить ему поучаствовать в неведомом состязании, хотя сколько себя помнил — никогда и ни о чем не просил, предпочитая брать всё самостоятельно. И хотя тот отговаривал его от затеи, сейчас Аноэль сидел посреди комнаты в шатре для участников игр, ожидая своего выхода. Своего он все-таки добился.

Несмотря на стоящее вокруг тепло, граничащее с жаром, Аноэль не испытывал проблем от него. Воздух в шатре был свежим и наполненным ароматом трав, росших за пределами поля, вокруг стен, огораживавших его от остальной части города. Игрокам не полагалось оружие, ведь основным условием было — не проливать ни капли крови на теплый песок поля. Но Аноэль все же приводил в порядок плоский меч, который носил при себе в Анхаше — на всякий случай.

— Не верь тому, что увидишь, и доверяй только тому, что ощущаешь, — Хедрунг рассуждал чуть иронично, в своей обычной манере, оглядывая поле через прорези полотен шатра. Несмотря на беззаботность его тона, Аноэль знал, что его слова стоит воспринимать как можно более серьезно. Поэтому кивнул и поднялся с края кресла, позволяя спутнику окинуть себя оценивающим взглядом. За всё время, как он был рядом, Аноэль ощущал себя комфортно и спокойно, словно все проблемы и вопросы обходили его стороной. Единственным условием Хедрунга, согласившимся на участие в состязании, было его присутствие при каждом шаге Аноэля, но это было вполне понятно — неведомые ему традиции и требования к игрокам были известны Хедрунгу, который помогал ему избегать неприятностей. Они прибыли сюда ровно ко дню начала состязаний и должны были вернуться обратно, на землю сразу после их окончания.

Аноэль выпрямился, перевязывая волосы в хвост лентой. Странно, что его ослепительно белые волосы кое-где стали перемежаться несколькими черными прядями. Весьма неординарная прическа, но Аноэль решил, что она вполне подходит ему, и так не выглядевшим как обычный человек. И потому не стал обращать внимания на изменения. Все странности, происходившие в этом городе, не несли опасности, а, значит, были не так важны.

Хедрунг теперь временем испытывал явное беспокойство, что не могло выглядеть странно — на поле сходились грифоны и асуры, шолотли и оборотни, вендиго и валькирии, ведьмы и слуа, словом — все мыслимые и немыслимые представители различных разных миров.

— Не трать время на разглядывание гостей, наблюдай только за соперником, — мужчина протянул руку, забирая у Аноэля меч.

— Не беспокойтесь, я справлюсь, — Аноэлю не хотелось подводить его.

Мелодично протрубил рог, который держал кто-то из существ, скрытый большими, кружевными крыльями. Это был сигнал для появления на поле новых участников, и Аноэль шагнул на теплый песок, невольно прищурившись от яркого света.

Ажурные каменные балконы, расхोдившиеся амфитеатром вдоль поля, были заполнены зрителями, пришедшими посмотреть на демонстрируемые умения участников состязания. Пестрое разнообразие смешивало всевозможных гостей города и местных жителей. Два дня, отведенных на игры, затем сменялись днем молитв и благодарения, которые возносили все прибывшие.

Игры были своего рода демонстрацией стратегического потенциала участников, которая давала возможность оценить их мощь и возможную угрозу. Противником Аноэля неожиданно оказался шумерский Шеду — огромный лев с ногами быка, чьи крылья были сложены на спине, как у гигантского орла. Человеческое лицо Шеду, украшенное отливавшими радугой волосами и острой бородкой, выражало заинтересованность Аноэлем, стоявшим перед ним, словно тот был диковинкой для зверя. Несмотря на то, что мужчина был высок, Шеду нависал над ними как огромная гора, а когти, опасно поблескивающие из-под золотистой шерсти, были немногим меньше его меча, оставленного в шатре. И на секунду Аноэль пожалел, что оставил его там, несмотря на то, что Шеду не выказывал агрессии или раздражения.

Снова звонко прозвучал рог, начиная состязание между парами под ободряющие крики зрителей. От Аноэля требовалось взобраться на спину Шеду, оседлав гиганта, а от Шеду, в свою очередь, ожидалось, что он не позволит этого.

Оба стояли, выжидая действий противника. Шеду даже перестал дергать мощным хвостом, напрягшись в охотничьей стойке. Аноэль наблюдал за зверем, ожидая, когда тот ослабит свою настороженность. Наконец, устав ждать, Шеду моргнул большими темными глазами, и Аноэль бросился вперед. Отталкиваясь от песка, в котором предательски вязли ноги, он подпрыгнул, переворачиваясь в воздухе через голову и рассчитывая сбить с толку Шеду. Но зверь не дремал. С поразительной ловкостью для своих размеров, он дернулся, уходя вбок от траектории движения Аноэля. В результате мужчина коснулся его мощного плеча и, оттолкнувшись от него, приземлился на ноги позади Шеду, немедленно развернувшегося к нему.

В ложе Шакры пребывала ленивая тишина, прерываемая шепотом и смехом Апсар, которые в данный момент активно наблюдали за разворачивавшимся на поле состязанием. Сам Шакра медленно обмахивался небольшим опахалом из павлиньих перьев, не из-за теплого воздуха, а скорей по привычке. Он ни за что не признался бы, что ему крайне интересно происходившее, поэтому продолжал лениво разглядывать ложи вокруг. Как будто в насмешку, напротив, на другой стороне изящных построек занимал свой балкон Лог, снова нетрезвый и продолжавший дальше пить. Шакра раздраженно прищурился, наблюдая за выходками рыжего, и невольно вспомнил такой же праздник, во время которого все были взбудоражены внезапным исчезновением красноволосого Локи и одной из Апсар. Конечно, Апсары были чем-то вроде домашней прислуги, на которую никто не обращал внимания, но факт того, что чужеземец посягнул на то, что ему не принадлежало, заставило забурлить вулкан негодования и возмущения.

Локи, тем временем, словно зная, что Шакра смотрит на него, пьяно помахал рукой и послал воздушный поцелуй куда-то вбок. Шакра разгневанно сплюнул, выражая свое

презрение. И тут случайно опустил взгляд на поле.

Перед ним как раз сходились в очередной схватке гигантский Шеду. Шумерский зверь — хранитель душ, и мужчина, казавшийся небольшим на фоне зверя. Внимание Шакры привлекло то, как легко и спокойно мужчина перемещался в воздухе, пытаясь оказаться на спине Шеду. Казалось, что мужчина умеет летать, только слегка подзабыл — как это делать. Состязание доставляло особое удовольствие Шеду, который явно был в восторге от необходимости применять все свои таланты, уворачиваясь и наступая на противника, который находил невероятные возможности превращать свои движения в подобие текучей ртути. Шакра понял, что сидит, затаив дыхание, и наблюдает за поединком, за которым, судя по всему, так же усердно наблюдали и его Апсары, и остальные зрители.

Аноэль ощущал, что начинает уставать. Все его жертвы или соперники обладали ограниченным потенциалом, а Шеду был словно создан с вечным двигателем внутри огромного тела. Если он не закончит поединок в ближайшие пять минут, то вероятно проиграет зверю, а этого Аноэль не мог допустить. Дождавшись, когда Шеду, атакуя, бросился вперед, Аноэль замер на одном колене в притворном бессилии, сжавшись всем телом как пружина. Огромное тело накрыло его, заслоняя небо, и передние лапы зверя оказались в опасной близости от лица. Аноэль прыгнул вперед, ухватился за золотую шерсть, подкидывая себя вверх. Описал в воздухе дугу и ощутил под руками перекачивающийся бугор мышц плеча Шеду. Снова схватился за мех и подтянул себя вверх, устраиваясь между лопаток зверя. Шеду разочарованно вздохнул и расправил крылья, волоча их по земле, чтобы все могли видеть Аноэля.

Раздались приветственные крики, и Шакра растянул губы в довольной улыбке. Он был искренне восхищен таким мастерством и хотел бы, чтобы им обладали его воины. Мужчина напомнил ему о былых временах, когда происходили сражения, в которых почти каждый был героем, радовавшим глаз и боевой дух своим деяниями. Шакра поднялся с подушек и подошел к барьеру перил, взмахивая рукой трубочу.

Тяжело дыша, Аноэль скатился вниз с плеч Шеду, который заинтересованно рассматривал зрителей. Аноэль даже почувствовал себя немного неловко, но подумал, что будет неуместно извиняться перед зверем за победу в схватке. Снова прозвучал рог, останавливая противников. Шеду и Аноэль стояли рядом, когда с каменного балкона перед ними показался черноволосый мужчина, весь в золотых украшениях, блестящих в лучах солнца.

— Наблюдать за вами было удовольствием, игроки. Откуда ты и как твое имя? — Черноволосый обратился к стоящим прямо перед ним, и, судя по тому, что Шеду молчал, он обращался к Аноэлю. Испытывая замешательство, Аноэль оглянулся и заметил, что невдалеке, у стены стоит Хедрунг, и вид у него крайне напряженный. Словно ни называть себя, ни отвечать Аноэлю не следует ни в коем случае.

— Так кто же ты? — Повторил черноволосый, его тон звучал крайне надменно и капризно, демонстрируя, что он привык отдавать приказания и не принимать отказа.

Аноэль на секунду проклял свой честолобивый порыв вызваться на состязания, испытывая замешательство. Хедрунг сделал шаг вперед, словно приготовившись к чему-то, явно не мирному. В жарком воздухе его силуэт, казалось, растворялся, не имея четких очертаний. Зрители сосредоточили внимание на том участке поля, где стоял Аноэль, привлеченные происходящим. Казалось, что выхода нет.

Положение спас какой-то красноволосый мужчина, который перевесился через

ограждение своего балкона, расположенного позади Аноэля, и захихикал так, словно был в стельку пьян. Казалось, что он абсолютно не понимает — где он и что происходит. Рыжий пощелкал пальцами и попытался засвистеть, что у него не получилось, превратившись в непонятное сипение. Но эффект от того, что он делал, не заставил себя ждать. Рядом с Шеду возникла огромная призрачная копия черноволосого мужчины с балкона, она надменно оттопыривала губы и позванивала такими же призрачными браслетами на руках. С негромким хлопком с другой стороны появилась еще одна такая же фигура, которая поглаживала себя по внезапно отросшему животу, явно не принадлежавшему оригиналу. Рыжий явно потешался от души над черноволосым, заставляя его подобию строить потешные и возмущенные рожи. Казалось, что с их оригиналом вот-вот случится удар, он побагровел, костяшки пальцев, впившихся в перила, побелели, почти сливаясь с камнем.

— Как ты смеешь, Локи! — Крикнул он рыжему, которого пыталась отвести от балкона красивая светловолосая женщина, что-то говоря ему. Со всех сторон раздавались смешки явно веселившихся над происходящим зрителей. Но главное — внимание всех было отвлеченно от Аноэля, который отступил назад, за широкую фигуру Шеду. Господин Хедрунг незаметно шагнул вдоль стены, стараясь оказаться ближе к Аноэлю, и незаметно кивнул ему, призывая отойти как можно дальше. Аноэль отступил еще на пару шагов, оказываясь в тени, отбрасываемой Шеду, и заставил свое тело раствориться, переносясь за пределы поля.

Его исчезновение заметил только рыжий пьяница, который довольно улыбнулся и позволил Фригг вернуть себя внутрь ложи.

Аноэль неожиданно понял, что с ним что-то не так. Словно светлые стены стали надвигаться на него со всех сторон, угрожая опрокинуться. Он моргнул, прогоняя внезапно нахлынувшую дурноту, и зашагал к покою Господина Хедрунга, собираясь узнать — когда они отправятся обратно. Аноэль скучал по Земле, несмотря на то, что она была чужда ему своей короткой и частенько — бессмысленной жизнью людей, с их полным отсутствием логики. Дурнота исчезла так же внезапно, как и появилась; возможно, так действует воздух Анхаша, к которому Аноэль не привык. Как-никак, этот мир ему почти незнаком, откуда можно знать — какие секреты он таит в себе.

Аноэль достиг входа в покой, закрытого золотисто-алой занавесью, и отодвинул её, проходя внутрь. Он понял, что появился не вовремя тогда, когда услышал голоса беседующих в дальней комнате покоя.

— Ты играешь в опасную игру. Если допустишь промах, все приложенные усилия пойдут прахом. А чем это грозит — ты и сам знаешь. Разве мало того, что из-за тебя уже понес наказание тот, кто осмелился нарушить законы? Даже для тебя есть границы, за которые лучше не выходить.

Голос говорившего был незнаком Аноэлю. Но в нём скользили нотки озабоченности, отчего казалось, что обсуждаемая тема крайне важна для собеседников.

— Вам не стоило показываться на состязании.

Беседующие явно приближались к выходу, и Аноэль подумал, что ему стоит убираться из покоя.

Он не успел никуда уйти, как занавесь отлетела в сторону, словно поднятая ветром, пропуская фигура в плотном плаще с низко опущенным капюшоном. За ней следовал Господин Хедрунг, явно не ожидавший увидеть Аноэля.

Фигура остановилась перед Аноэлем, рассматривая его, затем обошла кругом; тот, кто скрывался под плащом, был с него ростом и, вероятно, уже не молод. Не зная, как себя вести, Аноэль стоял, позволяя незнакомцу разглядывать себя. Это было непривычно, но раз уж он оказался в таком положении, лучше промолчать.

На секунду фигура шевельнулась, и полы плаща разошлись, открывая вышитое на подоле одеяния золотое изображение Круга Вечности. Оно принадлежало Храму Анхаша, насколько успел узнать Аноэль о городе, А значит, под плащом был один из священников Храма, не желавший, чтобы его увидел кто-либо. Потому Аноэль ничем не выдал своего удивления, оставаясь спокойным, словно ничего и не заметил.

— Помни, был дан только один шанс, — священник обращался к Господину Хедрунгу, который становился всё более озабоченным с каждым его словом, — нельзя избежать надвигающегося, можно только изменить его, если хватит сил и духа.

Он отвернулся и прошел мимо Аноэля, еле слышно шелестя плащом, а за ним плавно опустилась занавесь входа. Господин Хедрунг смотрел ему вслед, и Аноэль мог поклясться, что впервые видит на его лице почти растерянность. Это было неожиданно, Аноэль не знал ни одного момента, в который тот не нашел бы выхода или решения. Хотя он мало знал о нём, точнее — не знал почти ничего. Да и что вообще Аноэль знал даже о самом себе?

Он был никем — лишенным прошлого и безымянным. Когда он впервые открыл глаза, пытаясь прийти в себя на поле, ему в глаза светило солнце. Оно было настолько яркое, что заполняло всё вокруг белым светом. Насколько белым, что он мог сиять изнутри, оставаясь при этом прозрачным. Таким белым, что проходил сквозь израненное тело, как сквозь воздух. Вокруг него колыхались высокие стебли пшеницы, которая росла на поле вопреки тому, что на нём происходило.

Он лежал, ожидая смерть. Она ходила по полю, собирая свою пшеницу, и он лежал одним из срезанных колосьев, ожидая, когда она подойдет, чтобы забрать и его. Рассеченная мечом одежда больше не закрывала его тела, позволяя распоротой коже обнажать ещё бьющееся сердце. Когда-то белая ткань теперь была бурого цвета от крови и земли. Он смотрел на солнце, просто слушая тишину. Тело больше не болело. Мысли больше не звучали. Он лежал на земле, при этом удаляясь от неё так далеко, насколько далеко было от неё солнце, и ещё дальше. Время остановило свой ход, и он внезапно понял — насколько прекрасна вечность.

Смерть подошла к нему, улыбаясь. И он улыбнулся ей в ответ, не видя её такой страшной, какой её представлял. Она просто была проводником, тем, кто встречает и показывает дорогу, не желая зла, а просто выполняя свою работу. Она улыбалась, собираясь забрать его в путь домой.

Внезапно солнце перестало быть белым. Оно продолжало светить, но белый свет исчез, словно растворившись в воздухе. Смерть подняла голову, словно прислушиваясь к чему-то. Затем отвернулась и пошла прочь, оставляя его. Он пытался крикнуть ей, что хочет уйти, что она должна взять его с собой в дорогу, но она не останавливалась и не слушала его. Она не захотела забрать его домой, и это было похоже на наказание.

Затем вернулась боль. Голубое небо над ним взорвалось вспышкой боли, и его

заслонило чье-то лицо, склонившееся над ним. Жизнь не собиралась отпускать его.

Что было дальше — он не помнил. Изредка приходя в себя, он видел стены, сложенные из дерева. Из камня. Снова из дерева. Казалось, что его везли куда-то. Затем он видел полог, расшитый узорами, который скрывал постель, на которой он лежал. Порой полог поднимался, чтобы кто-то приблизился к постели — врач или слуга, но он не мог долго оставаться, проваливаясь снова и снова в забытие.

Наконец, забытие отпустило его, и он пришел в себя. Место, где он находился, было незнакомо ему, теплый ветер за окном был чужим, плеск волн за окном был неизвестным ему. Он лежал, глядя на голубое небо в широком каменном окне, которое казалось низким и насыщенным, и пытался вспомнить — кто он такой.

— Как тебя зовут? — Человек, стоявший у постели, внимательно смотрел на него. Тонкое лицо, украшенное небольшой бородой, казалось незнакомым. Синие глаза смотрели на него, словно хотели заглянуть в самые дальние уголки его разума. Спрашивавший был одет в странную, но богатую одежду, неизвестного ему покроя.

— Я не знаю, — ответил он, не помня — как звучит его имя. Он сам хотел бы знать — кто он, но его память молчала, отказываясь помогать.

Мужчина перевел взгляд с его лица на небо за окном.

— Здесь небо всегда кажется низким, — произнёс он так, словно и не спрашивал его ни о чем.

— Где я? — Он попытался шевельнуться и ожидал, что боль вернется, вгрызаясь в тело. Но она не возвращалась. Тогда он поднял руку, сжимая и разжимая кулак. Мышцы послушно сократились, словно никогда не прекращали повиноваться ему. Мужчина с синими глазами, шагнувший в возраст зрелого мужа, смотрел на него, и ему показалось, что в его глазах где-то далеко плещется улыбка. Вероятно, это был хозяин дома, в котором он лежал, и теперь его долгом было отплатить тому за проявленную доброту.

Он попробовал сесть. И это тоже получилось так, словно он никогда не лежал с распаханным телом, как расколотая раковина моллюска. Провел рукой по груди, ища следы от шрамов. Он должен был остаться полосой, пересекая тело наискосок. Но о ране напоминала лишь затянувшая её мягкая нежная кожа.

— Ты помнишь свое имя? — снова спросил его мужчина, наблюдая за тем, как он, положив руку на шрам, хмурится, пытаясь вспомнить хотя бы что-то.

— Нет, — он всегда был честен. И не мог лгать тому, кто проявил к нему доброту. Он помнил, что всегда был честен. Хоть что-то.

Мужчина протянул ему предмет, похожий на овал в металлической рамке. Он взял его в руки и встретился со своим отражением. На него смотрел человек с белоснежными волосами до плеч. Лицо этого человека с темными глазами было ему не знакомо, начиная от широкого лба до твердого подбородка, и он не знал — кому оно принадлежит.

Он дотронулся до своей скулы, и человек в отражении сделал так же. Он провел по белым волосам, и человек в отражении повторил его движение, касаясь волос. Они оба были им самим.

— Я не помню — кто я. Не знаю — откуда я, — он опустил овальное зеркало на край

постели, — но я благодарен Вам за Вашу доброту. Моя сила и честь — вот всё, чем я могу отплатить Вам.

Мужчина протянул ему руку, помогая подняться. Ноги его были слабы, и он чувствовал, как колени готовы подкоситься.

— Мой дом — твой дом, — произнёс Хедрунг.

Аноэль вернул себя назад из воспоминаний и пожалел о том, что оказался не в том месте и не в то время. Он поправил широкий кожаный ремень, немного похожий на те, что он носил обычно, чтобы как-то привести в порядок мысли, упорно разбегавшиеся в разные стороны. Не зная, что сказать, Аноэль продолжал молчать, ожидая, что Хедрунг наконец заговорит, но тот по-прежнему продолжал стоять, погруженный в свои мысли, которые явно были мрачными.

Стоящее в углу старое зеркало словно дрогнуло, и Аноэль невольно оглянулся. Внезапно, острое ощущение боли вернулось, сжимая голову тисками. Аноэль невольно сморщился; на секунду ему показалось, что зеркало затянуло легкой дымкой, в которой отражается кто-то третий, и он машинально оглянулся. В эту же секунду Господин Хедрунг дернул его за руку, увлекая в дальнюю комнату.

— Нам надо уходить, — он толкнул Аноэля вглубь помещения, опуская занавесь и прислушиваясь, — чем скорей, тем лучше.

Аноэль благоразумно воздержался от вертевшегося на языке вопроса. Холодный, синий огонь, взметнувшийся вверх по темному плащу Хедрунга, словно заполнил всё пространство между ним и Аноэлем. Хедрунг протянул руку, и Аноэль, хватаясь за неё, чтобы удержать, с удивлением увидел, как его собственная рука пронизана венами, по которым течет такой же синий огонь.

Последним, что заметил Аноэль, прежде, чем пламя укрыло их полностью, это был черноволосый мужчина, который стоял во время состязания на балконе, интересуясь именем Аноэля. Он распахнул занавесь, стремительно входя в комнату, и протянул руку к пламени, словно хотел остановить их, но огонь взметнулся до потолка, лизнув каменный свод, а через мгновение исчез, унося их с собой.

Комната в здании обычного земного офиса, в которую вел вход по особым пропускам, радовала глаз приглушенным светом. Аноэль решил, что после сияющего великолепия, ничего не видит, и, пока глаза привыкали к полумраку, он просто стоял посреди комнаты, ожидая возвращения зрения. Господин Хедрунг прошел к двери, на ходу меняя свой плащ и непривычное для Земли одеяние на костюм и длинное темное пальто.

— Кто это был? — Наконец спросил Аноэль, осматриваясь вокруг.

— Тот, с кем тебе не стоит встречаться, поверь мне, — Хедрунг шагнул в открывшуюся дверь, оставляя его одного.

Несмотря на разницу между насыщенностью других миров и тусклостью земли, которая была словно слабой тенью их, Аноэль подумал, что чувствует себя здесь привычней. В нём не было толком магии, он был просто солдатом, которому порой казалось немного неудобно от того, что его сосед и Хедрунг могут легко нарушать все привычные ему законы физики, внося небольшое потрясение в то, к чему он привык. Он был уверен, что до встречи с Хедрунгом не видел никогда подобного. А теперь оно вошло в его жизнь, становясь чем-то обыденным.

Аноэль надел рубашку, висевшую в шкафу комнаты. Она была снабжена всем, что могло быть необходимо для тех, кто пользовался порталом, находившимся в этом здании. С удовольствием ощутив скольжение ткани по телу, он внезапно подумал, что оно напоминало обо всём привычном и простом, что могла предложить Земля. В небольшом сейфе Аноэль нашёл ключи от своей машины, которая ждала его на парковке, и направился к выходу из комнаты.

Шакра разочарованно оглядел пустой покой, из которого только что, на его глазах, исчез молодой воин, так заинтересовавший его на состязании, и спутник воина. Он всё никак не мог отделаться от навязчивого ощущения, что воин напоминает ему кого-то весьма знакомого. Но это беспокоило его куда как меньше, чем то, что он только что увидел.

Возможно, он предложил бы ему присоединиться к своему царству. Пускай обучит его воинов своим трюкам и возглавит их, если только не окажется тем, кого он ищет. Шакра слишком давно лелеял свои планы, в которые входило расширение владений. Он хотел, чтобы его имя, как и раньше, внушало благоговейный трепет, сопровождающий кровавую поступь его армии. Ему хотелось, чтобы его снова славили в многочисленных храмах, боясь прогневать неугодными жертвами...

А вместо этого что? Пара сотен бесполезных Апсар, небольшое войско, забытое подобие царства и воспоминания о прежнем могуществе. Он не забывал о том, что когда-то слишком надеялся на то, что век его власти будет вечным сам по себе. Но не хотел признавать, что сам упустил тот момент, в который не стоило сидеть и наслаждаться славой, а снова пройти с войском, напоминая о том, что он не только бог, он ещё и жаждет крови. Кровь и смерть лучше всего строят славу и поклонение.

— Ужасный, — закованный в черную броню дэв склонился почти до пола, обращаясь к Шакре так, как того именовали в старые времена. Приятно, что об этом ещё помнят, — Мы заметили, что из покоя вышел некто, похожий на служителя Храма.

Шакра нахмурился, глядя рубин на массивном золотом перстне, надетом на указательный палец. Это выглядело весьма странно. Воин — не бог, не герой, не демон и не существо. Гость из Храма, чьи служители никогда не выходили за его пределы. Внезапное исчезновение в огне, на которое способны только искусные волшебники. Это было очень странно. Очень странно, чтобы оказаться невероятной удачей. Возможно, его власть скоро снова станет безгранична. При помощи этого воина.

Осталось его найти.

Серый безжизненный песок простирался до горизонта, превращая Забытые Земли в мертвую пустыню. Если бы не изредка вспыхивающие над песком огни, отдающие запахом горячей серы, было бы сложно найти границу между небом, цвета сухой земли, и такими же песками.

Шакра недовольно пнул ногой серую текучую массу, идти по которой было бы чистым безумием. Внезапно песок из-под его ноги метнулся вверх, превращаясь в фонтан, поднимающийся к его лицу. На вершине песчаной горы неожиданно показалось оскалившееся мертвое лицо. Оно угрожающе распахнуло пасть, и Шакра невольно отшатнулся. Затем песок так же внезапно опал с шорохом вниз.

Шакра подумал, что из всех отвратительных мест вселенной эти Земли можно поставить в число наиболее жутких. Если бы не то, зачем он сюда прибыл, ноги его тут никогда бы не оказалось.

— Будь уважителен к тем, на чьей территории находишься.

— Низам, — Шакра улыбнулся. С такой улыбкой он обычно убивал своих врагов. Но тот колдун, к кому он пришел, легко мог оказаться как врагом, так и другом, в зависимости от ситуации.

Мужчина, одетый так, как ходили очень давно на Земле люди, строившие Вавилон, насмешливо смотрел на Шакру, явно потешаясь его недавним испугом. Острый взгляд глубоко посаженных черных глаз словно видел его насквозь, а это было весьма неприятно.

— Я пришел узнать — как продвигаются наши дела, — Шакра решил, что надо показать — кто здесь бог, а кто — изгнанный в небытие колдун.

— Наши достижения, — Низам прикрыл глаза, улыбаясь и словно пробуя эти слова на вкус. Затем с его лица словно стерли улыбку, и он произнес, — Ничего не получится без главного составляющего.

Шакра сжал кулаки.

— Ты убеждал меня, что мы имеем почти всё необходимое!

Низам невозмутимо смотрел на Шакру, который терял облик бога. Его кожа почернела, отливая синевой, а красивые черты лица превратились в обезображенную маску с изогнутыми клыками, торчащими изо рта.

— Ты обманул меня, колдун, — проскрежетал Шакра, щелкая клыками и еле сдерживаясь, чтобы не разорвать Низама.

— Я не обманывал тебя. Почти всё, что было нужно, уже готово, не хватает только того, без чего ты не сможешь стать снова великим.

— Мне не нужно просто величие, — Шакра медленно успокаивался, и к нему возвращался прежний облик красавца-бога, — мне нужна власть.

Низам развел руки, и песок, медленно шурша, потек к нему ручейками со всех сторон.

— Мы оба хотим того, что можем получить только вместе. Чтобы я мог закончить, мне нужно то, что ты всё никак не можешь достать. Видишь ли, я нахожусь в заточении и не могу найти то, что всё никак не дается тебе в руки.

— Сердце, — фыркнул Шакра.

Песок, собравшийся вокруг Низама, рассыпался.

— Не просто сердце. Сердце не бога и не демона, не героя и не обычного создания. Ты должен убить его хозяина. Но ведь это ты не можешь его найти, а не я, — Низам сверкнул глазами, — и ты приходишь ко мне, обвиняя во лжи?

Шакра пожал плечами:

— Я ищу. На празднике Объединения мне показалось, что я нашел подходящего, но он успел уйти. Мои слуги продолжают искать его, и когда найдут, я посмотрю — тот ли он, кто нам нужен.

Низам кивнул, соглашаясь, и над холодной пустыней снова повисла тишина. Внезапно, Шакра вспомнил то, что хотел спросить с самого первого дня их знакомства, и небрежно спросил:

— Ты никогда не говорил о том, чего хочешь получить. Может, скажешь теперь?

Низам улыбнулся. Его лицо словно застыло, превращаясь в безмятежную статую.

— Ты хочешь получить весь мир и Анхаш. А я хочу получить самую малость, всего лишь Круг Вечности.

Проход сомкнулся вслед за ушедшим индийским богом, но Низам всё никак не мог оторвать глаз от того места, где только что дрожал воздух. В эти земли Проход мог быть только для того, кто пришел, оставаясь глухой стеной для самого Низама. Так близко и так невероятно далеко, выход из его многовековой тюрьмы.

Его утешало лишь то, что глупец, сам того не ведая, служил лишь на благо ему и тому, перед кем Низам благоговел, восхищаясь его силой и мудростью. Все эти века заключения он провел не просто так, а в долгих размышлениях и планах, ожидая удобного момента, который мог бы снова вернуть Низаму возможность помочь своему великому покровителю. Потому, что когда тот займет свое заслуженное место, Низам будет тем, кто стоит при его троне.

— Я не подведу Вас, — Низам улыбнулся, вспоминая совершенное лицо повелителя. “Ты мудр и достоин, а значит ты почти такой же, как я”, — эти слова напоминали Низаму, что даже его заточение — лишь подобие того, что переносил тот, кто поделился с ним крохами своей мудрости. Обреченный на прозябание и проклятье, находящийся там, где его, такого царственного и совершенного ждало лишь серое и жалкое подобие существования, он ждал своего часа, который уже приблизился. И его приблизит для него верный все эти годы ему Низам.

Пускай напыщенный глупец думает, что сможет захватить мир. Он послужит орудием в их руках.

Глава 2

Если бы кто-то сказал, что всё началось именно в этот спокойный, тихий день, ему бы не поверили. И зря.

Потому, что в этот день начался странный, причудливый узор, в который судьба сплела разные нити и объединила разрозненные доселе фрагменты. Начинался он с самого обычного, рационально мыслящего и прагматичного места во Вселенной, которое не признавало существования того, что невозможно объяснить законами наук или исследовать в лабораториях. Так уж вышло, что именно благодаря такой слепоте, их мир позволил сосуществовать множествам разных созданий. Никто и никогда не верил в них, равно как и не верил в то, что однажды наступит конец света. Какого света? Земля будет жить еще не одно тысячелетие, — утверждали ученые. Это было весьма недальновидно с их стороны, но ведь, с другой стороны, они были по-своему правы. Удивительно, что при этом люди всё же верили в глубине души в наличие того, что не могут объяснить. И узор плавно оплетал землю, как одну из многочисленных жемчужин-миров, входящих в его изгибы.

Но самое удивительное, что в начавшемся узоре одна из нитей принадлежала обычному

человеку, который даже ещё не знал о том, что его дорога начнет невероятное путешествие, и её конец ещё неизвестен даже самому узору, медленно творящему первые сплетения. Этому человеку было ещё слишком мало лет, чтобы думать о чем-то более серьезном, чем обычные детские забавы. А между тем, Джил Кэйлаш уже стала частью этого невидимого узора.

Это был обычный день в конце лета. На ровно подстриженной лужайке стояло несколько высоких деревьев, пара из них служила опорой для детских качелей, сооруженных на перекладине между ними. За качелями стояли кусты, которые отгораживали участок живой изгородью. Стоял отличный день, полный августовского солнца, просто созданный для игр и отдыха.

Наверно так и было бы, если не отвратительные соседские дети, в который раз начавшие кричать ей вслед обидные прозвища. Это вынудило её вернуться с улицы, где она думала поиграть с кем-нибудь, на лужайку перед домом, где масса интересных вещей заставили отвлечься от обиды. Например, спешащие ровной дорожкой куда-то муравьи. Или бабочка, порхающая прямо перед носом, да так, словно сама предлагала поймать её. “На свете есть масса вещей, которые заслуживают внимания больше, чем выходки, чем глупые выходки мальчишек, Джил”. Папа был абсолютно прав.

Увлечшись своим наблюдением за сосредоточенным бегом муравьев по земле, она сползла с качелей и почти ползком двинулась за неутомимыми насекомыми. Маленький народец исчезал в кустарнике, который был ужасно колючим и служил живой изгородью для сада и отличным предупреждением тем, кто рискнул бы попробовать забрести сюда.

Джил проводила их взглядом и с сожалением вздохнула. В её большой энциклопедии о животных говорилось, что муравьи строят огромные дома-города, поделенные на этажи и уровни. Это было бы интересно увидеть, но до сих пор она могла смотреть только на картинки. Ведь к самым муравейникам было сложно подойти, там было слишком много муравьев, которые вели себя совсем не дружелюбно, и Джил боялась, что они её укусят.

Шорох над её головой заставил девочку поднять глаза. Почти в самом кусте, невзирая на его колючки, стоял мальчишка, и он явно не был из тех, кто дразнил её. Раньше она его не видела. Мальчишка был выше неё, бледный, худой, с взлохмаченными волосами, которых словно не касалась расческа и грязными разводами на лице. Если бы он пришел сюда подразнить её, то вряд ли бы залез в кусты, которые все обходили как можно дальше, — решила Джил и поднялась. Несмотря на то, что она была крепкой для своих лет, мальчишка всё равно был выше неё, и он продолжал смотреть на неё, так словно она была чем-то необычным. Джил кивнула ему.

— Привет.

На угрюмом лице мальчика промелькнул отблеск улыбки.

— Меня зовут Джил. Джил Кэйлаш, — Джил знала, что всегда надо оставаться учтивой, даже если собеседник не отвечает так же вежливо, — А как зовут тебя?

Мальчик оглядел её и отрывисто произнес:

— Райз.

Джил нахмурилась, но спохватившись, что это неприлично, улыбнулась:

— Очень приятно, Райз.

Станный мальчик посмотрел ей в лицо и, решив что-то для себя, вышел из зарослей, яростно борясь с колючими ветками.

— Зачем ты стоял в кустах?

Она не представляла, что можно добровольно залезть туда и вытерпеть это неприятное царапанье. Кажется, ветки хорошенько порвали его рубашку — большую и мешковатую, словно она принадлежала взрослому мужчине. Мальчик был очень странный — начиная от давно не стриженных волос и заканчивая странным именем. Но Джил, как подобает воспитанной леди, не подала и виду, что рассматривает его и удивляется его внешнему виду. Мама говорила, что приличные девочки никогда не должны так вести себя.

— Я смотрел на тебя, — казалось, что мальчик смутился, и на его бледной коже скул проступили два ярких пятна.

— Я думала, что ты тоже прячешься от соседских мальчишек, — Джил окончательно успокоилась, поняв, что он не из компании насмешников, и опустилась на землю, возвращаясь к муравьиной дорожке. Мальчик, помедлив, сел рядом, продолжая смотреть на неё.

— А где ты живешь? — Джил показалось, что он почему-то чувствует себя неловко. Может ему не по себе сидеть в чужом саду? Но родители никогда не запрещали ей приводить друзей и играть с ними. Другое дело, что друзей у неё совсем не было, и играть было не с кем.

— Я живу в конце улицы.

— А мы недавно приехали сюда, — Джил с сожалением вспомнила маленький город, в котором они жили ещё месяц назад. Там она ходила в школу, там жили её друзья, и каждая улица была знакома до последнего камушка.

— Я знаю, — Райз говорил отрывисто, словно не хотел, чтобы предложения выходили большими, или же вовсе не любил разговаривать, — Почему ты сидишь тут одна?

— Мне нравится сидеть одной, — Джил было стыдно признаваться, что она боится здоровенных близнецов из соседского дома, нещадно издевающихся над ней, — А ты почему не играешь с Алексом и его друзьями?

Почти все мальчишки на улице были верными вассалами Алекса, одного из близнецов, более крепкого и самоуверенного, чем его братец, хулигана и мамочкиного сынка, катившего впереди своего войска на новеньком велосипеде. Райз издал неопределенный звук, похожий на презрительное фырканье, словно выражая так свое мнение об Алексе. Похоже, что они ему тоже не нравились.

Джил сосредоточилась снова на деловитых насекомых и вытянула шею, стараясь разглядеть их.

— У тебя репейник в волосах, — Райз протянул руку, словно хотел снять его, но нахмурился и отдвинулся. Стиснув зубы, Джил наклонила голову и обеими руками стала вытаскивать из растрепанных волос противные шарики репейника. Мерзкие мальчишки, вот чем они кидались в неё! Колючки больно цеплялись, тянули за собой волосы, и на глазах Джил выступили слезы. Справившись, наконец, с последним, на котором остался изрядный клочок волос, Джил всхлипнула от обиды и злости. Ну, почему им просто не оставить её в покое? Затем, вспомнив про сидевшего рядом Райз, она потерла лицо и заставила себя показаться спокойной. Казалось, он с сожалением смотрит на её растрепанные волосы и, наверное, думая о том, что она выглядит как неряха.

— Я не знаю, почему они дразнят меня, — испытывая внезапно острую необходимость поделиться, обиженно сказала Джил, — Ну и что, что мой папа — простой доктор, и у нас старый дом?

Она снова всхлипнула и уставилась на подол своего платья. На лице мальчика застыло

неопределенное выражение, увидев которое, взрослый неожиданно задумался бы — что творится в его голове?

— Мне пора, — он внезапно вскочил и шагнул обратно, к колючей изгороди. Джил разочарованно вздохнула. Ну вот. Теперь она осталась совсем одна.

Небольшая кухня тонула в ярком свете, лившемся из маленькой люстры с разрисованным цветами плафоном. Не было ни единого уголка, который бы оставался в тени, напротив, вся комната словно излучала свет и тепло, служа чем-то вроде маяка, напоминавшего о том, что в любую непогоду здесь ждут и любят.

Отец Джил сидел у стола, погруженный в чтение газеты. Мать заканчивала готовить ужин. Сама Джил сидела на стуле, болтая ногами и наблюдая за играющей в углу кошкой.

— Ну, птица, как прошел твой день? — Шутливо обратился к ней отец, откладывая в сторону газету. Он имел привычку говорить с ней, как с взрослой, особенно если был в хорошем настроении.

— Хорошо, — Джил вспомнила сегодняшнего мальчика-из-кустов.

— Ты молодец, — отец потрепал её по голове.

Джил посмотрела на чистую скатерть и внезапно вспомнила, как выглядел мальчик. Наверно, не стоит рассказывать папе, что он появился из кустов и выглядел так странно.

Новый день прошел тихо. Ни Райз, ни другие дети не появлялись, не звали её играть. И Джил провела всё время, сидя на лужайке. Ей не хватало компании старых друзей, которая умела играть в путешественников, строила дома на дереве и тратила каждую минуту на новые затеи. Это новое место было чужим и негостеприимным, здесь люди не здоровались друг с другом, не знали у кого, когда день рождения. Длинные улицы, застроенные красивыми, но холодными домами, дышавшими самовлюбленностью и уверенностью в своем превосходстве над соседями, внушали ощущение, что ты ничего не стоишь, вроде муравья перед большими животными.

Наступил вечер, собравший всю семью снова вместе. О чем-то беседовавшие родители смеялись, а Джил сосредоточенно вырезала из бумаги человечка, как показывала в прошлом году в школе её прежняя учительница.

— Ты представляешь, — отец подошел к холодильнику, вынимая сок, — сегодня на прием привели сына наших соседей, Питера. Его мать, такая неприятная женщина, рассказывала, что на бедняжку упал кирпич. Хорошенький у него был вид, словно кирпич подскочил и стукнул в глаз, — отец усмехнулся. Джил всегда подозревала, что ему тоже не нравятся их соседи, — Но парень с пеной у рта клянется, что лазал где-то, и кирпич упал на него.

Мать коротко засмеялась.

Джил застыла, позабыв о бумажном человечке. Неужели это сделал тот странный мальчик? Ведь она рассказала ему о том, что близнецы не дают ей спокойно жить.

Маленькая Кэйлаш улыбнулась, ощутив себя так, словно на дворе внезапно наступило Рождество, принесшее маленькое, но значащее слишком много для неё чудо.

Нахмуренная, недовольная и испуганная с тяжелым ранцем, словно набитым камнями — такой Джил оказалась утром в первый день учебного года. Выдержав целую битву с родителями и, проиграв её с полной потерей своих позиций — “Я хочу учиться в своей старой школе!”, сейчас она хмуро стояла в коридоре, оглядываясь вокруг. Все куда-то

спешат, кричат, толкаются. Как это не похоже на школу, где она проучилась целых два года! С тоской взглянув на входные двери, за которыми скрывался прежний мир, Джил побрела вперед.

Новенькая. Самое ужасное, что может случиться с человеком. Все в классе оборачиваются, смотрят, шепчутся, никто не подходит первым, и приходится чувствовать себя словно чем-то необычным и чужим. Спустя две минуты Джил уже ощущала себя почти больной, борясь с желанием стать меньше и спрятаться под партой. Если бы уныло выглядевший учитель не начал урок, громко откашлявшись перед тем, как обратиться к детям, она так бы и сделала.

— Почему вы не пишете, Райз? — Внезапно прервал её мысли голос учителя.

— Блаженный опять взялся за старое — смотрит в никуда и выглядит как дурачок, — насмешливо произнес сидящий впереди Джил мальчик. В классе раздались смешки, дети стали оборачиваться. Джил тоже повернулась, пытаясь понять — кто вызвал недовольство учителя, и увидела в самом углу класса того мальчика-из-кустов. Это было так здорово — увидеть наконец-то кого-то знакомого, и Джил улыбнулась ему. Мальчик, сидевший с безразличным видом, словно смешки и обидные слова проходили мимо него, смотрел на неё. Когда она повернулась, встречаясь с ним взглядом, на его лице словно включили свет, промелькнувший разнообразными эмоциями, от которых его глаза стали еще темней.

Но он не улыбнулся и не кивнул ей, а быстро отвел взгляд в сторону, словно не хотел показывать, что они знакомы. Джил разочарованно вздохнула и отвернулась. Правда, теперь она не ощущала себя совершенно разбитой. Напротив, присутствие старого знакомого заставило её немного примириться с новой обстановкой. Но всё же ей хотелось не сидеть в одиночестве на переменах, с тоской ожидая звонка на урок и надеясь, что время пролетит быстрее до конца занятий.

Еще несколько дней Джил ходила в школу, свыкаясь с ней. А через три дня на перемене к ней подошла девочка из её класса, сидевшая всегда впереди. У девочки были короткие волосы и усыпанный веснушками нос.

— Привет, — она казалась дружелюбной, — Ты новенькая?

Это было очевидно, но Джил вежливо улыбнулась:

— Да. Меня зовут Джил.

— Мы похожи, я хожу в эту школу только год, — Таня казалась немного странной, но достаточно милой, и Джил обрадовалась такому предложению знакомства. Лучше такой друг, чем никакого вообще.

— Ты дружишь с ним? — спросила Таня, глядя куда-то позади Джил. Проследив за её взглядом, она обернулась и увидела стоявшего в нескольких шагах от них своего старого знакомого.

— Нет, — покачала головой Джил. Ей хотелось бы подойти к нему и поговорить, но видимо он не горел желанием поддержать их общение. Наконец желание общаться взяло верх над ожиданием, и она побрела с Таней на урок.

Прошел месяц. Наконец, ужасное ощущение одиночества отпустило Джил. Друзей у неё не стало больше, но на неё перестали обращать внимания, а кое-кто из знакомых даже кивал ей при встрече. Станный мальчик учился с ней в одном классе, и Джил обращала внимание на то, что он раздражал большинство учителей. Он не был задирой или хулиганом, но на людей этот угрюмый бледный мальчишка действовал вроде красной тряпки для быка. На насмешки детей из класса он не реагировал, словно те не существовали, или же их слова

были не громче писка комара.

Каждый раз, встречаясь с ним взглядом, Джил привычно улыбалась ему, но ни разу не получила в ответ ни улыбки, ни кивка. В то же время она знала, что он рад видеть то, что она ведет себя не так, как другие, и улыбается ему.

Уже наступила осень, и начались дожди. Было сложнее просыпаться и вылезать из теплой постели, сидеть столько времени на занятиях и бороться с дремотой под монотонный голос учителя.

Джил листала учебник, в последние двадцать минут перед уроком надеясь запомнить правила. Шум и громкий смех, раздающиеся в коридоре, навязчиво лезли в уши, сбивали с толку и мешали запомнить хотя бы пару слов. Более того, они ещё и приближались, становясь все громче.

Она повернула голову, ища источник шума. Неподалеку от неё стоял с книгой Райз, вероятно тоже готовившийся к уроку и не поднимавший глаз на проходивших мимо школьников.

Источником шума оказалась небольшая компания, весело галдящая и перекрикивающая друг друга. Они выглядели забавными и смешными, и Джил поневоле стала следить за ними.

Один из них, проходя мимо, задел книгу, которую держал в руках Райз, и выбил её. Казалось, что это было случайностью, но когда тот наклонился за ней, компания остановилась.

— О, смотрите, что это? Да ты никак одет в отцовские вещи? Посмотрите, парни, он же реально утонул в этой куртке!

Двое, перебивая друг друга, старались казаться остроумными и смешить толпу. Тот, что поменьше, выхватил у Райза учебник.

— Этой книге не меньше ста лет, — он полистал его, — Где ты её взял? На помойке?

Мальчик молчал, смотря куда-то мимо толпы, поневоле собиравшейся вокруг них. На его шее тонко билась жилка.

— Ты что, глухой? Или дурачок? — Обидчик захлопнул книгу и пощелкал пальцами перед его глазами. Не получив ответа, он хлопнул Райз книгой, — Эй, ты чокнутый?

На какой-то момент Джил показалось, что Райз бросится на него — его руки дрогнули, словно сжимаясь в кулаки. Раззадоренный молчанием обидчик, под смех друзей, снова стукнул Райза книгой, и Джил не выдержала. Она полезла вперед, расталкивая зевак, и встала между Райзом и мальчишками.

— А я тебя искала, — выпалила она, хватая его за холодные пальцы руки, — Пойдем, нас уже ждут.

Опешивший от неожиданности обидчик уронил книгу, и Джил подхватила её:

— О, спасибо, что принес мою книгу, — она снова ухватила Райза за руку и повторила, — Идем.

Подчиняясь её напору, мальчик шагнул вперед. Несмотря на раздававшиеся смешки, Джил упорно шагала вперед, не отпуская мальчика. Но почти выйдя из толпы, она развернулась и высокомерно бросила обидчику:

— Кстати, тебе не мешает принять душ. От тебя ужасно пахнет.

Прошло уже несколько минут, а её сердце колотилось как бешенное, отказываясь поверить в то, что она смогла так поступить на глазах у всех. Наконец, Джил заметила, что продолжает сжимать рукав его куртки, и разжала пальцы. Весь её пыл прошел, и она ужасно смутилась. Ей было страшно поднять глаза и посмотреть в лицо Райзу, поэтому она упорно

продолжала разглядывать носки своих кроссовок.

Ранец потянули из её руки. Джил набралась духу и посмотрела на мальчика, который держал её рюкзак за одну лямку.

— Дай его сюда, — произнес он, как-то жадно и настороженно глядя на неё. Джил отпустила ранец. Райз вскинул его на плечо и протянул ей освободившуюся руку.

— Пошли, — его голос источал абсолютную уверенность в своих действиях. Джил, не колеблясь, взяла его за руку, и они направились к выходу из школы.

Где-то очень далеко, примерная Джил Кэйлаш твердила, что им не стоит этого делать, что они пропускают уроки, и это очень нехорошо. Но другая Джил, почти бегущая вслед за мальчиком, уверенно шагавшим вперед, не слышала и не хотела слушать её. Они давно оставили школу и городские дома позади, и шли вверх по улице.

Вдоль дороги расстилались заросли кустарников — собратьев тех, что росли у изгородей, а в них свистели какие-то птицы. Красная и желтая листва перемежалась с болотного цвета зеленью, освещая кроны деревьев изнутри. В ложбинках лежал туман, ключьями сахарной ваты висевший над небольшими водоемами.

Вскоре улица сделала ещё один поворот, за которым город совсем исчез. Но мальчик не сбавлял шагу, словно шел к какой-то, известной ему цели, и Джил успевала вертеть головой, оглядывая лежащие вдоль дороги поля пожелтевшей травы и заросли краснеющих кустарников.

Наконец, от дороги отделилась маленькая тропинка, на которую они свернули. Мокрая от росы трава оставляла на брюках Джил капли, которые искрились на свету. Тропинка, петляя, вела к старому сараю, черневшему впереди темному пятном.

Дойдя до него, Райз поправил оба ранца, которые ухитрился нести на плечах при всем том, что казался очень худым и заморенным, и мотнул головой на покосившийся вход. Джил не требовалось объяснять, что им нужно туда, она просто крепче ухватилась за его руку.

Шаткая лестница вела наверх, под крышу, где лежало старое сено, видимо, давно забытое старыми хозяевами. Сквозь прорехи в крыше прорывались лучи солнца, освещая пожухшую желтизну травы. Райз скинул ранцы на пол и сел на сено, явно переводя дух. Джил огляделась и тоже села рядом. Мягкая сухая трава была похожа на ароматную подушку, предлагавшую усталым ногам отдых. Секунду поразмыслив, Джил опрокинулась на спину, ощущая блаженное состояние покоя. Её спутник, еще раньше воспользовавшийся сеном как кроватью, лежал рядом, смотря в потолок на пробивающиеся лучи солнца. Они молчали, отдыхая.

— У тебя странное имя, — сказала Джил, отводя с лица волосы.

— Меня так называют дома, — отозвался Райз.

— Красивое имя, — задумчиво сказала Джил, смотря, как в лучах танцуют маленькие пылинки, — Это твоё заветное место? У каждого человека есть своё заветное место, — пояснила она, встречаясь с недоуменным взглядом соседа, — ну как место, о котором никто больше не знает.

— Оно теперь и твоё, — произнес Райз, отворачиваясь и снова глядя вверх.

— Мне тут нравится, — согласилась Джил. Лучи медленно ползли по траве, привязанные к движению солнца, скользившего по небу. Райз пошевелился, поворачивая голову к Джил.

— Ты очень храбрая, — сказал он всё тем же упрямым голосом. Джил пожала плечами, не зная, что и ответить. Ей было неловко смотреть в его глаза, которые при всем его суровом

голосе были полны восхищения и чего-то ещё, что заставляло Джил ощущать себя вдвое выше и сильнее. Это было приятно.

Райз отвернулся и принялся вновь смотреть куда-то вверх, за пределы крыши.

— Почему ты не здороваешься со мной в школе? — спросила Джил, которой его слова доставили приятное ощущение, словно теплое прикосновение чего-то очень пушистого.

— Я думал, что тебе не хочется, чтобы я подходил к тебе в школе, — тон Райза стал почти сердитым.

— Почему? — удивилась Джил, — Мы же друзья.

Она не была уверена в этом, но ей хотелось, чтобы так и было.

— Ты, правда, хочешь дружить со мной? — Райз сел и повернулся к ней, словно этот вопрос был для него крайне важен, и он не хотел пропустить выражения лица девочки, когда она будет отвечать.

— Да, — Джил следила за тем, как луч ползет по стрехе, задевая волосы мальчика и, несмотря на их темный цвет, словно просвечивая насквозь каждый волос. В его глазах вспыхнула искра, похожая на радость, и он протянул ей руку. Опираясь на неё, Джил поднялась и села. В волосах у неё застряли соломинки, они же кололи шею, но это было не больно, а щекотно.

— Я тебе улыбалась, а ты отворачивался. Я тебя обидела чем-то, да? — Джил вспомнила, что всё время подозревала, что чем-то его задела, раз он не хочет замечать её проявлений дружелюбности. Пальцы Джил казались маленькими на его ладони, хотя Райз был старше неё от силы на год-другой. Руки у него были большие и сильные, несмотря на его худобу.

— Теперь мы с тобой друзья, — добавила Джил, улыбаясь ему, и накрыла второй ладонь его руку. Мальчик смутился, и неопределенно мотнул головой, отчего волосы свалились ему на лоб, закрывая глаза.

Они просидели так много времени, наблюдая как солнце медленно скатывается к кромке деревьев, а его лучи становятся все более мягче и слабее. Они разговаривали обо всём, что только можно было обсудить, и Джил смеялась столько, сколько не смеялась наверно никогда. А её собеседник выглядел довольным собою каждый раз, когда его слова заставляли её улыбаться.

Домой они возвращались уже почти затемно, шагая рядом по улице, на которой загорались фонари. Проводив Джил до её дома, Райз как-то неуверенно глянул в сторону, куда он всегда уходил домой, словно совсем не хотел возвращаться. Джил, вытаскивая из ранца забытое яблоко, протянула его ему и спросила:

— Тебя не будут ругать за то, что ты пропустил уроки?

В его глазах загорелись злые огоньки, но он равнодушно ответил:

— Нет, не думаю.

Джил вздохнула. Её точно бы отругали, узнай родители о том, что она полдня гуляла, пропустив занятия.

— Я пойду, до завтра, — она махнула рукой матери, показавшейся в окне, и снова повернулась к Райзу. Тот молча смотрел на неё прежним напряженным взглядом. Кажется, он просто всегда так смотрит, — решила Джил и, улыбнувшись ему на прощание, пошла к двери.

На следующее утро скучного вида учитель биологии уныло оглядел класс и заметил:

— Похоже, сегодня мистер Туи решил не посещать занятия. Вероятно, тема нашего

урока ему известна, и слушать её вновь он не намерен.

Джил обернулась на привычное место Райза, позади всего класса. Оно пустовало. Наверно он заболел? — предположила Джил. Но последовавшие затем уроки, несколько проверочных заставили её на время забыть о мальчике.

Райз появился лишь через три дня, так же незаметно оказавшись на своем месте. Джил, все эти дни оборачивавшаяся назад в ожидании его, уже успела получить несколько замечаний о том, что вертится как рыба на сковородке и не слушает преподавателей. И вот, наконец-то, когда она оглянулась на пустое место, там сидел Райз. Встретившись с ней взглядом, он улыбнулся, отчего его угрюмое лицо как-то просияло, словно внутри него прятался светлячок.

Дождавшись конца урока, Джил подхватила увесистый учебник и подошла к Райзу.

— Наконец-то ты пришел, — радостно заявила она, — я ждала тебя.

Райз снова улыбнулся и забрал её ранец. Как он умудрялся таскать оба — оставалось загадкой для Джил. Лично её ранец сгибал чуть ли не к земле. Рукав его рубашки, которая была ему велика, закатился, и Джил заметила здоровенный синяк, который на бледной коже выступал слишком ярко, чтобы оставаться незаметным.

— Это старшеклассники? — Джил впервые ощущала себя настолько злой, что была готова выдрать все волосы тому, кто это сделал. Райз молниеносно прижал руку к груди, скрывая синяк.

— Нет, — он сосредоточил всё внимание на полу коридора, по которому они шли.

— Кто это сделал? — Упрямство Джил не имело границ, сейчас она была готова любой ценой узнать — кто обидел Райза. На его лице промелькнула гримаса отвращения, мгновенно скрывшаяся за безразличным выражением.

— Отец.

Джил замолчала, жалея о своей настойчивости. Она с ужасом пыталась представить, как его отец так бьет сына. И не могла. В её голове все отцы были похожи на её папу — спокойного и рассудительного. Неожиданно ей пришла в голову мысль, что в этом виновата она сама.

— Это за то, что ты прогулял занятия? — нерешительно предположила она, косясь на него. Губы мальчика дрогнули, складываясь в презрительно-высокомерную улыбку, странную для лица ребенка.

— Он не в курсе, когда я не хожу в школу. И хожу ли я в неё вообще.

Джил поежилась, внутри стало горько, словно она съела отвратительное на вкус лекарство, саднящее в горле. Впрочем, как и множество других чувств, оно вскоре прошло, оставив в её отношении к Райзу оттенок сострадания.

Синяк, который она увидела, проходил. А вместе с ним проходил и угрюмо-нелюдимый настрой мальчика. Они сидели рядом на уроках, возвращались вместе домой и в ясную погоду прятались в старом сарае, чтобы снова посмотреть на пробивающееся сквозь прорехи в крыше солнце.

Джил совершенно не боялась ничего, когда рядом был Райз. Он знал намного больше неё, что было странным — ведь Джил перечитала так много книг. На каждый вопрос Райз всегда находил ответ, и ни один из них не повторялся. Правда, он никогда не показывал Джил дом, где жил сам. Они просто расставались возле дорожки к её дому, и он ждал пока она не войдет в дверь.

Джил настолько привязалась к другу, что пару раз чуть ли не подралась с какими-то

девочками в женском туалете, решившими посмеяться над тем, как Райз одет. Это было совсем не похоже на неё.

Возможно почуяв, что подросток больше не один, его стали меньше задирать. Ведь проще смеяться над тем, кто один, чем над тем, кто идет рядом с подругой. Даже если эта подруга чуть больше воробья.

Наступила зима, принеся пронзительные ветра и снегопад, засыпавший городские улицы сугробами. В первую же неделю Джил умудрилась простыть. Очевидно, так аукнулась долгая игра в снежки, в которую она втянула Райза, и которая затянулась на пару часов.

Джил сидела в кровати, кашляла и скучала в одиночестве. Отец измерил её пульс, заставил похихикать от холодка стетоскопа, которым слушал её легкие, и сказал, что ей придется посидеть дома еще два-три дня. Затем пришла мать и заставила выпить её горячего молока.

И всё. Мистер Бу сидел в углу кровати. Джил — в другом. Спать не хотелось, читать было нельзя, спустить вниз к телевизору — тоже. Джил со вздохом зависти прислушалась к крикам и смеху за окном. За три дня случится столько интересного в школе. А Райз может подружиться с кем-то другим, и у неё больше не будет друга. Джил стало жалко себя от осознания такой перспективы.

Смех и голоса затихли, оставив за окном тишину и вечерний закат. Джил сползла под одеяло и решила заснуть, когда внезапно в окно словно постучали. Возможно, это села на подоконник птица и стучит в стекло.

Джил вылезла из-под одеяла и подошла к окну. Она пролезла под опущенную занавеску и чуть не завопила от неожиданности. Почти возле окна, уцепившись за стену, стоял Райз. Карниз под окном позволял стоять, но Джил знала, что от мороза и прежних дождей снег на нём намерз коркой льда. И каждое неверное движение грозило падением.

Кажется, это совершенно не пугало Райза, который прислонился к стеклу и помахал Джил. Он был всё такой же бледный, а от холода кончики его ушей покраснели. Неловко поправив куртку, Райз прижал ладонь к стеклу. Джил засмеялась и приложила свою руку к его ладони так, чтобы они совпадали настолько, насколько её маленькая рука могла совпасть с его большой. Стекло медленно запотевало от дыхания, но никто из них не убирал ладоней. Они заговорщицки улыбались друг другу, словно у них была какая-то общая тайна.

На лестнице раздались шаги, вероятно мать решила заглянуть к Джил и посмотреть — как она. Джил испуганно дернулась. Она не в постели, мать может увидеть Райза, и его будут ругать. Она обернулась на дверь, затем — на него. Райз кивнул ей, привлекая внимание, и приложил палец к губам, призывая не шуметь. Затем показал на неё и вглубь комнаты, подразумевая, что она должна вернуться в постель.

Джил забралась под одеяло как раз в тот момент, когда мать вошла в комнату. Дотронувшись до лба дочери и поправив съехавшую подушку, та направилась к окну. Джил приоткрыла один глаз и, затаив дыхание, наблюдала за ней, ожидая, что в следующий миг мать натолкнется на Райза. Но, к её облегчению, она спокойно задернула занавески и отошла от окна. Как только голос матери раздался внизу, где они с отцом сидели за ужином, Джил выбралась из кровати и бросилась к окну. Никого не было. Только с ветки большой яблони, росшей рядом с домом, медленно падал вниз снег.

Глава 3

Сменяя друг друга, чередой шли дни и месяцы. Деревья зеленели, цвели, желтели, покрывались снегом и вновь зеленели. Менялись люди, дети росли, подростки на глазах

вырастали в молодежь. Город жил своей жизнью, за каждой дверью пряча свои секреты.

Иногда Джил, с несвойственным ей пессимизмом, думала, что, несмотря на проходящее время, она никогда не станет более симпатичной и заметной. Из отражения на неё смотрела обычная Джил, без преувеличения — скорей невзрачная, почти некрасивая, чем хотя бы немного привлекательная. Это волновало её. Немного, но волновало. Потому, что сидя вместе со своими одноклассницами, каждая из которых была как на подбор высокой и заметной, её не могло не задевать ощущение их превосходства. Эти мысли уходили как тяжелые тучи, когда её рюкзак оказывался в руках Райза, привычным движением скидывавшего его на плечо, а его глаза смотрели на неё с неизменной улыбкой.

Менялись дни и времена года, но их дружба не менялась. Они были предоставлены сами себе, словно окружающие не замечали их. Было ли это следствием того, что Джил находилась только в компании Райза, который создавал ауру нелюдимости и всё чаще — высокомерного презрения, если кто-то старался его задеть? Но зато, рядом с ним, ей никогда не приходили в голову глупые мысли о своей невзрачности. Казалось, что в их собственном мире есть только они двое, а все остальные — где-то далеко за миллионы световых лет от них. Джил неосознанно понимала, что для него она является лучшим другом, и он всегда считает её лучше других, вопреки тому, что бы ни думали окружающие. Если для них она оставалась маленькой несуразной, но милой девочкой, то рядом с Райзом Джил была принцессой их собственной вселенной.

Райз, вчерашний тщедушный мальчишка с взъерошенными волосами и почти прозрачной кожей, вытянулся, но совсем не изменился. Казалось, что даже его внешность — вызов тем, кто пытался его задеть. Он всё так же был худой, а волосы всё так же лежали неровной гривой. Джил привыкла к его поношенной одежде, которой удавалось ещё больше подчеркнуть его болезненный вид. Но при этом парень умудрялся носить её с таким достоинством, будто это были самые дорогие и новые вещи. Стоило ли говорить о том, что он служил объектом постоянного раздражения взрослых людей и насмешек молодежи. Казалось, что сверстникам он внушает безотчетную неприязнь и боязнь, которые выливались в насмешки. Джил привыкла, что порой Райз приходил угрюмым и молчаливым. И это значило, что одним синяком на его теле стало больше. В такие дни она старалась быть еще ласковей и добрей с ним, пытаясь хоть как-то залатать очередной рубец на его гордости. И через некоторое время её старания вознаграждались успехом.

Джил не говорила родителям о своей дружбе с Райзом, безотчетно зная, что те не одобряют этого, как не одобряли их общения учителя в школе. Поэтому, разговоры об её друзьях, Джил пыталась переводить в безопасное русло. Родители, слишком занятые своими делами, не придавали этому значения.

Да, между её родителями происходило что-то странное. Это ощущалось как напряжение перед грозой, сжатым воздухом застывшее в доме. Джил замечала, как, увидев её, родители принимали беспечный и непринужденный вид, словно ничего не происходило. Но оно оставалось напряженной складкой на лбу отца, сосредоточенными жестами матери и неестественно нейтральными темами, словно родителями отводили Джил от камня преткновения.

Состояние надвигающихся перемен витало в воздухе, и Джил уходила из дома всё чаще и как можно дальше, стараясь защитить свой мир. Райз забирал её на крылья своей фантазии и не давал оставаться наедине со своими мыслями. Его рассказы были полны неутомимой энергии и воображения, заставляющего Джил изредка задумываться, что, как только они

окончат школу, Райз бросит всё и уйдет навстречу тому, что манило его куда-то вдаль. И она внутренне сжималась, не желая даже думать о том, что он уйдет, оставив её одну. Джил твердо знала, что ничто не заставит её представить себе день, в который в её жизни не будет Райза. Это было самым большим тайным страхом Джил, который жил в глубине неё и порой показывал себя, заставляя её впадать в смятение и отчаяние от ощущения собственного бессилия. Райз был слишком похож на птицу, которая скоро расправит крылья и улетит прочь из её мира в свой, огромный и неведомый всем тем, кто смеялся над ним.

Заканчивалась четверть, приближая Рождество. На улицах лежал снег, хрустящий под ногами твердой корочкой наста. Джил шла мимо светящихся витрин, размышляя о том, что ей дарить близким. Напряжение в доме достигло критической точки, став почти осязаемым, как потрескивание электричества в воздухе. Джил мучилась от того, что не могла понять и хоть как-то изменить происходящее. Она ощущала себя глухой и слепой, оказавшейся где-то посередине между родителями, ведущими свою игру. Это походило на зубную боль, достигающую каждого уголка тела, беспокойную и блуждающую. Будь на то её воля — Джил сбежала бы, куда глаза глядят.

Светящийся рождественский олень подмигивал ей одним из фонариков, и Джил чуть было не кивнула ему, задумавшись. Игрушка снова напомнила ей, что надо подумать о подарках. Джил затормозила у магазина, разглядывая разложенные на витрине корзинки для ниток. Матери такая очень понравится, она любит рукоделие.

По улице проходили люди, спеша по своим делам. Джил неторопливо пошла дальше, сделав себе мысленно заметку завтра же вернуться за корзинкой. Спрятав зябнувшие руки в карманы куртки, она брела по дороге, обходя попадавшихся навстречу прохожих. Почти дойдя до поворота к дому, Джил увидела впереди отца, так же, как и она, идущего домой. Она ускорила шаг, догоняя его, и почти поравнялась с отцом. Он разговаривал с кем-то по телефону, и тон его голоса был веселым и беззаботным. Не таким, каким он говорил с матерью:

— Да, дорогая, но мы уже всё решили. Она даст мне развод.

Джил словно засунули головой в сугроб да там и оставили. Она слабо подумала, что ослышалась, но прекрасно знала, что это не так. Значит, всё это время мать знала, что у отца есть другая, а он спокойно болтал с Джил вечерами, зная, что скоро бросит их? Небольшой мир, который она тщательно берегла, ломался как карточный домик, а она металась, стараясь удержать хоть какие-то обломки.

Джил замедлила шаг. Она не хотела и не могла сейчас посмотреть на отца, услышать его добрые слова, обращенные к ней, будто ничего и не было. Не могла она оказаться дома, смотреть на мать и видеть в том странном напряжении, державшем её столько времени, тоже попытку сохранить их мир, стоящий на грани краха. Все, что она хотела — навести порядок в вихре, уносящем её прежнюю жизнь и ставящем точку на странице беззаботности и счастья. В этот момент Джил остро нуждалась в Райзе, как в глотке воздуха, в единственном человеке, которому она могла доверить свои мысли и не ждать предательства. Решительно отвернувшись от дороги к дому, Джил зашагала прочь. Она не была уверена, что знает — где живет Райз, но думала, что найдет.

Дома становились всё меньше, фонари стояли всё реже, освещая улицу тусклым светом. Джил шагала вперед, оглядываясь и начиная терять прежнюю уверенность. Она не была трусихой, но эта часть улицы не внушала никакого доверия, словно тут всё было лишь видимостью, способной исчезнуть при более близком рассмотрении.

Впереди улица чернела пятном, переходя в пустырь. Джил тревожно оглянулась, пытаюсь понять — где может находиться дом Райза. Сейчас мысли о родителях словно немного стихли, уступая место другим. Старый дом в конце улицы — вот и весь адрес. Но тут почти все дома были старыми, один старей другого. Джил еще раз огляделась. Напротив, в мало похожем подобии дома строения раздавались голоса. На секунду ей показалось, что она различает голос Райза, и Джил перешла дорогу, подходя ближе к дому.

Это была самая старая развалина, по всей видимости, старше всех домов на этой улице, ещё хранившая отзвуки прошлого в виде пары колонн, поддерживающих покосившееся крыльцо. Всё остальное обветшало настолько, насколько это возможно, чтобы только чудом оставаться на своем месте и не рухнуть. Джил на секунду ужаснулась, пытаюсь представить себе — как же можно тут жить. Её аккуратный маленький дом был королевским дворцом по сравнению с этим.

Хлопнула входная дверь, выпуская кого-то наружу. Джил внезапно пожалела о своем решении придти сюда, но уходить было поздно. От двери отделилась большая фигура, напоминавшая медведя, и хрипло раскашлялась.

— Эй, что тебе тут надо?

Джил чуть не подпрыгнула от раздавшегося вопроса. Голос говорившего резал слух, как звуки, извлекаемые тупой пилой из камня.

— Извините, я ищу Райза Туи, — стараясь быть вежливой, ответила Джил. Теперь она была точно уверена в том, что он точно не живет в этом доме, но возможно, что этот человек знает, где его искать.

На несколько секунд воцарилось молчание. Затем человек неожиданно захохотал. На хохот это мало походило, поскольку он издавал что-то сродни карканью и взвизгиванию. Джил внезапно неожиданно подумала — а не выдумала ли она Райза? Эта безумная мысль, рожденная такой странной реакцией на её слова, заставила Джил сжать кулаки, чтобы сохранить самообладание. Нет, она же не сумасшедшая. Она несколько лет училась вместе с ним. Слышит, как к нему обращаются учителя, другие дети. Нет, она его не выдумала. И все же, истеричное состояние не отпускало её до тех пор, пока оправившаяся от приступа смеха фигура откашливалась, мотая головой:

— Подумать только, Туи. Райз Туи!

Она снова начала смеяться, но резко остановилась. Открыла дверь и с порога заорала так, что Джил вздрогнула:

— Эй, иди сюда!

Спустя минуту, в дверях показалась высокая фигура, остановившаяся рядом со второй.

— Иди в дом, отец.

Джил почувствовала, как у неё встают волосы дыбом. Надо было бежать, пока не поздно, пока он её не увидел.

— Райз Туи, — визгливо передразнивая, произнес мужчина, — ты смотри, щенок, к тебе пришли. Райз Туи, подумать только! Теперь у подзаборника появились собственные визитеры!

Райз поднял голову, всматриваясь в Джил, стоявшую спиной к последнему тусклому фонарю, который не освещал её лицо, и боявшуюся пошевелиться. Затем, резким движением спустился с крыльца. Джил застыла настолько, что старалась не дышать.

— Что ты тут делаешь? — Голос Райза был полон едва сдерживаемого раздражения. Так он никогда не говорил с ней. Джил раскрыла рот, чтобы ответить, но в этот момент человек

на крыльце снова крикнул:

— А люди знают, что ты отца не уважаешь? Прячешь мою выпивку, деньги не даешь! Это ты так мне платишь за то, что я тебя кормлю, пою, крышу над головой даю? За то, что мы тебя с покойницей подобрали и вырастили, ночей не спали, на тебя столько сил тратили? Если я бутылку-то не найду, я тебе снова руки пообломаю!

Райз стоял, глядя на Джил пустым взглядом, словно всё живое в нём спряталось далеко и глубоко, чтобы оставаться вне долетавших до него слов. Джил шевельнулась.

— Уходи, — тускло произнес Райз. Джил внезапно осознала весь ужас ситуации, ощущая острую жалость к нему, и не смогла сделать шаг прочь, оставляя его наедине с этим подобием человека.

— Убирайся! — внезапно зло крикнул парень.

И Джил бросилась бежать, подстегивая этим криком. Она бежала так, словно за ней гналось что-то большое и ужасное. На какой-то миг исчезнувшие мысли о родителях вернулись и смешались с остальными, гнавшими её прочь как стая бродячих собак.

Джил захлопнула дверь в свою комнату, подтащила стул, подперла им дверь и ничком бросилась на кровать. Накрыла голову подушкой, чтобы не слышать, как за дверью зовут её встревоженные родители. Мир словно перевернулся с ног на голову.

Она не выходила из комнаты весь следующий день, несмотря даже на то, что жутко проголодалась. Пропустила школу, не заботясь о том, что никогда раньше этого не делала. Джил Кэйлаш, пятнадцати лет от роду сидела за кроватью, обнимая Мистера Бу и не желая выходить за пределы своей комнаты. В её голове как-то не укладывалось все происходящее, и состояние, близкое к отрицанию происходящего, не отпускало сознание. Проще было признать, что всё это — дурной сон, чем смириться и позволить себе принять всё. И Джил отрицала. Отрицала всё. Словно какие-то невидимые шестеренки соскакивали со своих мест при возникавших воспоминаниях, и мозг срывался на холостой ход.

Поздно вечером она перестала отрицать. Джил просто смирилась с тем, что разговор отца с неизвестной женщиной ей не послышался. И злоба Райза на неё, такая, словно она была ему врагом — не показалась. Получалось, что то, в чем она была так уверена, что не могло никак поколебаться, сдвинулось со своего места.

Джил выбралась из комнаты уже за полночь. Она весь день игнорировала свой желудок и попытки родителей вытащить её из добровольного заточения. Спустилась вниз, в кухню, и, стараясь не шуметь, залезла в холодильник. Сидя с полной тарелкой бутербродов, Джил приняла свое собственное решение. Даже если всё в жизни внезапно пошло наперекосяк, она не позволит этому разрушать свой мир.

В школу Джил пришла спустя еще пару дней. Странно, но её отсутствие заметили все одноклассники, и теперь дети здоровались с ней и радушно предлагали помочь нагнать пропущенные темы. Это неожиданно внесло позитив в мысли Джил. Когда к ней под села всё та же Таня, которая так и оставалась мечтательной девочкой не от мира сего, протянула тетрадь, чтобы Джил списала решение заданной задачи, девочка поняла, что мир все-таки остался прежним. Райз Туи был единственным человеком, при встрече с которым она невольно отводила глаза и пыталась вести себя ровно, словно они и не общались. Джил не могла объяснить себе — почему она так себя ведет. С одной стороны ей было стыдно, что она так бесцеремонно влезла в ту часть его жизни, которую он тщательно скрывал. И она боялась, что теперь её общение будет напоминать ему об этом эпизоде, тем самым всё глубже копая между ними пропасть. А с другой стороны Джил, несмотря ни на что, не могла

забыть того злобного крика, который и сейчас словно хлестал её при одном взгляде на него.

Райз выглядел странно. В первый день появления Джил в школе он не пропускал ни одного её слова, жеста, совершенно не занимаясь и заслуживая тем самым ежеминутные выговоры учителей. В перерыве, когда Джил, взяв учебники, пошла к выходу из класса, Райз направился к ней. Но хлынувшая в коридор толпа затерла её, унося с собой и оставляя его позади. Остальное время Джил как-то неосознанно держалась рядом с Таней, сама не оборачивалась и не подходила к нему, избегая оказываться поблизости.

Прошло около недели. Закончился последний урок, на котором Джил откровенно засыпала. Наконец-то она могла спокойно пойти домой и выспаться. Потратить выходные так, как сама захочет. Джил скормила вместительному ранцу учебники и направилась к дверям. Свобода, выходные, благословенный покой и тишина. Она брела по улице, погруженная в свои мысли, когда её схватили за плечо. Джил развернулась, приготовившись дать отпор. Но кулаки сами разжались при виде стоящего перед ней Райза.

— Что случилось? — испуганно выдохнув, недовольно спросила Джил.

— Почему ты не разговариваешь со мной? — Райз выглядел смущенным. Никогда еще Джил не видела его взгляд настолько потерянным.

— Я готовилась к тесту, — объяснила Джил, подавляя рвущиеся слова, что она просто не знает как вести себя с ним, чтобы не сделать ему еще неприятней. Райз, сделав какие-то свои выводы, отодвинулся от неё на шаг. Он молча смотрел на неё, а она отвела глаза в сторону, стараясь не встречаться с ним взглядом.

Где-то далеко в мыслях Джил тревожно звенел колокольчик, предупреждавший, что сейчас они оба делают что-то неправильное. Но ей было только пятнадцать, и она не могла объяснить себе — что именно было неправильным. Поэтому Джил молчала, а на лице Райза всё отчетливей проступало выражение понимания и осознания чего-то, известного только ему. Внезапно она подумала, что если бы он сделал шаг навстречу, сказал бы хоть пару слов, то Джил объяснила бы ему, что она вовсе не избегает его, и он не прав. А Райз был неправ, почему-то Джил была в этом убеждена.

Она перестала смотреть в сторону и перевела взгляд на его руку, все еще лежащую на его плече, словно она куда-то могла убежать, не удерживай он её. На запястье Райза медленно проходил старый — или новый? — синяк. Джил ничего не могла с собой поделать, не могла безразлично смотреть на такое. Её лицо дрогнуло от отвращения, возмущения и жалости.

Райз резко отдернул руку, очевидно решив, что её красноречивый взгляд относится к нему. Выражение его лица стало высокомерным и злым, словно она была одним из его обидчиков, и Джил наяву ощутила, как он будто удаляется от неё на противоположный край большой пропасти между ними. Ей хотелось крикнуть ему, чтобы он остановился, объяснить всё... Но она заносчиво подняла подбородок, хотя внутри всё и кричало о том, что сейчас она потеряет друга. Райз круто развернулся и зашагал прочь, а Джил осталась стоять, усилием воли подавляя выступавшие на глазах слезы разочарования.

Глава 4–5

Родители Джил не развелись. Несмотря на какую-то холодность, стоявшую между ними, они, как и прежде, смеялись, шутили друг с другом, ездили к знакомым. И донимали Джил советами по поводу выбора будущей профессии. Оставалось совсем немного до последних дней в школе, и Джил приходилось задуматься о том, что будет дальше. В какой колледж пойдет. Кем хочет стать. Она не была уверена твердо, ведь мир предлагал столько

интересных дорог. А ей давались легко почти все предметы. Изредка, приходя к отцу, она задумывалась о том, что ей нравится смотреть на его сложную работу врача. Но, признаваясь себе, Джил не чувствовала, что это затрагивало какую-то струну в её душе. Она боялась, что тогда эта работа превратится во что-то ужасающее, душашее желание помогать и понимать людей, если она выберет её не по любви.

Иногда Джил казалось, что она становится всё более странной и чужой всему, что окружает её. Она не могла и не хотела быть такой, как все вокруг. Не могла заставить себя смеяться над кем-то с одноклассниками. Не могла осилить глотка пива, которую другие девочки пили как воду. Не могла заставить себя зазывающее улыбнуться парню, явно флиртовавшему с ней. Джил не была дикарем, но внутри неё словно росла стена, спокойно отстранявшая всё остальное. Она попыталась однажды спросить у отца — может, она больна? Но он заверил её, что ни на один симптом, известный ему, это не похоже. А это значит только то, что Джил взрослеет, и ей нечего беспокоиться.

Она замолчала, внешне удовлетворенная ответом. Но позже Джил решила, что отец не понял её, по-своему истолковав это беспокойство. Больше она не спрашивала и не говорила об этом с родителями. После таких минут отчуждения Джил начинала думать, что разочаровывает своих родителей, и ей становилось до горечи не по себе, что она может быть такой, как другие. И Джил старалась быть ещё ласковей с родными, прилежней в учебе и ровней с окружающими.

Ещё одним гвоздем в её душе был и оставался Райз. После того несчастного разговора он словно исчез. Это было так странно — он и был рядом где-то, но в то же время его не было. Словно он исчез из её жизни. Джил было тяжело от каждой мысли о нём, промелькнувшей случайно. Райз действительно был единственным, с кем она не ощущала себя чужой всему миру. Но эта дружба была потеряна, и Джил думала, что тот вечер навсегда уничтожил шаткую надежду на мостик через пропасть.

Райз Туи занимал определенное место в иерархии этого мирка. Оно находилось там, куда приличные люди стыдились и боялись опуститься, а стоящие еще ниже — презирали подняться. Он по-прежнему оставался один, и если Джил изредка находилась в компании сверстников, Райз сознательно избегал любых контактов с себе подобными. Джил поражалась, что несмотря ни на что, он учится, чуть ли не лучше всех. Она запрещала себе вспоминать разваливающийся дом, отвратительно хихикающее подобие человека и задаваться вопросом — как он находит сил при этом учиться, оставляя многих позади? Это были плохие мысли. Плохие потому, что от них Джил хотелось подойти к нему...

Джил Кэйлаш поднимала выше подбородок и останавливала злые слезы, щипавшие в носу.

Она стояла в женской уборной, поправляя волосы. Девушки рядом, около зеркала, прихорашивались и болтали.

— Кэйлаш, у вас сегодня была контрольная? — одна из них была старшей сестрой её одноклассницы. Джил, научившаяся скрывать ощущение собственной незаметности и потерянности рядом с другими, кивнула.

— А сестра была? — девушка придирчиво окинула взглядом свое отражение и, решив, что недостаточно накрасила губы, достала помаду.

— Я не заметила, — призналась Джил, — нас объединили на этом уроке с другим классом, и была жуткая неразбериха.

— Ясно. Наверняка она и не пошла. Бегают со своим парнем по углам, — девушки

захиhiкали.

— Это нормально, — возразила одна из них, — у каждой нормальной девушки должен быть парень. Я вообще не представляю, как некоторые люди живут без отношений, не следуя голосу природы.

Джил не могла себе представить, что её целует какой-то парень. Что они ходят, взявшись за руки, обнимаются, и не только... Это было неправильно. Единственный парень, которого она без страха и раздумий могла взять за руку или обнять за плечи, рассматривая книгу, которую он читал, или позволить ему обнять себя, укрывая от дождя старой курткой, был Райз. Вот именно, ключевое слово — “был”.

— Ну, не всем дана твоя любвеобильность, — это было абсолютно очевидное ехидство со стороны одной из девушек. Сестра одноклассницы Джил пожалала плечами:

— Нормальный человек должен получить образование, найти хорошую работу и создать семью. Если он не планирует свою жизнь, ему стоит серьезно задуматься о своих целях.

Девушки явно не могли ей возразить.

— Тебе легко так рассуждать, — наконец подала голос одна, — с тем, как богата твоя семья, ты запросто добьешься всего.

— Вздор, — сестра складывала косметику в сумку, — каждый может добиться этого. Надо быть просто частью общества и знать, что оно может тебе дать, и за какие границы ты сам не должен выходить.

Джил давно уже справилась с волосами, но разговор почему-то заставил её остаться и слушать его. Половину его она не понимала. Она не воспринимала, словно это было абсолютно неверно. Но при этом у Джил не было ни единого аргумента, которым она могла объяснить — почему услышанное кажется ей неправильным.

Медленно приближалась пора выпускных экзаменов, и Джил с головой ушла в учебу, позабыв обо всем. Ей хотелось сдать экзамены как можно лучше, чтобы оправдать надежды родителей, которые она, как ей казалось, не могла пока оправдать. Если она не может быть веселой, шумной и красивой дочерью, она постарается быть прилежной и умной.

На удивление, но даже надвигающиеся экзамены не унимали жажду развлечений её сверстников. Девушки на занятиях занимались обсуждением парней и нарядов на выпускной бал, парни спорили о машинах и строили планы на лето. Джил приходилось садиться на первую парту, чтобы слышать преподавателя и не отвлекаться на шушуканье по сторонам.

Вечерами она чувствовала, что её мозг просто кипит. И если она прочитает еще хоть пару строк — он взорвется, неспособный переварить столько информации. На самом деле Джил училась так прилежно не только из-за родителей. Она боялась. Боялась того, что ждет её впереди, когда она закончит школу. Ей казалось, что от того, что она ещё не нашла свое место в жизни, этот мир, называемый обществом, сметет её как песчинку. Джил могла пока прятать свою неуверенность за привычными школьными днями, похожими один на другой, и лишенными необходимости выделяться из толпы. Наверно поэтому она и восхищалась Райзом — он противостоял всем и не боялся принимать вызов. Если бы он не был настолько гордым и обиженным на неё, Джил с радостью спросила его совета. Но затем её собственная гордыня поднималась и накрывала с головой, напоминая, что она не хочет зависеть от кого-либо.

— Он так на тебя смотрит, словно съесть хочет. Мне было бы не по себе, смотри на меня так кто-то.

Летающая в собственных облаках Таня зачем-то оглядывалась назад, привлекая этим

внимание всего класса. Джил приподняла бровь, но не перестала сосредоточенно писать тест.

— Я знаю, что вы не общаетесь, но мне не хочется думать, что он режет котлету с таким же выражением лица.

— О ком ты? — раздраженно прошептала Джил, отвлекаясь все же от сложного расчета производной.

— Райз. Он только что смотрел на тебя и разве что не щелкал зубами, — мечтательно пояснила Таня. Джи закричала зубами от злости. Она десять минут потратила на то, чтобы понять — как решить задачу, и если сейчас, отвлекшись, она всё позабудет, это будет равносильно катастрофе. Только она ни за что не будет оборачиваться. Ни за что, как бы ей этого не хотелось.

Это был последний экзамен, последний и на удивление легкий. Правда, после предыдущих Джил не испытывала ничего кроме какого-то отупения. Но, несмотря ни на что, она сдала всё. Ощущения облегчения и свободы, опустившиеся одеялом, заставляли беспричинно улыбаться и пребывать в блаженном состоянии эйфории. Этому же способствовала и великолепная погода, стоявшая на улице и радовавшая абсолютно всех, даже тех, с чьих лиц не сходили надменные или угрюмые выражения. Теперь оставалось лишь пережить выпускной бал. Джил решила, что подаст документы в медицинскую школу. Она закончит её и вернется к отцу, чтобы тихо и спокойно помогать ему в его работе и быть рядом с мамой.

До выпускного оставалось совсем немного, меньше недели. Джил нашла более-менее подходящее платье, понимая, что ей ни к чему пытаться переплунуть сверстниц, выложивших безумную кучу денег на подготовку к балу. Кажется, она уже научилась философски относиться ко всему, и оттого жить было легче и проще. На бал её вызвался проводить парень из параллельного класса, не очень заметный и популярный. Джил помогла ему на двух экзаменах, и теперь он возвращал ей её услугу.

Мать долго уговаривала Джил пойти к соседке-стилисту, которая предлагала сделать ей прическу. Но она упорно отвергала это предложение. Ей не нужна пустая трата времени и денег, которые ничего не дадут и не изменят её как по волшебству. Само собой, Джил не сказала этого вслух, не желая огорчать мать. Но та всё же заставила дочь высидеть час перед зеркалом, завивая ей волосы и как-то по-особенному закалывая их. Теперь Джил выглядела аккуратно и очень мило — ей пришлось это признать вопреки своему убеждению, что она безнадёжна. Без десяти минут пять. Какая-то часть внутри Джил замерла в предвкушении этого вечера, заставляя ощущать стук пульса на висках, под туго заколотыми волосами.

Молодой человек, забравший Джил, явно не знал как себя вести с ней. В итоге, они обменялись парой слов и по безмолвному согласию больше не делали попыток продолжить беседу.

Выпускной. Украшенная гирляндами и фонариками большая зала словно излучала очарование свободы и веселья. На какой-то момент Джил даже не узнала собственную школу, настолько её захватило ощущение праздника и чего-то ещё, особенного. Неожиданно к ней стали подходить парни из других классов, приглашая танцевать. Это было так необычно и здорово — внезапно оказаться красивой и интересной. Некоторые ребята прямо говорили ей это, и Джил, глядя в их глаза, не видела повода сомневаться в их правдивости. Это был чудесный вечер, словно кто-то решил подарить ей лучшие воспоминания о последнем вечере в школе.

Было поздно, и Джил, оглянувшись на темнеющее небо за окнами, подумала, что ей пора домой. Возвращаться слишком поздно она не хотела, втайне побаиваясь темных улиц и того, что бродило по ним. От школы до её дома было недалеко, но её обещал подвезти обратно тот же парень, что и привез. Джил поднялась со стула, где сидела, наблюдая за танцевавшими под вспышками светомузыки парами, и стала пробираться по залу в поисках своего знакомого.

Тем временем вчерашние школьники явно успели потихоньку начать приобщаться к взрослой жизни. От кого-то явно пахло спиртным, кто-то блеснул глазами, явно ища повода для выяснения отношений. Девушки, неожиданно осознав свободу от вчерашних запретов, не уступали парням, наверстывая откровенными заигрываниями. Джил уже не так уверенно пробиралась в толпе, понимая, что вряд ли найдет своего горе-кавалера. Она едва не столкнулась с кем-то, пару раз ей наступили на ногу и чуть не заехали в лицо локтем. Джил решила, что добраться до дома самостоятельно — не так уж опасно, как оставаться среди разгуливающегося молодняка. С этими мыслями она выбралась на улицу и блаженно вдохнула свежий воздух, в котором не было духов, одеколona, тошнотворного запаха спирта и ванили. А главное — тут было тихо.

Джил неторопливо шла по дороге, ощущая себя стоящей у порога чего-то нового, неизведанного и огромного. Ночь находилась в том отрезке, когда уже было темно, но где-то далеко на горизонте начинал зарождаться рассвет. Безветрие и тишина, изредка прерываемая какой-то птицей, внушали спокойствие. Джил шагала по дороге и позволяла себе мечтать о том, что будет потом, после этой ночи. Возможно, она даже поедет в крупный университет соседнего города. А возможно поступит в местный, не менее известный. Она словно была в магазине и выбирала себе дорогу дальше — ту, что захочет сама пройти.

Позади неё, на дороге раздался звук голосов. Какая-то компания догоняла Джил, явно что-то празднуя и развлекаясь. Стараясь держаться в тени и надеясь остаться незаметной, Джил отошла к обочине. Это был участок дороги, поросший деревьями, что-то вроде городского парка, за которым город не присматривал, позволив разрастись в настоящий лесок. Естественный инстинкт самосохранения заставил Джил пожалеть о том, что на ней светлое платье, выделявшееся в ночи на фоне темных деревьев как пятно.

Хотя Джил и шагала достаточно быстро, компания догнала её через пару минут. Это были такие же, как она, выпускники и их, более старшие друзья. Как она поняла по их голосам, девушек в их компании не было, а молодые люди были достаточно навеселе. Поравнявшись с Джил, парни засвистели и заговорили разом. Ничего особенного, пустые и неумные комплименты, которые Джил старалась не реагировать. Ответить — значит согласиться с их заигрыванием, пойти быстрее — стать автоматически тем, за кем инстинкт прикажет гнаться. Она даже не смотрела на них, пытаясь оставаться собранной и готовой ко всему.

Явно найдя новое развлечение, компания остановилась, не давая Джил сделать и шагу по дороге. Кто-то, не заинтересовавшись этой затеей, отошел в сторону, и в темноте загорелись огоньки сигарет. Все рассуждения и спокойствие Джил треснули по швам, когда крайний к ней парень протянул к ней руку, наверно рассчитывая подтянуть к себе. Джил отскочила как ужаленная, и это сработало детонатором для остальных. Гогот и выкрики о том, что она просто ломается, какие-то ещё ужасные и отвратительные предложения. Разумная сторона Джил словно исчезла, уступая место другой, которая не воспринимала

слов, молниеносно измеряла расстояние между собой и молодыми придурками, как-то по-звериному готова была стричь ушами и понестись прочь при малейшей возможности.

А тот, которого она оттолкнула, перекидывался смешками с остальными и медленно подходил к ней.

— Ну что, поиграем? — произнес он, и это Джил восприняла как сигнал.

Развернувшись, она подхватила подол платья, перепрыгнула канаву, отделявшую дорогу от леса, и бросилась прямо в заросли. Она знала, что за ней следом побежали, но другого выхода у неё не было. А темнота и бурелом, служивший естественными преградами, были ей на руку, ведь бегать и выбираться из него она умела превосходно. Если ей повезет, она окажется на какой-нибудь полянке и, когда рассветет, попробует найти дорогу обратно. Темные стволы деревьев проносились мимо, обманчиво напоминая собой чьи-то огромные длинные фигуры. От которых Джил шарахалась, не желая проверять — деревья ли это или люди. Её ноги были по колено в грязи и старой листве, туфли ещё чудом держались на тонких ремешках. Босой Джил точно не смогла бы сделать и шагу.

Когда от бега её легкие стало резать, а в голове поднялся звон, она замедлила шаг и остановилась. Она не знала, сколько пробежала, но надеялась, что достаточно для того, чтобы компания бросила попытки её найти. Судорожно вдыхая воздух, которых входил в горло острыми стеклянными иглами, Джил прислонилась к стволу дерева. Это была жутковатая чаща, где молчали ночные птицы. И сейчас здесь не было даже ветра, шевелившего молодую листву. Но такие детали были безразличны Джил, которая могла думать только об одном — что за ней никто не идет.

Она совсем уже отдышалась и решила оглядеться по сторонам, чтобы понять — как далеко её занесло. Джил вышла из-за ствола и резко отпрянула назад, чуть не потеряв равновесие. Перед ней стоял тот парень и с ленивым видом смотрел на неё. На его лице даже в полумраке была видна неприятная уверенность в своем превосходстве и небрежная улыбка.

— Поиграем? — Снова повторил он.

Это был не выпускник и не школьник, хотя бы отдаленно знакомый Джил. В полумраке она не могла разглядеть его, даже если бы не была так ослеплена страхом, поднимавшимся гигантской волной. Но ей казалось, что его лицо похоже на морду странного зверя, хитрого и безжалостного. Ночные тени играли с её рассудком, только так можно было объяснить — почему лицо парня стало темным и покрытым шерстью, а глаза светятся изнутри. По странному закону первобытной охоты, пока она не шевелилась, и он не двигался, словно застыв в охотничьей стойке. Под ногой Джил хрустнула ветка, и этот звук заставил её отступить на шаг. А его — сделать шаг вперед.

Бежать она не могла, да и не знала — куда. Казалось, что алкоголь в голове парня разбудил что-то худшее, лежащее ниже самых низких, но приемлемых для людей, намерений и желаний. Они сделали еще пару синхронных шагов, кружа вокруг дерева. Джил словно загоняли в ловушку, подавляя силой и превосходством, заставляя признать страх и смириться. Но, наравне со страхом, внутри неё поднималась ненависть, которая не давала первому заполнить её рассудок. Она не даст превратить себя в хныкающую овцу, даже если это будет единственным выходом.

Словно устав от догонялок, парень одним шагом покрыл расстояние между ними. От него пахло дорогими духами, и этот раздражал до тошноты. Следующие несколько минут Джил помнила как неравную драку, где её ногти и зубы хоть и проигрывали его силе, но

оставляли значимые следы. Когда она, изворачиваясь, пнула его куда-то ниже пояса, парень заревел и со всей силы толкнул её. Отчего она потеряла равновесие и, поскользнувшись на влажной от ночной росы траве, упала.

Падая, Джил со всей силы ударилась затылком обо что-то твердое. Голову наполнил неровный шум и звон, словно тонко смеялись колокольчики. Джил моргнула, стараясь справиться со звуками, мешавшими сознанию и реальность в замедленную съемку. Но отчего-то всё перед глазами словно заволокло туманом, отчего очертания разошлись, теряя четкие границы. Тень дерева внезапно превратилась в парня, наклонившегося над ней. Джил знала, что будет дальше, но не могла пошевелиться, словно её голова превратилась в каменный якорь, привязавший её к земле. Она даже не могла заставить себя собраться, словно движения ускользали из её головы, а тело жило отдельно от мозга.

Одна из теней внезапно бросилась на неё, и Джил не закрыла глаза, автоматически не желая сдаваться. Но тень метнулась не к ней, а мимо, увлекая за собой вторую, нависшую над ней.

Слух улавливал шум и выкрики, но звуки носились в её голове, не фокусируясь в единое целое. Словно она была погружена в озеро, полное криков, ударов, шорохов. Через некоторое время Джил закрыла и открыла глаза, осознавая, что ей чуть лучше, голова хоть и абсолютно чужая и каменная, но больше не тянет так к земле, а руки и ноги немного слушаются и двигаются.

Джил медленно перекатилась набок, боясь резко двигаться, словно находилась в полусне. Зрение понемногу возвращалось, становясь более-менее четким. Совсем рядом с ней дрались двое, и Джил, как ни старалась, не могла понять — кто есть кто. Один был её преследователем, а второй?

Она приподнялась на локте, опираясь на руки, и, подавляя внезапное ощущение тошноты, села. Двое, продолжали выбивать друг из друга дух, и Джил, снова пришедшая в более-менее сносное состояние, смотрела на них, как на какую-то иллюзию этой темной ночи.

Наконец один перестал отбиваться. Второй продолжал избивать его с лишенной человеческой сути методичностью и ненавистью. Кто это, блуждающий по лесу маньяк, который примется потом за неё?

Джил знала, что надо уползать, уходить, убегать прочь. Но у неё не было сил встать.

Казалось, второй человек, продолжавший наносить удары, выдохся. Его движения становились медленней и заторможенней, словно он продолжал двигаться по инерции. Сейчас он остановится, повернется к Джил, и больше ничего не будет разделять их.

Наконец он остановился. Выпрямился, тяжело дыша. Несколько секунд постоял, над лежавшим противником, не шевелясь. И, наконец, повернулся к Джил.

Это была безумная ночь, в которой творились странные вещи, одна невероятней другой. Поэтому половина Джил забыла, что нужно дышать, а вторая спокойно, словно так и должно было быть, смотрела на Райза. И он тоже смотрел на неё, словно ожидая. Но чего? Что она с криками бросится наутек или будет с ужасом смотреть на него, как на ночное чудовище?

Тошнота накатывала волнами, туманя голову. Джил, стиснув зубы, встала, уперлась кулаками в мягкую землю, окружавшую большую корягу, о которую она ударилась, падая. Попыталась встать, но это ей удалось со второй попытки. Нетвердо держась на ногах, Джил сделала шаг вперед.

Прошло много времени, как ей показалось, пока она подходила ближе. Перед ней лежал

тот парень, наверно ещё полчаса назад бывший вожаком пьяной компании, уверенный в своей безнаказанности и вседозволенности. Джил тупо смотрела на его рубашку, превращенную в грязную тряпку, и в её голове отдаленно рождалась мысль, что это она могла лежать такой сломанной игрушкой, и ленты на её платье были бы черными от грязи. Почему-то ленты были чем-то конкретным, а всё остальное расплывалось и растворялось в голове. Джил перевела взгляд на Райза. Отстраненно увидела, что на нём была когда-то светлая рубашка, теперь казавшаяся лохмотьями. Он наверно тоже пришел на выпускной бал. Волосы, взлохмаченные и блестящие в темноте от росы, пота и чего-то ещё, почти закрывали половину лица.

Джил стояла и смотрела на него, а внутри отрывались и падали в пропасть без названия последние капли силы, злости и упрямства. Ещё секунда, и её начало неудержимо трясти. Стало внезапно холодно и захотелось хохотать и плакать одновременно. Отчего-то в горле заклокотали странные звуки, среднее между птичьим клекотом и хрипом, а в теле стучала каждая косточка, словно выплясывая неведомый танец.

Райз перешагнул лежавшего, словно это была куча мусора, и обнял Джил. Этот простой жест взорвал остатки её выдержки, и Джил зарыдала. Громко, во весь голос. Она не знала — почему плачет, но от этого становилось легче. И когда Джил наконец затихла, пустоту в голове стали медленно заполнять привычные звуки и мысли. Она слышала, как стучит сердце Райза, словно ударяется о ребра. Чувствовала, как металлически пахнет кровь — его или того, другого парня. Как её ноги готовы подломиться от усталости.

Джил пошевелилась, и Райз резко выдохнул, как человек, которому сделали больно.

— У тебя сломано ребро наверно, — пробормотала Джил, автоматически понимая, что она ниже его ростом и, шевелясь, уперлась плечом ему в грудь. Райз промолчал, а Джил, внезапно испытывая потребность говорить, продолжила, — И рука разбита.

— Я думаю, она сломана, — спокойно ответил Райз. Джил дернулась, отчего в голове снова поднялся туман, — Пошли. Тебе нужен врач.

Наверно привыкнув к туманам от отца, он считал, что сломанная рука — пустяк. Джил невольно оглянулась на лежащее тело, не шевелившееся и не подававшее признаков жизни. Она была рада этому потому, что снова увидеть его лицо Джил не смогла бы. Поймав её взгляд, Райз произнес:

— Не бойся, он больше тебя не тронет. Кажется, я его убил.

Это была странная ночь, полная кошмаров и иллюзий. Одной из которых были они, идущие по дороге, навстречу занимавшемуся на горизонте багровому рассвету. Джил, почти висящая на руке парня и теряющая границу между реальностью и бредом. Непохожий на человека Райз, весь в грязи, земле и крови, медленно идущий по асфальту и поддерживающий её. Иллюзией были крики отца, матери, соседей. Вой сирен. Парамедики, подхватывающие Джил. Сбежавшийся народ.

Её продолжало колотить как в ознобе, и от этого не спасали ни плед, ни укол, который ей сделали. Она не могла никого видеть, кроме Райза. И это было самым важным — чтобы он оставался рядом. Он улыбался ей, поворачивая к ней голову, хотя это и было неудобно — его спрашивали какие-то люди из полиции, медики осматривали его, укладывали сломанную руку в надувную шину.

Они все были иллюзиями. Все, кроме него.

Глава 5

Скользкий по стене луч медленно бледнел, предвещая закат. Время исчезло,

превратившись в одно большое ожидание без деления на часы и минуты. Слушание дела обещало быть недолгим. С самого начала всё было очевидным настолько, что никто и не сомневался в том, каким будет приговор.

Горожане, присутствующие на слушании, с безгловым отвращением бросали взгляды на обвиняемого, который служил явным олицетворением всего худшего. Если бы спросили каждого, кто сидел и слушал монотонный голос судьи, любой бы ответил — этому парню не место среди людей, нормальных порядочных людей.

В объявленный перерыв адвокат обвиняемого вышел в коридор, где его ждал заведующий городским госпиталем, человек, который оплачивал его услуги и хотел добиться, если не освобождения, то, по крайней мере, смягчения приговора.

— Я бы хотел сказать, что у нас есть шансы, — адвокат постукивал по автомату с кофе, — Но вы сами понимаете, что их нет.

— Значит, никакой надежды?

Адвокат достал стаканчик с кофе и подул на обожженный палец.

— Только если присяжные всё же решат смягчить приговор в силу молодости обвиняемого. Но когда на судью давит мэ́р, чей племянник убит, надеяться на адекватность присяжных — это, то же, что хвататься за соломинку в шторм.

— Он защищал мою дочь, — врач поморщился при упоминании о мэре. Он помнил, как тот верещал, брызгая слюной, что сотрет в порошок всех, кто имеет отношение к этому делу. Он посмел угрожать его дочери, и этого заведующий не мог потерпеть. Поэтому спокойно, сдерживая шквал бессвязных воплей, заявил, что если имя его дочери будет хоть как-то беспокоено, он подаст в суд о возмещении морального ущерба. И, воспользовавшись влиянием отца — дедушки Джил, привлечет к этому внимание журналистов. После этого упоминания о его дочери исчезли из разговоров.

— Ты не имеешь права не пускать меня! — Вопли Джил разрывали барабанные перепонки и не прекращались ни на секунду, — Выпусти меня! Я должна его увидеть!

Дверь сотрясалась от ударов, словно Джил швыряла в неё по меньшей мере шкаф. Мать сидела, устало опустив голову на руки, и уже даже не вздрагивала от каждого шквала криков. Отец стоял у окна и курил. Раньше он никогда не позволил бы себе этого в доме, но сейчас, докуривая последнюю сигарету из пачки, старался унять дрожь в руках. Родители уже тысячный раз проклинали тот выпускной, на который отпустили Джил, понадеявшись на её одноклассника. Да, отец приезжал потом к нему, просто захотев посмотреть в глаза недоумку. Парень перетрусил так, что едва не обделался, узнав о том, что ему могут тоже грозить неприятности. Но никто не мог вернуть происшедшее и исправить его.

Спустя два дня полиция получила ордер на арест Райза, лежавшего в больнице. Около его палаты дежурил страж порядка, и после выписки его должны были забрать. Об этом родители не говорили Джил, которая в свою очередь отходила от сотрясения, чудом не оставившего пока последствий. Им и так хватало того, что она не хотела никого видеть, кроме Райза, и упорно молчала в ответ на все их попытки отвлечь её внимание на другие темы.

Джил знала, что тот парень убит, но отказывалась принять то, что это затронет Райза. Такая нелогичность для неё объяснялась тем, что Райз не был преступником. Он не сделал зла, спасая её. Преступником был именно убитый. Пусть кто-то скажет, что он просто развлекался, нелепо шутил, но чутье подсказывало Джил, что не вмешайся Райз, сейчас она была бы уничтожена на всю жизнь.

Эта ночь, запах крови и сырой травы, разбившийся прежний мир и единственно уцелевшее — их дружба связали их крепче, чем что-либо. И Джил готова была быть волком от острой необходимости оказаться сейчас рядом с Райзом, за которым наверно уже пришло правосудие.

Когда она собралась пойти к нему, родители словно сговорились. Они не спускали с неё глаз, не давали ей находиться одной, внезапно находя массу причин пойти с ней на улицу или оказаться где-то поблизости от неё. В Джил медленно нарастал страх и ужас перед будущим, ожидавшим Райза. За ней никто не приходил. Один раз приехала полицейская машина, и отец, поговорив с человеком в штатском, поехал куда-то с ним. Но больше ничто не менялось. Джил не знала новостей, не слышала и не видела никого из прежних знакомых, и в голове её рождались подозрения, одно хуже другого.

Спускаясь утром вниз, Джил услышала разговор родителей:

— Главное, что это не коснется Джил. Вряд ли можно надеяться, что ему хоть как-то смягчат приговор. Мэр постарается, как-никак это же был его племянник.

— Какой ужас, — мать нервно передернула плечами.

Джил села на ступеньку, осмысливая услышанное. Она знала, что за убийство дают срок. Приличный срок. Она знала, что убитый парень не был простым школьником. Но, если бы не она, тащившаяся по ночной улице, зная, что это небезопасно, ничего бы не произошло. Это её вина, целиком и полностью.

— Дорогая, ты куда? — Отец напоминал охотничью собаку, настороженно замершую в стойке. Джил молча направилась к двери. Отец догнал её и заслонил собой дверной проем.

Сейчас она была готова зубами и ногтями выдрать себе дорогу к Райзу.

— Куда ты собралась? — Повторил отец.

Джил подняла на него глаза.

— Мне нужно по делам.

— Джил, ты ещё не совсем поправилась — отец незаметно принял оборонительную позицию.

— Я давно поправилась, папа, и ты это знаешь. Это важно, я должна идти, — она была готова играть в эту игру.

— Нет. Тебе не стоит ходить одной. Тебе может стать плохо!

— Но я должна навестить знакомого.

Отец поморщился, как от головной боли.

— Джил, ты не можешь этого сделать.

— Почему это?

— Ты не можешь навестить этого парня.

— Почему? — чувствуя, как медленно холодеет всё внутри, но спокойно, словно отец разговаривал на другом языке и не понимал её, повторила Джил.

Он отвел глаза.

— Потому, что его уже забрала полиция? Или потому, что все должны забыть, что это моя вина? — Джил было смешно вот так просто стоять и произносить всё это.

— Ты не виновата! — Мать отбросила с грохотом книгу на стол и поднялась, — Не смей такое даже думать!

Джил душил смех. Она отступила на шаг назад от отца.

— Неужели? Если бы я не пошла одна ночью, ничего бы не было. Если бы мы не были в ссоре, я пошла бы с ним, и ничего не было бы!

— Джил, он убил человека, — словно стараясь донести до неё смысл всего происходящего, осторожно произнес отец.

— И что! — Джил развела руками, — ты предпочел бы видеть мертвой меня или его?

Отец, защищаясь, возразил:

— Нет, это не одно и то же! Он просто убил его, забил до смерти. Ты тут не причем. Он совершил преступление.

— Нет, — качая головой, Джил попятилась к лестнице, — Нет, это не так.

— Джил, есть законы, которые в человеческом обществе имеют вес.

Отец пытался убедить её, что Райз — злодей?

— Какие? — Сдерживая закипающее бешенство от одной этой мысли, притворно спокойно спросила Джил.

— Разные. И, переступая их, люди несут ответственность перед обществом. Даже если они поступили верно.

— Да ладно, отец?! Значит, Райз — злобный преступник, а ты, изменявший маме и делавший со мной вид, что всё отлично — хороший? Так считает общество? — Джил сорвалась на пронзительный крик. Мать сдавленно охнула от неожиданности, а лицо отца попеременно меняло цвет от багрового до белого, — Если это — ваше общество, то мне нет дела до того, что оно думает!

Она бегом поднялась по лестнице, лихорадочно придумывая способы выбраться на улицу.

— Джил! Джил, немедленно остановись, — мать бросилась за нею.

Объявив войну родителям, Джил проиграла её, даже толком и не начав. Утром она обнаружила, что дверь её комнаты закрыта снаружи.

— Прости, Джил, — отец прислушивался, стоя под дверью, к подозрительной тишине, которую не нарушал ни единый звук. Она продлилась ровно полчаса, а затем Джил принялась громить свою комнату. Окно для побега не годилось, выбраться в него было можно. А вот спуститься на землю по голой стене — нет. Она останавливалась ровно на пару секунд, ища новый предмет для штурма.

Мать устало взглянула на отца.

— Ты не должен ничего говорить ей о суде. А что. Если они захотят вызвать её, как свидетеля?

— Не захотят, — отец вертел в пальцах остаток сигареты, — об этом я позаботился.

— Мне жаль этого мальчика, — мать покачала головой.

— Мы не можем ему помочь, только если адвокат не найдет вариантов. А если не найдет, то вся эта история должна быть похоронена так, чтобы её последствия никак не отразились на нас.

Врач стряхнул задумчивость и оторвал взгляд от окна, за которым ветер шумел листвой кленов. Адвокат кашлянул, привлекая его внимание.

— Мой подзащитный просит об одном одолжении.

— Каком?

Адвокат помешал пластиковой ложечкой остатки кофе, заинтересованно рассматривая их.

— Он хочет увидеться с вашей дочерью.

Сужающие пространство серые стены комнаты давили со всех сторон. Как стены ямы, на дне которой сидели присутствующие. Разложив бумаги, адвокат взглянул на своего

подзащитного. Он отметил, что тот действительно соответствует описанию не внушающего доверия человека. Даже сейчас парень сидел с отсутствующим видом, словно никого в комнате не было.

Знакомясь с материалами дела, адвокат понимал, что парень не был преступником в полном смысле этого слова. Будь это жена или дочь самого адвоката, он поступил бы так же. Но, как бы то ни было, на беду убитый был не простым горожанином, и за него хотели возмездия.

Убийца. Асоциальный элемент. Неблагополучная семья. Как следствие — убийца. И хотя на самом деле наказания заслуживал покойник, его должен получить этот вчерашний школьник, поставивший всё на свои места. Сегодня состоится последнее слушание, на котором вынесут приговор. Адвокат полистал свои записи, настраиваясь на разговор.

— Как ты?

Молодой человек слабо повел плечами, показывая, что это неуместный вопрос.

— Соберись, сегодня нам понадобятся все силы, чтобы заставить присяжных прислушаться к линии защиты.

— Она придет? — внезапно перебил его собеседник. Адвокат сосредоточенно смотрел на свои записи.

— Неужели тебя так мало волнует то, что сейчас решается твоя судьба, вся дальнейшая жизнь? — Он оторвался от бумаг и посмотрел на парня, лицо которого оставалось по-прежнему пустым и отстраненным. — Я не знаю, — внезапно испытывая жалость к нему, произнес адвокат, — Возможно, она будет на вынесении приговора.

— Я не мог этого позволить, — врач ожесточенно смял пластиковый стаканчик, — Я знаю, что это жестоко, но не могу. Сейчас она пытается разрушить дом, чтобы примчаться сюда. Но что будет, когда она поймет, что приговор раз и навсегда ставит между их общением черту? Это — моя дочь, мой ребенок, единственный ребенок. Мы чуть не потеряли её той ночью, Бог знает, сколько она будет приходить в себя от происшедшего, как всё это отразится на её будущем, на карьере. Мы должны похоронить эту историю и покончить с ней, так, так, чтобы она осталась раз и навсегда в прошлом, раз уж не можем выиграть процесс.

Адвокат взглянул на часы. До конца перерыва оставалось ещё десять минут.

— Я уверен, Ваша дочь не простит нас в любом случае.

Обвинитель неторопливо вышел вперед, осознанно привлекая всех присутствующих неторопливыми движениями и паузой. Остановился перед судьей. Прикрыл на секунду глаза, собираясь с мыслями.

— Сегодня мы присутствуем на сложном процессе. Я бы сказал — на противоречивом процессе. Мы знаем детали дела, знаем всю неприглядную и постыдную сторону произошедшего. Не будем сейчас обсуждать поведение убитого, поскольку наша тема — убийца.

Он перевел дыхание. Зал, бессознательно сконцентрировавшийся на его негромком бархатном голосе, ожидал продолжения.

— Мы знаем, что убитый пытался напасть на человека, которого обвиняемый спас. Мы знаем, что это похвально.

Сторона потерпевшего и родственники, сидящие в зале, стали с негодованием перешептываться. Адвокат насторожился, ощущая надвигающуюся опасность.

— Я тоже бросился бы защищать слабого. Пройти мимо, остаться равнодушным — это

худшее преступление, — молодой обвинитель не обращал внимания, смотря куда-то мимо людей. Затем повернулся к сидящему за ограждением Райзу, — Но он не защитник. Он убийца. Этот человек не просто остановил нападавшего, он убил его, подчиняясь своим животным порывам. Он не обездвигил его и увел девушку, нет, он сознательно лишил его жизни. Спаситель ли он? Нет. Потому, что его целью была не помощь, а убийство. Возможно, сам того не подозревая, обвиняемый показал свое истинное лицо. Лицо человека из неблагополучной семьи, где насилие и алкоголь были естественны как воздух.

Обвинитель говорил это залу, но со стороны казалось, что он и Райз одни в помещении, и его слова адресованы конкретно ему. Голос адвоката наполнялся силой, обретая нотки металла и заполняя каждый уголок пространства.

— Мы живем в обществе, которое держится усилиями каждого из его членов. Мы не преступаем закон потому, что мы — люди, а не звери. Поэтому общество имеет свой институт правосудия, а не отдает на растерзание толпе преступников. Тот же, кто убивает только ради своего животного инстинкта, кто не следует законам человеческого общества — опасен. Как может быть опасно бешенное животное.

Он повернулся к залу. Глаза его сверкали, напряжение в голосе достигло предела. Зал, загипнотизированный его харизмой и силой, звучащей в каждом слове, затаил дыхание.

— Этот человек — убийца. Опасный для каждого из нас потому, что руководствуется звериным принципом, а не человеческим началом. Пускай, он ещё молод, но если его не остановить сейчас, позже мы будем иметь дело с угрозой каждому члену общества. Мы — люди, а не звери.

В возникшей паузе каждый рассматривал стоявшего посреди зала обвинителя. Он был молод, достаточно молод для своей должности, и при этом выглядел нерушимым как скала. Казало, в его внешности ничего не было таким — он не был мощного телосложения, его лицо было лицом типичного симпатичного и простого человека, не несшим груза прожитых лет или опыта. Но при этом, обвинитель излучал силу. Подавляющую и ведущую за собой. И каждый в зале внезапно ощутил правоту его слов и признал, что так и следует думать о происходящем. Этот молодой мужчина нес истину. И он был добром, добром, стоявшим на страже непреложного закона и справедливости.

Нерешительно и единично раздались хлопки, которые переросли в аплодисменты, подхваченные всем залом. Адвокат Райза спохватился, когда сам непроизвольно вытянул руки, желая присоединиться к аплодисментам. Он понимал, что дело уже проиграно, и, чтобы он сейчас не говорил, его даже не услышат.

Когда зал затих, подчиняясь призыву судьи, выступал он. Но все его слова словно отскакивали прочь от мощной стены, выросшей между ним и слушателями. Обвинитель не смотрел на него, вероятно испытывая сожаление к его неудаче, которая была слишком очевидна даже для него самого. На секунду адвоката затопила волна гнева на сопляка, способного внушить всем то, что он хотел, чтобы все услышали. А потом, с ужасом, словно со стороны, он слышал свои мысли — возможно это потому, что обвинитель действительно олицетворял собой добро, а его подзащитный — другую, темную сторону?

— Ваше последнее слово? — Судья кивнул Райзу Туи.

Райз встал. Он выглядел соломинкой перед сметающим всё цунами, упрямо не желавшей согнуться. Но зал видел другое — он видел худого бледного парня с нездорово блестящим взглядом, который говорил, что тот не свернет со своей дороги, как дикий зверь. И внутри каждого нарастало отторжение, неприязнь и боязнь, как если бы темной ночью

перед ним вырос на дороге голодный хищник.

Обвинитель наконец поднял голову и взглянул на обвиняемого спокойным и сильным взглядом, словно желая остановить того, если он захочет броситься на людей. Снова в зале остались только они двое, словно ведущие невидимую дуэль взглядов.

— Если бы понадобилось, я бы снова убил, — выплевывая в лицо обвинителю каждое слово, произнес парень.

Спустя секунду в зале воцарился невообразимый шум, который перекрыл даже голос судьи, требующего порядка.

Часом позже, когда последние присутствующие выходили из здания суда, адвокат, пораженный таким провалом и будто придавленный приговором, который был вынесен его подопечному, отнимая десять лет его жизни, поравнялся с обвинителем.

— Вы были великолепны, — адвокат хотел услышать его сейчас и понять — что было в зале, каким образом он смог направить разумы всех присутствующих в нужном направлении.

— Вы не правы, — молодой человек покачал головой, поворачиваясь к адвокату, — не я великолепен. А великолепна мудрость жизни и её свет, который делает нас лучше.

Адвокат смотрел в ясные голубые глаза, сиявшие изнутри разумом и пронизательностью, и ему становилось страшно, словно всё внутри него замирало перед чем-то, чему он не мог найти объяснения.

В доме воцарилась тишина, не внушающая спокойствия, обманчивая тишина. В ней можно было без труда услышать, как хлопают крылья ночных бабочек, летавших под потолком.

Джил никто больше не ограничивал в передвижениях, не следил за каждым её шагом. Она снова была вольна делать то, что захочет, но не пользовалась этим, безучастно сидя в своей комнате. Джил знала о процессе и вынесенном приговоре — отец рассказал ей всё, не скрывая подробностей. Она догадывалась, что Райз до последнего ожидал увидеть её, надеясь, что она придет на слушание.

Внутри неё росли, превращаясь во что-то мощное, заполнявшее без остатка, два чувства. Одно из них было ощущением вины за то, что она была причиной всего происшедшего. А второе не имело четкой формы, оно состояло из боли, отчаяния и ярости на бессилие изменить что-либо. Джил закрывала глаза и видела, как Райз остается один с теми, кто был враждебен ему, с людьми, жившими в своей лжи и безнаказанности. Она предала его своим молчанием и бездействием, и теперь для него её имя будет лишь напоминанием о предательстве.

Джил не плакала с той ночи. В ней словно выключилось что-то. Слезы накопились на глазах, но их не пускала наружу корка льда, покрывшая какую-то часть её души. С одной стороны это лёд спасал её рассудок, готовый сломаться, а с другой — причинял боль, не давая вырваться эмоциям наружу.

В то лето Джил Кэйлаш не поступила в медицинский колледж. Не уехала в университет другого города. Она подала документы на юридический факультет. Джил не желала больше позволять кому-либо оставаться безнаказанным. Если этот мир настолько жесток, она будет играть так же жестоко, не позволяя никому больше заставить её испытывать боль от несправедливости. Время детства и надежды закончилось.

Глава 6–7

Глава 6

О клетке нельзя рассказать, не побывав внутри её стен и не почувствовав её

безмятежного безумия. Оно — как стоячее болото, в котором вода остановилась и замерла, старея и превращаясь в грязь. Один день похож на другие, как и один из безликих заключенных похож на других. Их рознит лишь то, что привело сюда, и сколько лет гниющего болота их ожидает.

Инстинкт самосохранения заставляет людей сбиваться в стаи, чтобы сохранить подобие общества, хоть отдаленно напоминающее о человеческой популяции. Ибо страшней всего не груз их дел, а перспектива лишиться самого себя, растворившись в тягучей массе тысяч дней, лишенных перемен.

Новичок, казалось, ещё не осознавал этой ужасной перспективы. Он был нелюдим и молчалив, очевидно, не понимая, что его ждет множество месяцев тишины и пустоты. Парень был не в себе. Иначе, почему его взгляд был пустым как прозрачная вода, а на обращенные к нему слова, он реагировал как наркоман — не сразу и не всегда? Несколько раз его избили. Но, либо его шкура была и так хорошо выдублена, либо он был настоящим психом потому, что парень словно не замечал боли.

Постепенно его начали сторониться. Он не был слабаком, не был тихоней — напротив, его можно было записать в ряды тех сумасшедших, которые долго молчат и живут сами в себе, а потом, вдруг за ними выстилается дорога из трупов. И окружающие отодвигались подальше, чтобы быть на безопасном расстоянии.

Свое настоящее лицо молодой заключенный показал холодным осенним днем, когда неожиданно для всех бросился на охранника. Что произошло перед этим — никто не знал. Всё было слишком обыденно, когда парень метнулся к охраннику и попытался придушить его голыми руками. Возможно, тот сказал что-то ему, что и спровоцировало заключенного, но поручиться за это никто не мог. Да и правда никогда не была на стороне тех, кто был по другую сторону решетки.

В любом случае, отброс человеческого общества не имеет права кидаться на тех, кто охраняет покой общества и удерживает границу между ним и недолюдьми. Заключенные орали и свистели, обрадованные любой попытке мятежа против ненавистных надзирателей. Подбежавшее подкрепление сосредоточенно било психа, решившего испытать свою судьбу. Сейчас он лежал, полувтоптаный в грязь, и его тело вздрагивало от ударов тяжелых ботинок. Охранники не были садистами, они всего лишь выполняли свою работу, усмиряя взбесившееся животное. Заключенные не были зеваками из уличной толпы, обрадованными потасовке, они просто подчинялись инстинкту, требовавшему противостоять всему, что их ограничивало. Дождь грязи продолжал взметываться над лежащим мужчиной. Наконец, охрана остановилась, убедившись, что он просто не сможет быть вновь опасным, выведенный из строя.

После того, как дикого зверя обезвредят, его прячут в клетку, где он не может никому навредить.

Одиночная камера с маленьким окном, спрятанным где-то почти под потолком, и источающими безнадежность стенами. Здесь ему предстояло провести какое-то время, возвращаясь к реальности и осознавая свою ничтожность. Для того и созданы тюрьмы и придумано заключение, чтобы человек мог переосмыслить свою жизнь. Наверно, для этого.

Дни тянулись как звуки старой музыкальной шкатулки, оставленной открытой и повторяющей мелодию с безумной настойчивостью. Изредка молодой человек подходил к окну, наверно желая посмотреть на расчерченный клочок неба. Но тот был постоянно серым и лишенным красок, словно тюрьма выпила и из него все соки. Заключенный возвращался на

место, садясь на койку, и застывал в одной позе, в которой привыкла заставлять его охрана, заглядывая в окошечко на двери. Никто из охранников не сомневался, что посаженный в одиночку — тихий сумасшедший. Он не пробуждал жалости, напротив, одного взгляда на него было достаточно, чтобы где-то внутри начинало расти раздражение. И охранники, уходя дальше, ощущали себя внезапно разозленными, нуждающимися выплеснуть эту злость наружу. Такую же злость испытывал и сам заключенный. Он находился на грани между отчаянием и ненавистью ко всему миру, к которым примешивалась острая горечь.

В окно стучал дождь, смешанный с хлопьями снега, лишающим камеру единственного проблеска дневного света. Заключенный сидел на кровати, сцепив пальцы рук и закрыв глаза. Мысли, бередившие воспаленный рассудок, словно взяли перерыв и затихли. Они тоже понимали, что это конец.

— Разве это конец?

Заключенный поднял голову, ища подтверждения тому, что у него начались галлюцинации. Словно в подтверждение этого, из полутемного угла у двери вышел высокий немолодой мужчина. Вероятно, атмосфера одиночной камеры порождала безумие. Поэтому заключенный зажмурился, не желая поддаваться ему.

— И это правильно, — снова заговорил незнакомец, — никогда нельзя верить тому, что видишь. Сейчас ты не веришь сам себе и считаешь всё это самой настоящей галлюцинацией, которую породил твой уставший мозг. Разумно, весьма разумно.

Молодой человек не открывал глаза, продолжая бороться с желанием заговорить с неизвестным. Тот прошел к окну, задумчиво посмотрел на темнеющий клочок неба и покачал головой:

— Невыносимо думать о том, что ты вырвал свое сердце ради другого, но вместо этого стал для него чем-то отвратительным. И теперь, в хороводе мыслей лишь одна единственная делает всё больней, мысль, что ничего не изменить.

Заключенный резко поднял голову, ощущая прилив гнева, и столкнулся с направленным на себя взглядом незнакомца. Мужчина изучал его как какое-то редкое существо, и от этого взгляда он почувствовал себя словно стоящим под напором сметающего ветра.

— Кто Вы? — несмотря на странную неприязнь и недоверие, его раздражал тот факт, что незнакомец как будто вторгался в его мысли и посмел рассуждать о них.

Закончив изучать его, мужчина слегка улыбнулся:

— Тебя больше волнует не то, кто я, а как оказался тут. Не преувеличивай — я не призрак, не галлюцинация и не видение. Ты заинтересовал меня, и я решил взглянуть на тебя вблизи.

Незнакомец смахнул пылинку с рукава пальто. Это был моложаво выглядевший мужчина, чьи волосы немного тронула седина, одетый со вкусом и достойно. В каждом его жесте сквозила какая-то смесь из обманчивой ленцы и скуки, прячущих за собой что-то опасное.

— Я вижу, теперь ты не против побеседовать. С чего же начать? Давай начнем с тебя. С твоего чувства вины. Ведь ты шёл в той компании, вместе с тем парнем, в компании, которая пару лет была для тебя отдушиной. Тебе хотелось сжигать и разрушать, и она давала тебе такую возможность. Ты просто отстал по дороге, когда всё это произошло, а потом побежал в лес. И ты считаешь себя причастным к произошедшему, словно это и твоя вина в случившемся, видишь себя виноватым настолько, что тебе нет прощения. И это для тебя важнее, чем убийство, — мужчина улыбнулся, — убрать одного недоумка, возмнившего

себя всемогущим — не такое уж и преступление. Преступление — то, что сейчас делаешь ты.

С его лица сбежала улыбка. Мужчина заговорил ясным голосом, пронизывающим настолько глубоко, словно его звук отражался от стен и проникал в каждую клеточку.

— Жизнь одного из тысяч, существующих, а не живущих, чего она стоит? Сожаление лишь впустую сжигает тебя, туманя разум и позволяя попусту растратить силу, которую я вижу в тебе. Не жалею о том, что сделано. И не позволяй себе строить мечты о несбывшемся.

Слова падали звонко и ясно, как капли дождя, наполняя вязкую тишину камеры силой, гудящей в воздухе и раздвигающей стены. Словно кроме них двоих была только пустота, тишина и этот голос.

— Я предлагаю тебе дорогу, на которую ты уже сам ступил. Эта дорога, где торжествует сила и ум. И ты — хозяин своей жизни. Ты, ставший для всех изгоем и отбросом, можешь стать владельцем их пустых жизней и душ. Не этого ли ты хочешь? Ты слишком умён и горд, чтобы быть одним из серой толпы.

— Кто Вы? — повторил заключенный. Мужчина снова улыбнулся.

— Просто лицо, заинтересованное помочь тебе.

Райз молчал, раздумывая над услышанным. Его собеседник тоже молчал, ожидая. Он выглядел так, словно мог вот так, неподвижно ожидать ответа не один час.

— Тебе кажется, что выхода нет, что всё закончено. Я могу дать тебе этот выход. Загляни в себя и подумай — чего ты хочешь? Остаться безымянным заключенным, чья жизнь уже почти завершена, или взять судьбу в свои руки?

Откуда этот незнакомец столько знает? Этот вопрос казался важным, но не настолько, чтобы тратить время на него. В камере воцарились вечерние тени, а за окном сумерки окончательно взяли верх над последними сопротивлениями остатков дневного света.

— Если я соглашусь, что я буду должен Вам? — Райз поднял на мужчину взгляд.

— Ничего. Напротив, я даже помогу тебе, осуществлю то, чего ты хочешь. Ты должен только сделать выбор.

В улыбке мужчины пряталось нечто, говорившее, что он знает, чего хочет Райз. И сейчас, когда тому предлагали шанс, он не собирался играть в прятки:

— Если так, то я буду делать всё, что вам понадобится.

— Даже если за это тебе придется заплатить своей жизнью?

Вся жизнь Райза была сплошной борьбой за выживание. Но, то, что он хотел, стоило гораздо больше, и он не сомневался, что такая вероятная цена не будет слишком высокой.

— Да.

Мужчина чуть прикрыл глаза, словно скрепляя сказанное.

— Ты — мудрый мальчик.

Затем, словно он находился не в камере, а на прогулке в парке, развернулся и неторопливо пошел к выходу.

— Подождите! — крикнул Райз, когда мужчина отворил дверь, — Почему я?

Тот замедлил шаг и полуобернулся, улыбаясь.

— Твое имя означает восход. А я люблю восходы.

Всё началось с маленькой искры. Один неисправный провод, подчиняясь этой искре, медленно превращался в бикфордов шнур, передавая её дальше, вверх и вниз. Всего лишь получаса было достаточно, чтобы этажи затянуло едким дымом, а пламя начало кое-где пожирать доступное ему оборудование и всё смелей лизать стены. Здание тонуло в

нарастающем хаосе криков людей и шуме пожарной сигнализации, набравшем силу гудении пламени и грохоте падающих предметов. Каждый рвался спасти свою жизнь, и места для помощи другим почти не оставалось.

С пригорка, расположенного недалеко от комплекса тюремных зданий, было видно в ночи, как пламя прорывается в окна. Кое-где мельтешили маленькие фигурки людей, пытавшихся сбить огонь или выбраться. Ревела сирена подъезжающих пожарных расчетов. Чернота ночи сплеталась с пламенем, и в опрокинутом небе отражались бурые отблески, старавшиеся дотянуться куда-то вверх.

Полуденные новости не были интересными, и Джил, приглушив звук телевизора, вернулась к горе вещей, которые было нужно разложить в шкафу. Выходной день казался безумно коротким, и успеть переделать все дела было просто невозможно.

Складывая свитер, она бесцельно обернулась и уловила что-то изменившееся на экране. Повернувшись одним движением, Джил опустилась на теплый паркет, нащупала пульт и прибавила звук. Картины на экране сменяли одна другую, но её мозг как-то замкнуло на одном кадре, в котором огонь отражался в густой, вязкой темноте ночи. Блок, в котором содержался один из неизвестных толком никому людей, но хорошо знакомый Джил, был почти наполовину уничтожен пожаром. Около пятнадцати заключенных погибли в огне или задохнулись в дыму.

Этот огонь преследовал её. Он вырывался из струй горячей воды в душе. Он тоненько свистел в песенке чайника. Он лизал её ноги шерстью пушистого пледа. И Джил вскакивала в холодном поту, выпрыгивая из этих языков пламени, чтобы наяву в голове начинала безостановочно звенеть мысль, что она так и не успела приехать к Райзу. Не успела сказать, что не забывает его, несмотря ни на что. Джил просто хотела сдать ещё пару семинаров, ещё немного поработать вечерами и набрать достаточно денег, чтобы поехать к нему, не посвящая в свои планы родителей. Она просто хотела доделать что-то, но не успела сделать самое важное тому, кто теперь стал одной из никому неизвестных могил на тюремном кладбище.

Раньше Джил верила в справедливость, но теперь поняла, что даже вера не спасает мир. Потому, что всё хорошее в нём обречено на смерть и забвение, а если хочется выжить и не быть смятым несправедливостью, то лучше всего забыть о том, что можно чувствовать, страдать, надеяться или верить. В темноте помогает только ещё большая тьма. Она заставляет других бояться её, а самого себя — больше не страдать.

Глава 7

Холодящие снежинки падали на проходивших людей редкими звездами. Обычный рабочий день в середине недели был спокойным, лишенным хлопот и обещал не задерживать на работе долго. На ходу поправляя шапку, грозившую съехать с головы, Джил шагала по улице. Она успела перекусить в перерыв, и тепло горячего кофе разливалось по телу, противостоя небольшому морозцу. Прохожие тесной толпой спешили по своим делам, и требовалось немало сил, чтобы суметь проскользнуть между ними и не затеряться. Мягкая зима никогда не опускалась здесь до сильных морозов, и Джил порой скучала по ясным зимним дням, в которые мороз пробирал до костей и превращал воздух в тонкое стекло.

Самым сложным участком был перекресток, где люди неожиданно выворачивали из-за угла и порой сталкивались друг другом. Многоязычная толпа местных жителей и туристов, наводнивших улицы, бесконтрольно торопилась по своим делам. Джил оглянулась на светофоры, рассчитывая — успеет ли перейти дорогу, и в тот же момент прямо на неё

выскочила парочка шумных студентов. Еле увернувшись от столкновения, она боком прошла мимо них и снова поправила вязанную шапку, окончательно съехавшую на затылок. Загорелся зеленый сигнал светофора, и толпа хлынула на переход, унося с собой Джил.

Дело, которое должна была вести Джил, было совсем не сложным. Поэтому, прекрасно понимая, что она, начинающий адвокат, должна быть рада одному из небольших шагов в цепочке карьеры и хитросплетений закона. Джил с рвением принялась за работу. Еще год назад она была всего лишь стажером, сдала адвокатский экзамен и теперь ощущала огромный запас сил. Которые кипели в ней и были сфокусированы на работе.

Она пододвинула поудобней стул и разложила перед собой папку с документами по делу. Компьютер привычно завис на пару секунд, открываясь и приветливо попискивая. Это было бракоразводное разбирательство, и хотя Джил и надеялась работать в уголовной практике, но никак не делить машины и коллекции дисков между супругами, ей просто дали дело, прозрачно намекнув, что она еще не доросла до серьезных дел. Было досадно, но начинать с малого лучше, чем не начинать вовсе. Да и вообще, ей повезло, что у отца нашелся старый знакомый, который и помог ей найти работу в большом городе, где было больше шансов.

Джил потеряла переносицу. Итак. Супруги делят коллекцию дисков Майкла Джексона, машину и собаку. Собаку Джил было жаль больше, чем супругов, настолько мелочными казались разборки двух людей, желавших просто досадить друг другу. У собаки тоже должен быть адвокат, представлявший её интересы. Она ведь умеет чувствовать, несмотря на то, что не говорит. Завтра Джил надо присутствовать на процессе, представляя интересы жены. Конечно, мужчина не доверил бы свою защиту женщине-адвокату, не имевшей практически никакого стажа. А вот бывшая супруга — да, та доверилась.

Утро встретило её неприветливым пасмурным небом за окном, и желание зарыться как можно глубже в одеяло было просто непреодолимо. Джил с тоской подумала об одеяле, пряча зевок за папкой, пока лифт поднимал её наверх. Первое самостоятельное выступление её как адвоката грозило обернуться попыткой не свалиться, заснув стоя. Не самая лучшая перспектива.

Вот уже десяток минут Джил сидела и слушала перебранку бывших супругов, встрять в которую не могли ни она, ни её коллега. Поэтому, дав спорщикам выговорить и выдохнуть весь пыл, адвокаты молчали. Первым остановился муж. Он покашлял, раздраженно поправляя воротник рубашки и глядя в сторону, пока его супруга продолжала возмущаться.

Джил дотронулась до плеча женщины, доверительным жестом призывая к спокойствию. Та обернулась, отвлекаясь от виновника своего недовольства, и Джил наконец-то завладела ситуацией.

— Вопрос с дисками мы решили, — полуутвердительно произнесла она.

— Да, пусть подавится ими, — сварливо ответила женщина и, оборачиваясь к мужу, снова вспыхнула, — но собаку ты не получишь, старый мешок дерьма!

Адвокат мужа сделал отстраненный вид, явно стараясь не улыбнуться, и сухо потребовал воздержаться от оскорблений его клиента. Конфликт внезапно снова разгорелся, обрастая новыми попреками и взаимными обвинениями.

Это было бы смешно, если бы не было всего лишь грустным зрелищем старательных попыток близких когда-то людей задеть друг друга. Сейчас они были готовы чуть ли не подраться. И из-за чего?

— Скажите, а где сейчас находится Дора? — Внезапно спросила Джил, глядя на

лежащую в папке фотографию собаки с большими круглыми глазами. Супруги замолчали, услышав вопрос, не относившийся к их перебранке о том, кто сколько лет потратил ради другого.

— Она в приюте. Пока что, — наконец подал голос муж, — пока всё это не закончится.

Из глубины памяти неожиданно всплыл вечер темной и пустой улицы, едва освещенной одним тусклым фонарем, и ощущение одиночества, ощущение того, что ты — маленький муравей, потерявшийся в огромном чужом мире, которому нет до тебя дела, затопило Джил.

— Значит, — медленно заговорила она, взвешивая каждое слово, — мы решаем — с кем будет жить Дора. Насколько я поняла, для вас она как ребенок.

Супруги согласно закивали.

— А сейчас ребенок находится вдали от своей семьи. Пускай даже его и кормят-поят в приюте. Всё равно это приют. Кто вырастил Дору? Вы. Кто её отправил в приют? Вы. Сейчас мы решаем жизнь живого существа так, словно она — бездушная вещь.

Адвокат мужа начал что-то недовольно говорить, но Джил продолжила:

— Подумайте сами, что лучше для Доры. Взгляните на всё её глазами. Сейчас мы обсуждаем не её будущее, а её перемещение, словно она — стул или стол.

Оба супруга затихли, озадаченно смотря друг на друга. Кажется, они не рассматривали так ситуацию ещё ни разу. Адвокат что-то пробурчал про давление, но Джил сосредоточенно смотрела в записи, не поднимая глаз и скрывая внезапно появившуюся дрожь в пальцах. Она сорвалась, повела себя непрофессионально.

— Послушай, — муж неловко потер шею, — вообще-то она так сильно привязана к тебе...

Его жена внезапно закашляла и наклонилась над маленькой сумочкой, словно хотела что-то срочно найти.

— Я думаю, что ей будет лучше с тобой.

Мужчина был явно смущен и не знал куда смотреть. Женщина, наконец-то закончив поиски в сумочке, вскочила, потрясая зажатými в руке ключами от машины:

— Я сейчас же еду за ней! О чем я вообще только думала, оставляя бедняжку!

Адвокат мужа, сбросив сонливость, схватился за документы. Он уже с унынием настроился на ряд бесконечных споров, которые будут повторяться вновь и вновь. Но эта пигалица умудрилась вывернуть всё так, что супруги решили проблему за какие-то несколько минут. Если бы все его бракоразводные дела решались так отлично, он ходил бы на работу как на игру в гольф.

Джил ехала обратно в офис, борясь с нахлынувшими мыслями. Она столько лет не позволяла им вернуться, надеясь, что всё похоронено достаточно глубоко и безвозвратно. Это было слишком мощным, огромным потоком, грозящим раздавить её.

В офисе царил оживление, и когда она вошла в коридор, то сразу поняла — намечается праздник.

— Ты ещё не знаешь? — Коллега Джил, старше её всего лишь на несколько лет, но уже занимающийся сложными делами, кивнул на кабинеты директоров фирмы, — Один из главных выиграл процесс, и процесс недешевый. Так что, нас побалуют небольшой вечеринкой.

Джил устало взглянула на часы. Она рассчитывала закончить сейчас всё и поехать домой.

— Брось, — молодой человек закатил глаза и картинно схватился за сердце, — что тебя

ждет сегодня вечером? Семейный ужин? Свидание? Ах, не то и не другое... Ну, тогда ты легко можешь съездить домой, переодеться и вернуться сюда. Кэйлаш, если есть возможность погулять, надо пользоваться ею!

Он был прав. Дома её ничто не ждёт, а сейчас сидеть в одиночестве Джил не хотелось совсем.

Казалось, с того момента, как она покончила с делом о дисках и собаке, не прошло и пяти минут. На улице начал идти снег, подбрасываемый ветром в лицо. Несмотря на непонятное состояние и мысли, сбившиеся в кучу, словно стадо овец, Джил довольно улыбнулась. Хорошее расположение возвращалось с каждой пригоршней снежинок, падавших на ресницах, чтобы через пару мгновений растаять в маленькие капельки. Это была зима, колдовское время наваждений и чудес.

В её гардеробе оказалось маловато вещей, пригодных для вечеринки. И еще меньше светлых и легкомысленных, праздничных. Джил неожиданно задумалась о том, что слишком мало времени уделяет таким мелочам, словно она превращается в синий чулок, теряющий интерес к самой себе. Выяснив, что на сегодня её платьем будет не изящное черное, из которого она, как оказалось, выросла еще пару лет назад в груди и бедрах, но которое по привычке продолжала считать пригодным, Джил влезла в нечто серое и попыталась не смотреть на себя в зеркало ниже подбородка. Она займется всем этим кошмаром в выходные, — раздраженно пообещала себе Джил, всё же оглядывая себя. Нет, серое ей не шло, как и волосы, собранные в унылый хвостик, и синяки под глазами. Это открытие не прибавило бодрости, но деваться было некуда.

Когда она вернулась, вечеринка уже набирала обороты.

Джил подхватила с подноса бокал и подвинулась к стене. Это было приятно — просто стоять и смотреть на то, как люди смеются, говорят о чем-то и заражают окружающих улыбками. Ни к чему не обязывающее веселье, способное разрядить гнетущие мысли и скованность. Джил невольно улыбнулась, наблюдая за безуспешными попытками коллеги флиртовать с безупречной блондинкой из финансового отдела. Молодой человек явно понимал, что окажется в проигрыше, но всё равно не оставлял попыток добиться внимания красотки.

За спиной Джил раздались приближающиеся голоса, некоторые из них были ей знакомы. Ненароком, словно поправляя складки на плече, Джил оглянулась. Воспитание, которое дали ей родители, не позволяло бесцеремонно повернуться и разглядывать людей. Неподалеку от неё остановилась группа людей, двое мужчин в ней были хозяевами адвокатской фирмы. Эти немолодые мужчины в итальянских костюмах, по слухам — партнеры не только в деловой сфере, обладали тем огоньком в глазах, что часто переходил в хитрую и колючую искру, если что-то обещало успех или выгоду. Остальные, двое мужчин и женщина, не были знакомы Джил. Во всяком случае, это были люди, внешность которых ясно говорила о достатке.

Ей наскучило рассматривать их, и Джил отвернулась. Застывшие в золотой оболочке люди были ей знакомы ещё по университету. Там была своя каста избранных, приезжавших на дорогих машинах, тративших отцовские деньги и устраивавших вечеринки на половину кампуса. Имей Джил желание, она могла бы оказаться в их кругу. Но она никогда не задумывалась об этом и не хотела присоединиться к их беспечному прожиганию жизни. Это положение не компенсировало тоскливой потерянности, мелькавшей за их выходками.

Сейчас Джил разочарованно констатировала, что её бокал полностью пуст, и решила,

что заслуживает еще одного. Сладкий вкус шампанского сладко дурманил голову и прогонял непрошенные мысли. Она оторвалась от стены, на которую удобно облокотилась, и направилась к столику, где нанятый на этот вечер официант разливал шампанское, а второй следил за пожеланиями гостей. Ей с дежурной улыбкой протянули полный до краев бокал, который обещал сладкое головокружение и радостный туман. Джил покосилась на бокал и внезапно передумала. Отчего-то ей перехотелось радоваться алкогольному дурману. Более того, хорошее настроение начало испаряться. Она посмотрела на часы, которые показывали почти десять, и решила, что вернется домой.

Джил уже выходила в фойе здания, в котором располагался офис, когда за спиной раздались голоса. Те гости, которые были с её боссами, тоже уходили. Она остановилась, разыскивая в кармашке сумки ключи от машины, и люди прошли мимо неё. Повинуясь безотчетному любопытству, Джил подняла глаза и посмотрела им вслед. Она не могла объяснить — что заставило её заинтересоваться ими. Один из мужчин помогал женщине надеть пальто, второй стоял у выхода, ожидая их. Затем за ними закрылась массивная стеклянная створка дверей, и в фойе вошел холодный воздух с улицы.

Пора заканчивать пить и возвращаться домой с унылым настроением, особенно если для этого нет поводов. Начался настоящий снегопад, а температура, похоже, упала ниже нуля. Джил смахнула волосы, взъерошенные ветром, с лица и зашагала к машине, припаркованной недалеко от здания.

Прямо перед ней стояли двое, громко выясняя отношения. Джил покосилась на парочку, обошла их стороной и подошла к машине. В салоне было прохладно, и она включила обогреватель, чтобы поднять температуру. Тонкие чулки зимой — не лучший вид одежды. Джил откинулась на подголовник мягкого кресла, вытянула ноги настолько, насколько позволял салон, и закрыла глаза. Тишина, наполненная ровным гудением, действовала расслабляющее на голову, погружая полудремотное состояние.

Джил сама не поняла, как долго дремала, и что заставило её открыть глаза. Она оглянулась по сторонам, поморгав, чтобы прогнать остатки дремоты. Двое продолжали ссориться, мимо проезжали машины. В этот момент мужчина размахнулся и отвесил женщине увесистую оплеуху, продолжая что-то орать.

Джил сжала губы и завела двигатель. Она сама виновата, что вместо того, чтобы ехать домой, торчит здесь и становится свидетелем подобного дерьма. Тем временем мужчина развернулся и зашагал прочь, а женщина, судя по всему, заплакала, хватаясь за стену здания. Джил отвела глаза, запрещая себе смотреть на неё. Сжала руль, словно он был якорем, глубоко вдохнула и выдохнула. Сосчитала до двадцати. Но это не помогло. Она выругалась и вылезла из машины.

Женщина по-прежнему опиралась на стену и плакала.

— С Вами всё в порядке? — Джил засунула руки в карманы пальто, чтобы они не замерзли. Женщина помотала головой и подняла на неё глаза. Кажется, её дружок основательно разбил ей лицо.

— Вам надо в больницу, — Джил подошла ближе к жертве мужских кулаков. Та наконец перестала всхлипывать и жалобно пробормотала:

— У мужа осталась моя сумка, а там телефон и деньги.

— Где Вы живете? — Джил испытывала смешанное чувство бешенства и жалости, переходившее в яростный красный туман, требовавший сломать мерзавцу руки, и недоумение — как так можно безропотно позволять использовать себя вместо боксерской

груши.

Женщина назвала адрес.

— Вы можете идти? Тут рядом моя машина, я довезу Вас до дома.

Джил протянула ей руку. Это была молодая женщина, совсем немного старше неё самой. На руке блеснуло обручальное кольцо, издевательски напоминая, что “хорошее дело браком не назовут”.

Пристегнувшись, Джил обернулась к своей пассажирке. Та прижимала к разбитой губе бумажный платок.

— Вы точно уверены, что вам не нужен врач?

Женщина слабо улыбнулась:

— Нет. Нет. Это же просто губа. Муж был немного не в духе, и всего лишь.

Джил кивнула, оставляя при себе свои мысли, и повернула руль, выезжая на дорогу. Дом, в котором проживала пассажирка, был расположен на улице, по которой Джил постоянно ездила на работу. Они без труда доехали до него, и теперь она наблюдала, как женщина, неуклюже помахав ей, поднималась по ступенькам крыльца. Когда она скрылась за дверью, Джил устало потерла глаза и поняла, что всё, что ей хочется, так это оказаться с головой под одеялом и не вылезать из него неделю.

Снег продолжал идти, а температура воздуха становилась всё холодней. Рождество обещало быть по настоящему белым и морозным. Махнув на всё рукой, Джил перебралась в добротный пуховик и сочувствовала красным носам и ушам коллег, пытавшихся ходить в модных пальто, тонких и продуваемых как решето вопреки погоде.

Утром мороз был настолько силен, что машину пришлось греть добрый десяток минут. Джил нервно смотрела на часы, понимая, что уже опаздывает на работу. Словно испытывая её терпение, машина не торопилась завестись. Потратив еще десять минут, Джил наконец-то выехала на дорогу и надеялась не застрять в пробке.

Люди спешили по улице, выдыхая клубы пара. Иней светился на ветках деревьев, окнах, отражаясь в лучах восходящего солнца тысячами искр. Зима словно остановила ход времени, дотронувшись до всего своей волшебной палочкой стужи.

Ещё не доехав до скопления машин, Джил поняла, что что-то неладно. Впереди автомобили сдавали вбок, объезжая край дороги. Джил почти подъехала к этому месту и смогла наконец разглядеть припаркованные машины полиции и скорой помощи, которые и заставляли машины съезжать вбок. Жизнь шла своим чередом, вплетая в круговорот не только свет и счастье, но и смерть и боль.

Она оставила это место позади, продолжая лавировать между такими же, как она страдальцами, не горевшими желанием застрять в пробке и опоздать к началу рабочего дня, когда неожиданно в голове вспыхнуло воспоминание. Дом. Она уже его видела. Заставив себя встряхнуться, Джил выехала из потока машин и припарковалась у обочины. Вероятно, её ещё и оштрафуют за парковку в неположенном месте.

Джил зябко поежилась на ветру выйдя из автомобиля, и подошла к людям, толпившимся около желтой ленты ограждения. Как раз рядом стояли две пожилые женщины из тех, кто обожает делиться мнениями и сплетнями. Она подошла поближе к ним и прислушалась.

— Бедняжка, — вздохнула одна, — такая молодая была. Почти как моя Эмма.

— Не повезло ей... Это животное, её муженек! — Подхватила вторая, — плохо так

говорить об умерших, но она сама хороша. Позволять ему колотить себя как собачонку!

Половина Джил знала — о ком шла речь. А вторая упорно не желала понять, о чем они говорят. Всё это не касалось её, но почему-то Джил не могла заставить себя уйти, словно что-то привязывало её к крыльцу дома, в котором должны жить милые семьи с детьми, проводящие выходные на природе и собирающиеся вместе в теплой гостиной. Из него не должны вывозить каталку с телом, закрытым в черный мешок. Не должны ходить полицейские по комнатам и газонам у дома. На руках детей не должны расцветать отвратительные пятна синяков.

На худом теле Райза не должны были прятаться следы от пинков его отца...

Ветер взметнулся и резко ударил Джил в лицо, заставляя глаза заслезиться. Она заморгала и наконец-то отвернулась от каталки с телом, которую закатывали в машину скорой. Джил побрела обратно, не обращая внимания на прохожих и запахивая плотней воротник от ветра, стремившегося сорвать с нее капюшон. Казалось, что все старые кошмары ожили и выползли из темных углов для того, чтобы торжествовать над ней.

Всё, во что она верила, только приносила боль и разочарования. И Джил думала, что детская надежда на то, что в мире есть что-то, что всегда приходит на помощь обиженным и что не дает злу торжествовать, угасла так давно, что от её веры остался лишь пепел. Если Бог и был, он явно не хотел видеть тех, кто страдал и умирал.

Джил торопливо перелистала папку. Непонятно, куда она могла подевать недостающую страницу. Либо перепутала с другой, либо забыла её на столе. Если она сейчас её не найдет и не приведет в порядок все документы, то запаникует ещё сильнее. Ведь папку нужно принести ни больше, ни меньше как сейчас же на стол самого босса. Не то, чтобы она выполняла роль секретаря, ей просто поручили дополнить список теми документами, которые были у неё. Джил чертыхнулась, оглядывая стол. На приличные манеры сейчас было вообще наплевать, на кону стояли её работа и нервы. Ещё секунда — и от них ничего не останется.

Ощущая себя так, словно она побывала в схватке со сворой собак, Джил с облегчением выдохнула, обнаружив недостающий листок позади всех в злосчастной папке. Она почти бегом двинулась к лифту, прижимая бумаги к груди, как дорогое детище, и мысленно повторяя все составляющие.

Секретарь кивнула ей, безмолвно поторапливая, и Джил отворила дверь, молясь, чтобы её никто не замечал. Один из двух боссов сидел за столом в непринужденной позе, которая говорила, что он крайне заинтересован в благополучном исходе разговора с собеседником. На вошедшую Джил никто не обратил внимания, и она проскользнула к столу, чтобы передать папку. Ну, совсем немного покосилась на сидящего с боссом мужчину, уступая любопытству.

— Спасибо, Кэйлаш, — удивительно, что начальство знает её фамилию. Она не сомневалась, что её, как одного из младших сотрудников, мало кто замечает. Но всё равно, это был приятно.

Собеседник босса неожиданно обернулся и взглянул на Джил. Он был симпатичным мужчиной среднего возраста, с открытым лицом и ясными голубыми глазами, смотревшими на мир спокойно и вдумчиво. Джил внезапно поняла, что стоит как истукан и разглядывает его. Мужчина улыбнулся, и что-то внутри Джил слабо пискнуло и упало в обморок.

— Ты не представишь меня молодой леди? — Этот человек говорил с её начальством на — ты. Ноги Джил стали ватными, а голова настойчиво подсказывала, что надо незаметно уйти. Но она продолжала стоять.

— Это Кэйлаш, Джил Кэйлаш, наш подающий надежды сотрудник. Джил, это Люциан Стоун, государственный обвинитель.

Мужчина с голубыми глазами поднялся навстречу ей и снова улыбнулся.

— Кэйлаш умудрилась выиграть самое нудное дело года, всего лишь апеллировав к правам собаки, — теперь всю её жизнь это дело будет преследовать Джил визитной карточкой собачьего защитника.

— Рад знакомству, мисс Кэйлаш, — ему хватило мгновения, чтобы взглянуть на её пальцы, увидеть, что на них нет обручального кольца и правильно обратиться к ней.

— Взаимно, — Джил пожала протянутую ей руку, ощущая себя деревянной куклой, руки и ноги которой двигались нелепо и угловато. Но Стоун улыбался настолько приветливо и светло, что Джил не могла не улыбаться ему в ответ, забывая о смущении.

Словно почуяв ситуацию, в кабинет вошла секретарь, неся поднос с кофе. Пробубнив что-то, Джил ретировалась к дверям и выдохнула, лишь оказавшись в лифте.

Невероятно. Человек, не проигравший ни одного процесса и никогда не шедший на сделки с совестью, на которого пару раз были совершены покушения и о котором столько рассказывали преподаватели в университете, стоял перед ней и улыбался.

Джил рассеяно провела рукой по волосам. Когда прозвенел сигнал лифта, и серые дверцы плавно разъехались, выпуская её, Джил наконец-то смогла придать лицу спокойное и сосредоточенное выражение. Правда, это было проблематично, поскольку губы сами растягивались в улыбку. И всё же, даже после того, как она с головой ушла в дела, приятное ощущение от встречи возвращалось, настраивая мысли на позитивный лад.

Время обеденного перерыва Джил хотела провести в офисе, но теперь передумала. Горячий шоколад и пара круассанов заслуживают большего внимания, чем гора бумаг. Она уже собралась уходить, когда дверь в её кабинет открылась. Никто иной, вероятно, как кто-то из коллег.

— Я уже уйду, поэтому давай поговорим позже, — Джил искала в самом нижнем ящике стола чистые листы бумаги.

— Я бы с большим удовольствием принял Ваше предложение, но позже я, к сожалению, не смогу. Через час мне надо вылетать в соседний регион.

Джил застыла от неожиданности, затем резко дернулась, отчего её голова довольно ощутимо приложилась к доске стола. Джил тихо зашипела от боли и выпрямилась, поднимаясь с пола. В одной руке она зажимала злополучную бумагу, а второй потирала ушибленное место. Невероятно нелепое и смешное положение. А перед ней стоял с все той же потрясающей улыбкой Стоун.

Джил мысленно закатила глаза, понимая, что на столе у неё бардак, сама она вылезла из-под стола, а на голове после столкновения со столешницей царит хаос вместо прически.

— Простите, я думала, что это кто-то из моих коллег, — она сложила бумаги на столе, создавая видимость порядка.

— И вы извините меня за вторжение. Но мне хотелось узнать больше о Вашем деле с собакой, — если бы его взгляд не был абсолютно серьезным, Джил решила бы, что он смеется над ней. В любом случае, упоминание об этом деле заставило её почти покраснеть и неприветливо ответить:

— Что именно? — Даже сознавая, что это выглядело грубо, Джил ничего не могла поделать с собой. Воспоминания будили что-то очень глубокое, личное, словно переворачивали глубоко засевший внутри осколок.

— Вы — единственная, кто обратил внимание на то, что другие сочли бы пустяком. Джил подняла голову, недоверчиво глядя на Стоуна.

— Что Вы имеете в виду?

— Почему Вы из адвоката клиента стали адвокатом животного?

Повинуясь странному желанию объяснить человеку, который внушал доверие и словно понимал её шаги, Джил пожала плечами:

— Потому, что я просто поняла, что мы не обращаем внимания на тех, кто зависит от наших решений. Мы часто не задумываемся ни о ком, кроме себя, считая, что наши обиды важнее. И принятые нами решения — самые справедливые, даже если они сделают больно кому-то, кто не может постоять за себя в силу каких-то обстоятельств.

Она отвела глаза, избегая смотреть на Стоуна, и, глядя в окно, продолжила:

— Я просто поставила себя на место собаки. На место ребенка. Старика.

На миг Джил оказалась посреди темной, пустынной ночи, перед старой развалиной, отдаленно напоминавшей дом. Пронеслись слова отца, говорившего по телефону с неизвестной женщиной об уходе из семьи. Она снова увидела разводы синяков на худой руке подростка. Джил знала, что увидит потом, самое худшее, внушающее желание вцепиться себе в волосы и завопить от медленно надвигающегося безумия. Поэтому заставила себя глубоко вздохнуть и вернуться к реальности. Она давно научилась бороться с прошлым, но порой оно не хотело уходить в темноту забвения.

Все же, она сильнее каких-то отголосков прежней жизни.

— Я предложил бы Вам выпить кофе и продолжить беседу, но, к сожалению, у меня осталось время только на то, чтобы доехать до аэропорта. Ваши слова звучат очень мудро. Вы никогда не думали о том, что Вам стоит защищать невинных людей, а не делить имущество при разводе?

Джил повернулась к государственному обвинителю. Этот человек словно смотрел ей в душу и сочувствовал тому, что она там прятала. Она хотела возразить, что мечты мечтами, а реальность оставляет ей именно последнее. Но промолчала, вежливо улыбнувшись.

— Всего хорошего, мисс Кэйлаш, — Стоун не улыбался больше, серьезно смотря на неё, словно сканировал её мысли, — Не изменяйте своим убеждениям.

Глава 8–9

Глава 8

— С Вами всё хорошо?

Он поправил рукава белоснежной рубашки, незаметно скрывая ладонь, обмотанную платком. Будет хорошо, если маленький лоскуток ткани не порозовеет прямо за секунды.

Вода звучно стекала по пологим склонам чаши раковины, унося с собой то, что могло привлечь внимание.

— Благодарю, всё в порядке, — отозвался мужчина, выпрямляясь и оборачиваясь к вошедшему человеку. Его безразличие прогнало появившееся бессознательное ощущение беспокойства, и вошедший отвернулся, поправляя пиджак и почти позабыв о том, кто находился рядом.

Ничего не изменилось за те несколько минут, которые он отсутствовал. Люди смеялись, шутили и разговаривали. Их эмоции, словно навязчивый туман, обволакивали и пытались

увлечь за собой. Но они оставались просто туманом, рассеивающим внимание, а потому — бесполезным.

Он сел за свой столик и улыбнулся своему собеседнику, который лениво оглядывал зал.

— Итак, я бы хотел выпить за успех этого невероятного процесса. За победу, — полный брюнет с подкрашенной проседью на висках поднял бокал, — признаться, я не ожидал, что всё получится так быстро и легко! Относительно легко, чем разгребать затем кучи мерзости. Это весьма неприятно — оказываться в качестве ответчика в суде. Как Вам удалось так просчитать всё, Гай?

Гай приподнял в ответ на его тираду свой бокал, явно не собираясь отвечать на неё. Но довольному всем брюнету ответ и не требовался. Привлеченная его громким голосом и открытым разглядыванием присутствующих, молодая женщина, сидящая за столиком рядом с ними, обернулась. Улыбнулась и, повернувшись к двум подругам, что-то сказала, отчего те тоже оглянулись на мужчин. Брюнет плотоядно ухмыльнулся и подмигнул им, заигрывая. Гай медленно допил вино, глядя на то, как его капли сияют багровым отсветом на тонком стекле бокала.

Всё было предсказуемо и скучно. Он не поднимал головы, продолжая смотреть на игру света в вине и не обращая внимания на смех и разговоры девушек, которые пересели за их столик.

— Как тебя зовут, дорогуша?

Этот голос, который можно было бы назвать даже приятным, раздавался возле его уха, раздражая все нервные окончания. А потому приятным он не мог быть. Кроме того девушка была полностью поглощена созерцанием его швейцарских часов, и, честно говоря, её мало интересовало его имя, если только вдобавок к нему не прилагался очень толстый кошелек. Гай продолжал любоваться багрово-красными всполохами, боковым зрением наблюдая за тем, как толстяк продолжает заигрывать с двумя соседками, сидевшими по обеим сторонам и хихикавшими от того, что он шептал им явно скабрзные штучки.

Девушка, продолжавшая настойчиво требовать к себе внимания, положила руку на плечо Гая, приняв его молчание за согласие к последующим шагам. Зря. Он ненавидел, когда кто-то пробовал нарушить его личное пространство, даже случайно, и ему стоило немалых усилий сохранить спокойствие и не смахнуть её руку, отбрасывая девушку прочь.

— Ты выглядишь очень сексуально. Я люблю парней с темными волосами, хотя все мои знакомые светленькие, прямо все до одного, — промурлыкала она, явно вознамерившись не останавливаться и отправляя свою руку в путешествие к его бедру, — Боже, что это? Ты порезался?

Медленно поставив бокал на стол, Гай опустил взгляд на руку. Повязка выбилась и продемонстрировала алые разводы на ткани. Он сжал пальцы, ощущая, как боль пронзает насквозь кисть, молнией ударяет по каждому нерву и жаркой волной долетает до чего-то внутри груди. Он прикрыл глаза, позволяя этому ощущению подчинить себя и прислушаться к тому, о чем говорила эта боль.

— Ты странный, — положительно, эта женщина была достаточно пьяна и не обладала чувством меры. Она захихикала, и ему пришлось почти стряхнуть её с себя, поднимаясь. Брюнет, заметив его движение, что-то сказал девушкам и тоже поднялся.

— Мне пора, — Гай пожал протянутую потную ладонь, ощущая как мужчина предвкушает ночь развлечений, — желаю удачи.

Он шел вдоль столиков к выходу, почти машинально отмечая чей-то смех, чьи-то

натянутые маски вежливости и любезности. Эмоции людей плыли дурманом, кружа голову и убеждая присоединиться к сиюминутному отдыху. Но за порогом весь мираж исчезал, растворяясь в холодном воздухе.

До рассвета оставалось ещё далеко. Ночное небо было похоже на бездонную пропасть, черневшую бесконечной дорогой куда-то за пределы видимой темноты. Гай выехал с парковки навстречу пустынным улицам, одиноко сменявшим все три цвета светофорам, и развязал узел галстука, сдергивая его с шеи.

Вода шумела и звучно вздыхала, ударяясь о край причала. В непроглядной тьме ангар для грузов выглядел большой бесформенной тенью. Если бы не включенные фары двух машин, припаркованных возле него, можно было бы довольно долго искать дорогу к входу в ангар.

Внутри находились двое. Один стоял у двери, поглядывая на дверь ангара время от времени. Второй сидел на старом стуле, к подлокотникам которого были привязаны его руки. На голове у него был натянут мешок, закрывавший лицо. Человек не шевелился, отчего казалось, что его тело является продолжением темной мешковины.

Стоящий у двери в очередной раз оглянулся и отошел в сторону, пропуская в открывшуюся со скрипом створку кого-то, кто почти слился с чернотой улицы за стенами ангара. А затем вышел, оставляя вошедшего наедине с сидевшим узником.

Мужчина неторопливо обошел привязанного и остановился перед ним. Он был чуть больше, чем полностью в темной одежде, что создавало эффект маскировки под ночное время суток. Но на свету тусклой лампы, покачивавшейся над его головой, оказалось, что на нем надета добротная кожаная куртка, которая своим угольным оттенком будто впитывала в себя свет и поглощала его без остатка.

Смотря на сидящего перед ним, мужчина заложил руки в карманы, словно раздумывал. Затем одним движением сдернул мешок с головы того.

— Что Вам нужно? — выкрикнул пленник, внезапно ожив и начав рваться прочь, — Чего Вы хотите? Сколько? Я заплачу!

Когда тусклый свет осветил лицо стоящего перед ним, пленник замер с недоуменным выражением на лице.

— Что это за нелепая шутка?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мужчина вынул из глубин темной кожи пистолет и неторопливо приставил его ко лбу пленника.

— Что всё это значит? Ты что, сошел с ума? — Он внезапно судорожно вздохнул, словно язык отказался слушаться хозяина.

— Ты прекрасно знаешь, что это значит, — голос человека, державшего пистолет между его глаз, звучал тускло, словно расползался вместе с темнотой по углам ангара, — нельзя продавать других и считать, что всё пройдет безнаказанно. Заключая сделку, не стоило пытаться продавать секреты тех, кто оказал тебе помощь. Неудачная игра не с теми людьми.

С лица пленника сбегала краска, когда он наконец-то понял, что происходящее — вовсе не шутка. Он дернулся снова, стараясь вырваться, и на свету блеснула проседь в темных волосах на висках.

Снимая глушитель с пистолета, мужчина словно не замечал сидящий перед ним труп. Словно это была просто груда тряпья, а не тело человека, еще пару часов назад заигрывавшего с женщинами, а сейчас безвольно обвисшего на старом офисном стуле с

пробитой головой. Поскрипывая кожей, в которую было одето его тело, он вытер лицо, на которое попали брызги крови. Поправил пояс, удерживавший кобуру, в которой без труда поместилось оружие, и направился к выходу из ангара, оставляя труп наедине с тишиной.

Вода вздыхала, словно размышляла о чем-то, известном только ей одной. Мужчина остановился у края причала, наблюдая за тем, как где-то далеко за горизонтом пролегла тоненькая полоска занимающегося рассвета. Позади негромко всколыхнулись волны, принимая в себя тело с привязанным к ногам грузом. Гай не обернулся, когда одна из машин чуть слышно заворчала двигателем и выехала с территории причала. Он ждал рассвет, который медленно поднимался над заливом, и его лучи превращали воду в багровые разводы, а небо занималось пожаром. Край солнца ещё не показалось, но от его предвестников стало уже гораздо светлее, отчего всё вокруг приняло розовато-алый отсвет.

Мужчина аккуратно стянул кожаную перчатку без пальцев с руки. Разжал и сжал кулак, потянулся к карману, вынимая небольшой складной нож, обманчиво кажущийся почти игрушкой. Он смотрел на руку, но на его лице не отражалось ни единой эмоции. Лезвие коснулось ладони и медленно двинулось по коже, оставляя за собой узкий след.

Ветер поднял рябь на волнах, заставляя багровый поток струиться навстречу солнечному диску, выплывавшему из глубин залива. Мужчина закрыл глаза. Он словно ждал чего-то, что должно было произойти.

Спустя секунду он открыл глаза, оценивая второй порез на ладони. Затем потянулся снова в карман, пряча нож и вынимая телефон. Будничным голосом, словно ничего не произошло, Гай заговорил, шагая к машине, ожидавшей его у ангара:

— Я возвращаюсь. Очень надеюсь, что меня ожидает горячая ванна и завтрак.

Полумрак старинного кабинета затягивал, словно он служил преддверием в некую глубокую нору. Пожилой мужчина легко распахнул массивную дверь, словно та была сделана из картона, и прошел внутрь.

— Я же сказал не беспокоить меня, — раздалось из глубокого кресла, стоявшего спиной к дверям, словно сидящий в нём не хотел, чтобы его видели.

— Уверен, для меня ты сделаешь исключение, — мужчина оглянулся, осматривая комнату. Тот, к кому он обращался, поднялся из кресла, и, хотя он сделал это неторопливо и небрежно, в его движениях скользило вынужденное уважение к старику:

— Я думал, это кто-то из прислуги.

Пожилой мужчина оттолкнул ногой шкуру, постеленную на полу ковром:

— Возможно, ты ожидал поклонниц или друзей?

— Меня они не интересуют, — Гай держался в тени, не поворачиваясь к мужчине. В его голосе скользнули нотки плохо скрываемого раздражения.

— Иногда мне почти досадно, что ты превратился в такого угрюмого нелюдимца. Почему ты ни разу не согласился поехать с Аноэлем, чтобы просто развлечься и отдохнуть? — его собеседник покачал головой и внезапно изменившимся от беззаботно-насмешливого к холодному голосом продолжил, — сегодня у нас важная встреча, и я хочу, чтобы ты сопровождал меня. Возможно, именно твое участие окажется решающим.

— Я буду готов.

Мужчина кивнул и, снова оглядев кабинет, спросил, направляясь к дверям:

— Неужели так приятно сидеть в потемках? Оставь уже эту дурную привычку.

Позади внезапно вспыхнуло пламя, озарившее своды камина, оно оживило комнату, привнес в неё тепло. Но стоявший перед камином Гай, резко дернулся, отступая снова в

тень.

— Это было так необходимо? — Злобно поинтересовался он, будто бы огонь внушал ему неприязнь. Пожилой мужчина равнодушно пожал плечами:

— Через полчаса я жду тебя, придется проявить некоторые из твоих талантов. Не думаю, что это будет очень приятной прогулкой, так что приготовься ко всему.

В ответ ему прозвучало раздраженное фырканье.

Вип-ложа ночного клуба, напоминавшего причудливую смесь викторианского шика и холодного техно, была полностью изолирована от остального пространства, открываясь в зал только с одной стороны балконом с декоративной резной балюстрадой, прятавшей под собой прочную металлическую конструкцию.

Тяжелая драпировка на стенах была на самом деле из очень легкой ткани, и только их колыхание от потоков воздуха из кондиционеров, установленных на стенах, выдавало их невесомость. Вся ложа была полна иллюзиями из призрачных переливчатых цветов, за исключением массивного кожаного дивана, стоявшего перед низким стеклянным столиком. Не иллюзорной была высокая женщина, сидевшая на диване и рассматривавшая танцующих людей в зале со своего места. С убранными назад локонами цвета карамели она казалась застывшей, и только движение ресниц, изредка опускавшихся почти на щеки и так же поднимавшихся, открывая золотистые глаза, нарушали её неподвижность. Она выглядела совершенно — от волн длинных волос и идеальной фигуры, до идеальных тонких пальчиков, держащих бокал. На фоне своей спутницы, невысокий темноволосый мужчина в костюме, явно стеснявшем его движения, казался невидимкой, не привлекая к себе внимания.

Занавесь над входом откинулась, пропуская в ложу тех, кого женщина и мужчина ожидали. Она поднялась с дивана, шагнув навстречу им, за ней шагнул и мужчина.

— Рада видеть Вас, — улыбка тронула губы красавицы.

— Надеюсь, что вам нравится в нашей стране, — пожилой мужчина неспешно прошел к дивану и повернулся к продолжавшему стоять у входа своему спутнику, — Это наши друзья с другой стороны океана, мой дорогой Гай, с которыми нас связывают тесные отношения.

— Гай, — женщина повернулась к нему и довольно откинулась на спинку дивана. Казалось, что она похожа на кошку, только что получившую новую игрушку, — будем знакомы. Мне нравится всё новое, а этот город полон новизны, и этим он меня приводит в восхищение.

Гай медленно обошел столик и опустился на диван напротив женщины. Это молчаливая демонстрация была рассчитана на то, чтобы она поняла, что так легко не получит то, что хочет. Женщина, подавив искру недовольства в глазах, опустила свои длинные ресницы, и оглядела из-под них мужчину. Одетый в костюм неброского цвета, Гай обладал заурядной внешностью, запомнить которую было бы сложно, даже при большем старании. Волосы, почти до плеч, были завязаны в хвост и казались с первого взгляда грязной массой, которой не мешала бы хорошая помывка. Он выглядел отсутствующим и, казалось, не проявлял никакого интереса к тому, что происходит вокруг. Даже женщина, откровенно разглядывавшая его, не привлекала его. Двое мужчин, тем временем, медленно пили коньяк, искрящийся в тонких изгибах стекла, и обсуждали ничего незначащие темы, словно все они собрались тут для того, чтобы отдохнуть, а не обсуждать дела.

Несмотря на откровенное безразличие Гая, женщина ещё больше пыталась привлечь его внимание. И чем неподвижнее был он, тем больше в её глазах вспыхивал огонёк желания, который она даже не скрывала. Спутник Гая наконец подошел к ним, улыбаясь улыбкой, в

которой не было ни капли эмоций и подлинной приветливости, от которой казалось, что его лицо не принадлежит ему, а всего лишь маска, которую он в любой момент может снять. Бросив взгляд на мужчину и женщину, сидевших напротив друг друга, он произнес:

— Гай слишком долго был в деловых поездках, и Вам наверно скучно в его обществе, моя дорогая Фомор?

Женщина медленно наматывала блестящий локон на тонкий палец и спустя мгновение отозвалась:

— Отнюдь, мой друг. Мне, напротив, хотелось бы, чтобы Ваш Гай чувствовал себя свободно и непринужденно. Он кажется мне весьма необычным.

Гай едва заметно растянул уголки губ в подобии улыбки, когда мужчина повернулся к нему:

— Поверьте, Дайен, в нём скрыто столько неожиданностей, что вы можете и пожалеть, что поддались любопытству узнать их лучше.

Зрачки Дайен расширились, словно занимая полностью радужку глаз, и она подняла подбородок, принимая вызов. Она отвела глаза от Гая и поправила складку на платье, волнами укрывавшее её от шеи до пола, когда тот поднялся. Спутник мужчины на секунду задержал взгляд на лице Гая, а затем равнодушно отвернулся, продолжая разговор.

Гай снял с себя пиджак, казавшийся чем-то несуразным, пошитым на пару размеров больше или меньше, настолько ужасно он сидел на нём. Материя едва слышно скользнула на диван, застывая замерзшей волной. Дайен заинтересованно взглянула на неё, ожидая продолжения. Гай молча шагнул прочь, выходя из ложи, и она, словно привязанная тонким, но прочным поводком любопытства, пошла за ним.

Он шёл сквозь толпу вперед, к танцполу, раздвигая попадавшихся на пути людей. В отличие от вип-лож здесь было душно, музыка взрывала барабанные перепонки, и сладковато пахло гашишем. Гай подошел к блестящему покрытию, на котором парочки топтались в подобии танца, попутно обжимаясь более-менее откровенно. В зависимости от степени дури и алкоголя в их головах и венах. Музыка стала тише, словно так было заранее оговорено, и люди, трезвея от наступающей тишины, стали оборачиваться и оглядываться. Женщина остановилась, наблюдая за Гаем, который сделал еще пару шагов вперед.

Музыка вернулась. Ритмичный стук, тяжело и глухо отсчитывающий ровные паузы, заполнил зал, заставляя парочки вновь начать свои движения. Вокруг Гая, стоявшего спиной к женщине, не спускавшей с него глаз, тем временем, словно образовалось пустое пространство, оставившее его одного. Кое-кто из танцующих остановился, с любопытством смотря на стоящего столбом мужчину, явно не понимавшего, что тут надо шевелиться, а не изображать из себя дорожный знак.

Но затем его тело стало двигаться. Спрятанное под одеждой, оно создавало ощущения чего-то текучего, льющегося, менявшего форму и положение. Неожиданно, не прекращая своих движений, Гай повернулся к зрителям. Его рубашка оказалась расстегнута, и её края скользили по его груди, повторяя каждое движение. Он опустил руки на пояс, и рядом с Фомор какая-то девица хихикнула в возбужденном предвкушении стриптиза. Но Гай всего лишь провел по кожаному ремню и неуловимым движением скинул рубашку с плеч, позмеинному выскальзывая из неё. Теперь он был обнажен, и всё ещё одет одновременно, голубоватые блики освещения скользили по изгибам мышц, напряженно натягивавшим кожу. Его плечи были широки, а тело — поджаро и обманчиво худощаво. Это создавало обманчивое ощущение того, что он не предоставляет угрозы, как те парни, от которых за

версту разит качалкой и тестостероном. Но каждое движение, напоминавшее скольжение змеи в густой траве, предупреждало об обратном. То, что он делал — не было ни танцем, ни приглашающим и обещающим продолжением стриптизом. Он словно тренировал каждую мышцу своего тела, проверяя её на прочность и мягкость. Этакая растяжка-разогрев.

Гай завел руку за голову, избавляя волосы от резинки. Они рассыпались, не доходя до плеч и не скрывая еле заметные шрамы на коже. Казавшиеся грязными и неухоженными, его волосы на самом деле были иссиня черными, гладкими, настолько насыщенного цвета, что их блеск создавал превратное впечатление.

Его движения продолжали приковывать внимание, а блеск кожи — в неоновом освещении заставлял не одну Дайен приклеиться к нему глазами. Женщина машинально провела пальцем по краю бокала в руке, о существовании которого она напрочь позабыла, наблюдая за скольжением ткани брюк на бедрах Гая, которая ещё оставляла намек на рамки дозволенного. Хотя, всё уже давно вышло за эти рамки, она была готова прямо сейчас заставить его оказаться в самом темном углу, чтобы узнать получше — на что способен этот непонятный хищник. Он гипнотизировал зрителей, заставляя их стоять и зачарованно наблюдать, не имея сил оторваться от зрелища. При этом Гай ни разу не поднял глаз, словно его тело жило отдельно от него, погруженного в свои мысли и находящегося далеко отсюда.

Когда он возник прямо перед Дайен, она почти вздрогнула от неожиданности. При всей её чуткости, она не заметила как он приблизился, но это не удивило её, а наоборот — заставило широко улыбнуться. Он смотрел ей в лицо, и Дайен внезапно поняла, что он смеется. Всё это время он сдерживал смех, который плескался в его глазах, словно это было два разных человека. Один — отсутствующий и безразличный, как кусок льда, а второй прятался за деланным безразличием и развлекался, наблюдая её растерянность и смешанные эмоции окружающих их людей.

Гай поднял руку, словно хотел дотронуться до её лица, и она затаила дыхание. Затем он на секунду замер, по-прежнему глядя мимо неё, мимо всех, и резко развернулся. Никто, кроме неё, не заметил искру, промелькнувшую над головами людей, и Дайен машинально оглянулась, пытаясь проследить за тем, куда она скользнула. Но перемещающийся свет прожекторов, скачущих в ритм музыке, мешал сфокусировать зрение, сбивая с толку.

Она обернулась на Гая и обнаружила, что он исчез. А вместо него на танцполе остались только люди, занятые своими делами и желаниями. Дайен нахмурилась, и направилась обратно, к вип-ложе. Она не привыкла, что бы то, чего она хотела, исчезало прямо из её рук. Особенно, если она хотела мужчину, который смог заставить её почти потерять голову за считанные секунды. Такое никому не удавалось, и сейчас дочь правителя Фомор испытывала острую необходимость получить желаемое в полное пользование. Желательно — абсолютно обнаженным и лежащим на шелковых простынях, так похожих на его блестящие темные волосы.

Декорации на стенах медленно колыхались, словно танцевали под невидимыми потоками теплого воздуха. По-прежнему спокойно и удовлетворенно спутник Гая постукивал по резным перилам, а самого Гая словно никогда здесь и не было. Когда Дайен вошла в ложу, он приветливо улыбнулся ей, словно не обращая внимания на то, что она кипела от раздражения, как собака, у которой отняли кость.

— Где он? — Казалось, что её мыслительная деятельность сейчас способна вращаться только вокруг одного Гая, а все инстинкты превратились в необходимость найти его.

— Я рад, что ты не осталась равнодушной к нему, — мужчина не сделал даже движения

в её сторону, словно его не волновало то, что она спрашивает. Дайен оглядела ложу, втягивая воздух, и неожиданно вздрогнула от запаха крови, пронзившего её ноздри. Затем её глаза нашли тело, застывшее в той же непринужденной позе на диване. Казалось, что он спит или прикрыл глаза, все так же улыбаясь какой-то шутке. Но в его глазу сияла жемчужина, украшавшая шпильку, несколько минут назад удерживавшую карамельные пряди красавицы. Она замерла, несомненно, испытывая потрясение от смерти спутника.

— Какие бы планы не задумала твоя голова, ты никогда не будешь настолько умна, чтобы обмануть меня. Ты приехала сюда, вынюхивая — можешь ли поживиться чем-то, сделав вид, что ищешь помощи и сделки. Но ты забыла, что ты — всего лишь одна из Фоморов, забытых и прозябающих в неизвестности Фоморов. Не ровня мне.

Дайен зашипела, а её лицо стало поддвигаться дымкой, словно кожа начала дымиться. Уши прижались плотно к черепу, а из-под дымки, окутавшей её, проступили странные уродливые черты покрытого морщинистой кожей лица, искажавшие прежний прекрасный облик. Глаза Дайен неотрывно следили за лицом пожилого мужчины немигающими узкими зрачками, разделившими радужку пополам. Но тот равнодушно отвернулся, словно уродливое создание, издающее приглушенное шипение, было ему неинтересно.

— Ты должна быть благодарна, что эта жемчужина не сверкает в твоей голове.

— Он был моей правой рукой долгие годы, — Дайен вцепилась пальцами, из которых внезапно, разрывая кожу, вытягивались когти, пронзившие кожаное покрытие дивана, — и я хочу за него крови твоего пса.

— Но ведь у тебя осталась левая рука, — мужчина поправил воротник своей рубашки.

— За кровь отдается кровь, — облаченное в сморщенную кожу старухи и обрамленное золотыми локонами, лицо повернулось к убитому. Дайен выдернула шпильку и брезгливо вытерла её о его пиджак.

— Я сам решаю — кому отдать долг, а у кого забрать последнее, — мужчина направился к выходу, — Не прыгай на ступени лестницы через пропасть, если не знаешь — достанешь ли до них.

Когда за ним закрылась звуконепроницаемая дверь, мужчина пошел прочь по коридору. Здесь было пустынно и тихо, это место охранялось, рассчитанное на тех, кто хочет провести время или важную встречу без лишних глаз и ушей. Мужчина достал телефон, который внезапно разразился трелью.

— Ты был великолепен, мой мальчик. Аноэль заберет тебя, а я должен вернуться. Мы скоро встретимся, я доволен тобой. Ты как всегда оправдал мои ожидания.

В тупичке переулка, куда не долетал свет фонарей, было темно. И вдобавок воняло чем-то, подозрительно похожим на мертвечину, из стоящих рядом возле дома мусорных баков.

Половина здания была нежилой. Дом, стоящий позади, был заброшен ещё раньше, чем его сосед, и зиял пустыми глазницами окон. Наверно тут ошивались местные наркоманы и мелкие банды хулиганов, ещё неспособных выйти на большие разборки, а потому существовавших на мелких улочках, где можно было безнаказанно отбирать кошельки и приставать к загулявшим девицам. Нетрезвая парочка, хихикая, заглянула в переулок, ища место, где можно было бы невозбранно пообжиматься, но учуяв запах, стоящий в воздухе,

передумала и побежала дальше. Где-то высоко над домами, в темном небе висел рожок желтой луны, бесстрастно смотрящей на ночную жизнь города.

Совсем рядом раздался скрип тормозов. Хлопнула дверь машины. Огромная тень закрыла собой вход в переулок, словно обладатель её был по меньшей мере великаном. Почти таким он и был, когда его большое тело, задевая выступы стен, двинулось по грязному подобию асфальта. Мужчина уверенно оглядывал развалины, словно знал, что искомое находится неподалеку. Несмотря на окружавшую его темноту, было сложно скрыть высокий рост и светлые до белизны волосы, создававшие ореол вокруг его головы, зачесанные назад на затылок. Однозначно, их хозяин заботился о своем внешнем виде, и тем необычной было его присутствие здесь.

Мужчина тем временем брезгливо поморщился, обходя мусорные баки. За ними открывался дверной проем одного из домов, имевший раньше решетку, а сейчас — уродливо открывавший пасть желающим заглянуть внутрь. Хозяин светлых волос шагнул вперед, кладя руку на пояс, под курткой, где очевидно пряталось оружие.

За остатками лестничного проема лежала груда битых кирпичей, упавших откуда-то сверху, и блондин обогнул их, уверенно шагая к ещё одному проему в стене. Он остановился перед ним, словно дальше было небезопасно, и прищурился.

— Эй, это я.

Не получив ответа, мужчина пожал плечами и шагнул вперед, словно не оставалось другого пути. Перед ним раскинулась большая комната, лишенная перегородок и стен. Заброшенное пространство утопало в темноте, пряча дальние углы и кучи строительного мусора на полу.

Блондин потер лоб и взглянул в темноту перед собой.

— Поехали домой. Не заставляй меня лезть в эту дрянь и вытаскивать тебя оттуда.

Спустя пару секунд раздался шорох шагов и шум откатывавшихся от ног идущего осколков кирпичей. Блондин покачал головой, когда навстречу ему вышел тот, кого он ждал:

— Ты выглядишь так, словно обкурился в хлам, или тебя заставили не спать пару недель.

Затем в его голосе скользнула искра тепла, и он, оглядывая стоящего перед ним, добавил, — Похоже, то, что ты сегодня делал, было тяжеловато, парень.

— Ты считаешь, что я разучился или потерял хватку?

Блондин предостерегающе поднял руки, в ответ на угрожающий тон собеседника:

— Остынь. Если бы это было тебе не по плечу, тебе бы не поручали такое.

Затем снова покачал головой и, развернувшись, пошел прочь, не оглядываясь — следует ли тот за ним.

Большой внедорожник казался белой вороной посреди пустой улицы, где такие машины появлялись с частотой полного парада планет. Блондин нажал на кнопку брелка, и машина отозвалась мелодичным откликом. Он всё так же не оборачивался на своего спутника, давая ему возможность ощутить себя в относительном одиночестве, в котором, судя по всему, тот явно нуждался.

В молчании они выехали на шоссе, уходящее за город, и им навстречу стали попадаться машины, спешившие в обоих направлениях и сверкающие фарами в ночном сумраке. Кто-то торопился домой, кто-то ехал на отдых, а кто-то просто рассекал трассу, наслаждаясь скоростью.

Блондин расстегнул кожаную куртку, под которой показалась перевязь чего-то,

похожего на наплечную кобуру. Он потянулся к магнитоле, явно намереваясь утопить салон в звуках *Bullet for my Valentine*, чье название мигало на дисплее, но взглянув в зеркало на темную фигуру спутника, сидевшего на заднем сидении, щелкнул пальцами и убрал руку.

Машина остановилась перед небольшим коттеджем, огражденным от улицы небольшим забором, по которому вился плющ, скрывавший секции под своей зеленью. Створка ворот отъехала вбок, пропуская машину, которая завернула на бетонированную площадку перед гаражом. Блондин отстегнул ремень и оглянулся назад, чтобы обнаружить, что его пассажир уже выбрался и захлопнул дверь прямо перед его носом.

В коридоре горел свет, и в нём пассажир внедорожника выглядел темной тенью, скользившей впереди.

— Я пойду спать, так что не шуми, — поняв, что ответа не дожидается, блондин спокойно свернул на лестницу, уходящую вверх на второй этаж. Казалось, что его ничуть не смущает поведение второго мужчины, и он привык к молчаливому игнору.

Мужчина тем временем толкнул дверь из темного дерева, за которой пряталась просторная комната. Полностью погруженная в темноту, которую должна была наконец-то прогнать яркая лампа, она всё равно не казалась гостеприимной. Гай уверенно шагнул в эту темноту, на ходу нащупывая и распахивая следующую дверь в стене и включая наконец-то небольшой светильник. Две тонкие стеклянные имитации свечей в канделябре ярко осветили ванную комнату. Возможно, секрет яркого света заключался в том, что их свет отражался в зеркале, занимавшем половину стены. Мужчина прошел к стеклянному покрытию, бесстрастно взирающему на него. Словно проснувшись, поднял голову, глядя на свое отражение, которое смотрело на него темным пятном, одетым в нечто, безнадежно испачканное строительным мусором, старой пылью и прочими прелестями заброшенных развалин.

Он оперся рукой на стену, согнул и разогнул пальцы второй руки и снова взглянул на себя. Из зеркала на него смотрело худое лицо с острыми скулами, обтянутыми посеревшей кожей. На изможденном лице тускло поблескивали глаза, словно в глубине за ними выключили свет. Он провел ладонью по волосам, беспорядочно свисавшим на лицо, и включил воду. Ручка крана, сделанная в виде головы льва, скалившего пасть, отливала медью на свету. Мужчина повернул её, прибавляя мощности струе воды, и неожиданно нахмурился. Отнял ладонь и развернул её перед глазами. Края недавнего пореза, пересекавшего ладонь, разошлись и обнажали рану, уже не кровоточившую, но всё ещё болезненную. Он осторожно коснулся пальцами участка кожи, пульсирующего оголенными нервными окончаниями. Замер, словно ожидая чего-то, что должно было вот-вот произойти, и поднял свои глаза снова на отражение.

Текли секунды, он продолжал напряженно ждать. Но ничего не происходило. Издав глухое рычание, мужчина со всей силой ударил кулаками по белоснежному краю раковины. От неё откололся кусок, с шумом упавший на пол и расколовшийся на более мелкие осколки.

Гай глубоко вдохнул и зажмурился, словно его внезапно одолел приступ головной боли. Ни возбуждения от вида совершенного тела леди Фомор, ни отвращения к её извращенным привычкам, о которых он узнал перед тем, как вошел в ложу. Ничего. Только боль возвращала проблески чувств в его сознание.

— Что за черт?!

Дверь в ванную отлетела, ударяясь о стену, и впуская в проем блондина. Он оглядел разрушения, ища того, кто проник внутрь и устроил весь этот погром. Но, не обнаружив

никого, скрестил руки на груди.

— Ну и чем тебе не угодил раковина? — поинтересовался он, при этом внимательно изучая стоящего перед ним творца беспорядка. Тот молчал, продолжая опираться на остатки раковины, вода из которой выплескивалась на пол, — Эй, я понимаю — тяжелый день и все такое. Но не ночью же, когда я только собрался заняться новой стратегией в игре!

Аноэль картинно закатил глаза, выражая свое мнение по поводу упорного молчания собеседника, и добавил, — Если устал, то отдохни, а не разваливай дом. Я не горю желанием жить под открытым небом, лишенным комфорта и собственной комнаты.

В ту же секунду Гай, стоявший у зеркала, поднял голову. Воздух вокруг него потяжелел, сгущаясь и темнея, словно наплзал темный туман. Блондин пожал плечами и развернулся, бросил:

— У всех бывают сложности, но ты превращаешься в отвратительного соседа.

Клубы темного тумана змеей скользнули вперед и оказались за спиной Аноэля. Они молниеносно сплелись в облако, которое отбросило его к стене и растаяло, оставляя вместо темного марева Гая. Аноэль оказался прижатым к холодному покрытию стены, а у его горла поблескивала тонкая полоска лезвия ножа.

— Если тебя не устраивает мое общество, то подыщи себе другое жилье, — голос, раздававшийся из-под спутанных волос, был невозмутимым, словно они обменялись мнениями о последней игре сборной. Аноэль ухмыльнулся, явно демонстрируя, что такое положение дел его больше устраивает.

Через секунду нож исчез, скрываясь где-то в рукаве рубашки. Мужчина отступил, отпуская блондина, который казался выше и мощней его, но не шевелился до тех пор, пока тот не убрал руку от его горла. Аноэль одернул футболку, на которой красовался черепашка-ниндзя, выглядевший на нём, по меньшей мере, неожиданно, и пошел к двери, но неожиданно остановился и произнес, не оборачиваясь:

— Иногда меня мучают сны. Словно какой-то обрывок чужого воспоминания. Просто обрывок какой-то. И потом хочется всё крушить и ломать, почти как ты сейчас раздолбал раковину. Но я просыпаюсь, и это проходит... Просто я стараюсь не заморачиваться на всяких снах. У нас, у всех бывают кошмары, поверь мне. Не давай им взять верх над тобой.

Он постоял ещё секунду, словно раздумывая, а затем скрылся за дверью.

Глава 9

Почтовый ящик опять забит мусором. Непонятные письма, рассылки рекламы. Казалось, что они размножаются как бактерии — ежеминутно и в геометрической прогрессии. Джил озлобленно щелкнула мышкой, удаляя очередной наплыв почты. Хорошо, что от электронной почты нет столько беспорядка, как от бумажной, иначе Джил утонула бы в кипе писем.

В ответ на её мысли издевательски щелкнул сигнал нового входящего сообщения. Джил потерла затекшую лодыжку и встала, чувствуя, как суставы ощутимо скрипят. Сидеть долго в одной позе она так и не привыкла.

Кофе. Ей просто необходим кофе с порцией сливок сахара. Правда, её стоматолог постоянно угрожал, что привычки сладкоежки доведут до проблем с зубами. Но живешь только один раз, не правда ли?

Дуя на обожженные о края горячей чашки пальцы, Джил снова уселась перед ноутбуком. Уставилась на незнакомый адрес, принадлежавший точно не агентам по продаже

нижнего белья или рекламной акции.

“Доброго времени суток, мисс Кэйлаш.

У меня есть свободная должность помощника, и я думаю, что Вы подойдете на эту должность больше, чем кто-либо, учитывая то, какие цели ставите перед собой. Жду Вашего ответа.

Люциан Стоун”

Джил поперхнулась кофе. Перечитала ещё раз короткий текст, чуть ли не с головой влезая в экран монитора. Да не может такого быть! После двадцатого или тридцатого прочтения, она подпрыгнула на стуле и завизжала, зажмурясь и зажав кулаки. Затем машинально оглянулась, словно от её вопля могла проснуться мебель.

Ну не фантастика ли? Джил не могла представить, что такое возможно. Трясущимися пальцами стала усердно нажимать на кнопки, печатая ответ и стараясь выглядеть в нём сдержанным и холодным специалистом. Никому не нужно знать, что она сидит в три часа ночи в старой мужской пижаме, пьет сотую кружку кофе и орет благим матом от радости.

Через десять часов после того, как счастливое письмо пришло на её адрес, Джил поднималась по ступенькам огромного здания. Светлое здание Дворца Правосудия, построенное в стиле раннего классицизма, дышало спокойствием, напрочь лишенным каких-либо вычурных элементов. Строгость и невозмутимость — вот, что говорила каждая плита мрамора, каждая колонна и каждый утонченный завиток резного фронтона.

Она оказалась внутри широкого вестибюля, по которому ходили люди, полностью занятые своими делами в отличие от её конторы, где иногда находилось время мимоходом поболтать с коллегами. Той части Джил, которая стремилась держать всё под контролем, нравилось равномерное и четкое течение времени Дворца Правосудия. А другой её части, о существовании которой порой Джил забывала, внезапно стало тоскливо, словно ей показали новую клетку и побренчали цепью, на которую ей придется сесть.

— Кэйлаш? — Проходивший мимо неё мужчина остановился, оборачиваясь к ней, в нерешительности замершей посреди вестибюля. Сегодня точно её день, раз первым, кого она встретила, оказался сам Стоун, — Пойдемте, я как раз ждал Вас. Спасибо, что ответили на мое предложение.

Джил внезапно ощутила себя совсем крошечной и потерянной, словно она оказалась новенькой в первый школьный день. Незаметно поправив пиджак строгого костюма, девушка поспешила за Стоуном, который уверенно прокладывал себе дорогу среди шедших навстречу людей.

— Не будем ходить вокруг да около, — Стоун отодвинул от себя папку и взглянул на Джил, — я тщательно ознакомился с Вашим личным делом, характеристиками. Одним словом — со всем, что мне только удалось найти, и пришел к выводу, что Вы — тот человек, который мне необходим.

Джил спокойно и внимательно следила за его выражением, надеясь, что выглядит компетентным специалистом, и прыгающее сердце не выскакивает из её глаз.

— Мне нужен помощник, правая рука, которая разделяет мою позицию и будет помогать разгребаться в этой массе дел, здесь и не только. Именно поэтому я и предложил Вам стать им. Вы не кажетесь мне человеком, который должен прозябать в средней адвокатской конторе. Давайте смотреть правде в глаза. Вы готовы положить жизнь, гордость и самое себя ради более высокого положения, или Вам хочется всю жизнь слушать тяжбы и покрывать грешки разной величины только потому, что клиент заплатил и взял Вас

фактически в рабство своей оплатой?

Он взглянул на Джил, и она неожиданно поняла, что он озвучил то, что она боялась признать. Что в один прекрасный день ей придется сделать выбор между совестью и конвертом с деньгами. Выбор, который не даст путей к отступлению.

Стоун молча смотрел на неё, ожидая ответа.

Джил разгладила несуществующую складку на юбке.

— Вы правы.

— Вам необходимо время обдумать всё? — Стоун снял трубку внезапно зазвонившего телефона и оставил её на столе. Джил помотала головой, не зная — говорить ей или подождать, пока Стоун ответит на звонок. Но он просто положил трубку на место и поднялся с кресла.

— Я согласна.

— Отлично. В таком случае Вам стоит завершить все дела и присоединиться ко мне. Все вопросы по Вашему оформлению беру на себя, Вам не стоит ни о чем беспокоиться, раз теперь мы в одной лодке. Добро пожаловать, мисс Кэйлаш.

Где-то далеко к городу приближалась весна. Ещё стоял холодный период конца зимы, снег лежал сверкающими глыбами, и ветер периодически пытался сорвать с прохожих теплые шарфы, чтобы задувать в лицо и за ворот снега. Но весна приближалась. О ней напоминали ожившиеся птицы, сбившиеся в стайки и громко перекрикивавшиеся друг с другом. По-весеннему теплей становилась синева неба, по которому все чаще бежали кучерявые облака, обещавшие скорую смену времени года.

Джил стояла у подножия лестницы Дворца Правосудия и смотрела на то, как природа постепенно готовится оживать. Волна воодушевления прошла, уступая место спокойному удовлетворению. Словно перед ней внезапно открылась новая дверь, обещавшая выход куда-то, на новую ступень жизни. Неожиданно в сумке зазвонил телефон, и Джил вернулась к реальности, ныряя за ним.

— Джил Кэйлаш? Это детектив Танилли. Я веду дело об убийстве. Вы можете приехать в участок?

С того момента, как она вернулась домой, прошло чуть больше двух часов. Но Джил по-прежнему сидела на кухне, в том же костюме, в котором ходила весь день, и продолжала пить кофе. Чашка за чашкой. Она не могла предположить, что вечер, в который она решила подвезти женщину после ссоры с мужем до её дома, потянет за собой череду событий, неотвратимых, как сход лавины.

Перед глазами вновь всплыл кабинет детектива, мужчины небольшого роста с цепким взглядом черных глаз. Откуда ей было знать о доброхотной соседке, которая протерла все глаза, наблюдая за тем, что происходило у неблагополучной пары? Именно эта старушенция умудрилась не только запомнить номер машины Джил, разглядев его в темноте улицы, но и сказать — как долго её машина стояла возле дома, с какой стороны подъехала, и как водитель вел машину, отъезжая. “Очень уверенный стиль вождения, сеньор Танилли”, — когда детектив передал её слова, Джил заметил искорку смеха в глубине его глаз. Но смех смехом, а теперь её ожидает роль свидетеля. Если это будет нужным для процесса.

Несмотря на полученные юридические знания, Джил неожиданно обнаружила, что не знает — что ей делать, оказавшись не адвокатом — штурманом в море лжи и уловок, а тем, кто сидит позади в лодочке и надеется на штурмана. Она поняла, что боится самой себя — если скажет что-то не то и не так, подонок получит шанс на лазейку и свободу.

Джил сползла со стула, на ходу расстегивая пиджак, и добралась до дивана, стоявшего в углу комнаты. Даже добраться до спальни с такой желанной кроватью не было сил, не то, что размахнуться на душ и пижаму. Джил столкнула подушку с дивана на пол и растянулась на мягкой плоской поверхности, закрывая глаза.

Кажется, ещё никогда она не чувствовала себя так отвратительно утром. Неожиданно взбунтовавшийся желудок угрожал невероятным штормом, стоило ей сделать хотя бы одно лишнее движение. Ужасно.

Она наклонилась перед зеркалом, надеясь, что положила в сумку какие-нибудь таблетки. Её больше никто не дергал, как маленькую собачку, не угрожала потеря работы. Но она внезапно ощутила огромный груз ответственности, очутившийся на её плечах, и вновь поразилась тому, какой же силой должен обладать человек, забравшийся в машину правосудия. Эта машина хромала, её колеса грозили отвалиться, но она продолжала оставаться на ходу и угрожала раздавить того, кто встанет на её пути.

Джил поморщилась, борясь с шумом в ушах. Внезапный приступ головной боли, последовавший за очередным скачком давления погоды, давал о себе знать звоном и тошнотой, несмотря на то, что она была выносливой от природы.

Внезапно перед её носом оказался блистер таблеток, лежащий на мужской ладони. Её хозяин стоял рядом с Джил, понимающе глядя на неё.

— Головная боль — самое неприятное, что только может быть, — Стоун кивнул на таблетки, — выпейте, мне они очень помогают.

Прямливая нечто, похожее на “спасибо”, Джил взяла упаковку, достала таблетку и потянулась за бутылкой воды, которую кинула в сумку ещё дома. Вместо габаритной косметички с кучей красящего барахла, которым она не пользовалась, Джил носила с собой таблетки и воду. И сейчас похвалила себя за это решение.

— Сегодня у нас одно слушание, а после — встреча с представителями министерства внутренних дел, — Стоун взглянул на часы, — держитесь рядом со мной и не обращайтесь ни на кого. Со временем привыкните ко всему.

Джил смотрела в окно машины, направлявшейся к зданию суда. Каждый шаг должен быть продуман, а каждое слово — взвешено прежде, чем хоть один звук слетит с губ. Она, неожиданно ставшая помощником прокурора, иногда думала, что всё происходящее — невероятный сон, который вот-вот закончится.

Но пока всё оставалось прежним, и Джил, идущая к скамье обвинителя, приказала себе забыть все, кроме того, что она должна сейчас знать и помнить. Она шла за Стоуном, думая лишь об одном — она теперь часть этой машины и должна работать так же, как хорошо подогнанная шестеренка этой машины.

В заполненном людьми зале стоял приглушенный гул, словно под потолком летал сердитый рой пчел. Он не смолкал, когда в зал ввели обвиняемого, мужчину с холемым лицом, в глазах которого плескалась насмешка над всеми присутствующими. Судебное заседание посвящалось сегодня не хулиганским разборкам и убийствам, здесь проходил процесс над хитрыми финансовыми махинациями. Словно разбирали сложную партию в шахматы, где на доске были не ладьи и слоны, а цифры и имена.

Джил внимательно следила за тем, как Стоун уверенно задавал вопросы. Он умудрялся говорить так, что казалось, будто играет в кошки-мышки со всеми, кто стоит по другую сторону баррикады.

Когда в перерыве он подошел к ней и сел, явно утомленный словесной битвой, Джил с уважением взглянула на его лицо, подернутое усталостью.

— Всё хорошо, — Стоун поймал её взгляд и улыбнулся, — единственное, что не хорошо, так это то, что вероятней всего будет ещё не одно слушание, и вполне вероятно, что его не получится посадить. Вас в университете к такому не готовили, да? Знакомьтесь, вот так выглядят настоящие преступники.

Она промолчала, отдавая должное его стараниям. Когда перед ними вырос адвокат обвиняемого, откровенно разглядывавший Джил с мерзкой усмешкой на толстых губах, она сделала вид, что перед ней пустое место. Интересно, но это сработало.

— Хорошая попытка, Стоун, — адвокат явно потешался над ним, — жаль только, что такие усилия пропадут впустую.

— Не стоит так радоваться раньше времени, если только твой клиент не начал жевать тонны бумаг своей черной бухгалтерии вместо сандвичей, — Стоун пожал плечами, откидываясь на спинку скамьи.

— Всякие чудеса случаются, — адвокат повернулся к Джил, — твоя новая игрушка... ох, прости, помощник? А где прежняя? Может ты её выпотрошил своей справедливостью и закопал где-нибудь за то, что она поняла — какой ты на самом деле зануда?

— Крайне проникательно, — Стоун улыбнулся, — но тебе стоит заниматься своим делом и оставить нас с мисс Кэйлаш в покое?

Джил, не моргнув и глазом, продолжала читать записи, мысленно надев на себя намордник и привязав к скамье. Её не волнуют слова толстых идиотов. Не волнуют.

Заседание продлилось ещё час, после чего судья объявил перерыв и назначил дату нового слушания, как и предсказывал Стоун. Получив наконец-то возможность выбраться из зала, где остро чувствовалась нехватка кислорода, Джил вышла в коридор, ожидая Стоуна, заговорившегося с кем-то из присутствующих.

Завибрировал телефон, заставляя карман пиджака подрагивать от движений корпуса.

— Мисс Кэйлаш, — голос детектива звучал устало, словно он не спал пару дней, — Вы должны приехать снова. К сожалению, Вы являетесь свидетелем, и я должен провести новый допрос.

— Я смогу приехать только часа через три, — Джил нахмурилась. Такая накладка была весьма несвоевременна.

— Я понимаю Вас. Жду вас в шесть в участке.

Оказавшись на улице, Джил поняла, что всё это время ей не хватало свежего воздуха, несущего свободу и спокойствие. Она расстегнула молнию куртки, несмотря на то, что вокруг царил пронизывающий холод, и вздохнула настолько глубоко, насколько её легкие могли вместить воздух. На какое-то мгновение Джил подумала, что наконец-то смогла стать сильнее своих страхов, и эта мысль вызвала у неё улыбку.

Сквозь рванные серые облака пробивался солнечный свет, и в воздухе тонко пахло надвигающейся весной. Перед зданием стояли люди, занятые своими делами. Какой-то высокий полицейский заметил Джил и улыбнулся ей. Она поняла, что рот чуть разъехался в ответной улыбке так, будто ей было лет пятнадцать, и на неё впервые стали обращать внимание парни. Серьезно, Джил ощущала себя моложе, словно с её плеч свалился груз последних лет. Она заправила выбившиеся из пучка волосы за ухо и пошла вниз по улице, наслаждаясь невероятным чувством облегчения и тишины вместо прежнего навязчивого гудения мыслей в голове.

Детектив Танилли действительно не спал уже сутки. Не считая массы бумажной волокиты, которую он откладывал в дальний ящик, а теперь был вынужден доделать, новое расследование висело над головой как дамоклов меч. Вроде бы всё было достаточно просто и очевидно, и сволочь, которая самоутверждалась за счет регулярных избиений жены, ждала тюрьма. Но в какой-то момент Танилли понял, что дело оборачивается неприятностями. Всё началось с того, что свидетели, поначалу рьяно рассказывавшие ему о том, как не ладилась совместная жизнь убитой и обвиняемого, начали нести околесицу. Да ещё такую, что получалось, будто муженёк был почти идеальным главой семьи, тогда как жена...

Детектив потерял глаза. Было понятно, что что-то мешает расследованию, что — он не мог понять. Оставался ещё один свидетель, способный дать четкий ответ, и в словах которого никто бы не усомнился. Танилли подозревал, что именно от показаний Кэйлаш будет зависеть — какое наказание получит недоносок. У него имелся собственный зуб на таких, как он, распускавших руки на своих жен, сестер и дочерей. Танилли слишком хорошо помнил, как вечерами его отец, вернувшись из очередного рейда по кабакам, начинал доказывать семье — кто в доме хозяин. У каждого есть скелеты в шкафу.

О, да. У каждого. Даже у мисс Кэйлаш. Детектив наблюдал за тем, как она вошла в участок. Он на ходу потягивал неизвестную жидкость, имевшую смелость называться кофе, но хотя бы горячую, отчего клетки серого вещества нехотя начинали шевелиться.

Джил оказалась в участке, и от мира за его стенами её отделяла крепкая дверь. Танилли отчетливо видел, как на её лице чередой пробегали неуверенность, почти что страх, а движения внезапно стали скованными, словно небольшая женщина превратилась в шарнирную куклу. Она была в ситуации, когда что-то заставило её испытать переживания, наложившие глубокие шрамы на восприятие полицейского участка и полиции в целом. И хотя все эти эмоции проскользнули на её лице всего лишь на какую-то долю секунды, старательно затем спрятавшись за большим непробиваемым скафандром, который она, видимо, носила круглосуточно и не снимая даже на ночь. Танилли испытывал к ней долю сочувствия. Он достаточно долго работал, чтобы распознать за маской успешности пострадавшего или насильника. Есть два типа пострадавших — те, кто пытаются закопать прошлое и уйти от него. Чтобы их никто не трогал в их убежище. И те, кто за броней спокойствия втайне продолжает жаждать справедливости. А это значит, что Кэйлаш будет сотрудничать с детективом.

— Вы понимаете, что если суд решит, что погибшей нравилось быть жертвой, они не будут объективны по отношению к преступнику? — Танилли словно рассуждал о погоде за окном.

— Понимаю, — Джил знала о ряде случаев, когда домашнее насилие легко переводили в милое развлечение по обоюдному согласию.

— Я хочу, чтобы козел получил по заслугам, а не отделался отдыхом за решеткой, — детектив может и выглядел усталым, но его голос говорил обратное.

— Я тоже хочу этого, — произнесла эти слова, Джил внезапно поняла, что она сама, бегущая по ночному грязному лесу, так и не ушла в прошлое. Она всё еще продолжает брести по нему, желая справедливости, даже не смотря на то, что её преследователь давно уже мертв. Смерть позволила ему избежать наказания, а значит ни она, ни погибший в пожаре тюрьмы Райз не были отомщены.

Когда Джил снова взглянула на Танилли, то осознала, что он, смотря на неё, видит

насквозь каждую её мысль и понимает, о чем она думает.

— Мы посадим его.

Она догадалась, что это касалось не только убийцы, но и её прошлого, о котором они теперь знали оба. И Джил внезапно захотела поверить, что этим судом сможет похоронить всё то дерьмо, которое продолжало идти следом за ней.

Танилли ещё раз взглянул на лежащую перед ним папку с данными о свидетеле. Как он и догадывался, Кэйлаш была уже однажды вовлечена в подобное, но почему-то об её участии в деле было слишком мало сведений. Зато теперь Танилли был уверен в том, что женщина увидит в происходящем отголоски своего прошлого и захочет избавиться от них, участвуя в процессе.

Глава 10–11

Глава 10

— Какие планы на вечер?

Аноэль с любовью оглядел Глок, который только что закончил чистить. Большая плазма, висевшая на стене, показывала какой-то наиглупейший мюзикл. К ним блондин питал невероятную слабость, впадая в какое-то состояние слабоумия и попыток подпевать в самый неожиданный момент, пугая всё живое в радиусе мили вокруг.

Гай снял наушники и отвернулся от монитора.

— Можно поехать прогуляться в бар. Я не против проветриться, — Аноэль вытер руки, оглядывая оружейную мини-мастерскую, раскинувшуюся перед ним.

— Езжай, — Гай пожал плечами. Он и задал этот вопрос в надежде избавиться от подвывания Аноэля и дурацким восклицаниям “Боже, я сейчас заплачу!”, “О, как трогательно!”. Если тот пробудет рядом ещё хотя бы полчаса, Гай потеряет контроль и захочет начать убивать всех, кто просто подвернется под руку.

— Один? Я рассчитывал на твою компанию, — Аноэль похлопал себя по карманам, ища что-то. Затем хмыкнул и поднял с пола зажигалку, — мало того, что ты не заводишь себе подруг, так тебя ещё и не заставить выпить.

— Если у меня возникнет желание выпить — для этого есть полный бар внизу, — Гай поправил наушники и погрузился в работу, откровенно демонстрируя, что разговор закончен. Он не собирался обсуждать с Аноэлем отсутствие женщин, секса и шумных развлечений.

Они оба не были никогда правдивы друг с другом настолько, насколько могут быть правдивыми два человека, живущие под одной крышей. И их отношения явно не были похожи на отношения двух друзей. Но за этой постоянной игрой скрывалось больше, чем просто знакомство — как-никак они были напарниками в том, что делали. И это связывало крепче, чем совместные походы по клубам и выпивка.

Раздался грохот чего-то, падающего на пол. Аноэль замысловато выругался, глядя на растекающееся по узору паркета масляное пятно. Гай улыбнулся, оборачиваясь на звуки погрома и глядя на выражение лица парня.

— Не стоит так переживать, это просто лужа, — он снова отвернулся к монитору, — позови нагов, они всё уберут. Или я могу позвать. Если ты от переживаний не можешь оторваться от дивана.

— Ты прекрасно знаешь, что наги прячутся по углам, едва только заведешь тебя, — Аноэль поднялся со своего места, — на их месте я бы тоже прятался, повстречайся мне подобие летучей мыши, худое и вечно хмурое.

Последнюю фразу он произнес провокационно-беззаботным тоном, словно не адресовал это Гаю. Тот никак не отреагировал на подкол и продолжил работу.

Несмотря на то, что он привык к нитью Аноэля об аскетичном образе своей жизни, оно порой задевало его. Гаю не была нужна разрядка, он отстраненно отмечал фигуру или размер груди той или иной случайной встречной, но все они словно проходили мимо него. Он так же равнодушно прокручивал каналы и видео с порнографией, ни на секунду не ощущая желания затормозить и посмотреть — что же там дальше. Выпивал спокойно столько, что здорового мужчину это могло свалить с ног после последнего глотка. Но рассуждения Аноэля звучали так, словно Гай был чем-то не похож на других, некая ошибка природы, будто в его жизни отсутствовало нечто важное. О, да, секс и выпивка — как это по-человечески, измерять все блага жизни их наличием.

Он пытался пару раз встретиться с девицами. Но они не могли даже на секунду пробудить интереса в нём, и его тело равнодушно молчало, не отвечая на все их старания. Словно Гая таким и создали. И он оставил эти попытки, выяснив, что женщины не будут его слабым местом. Тем лучше, поскольку он был создан думать, рассчитывать и убивать.

Как только Астон-Мартин Аноэля выехал за ворота особняка, Гай откинулся на спинку офисного стула, снимая гарнитуру. Правая рука немела, словно кровь перестала поступать к тканям. Он сжал кулак, пытаясь избавиться от неприятного ощущения и вернуть кровоснабжение конечности. Но ощущение не проходило, а напротив — нарастало.

Кажется, его звали.

В голове нарастал звон, словно менялось электро-магнитное поле, и мозг пронзали сигналы, частота которых заставляла биться в агонии каждое нервное волокно. Гай поднялся и, стараясь идти прямо, не шатаясь, направился в свою комнату. Чем раньше он доберется, тем меньше будет слышно и видно тем, кто есть в особняке кроме него — едва заметным нагам, поддерживавшим дом, скользившим неслышной змеиной походкой и излучающим прямо-таки ауру неодобрения. Аноэля они жаловали гораздо больше, — внезапно всплыла абсурдная по своей неуместности мысль.

Гай толкнул дверь, стискивая зубы, и втащил свое, теряющее управление тело в комнату. Не в силах сделать больше ни шагу, он опустился на теплый пол, больше не борясь с дрожью, охватившей его с головы до ног. Теплым пол никогда не был, но сейчас температура тела Гая падала настолько ниже нормы, что куча льда — и та показалась бы теплой.

Кончики пальцев на правой руке продолжали неметь и пульсировать. Гай глубоко вдохнул, стараясь задержать воздух в легких. Внезапно на коже, уходившей под ногтевые пластины, вспыхнуло тонкое, дрожащее синеватое свечение. Оно словно впитывало в себя болезненные ощущения, разрастаясь при этом в огоньки пламени, танцевавшие на коже и протекавшие под ней нитями, тянувшимися вверх и переплетававшимися между собой. Его кожа горела. Мужчина выдохнул, сдерживая желание закричать, и наклонился, опираясь на руки, по которым стремился вверх синеватый огонь. Это был особый дар — связь с тем местом, где его ждали, без необходимости использовать Проходы между мирами. И, как любой дар, он имел свою стоимость.

Теперь горело всё его тело и плавилось, оставаясь при этом целым и невредимым. Каждый раз был как новое испытание его выдержки и силы, и Гай знал, что это необходимо. Главное, чтобы никто больше не видел его и не созерцал то, как он уходит.

Когда его полностью поглотило холодное пламя, заставляя мышцы сократиться, а тело

— выгибаться дугой, адреналин из надпочечников рванул в сердце, заставляя от шока застыть все внутри. Через миг это тело осядет тяжелой массой на пол и будет ждать его возвращения. Всего лишь одежда, оболочка.

Находившееся где-то на краю земли, лежащей между несколькими мирами, это место напоминало неплохо сохранившийся дворец, окруженный тонкими шпилями башен, нацеленных в небо. Черневшие провалы окон-бойниц смотрели на тех, кто мог оказаться поблизости, кровлю кое-где заменили стволы и плети вьющихся по стенам и перекрытиям крыши растений, похожих на дикий виноград. Когда-то величественная дорога ко дворцу давно исчезла под мелким кустарником, а её начало обрывалось, уходя в мертвенную гладь стоячей воды болота, окружающего дворец. Казалось, что тут нет ничего живого, ни птиц, ни ветра, со свистом гуляющего промеж старых, голых стволов деревьев, похожего на джунгли леса, обступавшего постройки.

Возникшее из ниоткуда темное облако скользнуло над тихой гладью воды, почти касаясь её, и стремительно потекло навстречу дворцу. Перед черным провалом арки входа оно опустилось вниз, словно сгущаясь над землей. Так же неожиданно, как и появилось, облако растворилось, оставляя на потрескавшихся, каменных плитах мужчину, который поднялся на ноги и уверенно шагнул вперед.

Тяжелые занавеси, охранявшие вход, сами распахнулись, сворачиваясь в кольца и пропуская его внутрь. Пара факелов, висевших в гнездах на стенах, вспыхнули, освещая каменную кладку высоких стен коридора. Если снаружи замок казался свидетельством разрухи и запустения, то внутри всё было прямо противоположным. Черный и зеленый. Черный и золотой с алым. Эти цвета окрашивали стены в поблескивающие грани драгоценных камней, и возле них словно сам воздух искрился и мерцал, переливаясь.

Мужчина остановился на пороге большой залы, явно предназначенной для праздников, в дни которых её украшали не менее пышные гирлянды, флаги и цветы — в зависимости от праздников и церемоний. Огромные стрельчатые своды, смыкаясь где-то в темноте, которую не освещали темные люстры, тихо позванивающие подвесками. Когда-то их зажигали, чтобы озарять залу, а сейчас они оставались безмолвными тенями, танцующими где-то в высоте.

В самом дальнем углу зала трепыхалось пламя в небольшой жаровне, как чье-то судорожное дыхание.

— Я ждал тебя.

Холодный голос прозвучал негромко, но его звуки облетели помещение, отражаясь от стен и проникая в каждую трещину камня. Мужчина пересек зал, направляясь к высокому креслу, стоящему в противоположной жаровне стороне и казавшемуся похожим на подобие трона.

— Что нового произошло за это время? Подойди ближе, здесь твой дом, и тут тебе не стоит задумываться о том, какой ты настоящий, и каков твой облик. Я чувствую в тебе тонкий запах смятения и привкус стыда. С чего вдруг, мой мальчик? Стыд — ненужная вещь. Как камень для пловца. А сомнения лишь путают разум.

Мужчина остановился между жаровней и троном, дрожащее пламя освещало его мешковатую одежду, в которую он кутался, будто не мог согреться.

— Все благополучно, никто не мешает делам. Мир покоряется так же легко, как шахматная доска.

Из кресла раздался довольный смешок. Вот только радости в нём было столько же,

сколько и тепла в холодную зимнюю ночь.

— Это хорошо, мальчик мой. Если бы я мог дальше находиться там, лично наблюдая за всем, то уже полмира платили бы за воздух, которым дышат и воду, которую пьют, не подозревая — кому они обязаны своим существованием.

Мужчина почтительно наклонил голову, продолжая молчать. Хотя он и казался преисполненным уважения, но весь его вид показывал, что он лишь на секунду склонился перед кем-то важным для него. Но это не значило, что он так же будет молчать и повиноваться кому-то другому.

— Может, ты хочешь что-то для себя? Скажи, и я дам тебе всё это.

Из кресла поднялась фигура, словно сотканная из мрака. Её очертания расплывались, меняли форму и, если бы не плащ с глубоким капюшоном, скрывавший эту иллюзорную фигуру, она могла легко сойти за туман с болота, вползший в зал.

— Почему ты не хочешь быть таким, какой ты есть? — Фигура приблизилась к мужчине. Обошла его кругом, — тебе нужно скрываться свои возможности лишь там, на другой стороне. А здесь ты тот — кто ты есть на самом деле.

— Я горжусь тем, кто я есть. Я знаю, что я есть.

Мужчина поднял голову, позволяя свету от камина упасть на лицо и осветить его, словно демонстрируя свои слова.

— Так лучше, мой друг. Так лучше, — фигура остановилась, — Гораздо лучше. Если бы встреча с Дайен Фомор, этой девчонкой из их северного, докучливого племени, не отняла бы столько времени, я остался бы с тобой, лично наблюдая за всем. Но мои силы не безграничны, поэтому я снова и снова вынужден возвращаться обратно.

Он скользнул вперед по зале, и вслед ему один за другим зажглись факелы, освещавшие подрагивающую темноту. Мужчина неподвижно стоял, словно происходящее за его спиной было таким же обыденным как смена дня и ночи, которых тут, по всей видимости, не существовало. Поскольку сложно найти разницу, когда за стенами — свинцовое небо и полумгла, прячущая всё на расстоянии вытянутой руки.

— Возвращайся. Скоро возникнут небольшие сложности, но ты прекрасно разберешься с ними, — фигура остановилась посреди зала, и то, что пряталось под неподвижным капюшоном, повернулось к мужчине, — сложно иметь дела с теми, кто ни во что не верит, но и приятно при этом. Их наивность и уверенность в том, что они — господа и хозяева всего сущего, не прекращает восхищать меня. С таким человечеством иметь дело проще, чем с тем, которое всего боялось и пряталось по углам, как крысы. Возвращайся к своим делам, я полагаюсь на тебя.

Мужчина поклонился, не произнося ни слова. И так же, как тот, кто неподвижно завис посреди прячущей под сводами темноты, перестал быть чем-то четким. Его тело потеряло границы, превращаясь в туман и растворяясь среди переливающихся стен. Пламя вспыхнуло, взметываясь от порыва ветра, который унес призрачную тень, и снова вернулось вниз, мерно подрагивая на чаше жаровни.

Гай шевельнулся. Конечности свело так, что казалось, будто тело окаменело. Он неуверенно приподнялся, пытаясь сесть. Почему каждый переход сопровождался болезненным ощущением, он не знал. Но принимал это как обратную сторону путешествия в другое измерение.

В дверь негромко постучали, словно уже некоторое время пытались привлечь внимание, не решаясь на более смелые попытки. Гай, пошатываясь как новорожденный теленок,

подтянул себя к стенке кровати, стоявшей в спасительной близости, и выдохнул.

— Войдите, — кто бы там не скребся, он прекратил свои старания. Дверь приоткрылась, и в ней показалось невысокое создание, чуть выше метра, закутанное в нечто, похожее на моток ткани, скрывавшее его почти с головой. Лицо его было преисполнено достоинства и спокойствия, словно на его счету был не один век. В глазах с узким, вертикальным зрачком застыло уважение к тому, кто сидел на полу у кровати, но на дне темных глаз таилось неодобрение.

Сохраняя безопасную дистанцию, существо чуть отодвинулось от оставшейся приоткрытой двери и произнесло:

— Господин Аноэль вернулся, и он крайне обеспокоен. Он просил передать Вам, что ему необходимо срочно поговорить с Вами, когда он вернется.

Гай закрыл глаза, откидывая голову назад на кровать:

— Хорошо.

Молчаливое спокойствие нагов раздражало, а иногда было очень даже уместно, несмотря на некую антипатию к Гаю, причину которой он не знал, но и большого значения этому не придавал. Между тем, наг продолжал стоять, словно ожидая чего-то, и Гай открыл глаза, глядя на него.

— Я же сказал, что слышал тебя.

— Я слышал Вас, — наг, не теряя достоинства, чуть отступил назад, словно ожидал, что Гай может броситься на него, — но господин Аноэль уже уехал снова, устав Вас ждать, и вернется только через пару часов.

— Что за бред, с чего ему уставать от ожидания, — Гай поднял руку, которая еле шевелилась, и потер глаза. Путешествия в другие меры без помощи Проходов были слишком опасны и трудны, они могли тянуться по много часов. Особенно, если кто-то могущественный лично призывал в свой мир собеседника. Сейчас Гай ощущал себя просто измочаленным, как лошадь после скачек.

— В этот раз Вы отсутствовали сутки, господин.

Глава 11

Гай снял темные очки и медленно выехал на проезжую часть. Подключиться к базе полицейского участка было не так сложно, супергероям из полиции явно не мешало заниматься безопасностью своих сетей. Он выкачал полностью данные по делу недоумка-бухгалтера и мысленно наметил первостепенные действия. Несколько участников, из которых только двое представляли возможную проблему, остальные — мусор, пустое место. Старушки-божьи одуванчики полностью поддержали возникшую в их головах мысль, что современное поколение ведет себя странно, увлекаясь нетрадиционными развлечениями и возбуждаясь от толики жестокости.

Ох уж эти вечно вынюхивающие старухи, которым словно паразитам, нужно что-то новенькое, чтобы занять их умы!

Гай не стал подходить к участку, рассудив, что это абсолютно лишнее и только привлечет к нему ненужное внимание, что было бы крайне неосмотрительным. Он ехал вниз по улице, когда на перекрестке загорелся красный свет, и машины остановились, уступая переход пешеходам. Серая, безликая толпа, спешащая по своим делам. Женщина, переходившая дорогу, оглянулась на поток машин, и Гай на секунду встретился с ней взглядом. На какой-то миг ему показалось, что она смотрит прямо на него через тонированное стекло машины. Что, в принципе, было невозможным.

Светофор наконец-то мигнул желтым, торопя прохожих, и наконец-то дал дорогу машинам. Толпа поглотила женщину, которую Гай толком не рассмотрел. Он не имел привычки заглядываться на проходившие мимо длинные ноги, но почему-то сейчас обратил внимание на эту незнакомку.

Гай пока ещё не решил, что будет делать с теми свидетелями, которые могли помешать ему вытащить бухгалтера. Нажав на кнопку встроенного в приборную панель экрана, он вывел на дисплей фотографию детектива, ведущего дело. Солнце теплых земель Италии оставило на нём свой отпечаток, добавив в его кожу бронзы. Мужчина остро смотрел на Гая, и в его глазах блестел недюжинный ум, отличавший его от многих. Будь это другая ситуация, Гай с интересом понаблюдал бы за ним, но сейчас этот ум был лишь ненужной помехой. Придется ждать, когда дело будет передано в суд, а пока — внести залог и держать ситуацию под контролем. Он перелистнул изображение. Второе лицо с беспокойным выражением принадлежало сводной сестре покойной, с которой её связывали совсем не дружественные отношения. Она претендовала на наследство их общего отца, и Гай поставил мысленно галочку, что тут не возникнет проблем.

Он выехал на широкую улицу, где его автомобиль влился в движение. Машины помельче уступали дорогу, а тех, кто не уступал, Гай обгонял, лениво надавливая на педаль газа. Поток плавно направлялся к дорожной развязке, распределявшей транспорт по нескольким мостам.

Гай снова дотронулся до дисплея, выбирая последнюю фотографию из трех. Он на секунду задержал руку над экраном, внезапно понимая, что уже видел это лицо. Неприметное женское лицо, на котором самым запоминающимся были глаза. Все остальные черты словно стирались из памяти, несмотря на то, что она была и не красавицей, и не уродиной. Гай ещё раз взглянул на неё, пытаясь понять — где он мог её видеть. Неожиданно позади раздался нетерпеливый сигнал, торопящий его ехать дальше. Он взглянул на светофор, который уже мигал зеленым, готовясь переключаться. Видимо Гай настолько погрузился в свои мысли, что потратил добрый десяток секунд. Мимо проезжали машины, объезжавшие его, и, наверно, каждый водитель высказывал трехэтажным матом мнение о придурке, застрявшем посреди полосы. Кажется, какая-то блондинка даже показала ему средний палец. Гай отвел взгляд от фото, опустил на глаза очки, мимолетно раздумывая — хватает ли в голове белобрысой курицы мозгов хотя бы на фалангу её пальца? — и свернул на съезд развязки под истеричные сигналы окружающих, для которых желтый свет светофора был сродни табу на лишний оборот колёс.

Дисплей ожил, запуская систему искусственного поиска, которую Гай приобрел у спятившего программиста, променявшего свое детище на недельный запас героина. Как же всё просто — парня мечтали прибрать к рукам работники спецслужб по всяким секретным разработкам, обещавшие ему все блага мира. Но наркоман, пускай даже и крайне гениальный, стоил куда как дешевле — всего лишь небольшая упаковка белого порошка полностью окупала с лихвой все семизначные цифры стоимости его творения. И Гай оставил парня, лихорадочно ищущего шприц в загаженной квартирке, унося с собой вещь, стоившую столько же, сколько стоил центнер героина. Парадоксально.

Надо найти все данные о женщине на третьей фотографии. Гай некоторое время колдовал над системой, создавая ей доступ ко всей человеческой паутине, включая разнообразные уровни — от общедоступных сетей до темного интернета разной глубины. Теперь половина дел могла решаться проще и быстрее, подчиняясь небольшому миксу из

магии и технологий.

Люди такие смешные. Наивно полагаются на то, что их мир — единственный в своем роде, а их знания — исчерпывающе достоверны и правдивы. Как бы они отреагировали, узнав, что являются жителями одного из сотен миров, в каждом из которых есть силы, намного превосходящие их собственные жалкие усилия?

Система проурчала в ответ, и на экране появилась линейка загрузки данных. Ожидая результата, Гай смотрел на проносившиеся мимо здания, расположенные ниже моста дороги. И тут его осенило, что он видел эту женщину на перекрестке, она обернулась на машины, словно хотела посмотреть на него. Но она — обычный человек, вряд ли имеющий чутье на кого-то, непохожего на себя. Гай почувствовал нарастающее раздражение. Он не знал — почему, но неожиданно понял, что это совпадение вызывает у него нечто вроде головной боли. Мужчина ещё раз взглянул на экран, который продолжал загружать данные.

И так. Джил Кэйлаш, юрист, сейчас работает в команде государственного обвинителя. Закончила университет, ранее работала в адвокатской конторе Джунгал и Астор. Замужем не была. Компрометирующей информации не обнаружено.

Не так уж много, но достаточно для того, чтобы обнаружить серьезную угрозу. Гай прибавил скорость, и машина проносилась мимо домов стоявших на границе жилых и рабочих районов города. Придется понаблюдать за тем, чтобы женщина не сделала неверных шагов и не испортила ему планы. Сперва он наведается к ней в гости, а затем посмотрит на то, как она будет вести себя на суде.

Холодное небо над небоскребами начало светлеть, превращаясь в расплавленную сталь, которая медленно окрашивалась в нежно-голубой цвет. Небольшие заморозки по утрам не мешали температуре в середине дня медленно ползти вверх и приближаться к отметке — почти тепло.

Гай разглядывал газету, которую купил, не глядя, в ларьке, стоявшем неподалеку. Набор словесной ерунды, которая пестрела сплетнями, ложью и глупостью, скармливаемыми наивным читателям. Забегаловка, в которой он сидел, работала круглосуточно. Усталая официантка с красными волосами, собранными в неровный хвост, и пирсингом в носу, протирала столы. Кроме Гая в забегаловке сидели еще трое студентов, явно не торопившихся на учебу.

Через окно, расположенное рядом с ним, Гай смотрел на двери дома, в котором жила Кэйлаш. Судя по времени на его часах, через десять минут она должна выйти и отправиться на работу. Девушка не выглядела любителем опаздывать, а её профессия тем более свидетельствовала о пунктуальности.

Она вышла из дверей ровно через десять минут, придерживая рукой вязаный шарф, в который прятала нижнюю часть лица от ветра. Спустилась по ступенькам и подошла к небольшой машине, явно используемой только для поездок, а не удовлетворения собственного тщеславия. Через пару минут машина двинулась с места и поехала по улице, скрываясь за поворотом здания. Гай ещё некоторое время рассматривал ряды колонок газеты, давая время на всевозможные варианты развития событий — кто знает, может женщина забыла что-то и решит вернуться? Затем сложил газету, оставил её вместе с купюрой, номинал которой явно превышал заказанную им бутылку воды, и вышел из

прокуренного помещения на улицу.

Дом источал запах тишины и застывшего времени, когда Гай открыл дверь на лестницу. Наконец-то можно было не изображать из себя обычного прохожего. Темный туман скользнул между изгибами лестничных пролетов, поднимаясь вверх по колодцу проема, и мягко опустился на площадку, приобретая форму. Которая шагнула вперед, превращаясь в мужчину, ложась и застывая складками его одежды и укладываясь в темные волосы.

Гай провел рукой по двери, словно та могла что-то рассказать ему. Оглядел площадку, замечая отсутствие каких-либо систем безопасности. Кэйлаш жила как простой человек, что не очень вязалось с её работой. Гай хмыкнул, не углубляясь в поиски объяснений этому, и закрыл глаза, пытаясь разобраться с замком. Он не мог проникать сквозь стены, в которых были плотно наштампованы металлические конструкции, не подвергаясь риску превратиться в мелко порубленный фарш. А стены этого этажа были достроены при помощи каркасов и бетона. Значит, придется просто работать взломщиком, что слишком по-человечески.

Он опустил руку, сжимая и выпрямляя пальцы. Поднял их, наблюдая, как меняется структура костей и ногтевых пластин, вытягивающихся и уплотняющихся в когти. Рука с длинными пальцами превращалась в замысловатую лапу с пятью острыми когтями. Гай щелкнул тем, что раньше было большим и указательным пальцами, а затем осторожно просунул коготь в замочную скважину. Удобно, если не носишь с собой отмычки. Осторожно пошевелив когтем и нащупав выступы механизма, Гай нажал на него и повернул палец, заставляя замок с тихим щелчком открыться.

Он толкнул дверь и вошел в квартиру. Тишина, встретившая его у порога, наблюдала за вошедшим, словно он был досадным недоразумением, побеспокоившим замершее время. Гай скользнул по коридору, осматривая почти аскетичную обстановку, в которой точно жила не молодая женщина, а человек, бегущий прочь от самого себя. Никаких безделушек, кроме пары фотографий, стоящих на тумбочке, где, судя по всему, маленькая Джил улыбалась фотографу. Гай растворился и переместился в её спальню.

Сегодня она явно проспала будильник, о чем говорило сброшенное на пол одеяло и неубранная постель. Даже в этой комнате не было намека на то, что девушка страдает болезнью женского пола — падкостью на блестящее и розовое. Гай прошел к зеркалу, стоявшему в углу и отражавшему человека в полный рост. Он не искал что-то конкретное, ему всего лишь надо было узнать — за какие ниточки можно заставить Кэйлаш плясать так. Ка он сочтет нужным.

Настало время посмотреть по закромам, и Гай когтем отодвинул ящик стола, за которым она работала, судя по беспорядку на нём. Кажется, она имеет свои слабости все же, судя по альбому фотографий с родителями. Гай протянул руку, уже вернувшую прежний облик к ноутбуку, который сперва не заметил под наваленными на него газетами и бумажками. Подчиняясь его воле, ноутбук открылся, и на экране медленно замигала картинка включения операционной системы.

Заставка рабочего стола была наивной до маразма — пара бегущих драконов по берегу озера в лучах заката. Картинка была настолько мирной и наивной, что Гай не сдержал смешка. Как можно нарисовать великолепие озера Жизни на другой стороне, в котором живут серебряные ящеры, с шумным хлопаньем крыльев вынырывающие из воды, чтобы парить в лучах заходящего солнца, сверкая радужной чешуей и охотиться на свой ужин?

Отвлечшись от воспоминаний, которые не имели связи с заставкой, Гай переключил внимание на рабочий стол, папки на котором явно не содержали ничего важного. Он открыл

полный список файлов. Либо она не страдала паранойей и не прятала нужные документы, либо не представляла, что кто-то загорится желанием порыться в её файлах. Гай взглянул на часы и решил, что не стоит искушать судьбу. Вытащив из кармана флэшку, он установил её и запустил программу, обеспечивающую ему удаленный доступ к её ноутбуку.

Пока система поглощала шпиона, Гай ещё раз оглядел комнату. На небольшом шкафу стояли ещё фотографии, сделанные в старшей школе, в университете. Кэйлаш казалась на каждом снимке словно в стороне от всех, этакая незаметная девочка с полу-улыбкой, словно говорившей, что она прекрасно знает все ваши мысли. Гай протянул руку к одному из снимков, заставляя его приблизиться к лицу. Незаметная девушка сидела среди друзей в кафе и спокойно смотрела в объектив камеры. Непонятное и необъяснимое ощущение внезапно появилось где-то глубоко в голове Гая, и когда оно выбралось на поверхность, он обнаружил, что оно состоит из нараставшего раздражения этой странной женщиной. На её отстраненный вид, словно она была с другой планеты, на её непонятный взгляд, который смотрел человеческими глазами на него, стоящего выше Кэйлаш на сотни ступень по развитию, и словно опускал его на уровень дождевого червя.

Гай шевельнул пальцами, заставляя снимок вернуться на место, и неожиданно обнаружил, что когти сами вытянулись наружу, словно его эмоциональная нестабильность заставила их произвольно вырасти. Позади него пропищал сигнал завершения процесса, и Гай потянулся за флэшкой. Он убивает двух зайцев — разрешая вопрос со своим человеком и получая доступ к делам юриста.

Он убрал флэшку в нагрудный карман, в последний раз оглянулся, чтобы взглянуть на фотографии, с которых на него смотрела хозяйка квартиры. Не позволяя больше раздражению выплыть наружу, он отвернулся и направился к двери.

Одно из высоких зданий города, мерцавших светлыми окнами и стального цвета панелями облицовки и служившими визитной карточкой делового района, было полностью арендовано корпорацией, которая не пожалела денег и приобрело здание от подвала до верхних этажей с вертолетной площадкой.

Створка шлагбаума у въезда на парковку поднималась не часто, но машины, которые она пропускала, явно не принадлежали рядовым офисным работникам. Считалось, что это филиал заокеанской корпорации, занимавшейся грузоперевозками, логистикой, благотворительностью и решившей расширить сферу владений.

Гай подождал, пока за ним не опустятся ворота подземной парковки, и вышел из машины. В неярком свете ламп освещавших пространство под зданием, было отчетливо видно того, кто шел к нему навстречу. Невысокий мужчина с угольно-черными волосами и аккуратной бородкой, одетый в такое же черное пальто, нёс папку и выглядел серьезным и безобидным. Гай оглянулся на машину, которая пискнула включенной сигнализацией. Убедившись, что всё в порядке, он пошел навстречу мужчине.

— Я рад видеть Вас, господин. Хотя и ожидал Вас на час позже, но Вы всегда выбираете нужное время.

Мужчина сдержанно поклонился, протягивая папку Гаю.

— Спасибо, — Гай забрал предложенные документы и прищурился, оглядывая мужчину, — только вот зачем ты так нарядился? Или репетируешь предстоящую беседу?

Его собеседник довольно улыбнулся, демонстрируя ряд клыков, который опасно поблескивал на свету, и зашагал за Гаем. Через пару мгновений рядом с ним шло странное, пугающего вида существо ростом в полтора метра, с двумя парами глаз. Оно было покрыто

короткой шерстью темного цвета, нечто среднее между человеком и жуткой обезьяной, на которой неуместно болталось пальто, медленно превращавшееся в темное покрывало.

Очень давно, много сотен лет назад его народ жил в таинственной глуши Индии, изредка пересекаясь с людьми. Те пугались их, считали неведомыми злыми, но мудрыми существами и лишний раз не беспокоили народ ракшасов. Не забывая при этом лишний раз упоминать о них в своих легендах. Потом все изменилось. Ракшасов стало слишком мало, часть народа пала в междуклановых войнах, часть, испуганная экспансией людей в те места, где они жили многие века, перебралась в другие миры. Больше о них никто не слышал. Дэв, один из последних осколков старого мира, оставался здесь вместе с парой своих сыновей, поскольку могущественный господин Хедрунг обещал ему свое покровительство и безопасность.

Старый мир легенд и сказаний больше всего ценил слово и верность.

— Сегодня мы готовы отправить несколько партий грузов в зоны конфликтов. Само собой, маршруты уже проверены, и проблем не возникнет, заказчики оплатили аванс, — несмотря на животное обличье, ракшас говорил звучным голосом. Гай расстегнул молнию куртки и постучал пальцем по твердому переплету папки:

— Тут все? Мне придется общаться с людьми. А они так равнодушны к шуршанию бумаги.

Ракшас криво улыбнулся, его четыре глаза прищурились, напоминая своим острым блеском о ночных шорохах, шуме ветра и воды в полном тайн лесу:

— Разве люди способны вообще что-то видеть дальше своего носа, господин?

Гай улыбнулся ракшасу, проходя в открытые двери лифта:

— Ты не поверишь, Дэв, порой они и носа своего не замечают.

Наверх они поднимались в полной тишине, Гай проверял бумаги, а Дэв не беспокоил его разговорами. Лифт распахнул двери, пропуская их внутрь помещения. Ракшас вновь принял вид невысокого мужчины.

— Прикажи начинать погрузку контейнеров сейчас же. Три партии полетят в Европу, а две — к Красному морю.

Гай оглядел полупустой зал, в котором они находились. Он выглядел как ничем не примечательный зал, украшенный стеклянными конструкциями, призванными изображать замысловатые скульптуры.

— Господин, — ракшас показал на стоящий в углу монитор, — через десять минут позвонит заказчик. Я оставлю Вас.

Мужчина стянул с себя куртку, в которой становилось жарко, и расправил плечи, потирая ноющие мышцы.

— Останься. Посмотрим на него вместе, твое чутье достаточно остро и может заметить что-то необычное.

Дэв сдержанно кивнул, включая монитор и потирая небольшую бородку:

— Мой господин всегда видит ценное для себя. Иногда это похоже на человеческую доброту, а это так опасно для господина.

Сгусток тумана оказался за спиной ракшаса и превратился в мужчину, державшего шею того большими когтями в осторожном захвате.

— Никогда не путай выгоду с добротой. Одна дает силу, вторая лишает сил.

Бледное лицо, словно поддернутое инеем, дрогнуло в улыбке, когда ракшас спокойно кивнул, словно они находились на прогулке:

— Вы правы, господин.

Заиграл сигнал входящего вызова, и Гай принял невозмутимый вид, ожидая включения. На экране появилась рябь, а затем — лицо, завернутое по самые брови в невообразимый тюрбан и всем видом выражающее свое превосходство.

— Я ожидаю свой товар, — начал тюрбан, не удосужившись поприветствовать Гая, — мне обещали, что он прибудет в срок, осталось еще два дня до условленной даты!

— Ваш товар готовится к отлету, — Гай словно не замечал откровенно хамского поведения собеседника.

— Отлично, — тюрбан мотнул широкой бородой, — вторая половина средств будет переведена, когда груз будет у меня.

Гай чуть наклонил голову, не удостоив тюрбан ответом, и связь отключилась. Дэв стоял неподвижно как статуя, не выдавая своего присутствия и наблюдая за Гаем из-под полуопущенных век. Никто никогда не позволял себе быть неучтивым с ним, а те, кто забывали о том, с кем имеют дело, всегда получали урок. Поэтому Дэв знал, что тюрбан накликал на себя беду потяжелей, чем небольшая война за нефть. Гай подошел к большому окну, оглядывая город, лежащий внизу, у подножия здания, и повернулся к помощнику:

— Я думаю, что оружие будут сопровождать твои сыновья. Говорят, что вам нравится охота на людей?

Дэв растянул в понимающей улыбке клыки, превращаясь снова в темную смертоносную полу-обезьяну, полу-человека.

Глава 12–13

Глава 12

Она ожидала, что её вызовут выступить на суде, но как-то до последнего надеялась, что этого не произойдет. Нервно щелкая ручкой, Джил отмечала в блокноте важные дела, на которые им предстояло попасть. Её роль у государственного обвинителя была вроде доверенного лица — то, что не успевал сделать Стоун, успевала сделать она.

Сегодня её раздражало абсолютно все — от ткани опостылевшего делового костюма, до проходящих мимо людей, словно Джил была сплошь оголенным нервом.

— Что Вас беспокоит? — Стоун подошел сбоку и в своей обычной манере наблюдал за тем, как она мучает ручку, — какие-то проблемы с делами?

Джил спешно оставила ручку в покое и помотала головой:

— Нет, всё в порядке, мы укладываемся в график, и я разобралась с делом об ограблении. Все документы будут у Вас на руках завтра.

— Тогда что Вас беспокоит?

Джил захлопнула блокнот, и решила, что ей придется объяснить свою нервозность боссу:

— Я выступаю свидетелем на суде. Впервые в жизни, если честно.

Стоун кивнул, показывая, что внимательно слушает её. Джил сжала губы в узкую полоску, словно панику можно было проглотить. Стоун положил руку на её плечо доверительным жестом поддержки:

— Вам не стоит так волноваться. Я не оставлю Вас одну на суде, мы поедем туда вместе. Договорились?

Еще секунда и она расчувствуется. Кажется, уже тысячу лет она не ощущала себя маленькой и нуждающейся в поддержке.

— Что у нас сегодня? — Стоун как ни в чем не бывало сосредоточенно кивнул на

блокнот, и Джил вернулась к состоянию собранности, подкрепленному облегчением.

День Икс настал незаметно, и Джил поняла, что отступать некуда тогда, когда над ухом истошно заверещал будильник. Она все утро дергалась и подпрыгивала от шума ветра за окном, от собственного резкого движения, от стука упавшей ложки, превращаясь в самую настоящую истеричку. Непонятно зачем полностью разобрала и сложила заново шкаф с одеждой. Всего-навсего ей предстояло честно ответить на вопросы в суде. А нервничала она так, будто сама была обвиняемой.

Когда негромкий голос Стоуна в телефоне успокаивающе поздоровался и сказал, что ожидает её внизу, в машине, Джил заметалась по квартире, сшибая и роняя всё на своем пути. Она кое-как проглотила бутерброд, обожгла рот слишком горячим кофе и вылетела из квартиры, закрыв дверь только со второй попытки.

Стоун ничего не сказал, но явно видел её состояние, близкое к истерике. Хорошо, что он не стал ничего говорить, просто создавая атмосферу спокойной тишины, привносившей некоторое расслабление. Руки Джил зябли, несмотря на то, что в салоне было тепло. Чтобы отвлечься она стала повторять мысленно статьи Кодекса. Неожиданно промелькнувшая мысль, что она докатилась до того, что убаюкивает себя Кодексом, как колыбельной, заставила Джил улыбнуться, и напряжение, державшее её всё утро, начало исчезать.

У дверей зала суда было достаточно народу, несмотря на то, что слушание ещё даже не началось. Стоун увлек Джил за собой по коридору, как бы напоминая, что сегодня ей придется быть в другой роли. Они стояли неподалеку от дверей зала заседания и оба смотрели в окно. Джил не хотела говорить, а Стоун молчал, по натуре не будучи разговорчивым. Наконец он все же произнёс:

— Возможно, Вам стоило все записать на бумагу? На всякий случай, чтобы упорядочить мысли?

Джил отрицательно покачала головой.

— Я не люблю записывать. Ощущение, что есть подсказка, сбивает с толку.

Время тянулось невыносимо долго, словно испытывая нервы на прочность. Секретарь пригласил уже троих свидетелей, ожидавших своей очереди в коридоре, и теперь Джил оставалась последней. Чем больше времени проходило, тем хуже становилась ситуация. Откуда-то из глубин её мозга начали вылезать уродливые щупальца воспоминаний, и Джил поняла, что теряет контроль над собой. Она запрещала себе думать о том, что когда-то, так же... Эти мысли, как стая гончих, загоняли её в угол, из которого точно не выбраться просто так. Рука Стоуна накрыла её, нервно барабанившие по подоконнику, пальцы и пожала их, напоминая, что он рядом. Это простое движение заставило Джил взять себя в руки, не желая показаться еще трусливей перед государственным обвинителем, стоящим рядом с ней.

— Мисс Кэйлаш, прошу Вас пройти в зал, — хорошо поставленный голос секретаря прогремел на весь зал, как показалось Джил. Она нервно сглотнула, зачем-то разгладила складки на рукавах, и, пытаясь выглядеть уверенно, направилась в зал.

Она шагала и думала только об одном — как не споткнуться и не сделать ещё что-нибудь нелепое. Благополучно достигнув середины зала и поднявшись на кафедру для свидетелей, Джил выдохнула и приказала себе расслабиться. Что за детский сад, в конце концов? Она в состоянии ответить на несколько вопросов, не трясаясь как осиновый лист.

— Джил Кэйлаш, Вы вызваны для дачи показаний...

Остальная часть официальной речи проскользнула мимо Джил, она на автомате присягнула давать правдивые показания, и эти сухие слова выгнали остатки нервозности.

— Расскажите, пожалуйста, о том вечере, когда Вы встретились с погибшей, — произнёс обвинитель, который так и дышал едва сдерживаемой энергией и решимостью от макушки своих седоватых волос до носков блестящих туфель. Джил на мгновение закрыла глаза и стала говорить, разворачивая перед собой снова картину того вечера.

Она ответила ещё на пару вопросов, которые касались опять того же вечера, а затем судья обратился к адвокату обвиняемого, предлагая ему задать свои. Пока он говорил, Джил подняла глаза, оглядывая зал. Она не могла не заметить повисшего в воздухе напряжения, словно под потолком повисло грозное облако, вот-вот грозившее разразиться ледяным потоком дождя.

Адвокат поднялся со своего места, и Джил наконец-то переключила свое внимание на него. Если бы не то место, где она находилась, Джил просто вытаращила глаза и присвистнула бы изо всех сил потому, что она не каждый день встречала таких симпатичных мужчин. Адвокат обладал на удивление правильными чертами лица, которыми могли похвастаться греческие статуи. Да и его высокий рост, и фигура, которую не скрывал, а напротив — подчеркивала рубашка из серебристо-серой ткани и темные классические брюки, заставляли восхищаться и, не отрываясь, смотреть на него. Как на кусок торта, проплывший перед носом сидящего на диете.

Только было сложно восхищаться его холодной улыбкой, которая замораживала правильное лицо в обрамлении золотых волос. Он поинтересовался, смотря прямо в глаза Джил, словно пытаясь заглянуть в самые дальние уголки её мозга и найти то, что она скрывает:

— Вы упоминали, что погибшая отказалась обращаться к врачу?

Джил внутренне напряглась, ощущая подвох.

— Да отказалась.

— Когда Вы говорили с ней, она не осуждала действий своего супруга?

— Нет, — Джил смотрела в потрясающе зеленые глаза адвоката, словно завораживавшие её, и поняла, что по колено уходит в опасную трясину.

— Значит ли это, что она выглядела не жертвой, а человеком, которого вполне устраивает происходящее?

По красивым губам адвоката, похожим на натянутую дугу лука, скользнула холодная улыбка. Она демонстрировала Джил понимание того, что он знает о безвыходности тупика, в который её загоняет медленно и верно. Джил мельком взглянула на обвинителя, выглядевшего всё более и более озабоченно, и поняла, что должна что-то делать, чтобы выбраться.

— Она выглядела забито, так, как выглядит человек, который сломлен и не хочет больше бороться.

— Может, ей просто нравилось насилие? Своего рода толика экзотики в отношениях? Ведь в каждом из нас живет неосознанное желание испытать силу, как выяснил Фрейд?

В голове Джил, мелко звеня, наплывал красный туман ненависти. Адвокат Наверно считал, что сможет легко вывернуть её слова в свою пользу, и просто смеялся ей в лицо. Она не позволит ему сделать её маленькой дурочкой, которой дали щелчка и легко скинули в лужу.

— Она выглядела, как человек с закрашенными пудрой синяками разной давности, которому выбили последние остатки гордости и самоуважения.

В зале раздался сдержанный шепот. Судья потянулся к молотку, но передумал и сделал

какие-то пометки в своих записях.

— Откуда Вы можете знать подобное, если видели погибшую только один раз?

Адвокат стал терять постепенно вид победителя. В воздухе нарастало ощущение перемены погоды, которое спровоцировала её реплика. А значит, Джил смогла перевесить ситуацию в свою сторону. Поскольку от неё ждали ответа, и с большим интересом, который явно читался в глазах адвоката, судьи и присутствовавших, Джил сама не поняла, как это произошло, но её губы внезапно произнесли:

— Я знакома с домашним насилием лично.

Когда она опустилась на скамью в зале, казалось, что даже плашки паркета таращатся на неё с любопытством. Джил догадывалась, что ничего хорошего не получится из её слов, но знала, что только она сама в курсе их смысла. Стоун, уже находившийся в зале и сидевший рядом с ней, незаметно показал ей большой палец, одобряя её полностью. Почувствовав изрядное облегчение, Джил потерла лоб, начинавший ныть от напряжения. Самое сложное позади.

Досадное и беспокоящее ощущение, что на неё пристально смотрят, внезапно защекотало затылок. Скорее всего, это не что иное, как уже паранойя, ставшая последствием её давешней нервозности. Но ощущение было прямо-таки осязаемо, словно в её голову уперлась стальная штука, собравшаяся продырявить череп. Это раздражало. Джил поправила лацкан пиджака, взглянула на судью, сидевшего со скептическим выражением лица. Затем — на охрану возле обвиняемого, на которого ей было неприятно смотреть. А затем, словно невзначай оглянувшись, ища того, кто пытался просверлить её взглядом.

“Опасность!” — Первое, что завопили все нервные клетки. Человек, сидевший в ряду позади, воплощал в себе понятие “ничто”. Глазу было не за что зацепиться в его внешности, словно он был окутан пустотой. Одетый в деловой костюм черного цвета. С аккуратно уложенными назад при помощи хорошего парикмахера волосами, доходившими до плеч и сливавшимися цветом с костюмом. Мужчина больше ничем особенно и не выделялся среди остальных. Но при этом он продолжал смотреть на Джил неподвижным, непонятым взглядом, от которого, казалось — воздух вокруг потяжелел, наполняясь недоброжелательством и скрытой угрозой.

Всё это запечатлелось в мозгу Джил за секунду. Она, как ни в чем не бывало, отвернулась. При этом соображая — не была ли она знакома с ним, и не спровоцировано это недоброжелательство чем-то, о чем Джил могла позабыть. Но нет. Она не могла его вспомнить и уверенно сказала бы, что никогда с ним не пересекалась. Значит, он — вероятно один из миллионов психов, каких можно обнаружить внезапно за маской добропорядочного человека.

Наконец судья вернулся для вынесения приговора, и зал затих, слушая и стараясь угадать — что решили присяжные. После длинных официальных фраз наконец-то прозвучало то, ради чего Джил и пришла сюда:

— Признан виновным.

Обвиняемый стал что-то выкрикивать, возмущаясь приговором. Адвокат, явно стараясь оставаться спокойным, что-то говорил своему подзащитному, пытаясь успокоить его. А Джил поняла, что улыбается. Пришла пора попрощаться с призраками прошлого, оставив их здесь навсегда. Мертвые наконец обрели покой, а живые должны жить дальше.

Когда она выходила из зала суда, то не удержалась, чтобы не оглянуться на того странного незнакомца. Но его не было в числе тех, кто ещё сидел на скамье, обмениваясь

мнениями, и тех, кто направлялся к выходу. Джил стянула с себя пиджак, в котором, несмотря на его строгость, ощущала себя как в капкане, и, ощущая невероятное чувство облегчения, и зашагала к выходу, догоняя Стоуна.

Музыка вносила атмосферу беззаботности в полумрак салона, подсвечиваемый только приборной панелью. За окном проносилась ровная полотно дороги, которая словно зависала в воздухе. На небе медленно зажигались звезды, складываясь в созвездия или же самостоятельно поблескивая серебряными точками.

Сегодня Джил планировала провести вечер так, как уже не проводила со времен университета. Подчиняясь внезапно порыву, она не поленилась полезть в гардероб, вытащить всё, что в нём было и разыскать в груди одежды платье, которое выглядело на ней вполне даже ничего. Пару минут постояла в раздумьях перед открытой косметичкой, а затем решительно спрятала её обратно в стол.

Сейчас она ехала в своей машине, которая наконец-то смогла показать всю скорость, на какую была способна. Совсем другое дело, не то, что колесить черепашим шагом по улицам от дома до работы и обратно. Помешанная обычно на соблюдении правил, Джил неожиданно поняла, что ей нравится ехать быстро, нравится видеть себя в зеркале с распущенными волосами, нравится ощущать резинку чулок, напоминающую о том, что она нарушила все свои рамки и правила. В этом было что-то опасное и волнующее.

Она обогнала мирно колесивший по дороге грузовик, и хихикнула, глядя на исчезающие позади фары. Жаль, что впереди уже снова городские улицы, на которых превышение скорости грозит штрафом. Свобода свободой, но она не собирается разоряться на пару сотен из-за квитанции.

Клуб “Страйкбол” отличался от остальных тем, что в нём никогда не происходило драк и разборок. За этим строго следила администрация, пресекая в корне попытки клиентов начать потасовки. Поэтому, Джил знала, что даже если она будет сидеть весь вечер одна, к ней никто не полезет, воняя перегаром и сигаретным дымом.

Бармен с алмазной серёжкой в ухе улыбнулся ей, смешивая чей-то заказ. Джил тоже улыбнулась, наблюдая, как он артистично расправляется с несколькими видами напитков, превращая их в один.

— Пину коладу пожалуйста, — Джил внезапно подумала, что неважно разбирается в разнообразии коктейлей, и решила заказать то, что казалось ей более безобидным. Ожидая свою коладу, она повернулась на высоком барном стуле и оглянулась, рассматривая зал. Было не так много народу, большинство явно пришло отдохнуть и расслабиться. Зал клуба был сделан в виде ярусов, на которые вели небольшие широкие лестницы, и каждый ярус был освещен разным оттенком красного лампами, расположенными снаружи ярусов и внутри, отчего помещение превращалось в некую полость внутри большого рубина, который переливался и сверкал. Потрясающая иллюзия не оставляла посетителей равнодушными, а потому “Страйкболл” считался самым необыкновенным клубом города, что придавало ему ещё большую популярность.

Джил посмотрела на телефон, обыденно отмечая, что ей никто не звонил. Да и кто позвонит? У неё нет друзей, а по работе звонить никто не станет, так как уже поздно. Спрятав его в сумку, Джил посмотрела на бармена, отошедшего к висевшей над стойкой подставке с бокалами. На них тоже падал красный свет, и они блестели как кристаллы. Или

как капли крови.

— Ваша колада, — от странного сравнения бокалов с кровавыми каплями её отвлек голос бармена, возникшего перед ней и пододвигающего коктейль в высоком стакане. Джил улыбнулась ему, попутно оценивая — хватит ли содержимого стакана, чтобы свалить её с первого раза.

— Решили отдохнуть без опеки старших?

Бармен подмигнул ей. Джил запоздало закрыла отвисшую от неожиданности челюсть. Бог ты мой, он принял её за богатую девочку, сбежавшую из-под родительского крыла. Подавив смехок, она неопределенно пожала плечами, оставив бармену право на собственные выводы. Его слова, несомненно, польстили ей — кому может быть неприятно, что его считают моложе собственных лет? Джил довольно ухмыльнулась и принялась за коктейль. Она справилась с половиной содержимого, и испытывала лишь состояние безмятежного удовлетворения вместо ожидаемого шума алкоголя в голове. Её умение пить спиртное не было достаточно отточенным, а если совсем честно, то пила она в последний раз на выпуске из университета.

Тем временем в баре явно прибавилось народу. Если раньше с Джил было почти пусто, то теперь все места у стойки были заполнены. Вечер нравился ей всё больше и больше. Теперь она точно будет уделять больше время себе любимой, хватит прятаться от мира и жить в скорлупе. Музыка стала громче, народ вокруг общался и смеялся все оживленней. Перед Джил стоял второй или третий коктейль, и она медленно смаковала вишневый вкус, наслаждаясь витающим вокруг состоянием беззаботности и веселья. Ещё немного — и она будет готова даже познакомиться с кем-нибудь симпатичным и умным, несмотря на то, что все время считала, что отношения с противоположным полом лишь отвлекают и приносят массу неудобств. Алкоголь явно будил либидо, которое поднимало голову и оглядывалось, предвкушая возможности разгуляться.

Сидящий через одно место от неё мужчина продолжал заказывать виски. Джил попробовала сосчитать, сколько он уже выпил. Но легкий туман, мешавший её мозгу совершить простое математическое действие, заставил Джил отказаться от этой затеи. Когда тот, кто разделял их, поднялся со своего места и ушел, она повернулась посмотреть на обладателя непобедимой печени.

На какую-то секунду мужчина, опрокидывающий очередной стакан, показался ей смутно знакомым, если бы только она могла отчетливо вспомнить его лицо. Без сомнения, Мистер-Не-Боюсь-Цирроза был симпатичным малым, если не больше. Джил оценила его волосы, лежавшие золотыми волнами, но не придающие ему женственности. А затем, когда он повернулся в её сторону, ища бармена, очевидно, чтобы заказать новую порцию виски, она обнаружила, что он просто красавчик, словно сошедший с обложки журнала.

Правда, вид красавчика говорил, что он явно переживает не лучшие времена. Его рубашка из дорогого магазина была помята. Расстегнутый пиджак, отливавший серебром, висел так, словно его накинули, не обращая внимания на ценность вещи.

Мужчина потёр лицо, поморщившись как от боли, и поднял глаза на бармена, подходившего к нему. Тут внезапно его взгляд натолкнулся на Джил. Красивое лицо исказилось, словно он неприятно удивился, а затем удивление сменилось неприкрытой злобой, которая промелькнула в зеленых глазах. Джил смотрела в эти глаза, сияющие всеми оттенками зелени, восхищенная необычным цветом, пока запоздало в голову не пришло объяснение тому, что он кажется ей знакомым. Это был адвокат с сегодняшнего процесса.

Она спешно отвела глаза в сторону и сделала глоток, стараясь не выглядеть смущенной. За спиной бармена была расположена декоративная полоса из зеркального стекла, позволяющая видеть себя и соседей в отражении. Смысла откровенно глазеть на адвоката не было, надо было просто посмотреть в отражение, чтобы налюбоваться на него. Джил сделала ещё пару глотков и, как ни в чем не бывало, взглянула в зеркало. Вместо её неожиданного знакомого на его месте сидел полный мужчина в серо-серебряном костюме, сосредоточенно смотревший в телефон. Джил оторопело хлопнула глазами, затем уставилась на свой пустой бокал. Не стоило столько пить, чтобы мозги начали играть в свои собственные игры.

Она расплатилась и направилась к выходу. На улице стояла прохладная весенняя ночь, плавно бравшая верх над поздним вечером. Кружевное платье не согревало, да и пальто тоже не спасало ноги от скользящего по коже ветерка. Джил поежилась, ощущая, как из головы улетучиваются остатки алкоголя, а затем направилась к своей машине, стоящей в уголке парковки. Пора домой.

Широкое шоссе соединяло две части города, которые были разделены ложбиной. Эта впадина образовалась тогда, когда в последний раз в этой части материка просыпались вулканы. Дорога пролегла серой лентой, слабо освещенной фонарями. Их столбы делили пространство на ровные участки.

Несмотря на то, что шоссе являлось одной из главных магистралей города, сейчас оно было почти пустым, поэтому Джил не особо заботилась о стрелке спидометра, качающейся за отметкой допустимой скорости. Когда впереди показался знак, предупреждающий водителей, что дорогу могут переходить животные, Джил поняла, что проезжает небольшой парк. Правда, самыми крупными животными тут были еноты, но даже гроза городских помоек имеет право безопасно перебегать дорогу. Джил пьяно хихикнула, представляя себе переход для енотов, и сбавила скорость.

Она могла поклясться, что шоссе было пустым, но глаза говорили обратное. А именно — что в нескольких сотнях метров перед ней, прямо посреди дороги кто-то стоит. Или лежит. Нет. Все-таки стоит. Либо её зрение играет с ней идиотские шуточки, но человек не может занимать столько места, сколько нужно машине для проезда. Она мчалась к этому месту, пытаясь максимально сбавить скорость, чтобы успеть затормозить, а то, что находилось посреди дороги, развернулось навстречу приближающейся машине. Джил отчетливо видела, как оно приближалось к ней. Она не могла оторвать глаз от непонятной фигуры, шагавшей по дороге, и при этом — плывшей по воздуху без четких форм и контуров, как сгусток мглы. Джил ощутила, что сердце застучало где-то на уровне горла, грозя выпрыгнуть наружу, но продолжила смотреть на то, что преодолевало последние метры между собой и машиной. Она догадывалась, что самое неверное — это запаниковать и начать бежать прочь.

Тем временем, *она* подошло к машине. Неожиданно четко вырисовывавшимися из темной мглы руками оперлось на капот машины. Джил вцепилась в руль так, что заболели пальцы, и замерла, боясь шевельнуться и привлечь к себе внимание.

Она смотрела, как расплывчатая фигура медленно поднимает к ней бледное лицо, кажущееся почти человеческим. От него веяло холодом, и, казалось, что оно соткано из бесцветной ледяной изморози. Это лицо смотрело прямо на неё, и тонкие губы раздвигались в улыбке, говорящей, что *она* её видит и знает, что Джил напугана так, что у неё сводит желудок в тугой узел.

Сколько времени прошло — Джил не знала, может пару минут, а может полчаса. Она продолжала смотреть на призрак, не сводивший с неё глаз. Внезапно, *оно* ударило обеими руками по машине, отчего металл сотрясся до самых мелких креплений, и Джил тряхнуло так, что у неё лязгнули зубы. Ещё чуть-чуть, и она сломала бы себе шею от рывка. В голове загудело, перед глазами всё заплесало, Джил моргнула, приходя в себя. Дорога перед машиной была пуста, вдали тускло светили огни фонарей, а на трассе не было никого кроме неё.

Она рванула с места, выжимая всю скорость, на какую была способна её машина. В голове хозяйничал только животный инстинкт, требовавший бежать, прочь, без оглядки, как можно дальше от этого места.

Джил проехала оставшуюся дорогу, пытаюсь успокоиться и ощущая себя словно со стороны. Она разжала пальцы, вцепившиеся намертво в руль только тогда, когда остановилась возле своего дома. Откинулась на сидение и зажмурилась, пытаюсь навести порядок в голове. Вполне возможно, что такое могло привидеться лишь на пьяную голову. А её предупреждали, что после сотрясения на выпускном в школе мозг может неадекватно реагировать на алкоголь.

Переведя, наконец, дух, Джил отстегнула ремень и вышла из машины, плотнее запахивая пальто. Конечно же, она подошла посмотреть на капот. Неизвестно, что сильнее заставило её испытать снова ощущение холодного прикосновения — две вмятины в тех местах, где ударил призрак или то, что всё это не было последствием выпивки.

Глава 13

Сдавленный вопль разрезал тишину особняка и затих. За ним последовали судорожные всхлипы, словно кто-то пытался вдохнуть воздух в онемевшие легкие. Мирно дремлющее в камине пламя невозмутимо наблюдало за разыгрывавшейся перед ним сценой.

Скорчившийся на полу мужчина пытался восстановить дыхание и не поднимал лица. На светлый пол капала кровь, нарушая почти гробовую тишину. Казалось, что в комнате больше никого нет, кроме него. Арки окон в комнате были плотно зашторены, из-за чего в комнате было ещё темней.

Немного восстановив дыхание, мужчина поднял голову, открывая лицо. До сегодняшнего дня оно было идеально, увидев его, древние греки назвали бы свою статую жалкими недоделками, но сейчас на совершенных скулах синели кровоподтеки. Нижняя губа была рассечена, а вместо одного глаза зияла кровавая дыра.

— Простите, — мужчина обращался к стоящему у окна человеку, который почти сливался с темными шторами, — мы должны были выиграть это дело, если бы не последняя свидетельница. Это она спутала все карты своими показаниями.

Гай продолжал молчать, борясь с искушением разорвать эльфа-адвоката на большие трепещущие куски. Несмотря на то, что он исцелился бы спустя пару часов, несмотря на то, какими его травмы не были бы жуткими. Достаточно и того, что он к концу ночи вновь станет надменным красавцем, целым и невредимым.

— Я предан Вам, и до сих пор ни разу не подводил Вас, — эльф вслушивался в тишину, вселявшая неясность, — я сам займусь этой женщиной.

Гай равнодушно повернулся к Шолто. Подошел ближе и присел рядом, стараясь не запачкать край брюк кровью, натекашей в большую лужу.

— Может, сперва стоит уничтожить такого никчемного адвоката как ты? — Он выбросил руку вперед, погружая её в грудную клетку мужчины и ощущая под пальцами

трепыхание его сердца. Единственный невредимый глаз на лице Шолто широко распахнулся, сияя свежей изумрудной зеленью. Одно маленькое движение пальцев — и этот трепещущий комок остановится, утягивая Шолто в неприятное состояние агонии и смерти. Временной, разумеется. Тот затаил дыхание, остолбенев от парализующей боли, а Гай улыбнулся, глядя в лицо адвоката, и покачал головой:

— Ты же знаешь, я не прощаю ошибок. Эта — была твоей первой и последней.

Он выдернул руку, отпуская сердце Шолто, и тот рухнул ничком, сворачиваясь в клубок и инстинктивно закрывая ранения как животное, — Ты не тронешь никого. Не будешь ничего делать без моего ведома. И не появишься мне на глаза до тех пор, пока я не буду нуждаться в твоих услугах.

Казалось, что последние слова поразили Шолто сильнее, чем испытываемая боль. И без того абсолютно лишенное красок лицо полностью побелело, отчего засохшая кровь проступила ярче на коже, как грязно-багровые разводы. Но он не произнес ни слова, явно не желая перечить Гаю. С очевидным усилием адвокат заставил себя подняться с колен и, шатаясь, выпрямился. Сказанное задело его, и он старался держаться гордо, не теряя остатков достоинства. Гай снова отошел к окну, отвернувшись от эльфа, который продолжал неподвижно стоять, глядя ему в спину. Под бурными разводами по лицу адвоката пробегали какие-то непонятные эмоции, которые он явно пытался сдерживать. Наконец, Шолто, нетвердо держась на ногах, развернулся к двери и зашагал, хромая и оставляя за собой кровавый след. На долю секунды он всё же снова остановился у дверей, словно хотел что-то сказать, но затем вышел. Дубовая створка двери неслышно затворилась за ним.

Гай снова и снова вспоминал судебное слушание, словно больше ни о чём не мог думать. Ничтожная девка настолько самоуверенно отвечала на все вопросы, словно обвиняемыми были все вокруг неё. Её непоколебимое спокойствие и уверенность в своем превосходстве приводили в бешенство. Гай решил, что, несмотря на то, что это мелко — тратить время на человека, перешедшего ему дорогу, он хочет показать ей её место. Нет, он не просто хочет, он обязан сделать это! Словно она бросила вызов ему лично.

Одно только осознание того, что из-за неё дело проиграно, заставило его превратить Шолто в сочащийся кровью кусок мяса. Адвокат был не просто эльфом, он был одним из высокорожденных, судя по его способностям. А это значило, что просто так его тронуть было очень опасно и проблематично. Не исключено, что после этого Шолто решит оставить работу у Гая, поскольку такого оскорбления никто бы не спустил. Парадоксально, что виновником и этого была свидетельница, что заставляло Гая вдвойне желать стереть её в порошок. Если Шолто уйдет, он потеряет важного помощника.

Не то, чтобы Гай остыл и начал сожалеть о содеянном. Просто он трезво понимал, что проверенного адвоката нечеловека, способного творить чудеса как в прямом, так и переносном смысле, найти очень сложно. Тем более, что их отношения были созданы не только в на деловой основе. Они познакомились на ночной улице, где Шолто отбивался от десятка гулей, жутких созданий, похожих на полуразложившиеся трупы горевших желанием превратить эльфа в качественный фарш. Гай никогда не был спасителем для всех обиженных, просто в тот момент больше всего ему хотелось убивать, неважно кого и где. Потому, удачно подвернувшаяся мясорубка в темном переулке, где кого-то рвали на клочья, дала ему возможность выплеснуть накопившуюся жажду крови. Да, тогда он ещё только учился управлять своими желаниями.

И когда он оставил на мокром и скользком от липкой крови асфальте то, что было

когда-то мерзкими пожирателями плоти, то даже не заметил сперва эльфа, который попытался ползти за ним. Раздраженный звуками за спиной, Гай обернулся и столкнулся с Шолто, напоминавшим ужасное чучело из грязных лоскутов мяса, открывавших белесоватые кости. Тогда он развернулся и ушел, не заботясь о том, кого встретил.

Но через пару недель их знакомство возобновилось, когда эльф неожиданно появился в особняке в компании Господина Хедрунга, представившего Шолто как отличного специалиста, чьи услуги весьма ценны. Хедрунгу Гай никогда не перечил, доверяя его невероятному, почти мистическому чутью. Так эльф, внезапно превратившийся из растерзанного полутрупа в адвоката с красивой внешностью и пренебрежительно-надменными манерами, остался при Гае. Он никогда не рассказывал о том, почему, несмотря на очевидную голубую кровь, Шолто живет как изгнанник или изгой в одиночестве и вдали от себе подобных. Эльфы славились клановостью, которая при этом не мешала им мило избавляться друг от друга, когда дело доходило до дележки власти или влияния. Хотя Гаю и дела не было до того, чем живет его адвокат, не заметить этого он не мог. Интересоваться подобным и лезть с расспросами предпочитал только Аноэль, но он никогда не замечал ничего перед своим носом, если только оно не могло стрелять, рубить, петть или развивать скорость свыше двухсот километров.

Мысли о Господине Хедрунге вернули Гая снова в состояние раздражения. Он не привык проигрывать, а о провале процесса рано или поздно Хедрунг узнает. Гаю не хотелось ни в чем выглядеть перед ним хуже, чем он мог быть. А он старался быть всегда лучшим. Много лет Гай работал на него, сделавшего из простого наемного убийцы человека, занимающегося делами Хрустального Моста. И он не имел права показать, что хоть в чём-то может проиграть, никогда и никому.

Поэтому, теперь он имел третий повод, чтобы преподать Кэйлаш запоминающийся урок. Вспомнив её самоуверенность, Гай ударил кулаком по воздуху. Мебель в комнате подбросило волной, и что-то развалилось, не выдержав удара. Отлично. Он так же развалит её жалкое человеческое эго и раздавит как червя.

Последние звезды провалились в чернильную ночь, до которой не долетали отблески холодных огней города. Он начинал шевелиться и просыпаться в поисках развлечений, оживая как огромная ленивая рептилия. На улицы, под скрип плохо закрепленных рекламных щитов, стонущих и скрежещущих на разный лад, выползали те, кто не показывался в течение дня. Это были обычные бездомные, ищущие клиентов проститутки, мелкие наркочилеры, словом — все те, кто занимал в человеческом обществе место мелких грызунов, не менее опасных, несмотря на свою незначительность. Они занимали улицы и приступали к своему обыденному промыслу.

Гай, ощущая даже под кожаной курткой дыхание промозглой улицы, неторопливо шагал по тускло освещенной стороне. Пульсирующая боль в костях, напоминала о себе и придавала ясность мыслям. Уже много времени только ощущение боли заставляло его испытывать нечто, отдаленно напоминающее эмоции. Словно сигнал мозга о боли окрашивал мир вокруг него, внося разнообразие и приближая его к чему-то. Это что-то все время было так близко и в то же время далеко, абсолютная иллюзия, которую он ощущал только тогда, когда его тело испытывало боль. Гай понимал, что кайф всего лишь обманывает его нервную систему, но

искушение попробовать снова и снова было заманчивым.

Вот и сейчас он шел и ощущал трепещущий мир вокруг себя словно на ладони. Где-то над крышами, хлопая крыльями, пролетает птица, от которой тянет старым мясом, которым она поживилась где-то. По карнизу крадется нечто, похожее на озверевшего вампира, ищущего — кем бы поживиться. Благо, никому нет дела до бездомных. Проститутка с неестественно рыжими волосами, стоящая за пару десятков метров от него, хочет только одного — пакетика дури, а всё остальное её не волнует — ни какой попадетсЯ клиент, ни угроза простоять всю ночь под холодным дождем. Капли медленно стучали, как механизм старых часов, по асфальту, по крышам и в стекла домов. Эти ощущения, вспыхивающие как яркие лучи, словно что-то переключали в Гае. И на мгновение он переставал быть всегда спокойным и расчетливым, получающим удовольствие от смерти и размеренности. Этот диссонанс внутри приносил своего рода расслабление.

Он следовал за Кэйлаш от самого её дома. Ему пришлось просидеть в клубе, среди пьяных и шумных людей, занятых мыслями о сексе и выпивке, наблюдая за ней. Женщина явно праздновала победу, сменив облик синего чулка на заигрывающий стиль старшекурсницы. Похоже, она пропитана ложью и самоуверенностью с головы до ног, то изображая из себя скромницу, то ища приключений. Поэтому, несмотря на то, что оставить признаки своей реальности, смяв капот её колымаги, было неразумно, Гай испытывал удовлетворение, вспоминая выражение её лица. Она боялась, и этот страх должен был стать первой трещиной в её броне.

Гай отвлёкся от своих мыслей, когда понял, что за ним наблюдают. Он сделал вид, что ничего не изменилось, и продолжил идти вдоль наполовину заколоченных, стеклянных витрин небольших магазинчиков, расположенных на первых этажах домов. Когда шорох шагов стал отчетливо слышен позади него, Гай улыбнулся. Похоже, кто-то сам напрашивается на проблемы. Он сжал ладони, ощущая, как острые концы когтей пытаются оказаться на свободе.

Он дошел до середины участка между двумя фонарями, остающегося в полутьме, и резко развернулся, не оставляя преследователю времени на действия. Но тот, кто шёл за ним, очевидно ожидал этого и неожиданно увернулся, исчезая как тень в проеме арки между зданиями. Гай ощутил легкий укол беспокойства. Если кто-то так легко смог ускользнуть, то это должен был быть весьма опытный противник. Он замер, нащупывая рукой метательные звездочки, мирно дремлющие на поясе в ожидании своего часа. Кроме них у него хватало оружия — и Глок, и тонкий, но прочный нож, прячущийся в голенище ботинка. При желании Гай мог бы и просто исчезнуть, превращаясь в туман — мало кого на этой улице это заставило бы удивиться. Наркоманы — они вообще не удивляются ничему. А остальные предпочтут сделать вид, что ничего не видели. Нападавшему же на него это было бы вроде неприличного жеста. Но сегодня Гай был не в том настроении, чтобы уходить от драки. Его раздражению нужен выход.

Впереди него раздался шорох, словно кто-то выходил из тени, и Гай застыл, превращаясь в неподвижную статую. Большое, массивное тело того, кто выдвинулся под тусклый свет, было покрыто задубевшей серой кожей, усеянной буграми и шипами. Их не могла скрыть одежда, которая выглядела лохмотьями на этом существе. Маленькие красные глаза мерцали в темноте, как два уголька. Гай опустил руку, лежащую на одной из звездочек. На дикого орка такого оружия будет недостаточно, она его даже не ранит, просто царапнет. Глок тоже бесполезен, толстую кожу пулей не пробить.

Он выпрямился, позволяя когтям вытянуться во всей красе, и приготовился к следующим действиям орка, медленно шагавшего на него. Как это орк попал из островных земель в город — было непонятно. Явно здесь он не постоянный житель, иначе не рискнул бы напасть на кого-то, кроме людей. Вопреки сказкам и человеческим байкам о вечных войнах мира, существовавшего рядом с людьми, разборки происходили отнюдь не часто. И всегда были следствием каких-то серьезных действий. Если бы все воевали и дрались постоянно, то вскоре стали бы так же никчемны и бесполезны как люди, которые вечно находятся в состоянии озлобленной грызни. А значит, орк был либо чьим-то посланием, либо решил поужинать тем, кто попадется ему на пути. Обычно это были люди, но сейчас ему подвернулся Гай. В любом случае орк явно хотел добраться до мужчины, расстояние до которого становилось все меньше.

Он взмахнул появившейся в огромной лапе дубиной, которая со свистом рассекала тяжелый влажный воздух. Гай обманчиво отшатнулся, отступая на шаг и заставляя орка решить, что он напуган. Похожий на уродливый валун орк с ворчаньем уронил дубину на то место, где мгновение назад стоял Гай. Окованная металлом, она с треском упала на асфальт, оставляя на нём хорошую вмятину. Гай метнулся к орку, обходя его сзади, и полосанул когтями по ноге, ощущая как когти пропахали по коже, вспарывая её верхнюю часть и надеясь, что смог нанести более ощутимый вред дуболому. Орк, глухо заревев, проворно махнул свободной рукой, пытаясь сбить с ног или поймать его, но это требовало гораздо большей ловкости, чем большое тело могло позволить.

Казалось, что Гай борется с огромной ветряной мельницей, вместо крыльев у которой была дубина. Единственное уязвимое место орка находилось между его узко посаженных глаз, где кость была так же тонка, как человеческая. Но Гай не мог найти удобной секунды, чтобы вытащить пистолет и прицелиться. Все, что он мог — это уворачиваться и пытаться вывести орка из строя измором. Гай жаждал узнать — кто послал орка, потому как его упорное стремление убить Гая отметало вариант случайной встречи. А для этого нужно было оставить орка в живых, чтобы расспросить напоследок перед смертью.

Орк опять взмахнул своей дубиной, и Гай с досадой подумал, что его представление перед Кэйлаш затратило гораздо больше сил, чем он ожидал. Если он является сильным и выносливым существом, обладающим неограниченным потенциалом, это не значит, что в какой-то момент не может оказаться, что он исчерпал свои силы и утомлен. Одно другому не мешает. Как бы ему не хотелось продолжить, но придется отступить. Если кто-то хочет его убить, то предпримет новую попытку. А это значит, что у него еще будет шанс узнать, кому он так не по душе.

Гай больше не пытался атаковать гиганта, чья грязно-серая кожа стала коричневатой от крови. Орк продолжал пытаться схватить его, явно надеясь раскатать по асфальту. Гай снова увернулся от просвистевшей мимо дубинки, когда орк внезапно опустил её и перестал нападать. Гай по инерции отодвинулся назад, успев удивиться перемене в поведении существа, когда ощутил, что между его ребер проходят два лезвия, прорезая без труда на своем пути ткани и мышцы. Он глубоко втянул воздух от боли, когда они прошли сквозь его легкие. Лезвия прошли наружу, прорезая кожу груди, и заблестели снаружи, распоров плотную куртку. отвратительный вкус крови медленно поднимался вверх по горлу, и Гай изо всех сил пытался не закашлять. Он дернулся вперед, снимая себя с лезвий, и оказался между орком, довольно щурившим свои красные глаза, и тем, кто напал на него сзади. Гай сделал пару шагов вбок, надеясь, что сможет устоять на ногах и не упадет между

противниками. Резко выпрямился и повернулся к тому, кто был позади него. Орк в этой паре был слугой, и не станет нападать, пока тот не позволит ему.

В тишине было отчетливо слышно, как влажно хлюпает кровь под его кожаной материей при каждом вдохе, которые становились всё короче и болезненней.

— Ты заставил меня постараться, чтобы найти тебя. А женщины очень не любят когда их бросают в первую встречу. Я всегда рассчитываю на продолжение.

Золотые локоны, убранные в небрежный хвост, поблескивали, отражая тусклый свет ближайшего фонаря, словно сияли изнутри. Темный костюм, который облегал Дайен Фомор от тонкой шеи до щиколоток ног, казался её собственной кожей. На фоне него светлые волосы выделялись ещё сильнее. Дайен не опустила свои клинки, позволяя Гаю смотреть, как с них капает его кровь.

— Мы не закончили наше знакомство, — она улыбалась так, словно они находились в уютной обстановке клуба, а не под холодным дождем на полупустынной улице.

— Я не интересуюсь знакомствами, тем более с теми, кто может нападать только со спины, — Гай повел плечами, настолько беспечно, насколько позволяла боль. У него слишком мало времени, чтобы выбраться из этой досадной передрыги, не оставив здесь свою шкуру. Он допустил промах, как самый безмозглый юнец, чересчур понадеявшись на свои силы. Гай прикрыл глаза, собираясь с силами и проверяя — сможет ли он превратиться, чтобы исчезнуть.

Дайен очевидно разгадала его план потому, что её длинная нога, обутая в высокий военный ботинок, впечаталась в грудь Гая, вышибая почти весь воздух и заставляя его рухнуть на асфальт, почти теряя сознание. Оказывается, его крови вытекло куда как больше, и на асфальте расплывалась лужа, в которую он и приземлился.

— Никаких фокусов, — она довольно улыбнулась, останавливая жестом орка, шагнувшего к Гаю, — он мой. Я прекрасно знаю, что тебя не так-то легко убить, ты все равно исцелишься. Но таким ты мне нравишься мне ещё больше, так что мы отлично проведем время, знакомясь ближе.

Гай попытался подняться, опираясь на скользящие по мокрому асфальту руки, но Дайен лишила его возможности двигаться, поставив свою ногу на его спину. Гай втягивал в себя ускользающий воздух, в голове, лишенной кислорода нарастал стеклянный звон невидимых колокольчиков. Казалось, что он лежит погребенный под тоннами камней, в которые превратилась его собственная грудь. Единственным желанием, ещё теплившимся в затухающем мозгу, оставалось — разорвать то, что стесняет легкие, сломать ребра, мешающие дышать.

— Я всегда добавляю пару капель нужного зелья. Это прибавляет боли в агонии, так что не сопротивляйся ему, оно уже отравляет тебя, — Дайен с улыбкой наблюдала за тем, как Гай царапает по асфальту выросшими когтями в попытках дышать. Она поднесла лезвие к его лицу, упираясь кончиком в скулу. Гай продолжал бороться с неумолимо спадающими легкими, приближавшими его к черте временной смерти. Он не умрет совсем, убить его можно лишь вырвав сердце. Правда, даже временная смерть не будет спасением, если он попадет к Фомор. Слава о развлечениях её сородичей шла впереди них, усыпая дорогу кровью и болью их игрушек.

Орк неожиданно хрюкнул, из его руки с треском выпала дубинка, откатываясь в сторону. Дайен раздраженно подняла голову, глядя на нарушителя спокойствия. Пустая улица по-прежнему пряталась в неровном свете, поэтому было сложно понять, отчего на

физиономии орка возникло выражение ужаса, граничащего с полным замешательством. Дайен перевела взгляд на Гая и запоздало поняла, что они не одни. В спину её уперся острый предмет, подозрительно похожий на её собственные клинки. Сейчас словно время повернулось вспять, и она оказалась на месте Гая. Дайен медленно подняла голову, стараясь не делать резких движений.

— Отойди в сторону.

Глухой голос, словно искаженный чем-то, заставил орка отодвинуться назад. Хотя, судя по всему, говорящий обращался к Дайен. Она хоть и была раздосадована внезапным вмешательством, но всё же не забывала об острие между лопаток. А потому медленно сняла ногу со спины почти неподвижного Гая и так же медленно подняла руки, роняя клинок.

— Хорошо, — говоривший не знал о том, что она носит при себе не один меч, а потому не подозревал о последствиях своей самоуверенности. Дайен отодвинулась, избавляясь, наконец, от ощущения прижатого к спине лезвия, и молниеносно обернулась, выхватывая оставшийся меч.

Странные кожистые наполовину руки, наполовину крылья, заканчивающиеся заточенными шипами, по одному на каждую руку вместо пальцев, которые она приняла за клинок, угрожающе подрагивали. Их хозяин, держащий лицо в тени, явно знал, что Дайен прячет различные козыри в рукавах. В буквальном смысле. Поэтому, когда она бросилась, атакуя незнакомца, он оказался готов дать ей отпор. Было странно, что он не пускает в ход никаких уловок, словно ему нравится отбиваться как человеку, но это не мешало ему молниеносно отражать все выпады Дайен, пришедшей в бешенство от того, что её планы оказались нарушены.

Она сама не поняла, как оказалась лежащей на асфальте, а её меч со звоном отлетел в сторону.

— Прошу, пощадите, пощадите меня, — где-то сбоку орк бубнил одно и то же, как молитву, чем приводил Дайен в ещё большее негодование. Орки, славившиеся своей беспощадностью и свирепостью, никого не боялись. Поэтому много столетий их услугами пользовались на войне. И в мирное время.

— Он мой! — прошипела она, пытаясь подняться. Резкий взмах того, что выглядело как рука и крыло сразу, ударил её, заставляя снова опрокинуться навзничь и ощутимо приложиться головой.

— Прошу Вас, госпожа, не спорьте, не спорьте, — орк впал в нечто, похожее на истерику, что было весьма удивительно, и бухнулся на колени, отчего земля под ним вздрогнула.

— Как ты смеешь мешать мне? — Фомор не контролировала больше свое лицо и чувствовала, что оно начинает меняться. Отлично. Увидев — кто она, нападавший ещё пожалеет о своей неосмотрительности.

Тем временем, тот перешагнул через неё, не достаивая ответом, и направился к телу Гая, который по расчетам Дайен уже несколько минут как был мертв. Если бы не вмешательство, она бы уже была в своих апартаментах, предвкушая развлечение и поджидая, когда Гай вернется, оживая, и они продолжат знакомство. Очевидно, она ошибалась потому, как в ту же секунду он слабо заскреб пальцами.

— Он мой, — повторила Дайен, подозревая, что у неё хотят отнять приз. Никто ещё не отнимал у неё то, на что она предъявляла права, иначе Дайен никогда бы не добилась всего того, что имела. Либо побеждай, либо умри — закон выживания и успеха был суровым. Тем

более для дочери правителя Фомор, которая только своей хитростью и умом смогла стать наследницей трона.

Незнакомец повернулся к ней, поднимая лицо, и она, наконец, поняла — отчего орк пришел в такую панику. Действительно было, отчего запаниковать. На неё смотрели два кровоточащих глаза, не имеющих радужки и зрачка, полностью залитых зеленоватым светом. Половина его лица была человеческой, а вторая — похожей на обтянутый пепельно-серой покрытой язвами, кожей череп. Черный альв, которых порой путали с эльфами за красивую внешность, отчего-то лишь наполовину показавшийся в своем истинном облике. Но даже так он внушал ужас и страх.

Орк съежился насколько мог, пытаясь выглядеть незаметным, да и Дайен, не будь она настолько вне себя, постаралась бы поскорей исчезнуть. Черные альвы, колдуны, потомки падшей армии Строителя, обладавшие огромной силой, владеющие магией и развлекающиеся игрой с рассудком того, кто попадал в их руки, были родом оттуда же, откуда и кланы Фомор, и орки. Там их боялись и почитали, поскольку они были высшей знатью, перейти им дорогу означало обеспечить себе долгую и мучительную смерть. Дайен раздосадовано выдохнула, больше не пытаясь претендовать на свою добычу. Пусть забирает, всё равно она успеет наверстать упущенное в свое время, если Гай останется жив. В другой раз.

Альв наклонился над телом и подхватил Гая, поднимая с земли. Его руки вновь превратились в человеческие, легко удерживая безвольно висящее тело. Альв оглянулся, снова демонстрируя жуткую половину лица, покрытую старыми язвами и новыми, которые не заживали и выглядели омерзительно. Дайен брезгливо поморщилась. При том, что она сама была пугающей в другом облики, вид альвов наводил ужас даже на ей подобных.

Жуткий альв шагнул со своей ношей к проезжей части, явно направляясь к чьей-то машине, оставленной возле дома на противоположной стороне. Дайен приподняла голову, наблюдая, как он одним ударом выбил железную дверь, отлетевшую на несколько метров в сторону, и разочарованно вздохнула, закрывая глаза и опуская голову на землю.

Гай медленно открыл один глаз. Попытался открыть второй, который почему-то не торопился подчиняться. Потолок комнаты то приближался, то удалялся, словно тело Гая подбрасывало вверх-вниз.

Он попытался вспомнить то, что было перед этим, и обнаружил, что последнее, что осталось в его голове — холодный асфальт под ним и всепоглощающее удушье. Гай дотронулся рукой до рубашки, ища следы от двух клинков, проткнувших его насквозь. Ткань была порвана, но его тело было абсолютно целым. Он резко поднялся и сел на кровати.

— Наконец-то Вы пришли в себя, господин, — из кресла, придвинутого к кровати, поднялся Дэв. На тонком смуглом лице проступало беспокойство, словно он находился здесь уже долгое время, ожидая пока Гай очнется.

— Как я оказался дома? — Гай нахмурился, не находя в памяти воспоминания об этом. Дэв посмотрел куда-то, на другую сторону от кровати.

— Вас привез Шолто.

Гай повернулся к эльфу, стоящему молча в другом углу комнаты. Он не смотрел на Гая, упершись взглядом в пол. Непонятное чувство, похожее на смесь досады и удивления, промелькнуло в голове Гая, исчезая так же быстро, как и появилось.

— Спасибо, — Гай наконец смог сфокусировать глаза, упорно не желавшие видеть отчетливо, и оглядел эльфа. Тот выглядел помято и устало. На скуле сиял багровый

кровоподтёк, словно он еще не закончил исцеляться. И Гай подумал, что следы его кулака резко контрастируют с тем, что Шолто привез его в особняк, не оставив лежать трупом на улице.

— Мы обратились за помощью к целителю, но когда он прибыл, Вы были уже исцелены, хотя и без сознания, — бархатный голос ракшаса приятно гладил слух, лишний раз напоминая о том, что Гай дома. Видя, что он молчит, Дэв поклонился и бесшумно направился к выходу из комнаты, решив, что раз тот пришел в себя, его не стоит беспокоить.

Эльф не сдвинулся с места, словно ожидал, когда Дэв уйдет. В комнате повисла тишина, прерываемая лишь стуком дождя в окно.

— Это ты помог мне исцелиться, — Гай не спрашивал и не утверждал, а констатировал факт, ожидая, что эльф расскажет — что же произошло на самом деле. Гай знал, что может рассчитывать только на себя. В крайнем случае — на помощь Господина, который был единственным, кто мог бы проявить заботу о них с Аноэлем. И на Аноэля, который никогда бы не упустил возможности помахать кулаками, но притащил бы Гая домой только из чувства солидарности напарников. Поэтому он хотел понять, с чего вдруг эльф побеспокоил свою надменность, привезя его и исцелив. Неужели он настолько сильно хочет показать, что готов на всё, лишь бы его простили за проваленное дело?

Оставался открытым вопрос — кто вытащил его из рук Фомор. Точно не Шолто. Эльфы презирали сражаться с её народом, считая их чем-то вроде животных или слуг.

— Я нашел Вас на повороте к особняку в старой машине, — наконец произнес эльф, подтверждая мысли Гая. Устало закрыл глаза, затем полез во внутренний карман пиджака, доставая увесистый конверт, — это для Вас, господин. Надеюсь, что это будет полезным.

Глава 14–15

Глава 14

Мишень медленно подъезжала к кабине стрелка, и Джил сняла наушники. Пока что из десяти выстрелов только один, и тот в восьмерку. Конечно, странно ждать что-то другое от второго похода в тир, но мечтать, как известно, никогда не было вредным. Но всё ещё впереди, скоро она будет выбивать все десять из десяти, надо только больше тренироваться. Небольшой тир, расположенный на окраине города, не изобиловал посетителями, и Джил могла спокойно ворчать при каждом неудачном выстреле.

Пожилой хозяин тира, сидевший у входа рядом с импровизированной кассой, выпустил струю дыма и стряхнул пепел с сигареты. Наблюдая за тем, как единственный посетитель продолжает расправляться с мишенью, сидящий рядом с ним его старый сосед, прошедший с ним не один год службы, откашлялся и заметил:

— Похоже, она ещё сюда вернется.

Женщина закончила изучать мишень, заправила волосы за ухо и собралась уходить. Хозяин пожал плечами и снова затянулся сигаретой. Прежние дни, когда он был так же молод и беспокоен, как эта девушка, давно прошли, оставив шрамы и воспоминания. Но они научили разбираться в тех, кто стоял перед старым солдатом. Эта девушка имела свою цель, и потому она пришла сюда со своим пистолетом и упорно добивалась результата. Он проводил её взглядом до дверей и кивнул на прощание, когда она прошла мимо.

Джил плотней запахнула кожаную куртку, которая хорошо защищала от ветра, и зашагал к своей машине. После того странного происшествия на дороге она приобрела оружие. Конечно, случившееся можно списать на хулиганскую выходку. Но оно не было таковым, хулиганы не исчезают как туман. Можно было заподозрить паранормальщину, но вмятину

оставил не бестелесный призрак, а это значило, что оно, чем бы не было, могло так же появиться вновь. А может, таких как оно было много. Джил не верила в суеверия, но допускала существование того, что нельзя было объяснить известными человечеству способами. Но, несмотря на всё это, она хотела быть защищенной. И, если на неё нападет призрак или обычный хулиган, теперь она сможет выстрелить и напугать их.

Протрезвев в тот вечер, она неожиданно для самой себя поняла, что изменилась бесповоротно. Наутро Джил перевернула квартиру вверх дном, избавилась от мусора и ненужных вещей, набравшись сил, перетащила кое-что из мебели так, чтобы оно не заслоняло дорогу к двери или к окну. А затем добралась до шкафа и отправила на свалку добрую половину вещей, словно в ней проснулась прежняя Джил, которую она так долго пыталась похоронить за сухим обличем адвоката. Она пока не решила — к добру ли это или нет, но чувство, что она ведет себя по-настоящему живо и естественно, говорило само за себя.

Джил выехала на дорогу, ведущую к центральной части города, размышляя об этом. Если бы она на секунду отвлеклась и посмотрела в зеркало заднего вида, то заметила бы черный Ауди, вывернувшийся из тупика и ехавший за ней следом.

Стоун поднял глаза от монитора компьютера, и его брови явно захотели приподняться.

— Вы хорошо выглядите, — наконец произнёс он, закончив визуальное знакомство с Джил, стоящей перед ним. Подумать только, стоит вместо юбки-карандаша надеть просто темные брюки и белую блузку, как все начинают на тебя таращиться, явно считая это чем-то необычным.

— У меня назначена встреча с исполнительным директором “Хрустального моста”. Это достаточно серьезный человек, так что, давайте не будем опаздывать.

Джил понятия не имела ни о каких Мостах и директорах, но предпочла просто кивнуть. Узнает по ходу действия.

Гиганты делового района напоминали футуристический город будущего. Здания, сияющие совершенными линиями и зеркальной облицовкой, были построены в непривычной форме. Где-то они были обтекаемой формы, как фюзеляжи самолетов, а где-то соединялись почти невесомыми переходами, сделанными из стекла и железных конструкций. Джил восхищенно рассматривала невероятные постройки, задаваясь вопросом — как много она не знает о городе, в котором живет уже несколько лет?

— Эти дома спроектированы и построены при помощи “Хрустального моста”, — донесся до неё голос Стоуна.

— Они удивительны, — Джил не стала говорить, что они кажутся неизвестно как попавшими сюда с другой планеты. Хватит и того, что её челюсть упорно хочет упасть на колени.

Когда они подъехали к зданию, стоявшему изогнутым фасадом к улице, Джил поняла, что экскурсия закончена, пора превращаться в юриста.

Шлагбаум поднялся, пропуская их на круглую площадку, на которой мог спокойно сесть не один вертолет. Выйдя из машины, Джил обнаружила идущего к нему мужчину.

— Добро пожаловать, — он пожал руку Стоуну и Джил, сопровождая рукопожатие легким наклоном головы, — я — заместитель директора, прошу вас следовать за мной. Господин директор ожидает вас.

Стального цвета кабина лифта плавно остановилась, и все трое шагнули вперед, оказываясь в большой светлой студии. Она выходила окнами наружу к городу, который

находился этажей на пятнадцать ниже. Интересно. Когда стоит туман, каково это — смотреть из окон на клубящееся море, как из рубки корабля?

“Невероятно”, — подумала Джил, шагая за мужчинами. Только сейчас до неё дошло, что половина студии превращена в неординарный кабинет. А вторая оставлена почти пустой.

— Господин директор, это прокурор Стоун и его помощник мисс Кэйлаш.

Сидящий в кресле, спиной к ним, мужчина развернулся. Он был вовсе не таким, каким должно быть руководящее лицо в большой компании. Для начала он выглядел достаточно молодо, возраст на его лице словно стирался. С равным успехом ему могло быть как тридцать, так и сорок. А его внешний вид заставлял впасть в некое оцепенение.

Джил поймала себя на мысли, что хочет подойти ближе и потрогать эти странные волосы, обрамлявшие лицо директора. Белые, явно не от краски. Слегка вьющиеся, со странным вкраплением темных, почти черных прядей они спускались на плечи ровной волной. Джил поняла, что разглядывает директора неприлично долго, и смутилась. На неё такое было совсем не похоже.

— Добро пожаловать, — произнёс обладатель странных волос, — Я рад встрече с Вами, господин Стоун.

Он поднялся из кресла и вышел из-за стола, протягивая руку Стоуну. Мужчина был выше прокурора на полголовы и сложен так, словно качался ежедневно по несколько часов. Темно-синяя рубашка с расстегнутыми у горла пуговицами контрастировала с белоснежными волосами и подчеркивала цвет раскосых глаз, приподнятых к вискам и создающих впечатление смеси какой-то азиатской мужской красоты. Он выглядел экзотично. Утонченно. Но при этом — мужественно и благородно.

Достаточно для того, чтобы потерять глаза, разглядывая его.

— Моя помощница, мисс Кэйлаш, — Стоун представил Джил, и блондин шагнул к ней.

— Мисс Кэйлаш, — произнёс он, осторожно пожимая её ладонь. Интересно, кто оставил шрам на его запястье, уходящий вверх, под рукав рубашки? Эта рука была слишком сильна, чтобы просто поднимать штангу в зале. А необычные глаза были слишком спокойны и при этом — беспечны, чтобы принадлежать прагматичному дельцу.

Джил с трудом отвела глаза от блондина и порадовалась тому, что мужчины приступили к обсуждению цели своей встречи.

— Встретиться с Вами, господин Стоун, должен был директор отдела управления, но он был вынужден срочно уехать. Поэтому здесь я, — блондин вернулся в кресло и непринужденно откинулся на спинку. Теперь Стоун и Джил сидели перед ним. Разумно, если хочешь видеть лица обоих сразу.

Джил чувствовала себя не в своей тарелке. Она не могла сосредоточиться на разговоре, словно что-то держало её в стороне, отводя от линии разговора. Блондин обладал странным голосом. Казалось, что вся комната заполнена чем-то мягким, похожим на мех, когда он произносил ничего незначащие слова, и они почти реально касались кожи. Хотя он ни разу не обратился именно к ней, Джил могла поклясться, что какая-то его часть упорно изучает её как неизвестный предмет. Очевидно, она окончательно спятила.

Она исправно отсидела все полчаса беседы, сделала все нужные пометки и абсолютно не поняла — зачем они приехали и какова была цель встречи. Весь разговор пролетел мимо неё. Такое было ей не свойственно, а значит — раздражало.

— Надеюсь, что наше сотрудничество принесёт свои результаты, — Стоун поднялся,

прощаясь. Он явно был доволен разговором, и Джил с облегчением подумала, что скоро она сможет оказаться дома. Выспаться. Вечерами она стала выходить на пробежку, в корне изменив свои прежние привычки. Раньше она сидела бы и работала до полуночи, а теперь Джил ходила в тир и бегала, возвращалась домой усталой, но бодрой. Несмотря на то, что её тело ныло, и каждая мышца была приятно утомлена, Джил ощущала себя невероятно сильной и свежей. Прежняя нервозность стала исчезать, а постоянное копание в прошлом исчезло как утренний туман.

Если она придет домой через час, то успеет даже вздремнуть, а потом заняться бумагами. Джил рассеяно смотрела на смотрела на покачивающийся на столе маятник, когда неожиданно поняла, что блондин смотрит на неё, а Стоуна уже нет рядом. Она моментально стряхнула рассеянность, испытывая неловкость, и оглянулась.

— Ваш спутник направился к лифту, — голос, как шелковый мех, скользнул по коже. Таких голосов не может быть в природе, а значит, ни в коем случае нельзя поддаваться этому ощущению. Джил сама не поняла, как эта мысль возникла в голове. — Не смотреть на него и не слушать его, — повторяла она себе, разворачиваясь и шагая к лифту. Возможно, он занимается каким-то внушением, чтобы повлиять на своих собеседников, а значит, потенциально опасен.

— Возможно, мисс Кэйлаш, — густой голос догнал её почти у выхода из светлого кабинета-студии. Джил чуть не остановилась от неожиданности, но затем сообразила, что по всей вероятности произнесла последнюю фразу вслух. Он может владеть внушением. Но не умеет читать мысли. Это был достаточно позорный момент, и Джил захотелось припуститьсь бегом, особенно когда позади неё раздался смех.

— Директора Моста в высшей мере талантливые люди, — Стоун пребывал в отличном настроении и неожиданно разговорился, — насколько я знаю, в компании очень ценят одаренных людей и отдают им предпочтение при наборе на работу.

Джил, борясь с остатками непонятной рассеянности, которая одолевала её всё время в кабинете директора Моста, промывчала что-то невнятное в ответ. Но, перехватив удивленный взгляд Стоуна, явно не ожидавшего такой реакции, спохватилась и заявила:

— Мне показалось, что директор является отличным специалистом, это необычно. Однако его внешний вид... Такая прическа крайне эпатажна даже для гения.

— А что не так с его прической? — Удивился Стоун.

— Она была немного неординарна, — медленно произнесла Джил, напрягаясь от кончиков ушей до пальцев ног.

— Не думал, что Вы считаете русые волосы неординарной прической, — засмеялся Стоун, поворачивая машину на съезд автострады.

Глава 15

Гай оторвался от экрана ноутбука, устало потерев глаза. Он просидел несколько часов, и за это время успел узнать много интересного. Конверт, который дал ему Шолто, скрывал в себе пару дисков, на которых было записано одно очень старое дело. Гай понял, что ему в руки попало то, что было нужно тогда, когда на одной из первых страниц документов промелькнуло упоминание имени Кэйлаш.

Он еще раз с большим вниманием просмотрел все три диска. О ней упоминалось лишь несколько раз, но она была одним из свидетелей. Это было очень странно, потому как Гай

не встретил никакой информации об этом процессе, когда искал данные о Кэйлаш. Казалось, что его никогда и не было. Но то, что он только что прочитал, говорило об обратном. Значит, она хорошо постаралась спрятать все концы своего темного прошлого как можно дальше, чтобы её считали воплощением правильности и справедливости. Ещё одно доказательство того, что вся её жизнь и вся она лживы до глубины души. А ведь она была на тот момент всего лишь подростком, школьницей.

Гай щелкнул мышкой, наводя курсор на фотографии, выбирая нужную. Иногда прошлое возвращается в самый неожиданный момент, но чем внезапней его появление, тем оглушительней эффект.

Он закрыл ноутбук. Проследив за Кэйлаш, Гай легко выяснил, что она стала посещать тир, упражняясь в стрельбе. Очевидно, беспокойная совесть заставляет бояться того, что однажды придется оказаться лицом к лицу с тем, от чего пытаешься откреститься и забыть. Если человек пытается защищаться, значит, он чувствует, что тучи сгущаются.

Зазвонил сотовый, прерывая его размышления.

— Ты должен мне, — голос Аноэля всегда звучал беспечно, и порой это раздражало.

— В прошлый раз ты забрал мою машину. Что я задолжал тебе в этот раз? — Гай включил громкую связь и открыл встроенный в стену шкаф, выбирая рубашку.

— Ты должен был быть на встрече два часа назад, а в итоге я провёл её вместо тебя, — Гай мог поклясться, что сейчас Аноэль с удовольствием развалился в его кресле и что-нибудь разрушает в привычном порядке кабинета.

— Не вздумай класть свои ботинки на мой стол, — Гай скинул рубашку, подумывая, что проще убить Аноэля, чем заставить его не делать назло. Он смешивал в себе беспечность и опасность. Мог легко развлекаться как обычный человек, разнося всё вокруг, и мог убивать и преследовать жертву не дрогнув, без сожаления. Там где заканчивалось одно, начиналось другое, и границы между ними не существовало.

— Мои ботинки чище чем твой стол, — хохотнул Аноэль, но затем стал серьезен, — чем ты занят, что пропустил встречу с прокурором города? Или это для тебя было не так важно?

Гай взглянул на часы и выругался. Не может быть. Пуговица, вырванная с корнем, отлетела от воротника и покатила по полу, вертясь и подпрыгивая. Как он мог забыть? Ведь эта встреча была крайне выгодна им обоим, чиновник предлагал свой план сотрудничества, а его услуги могли быть крайне ценными. Жаждавшие господства и власти приходили за одним, а получали другое, становясь ещё одним звеном в цепочке тех, кто работал на Господина. Вместо этого он настолько увРаизя своей мстью, что позабыл о времени.

— Господин Стоун не подозревал о маленькой замене, так что всё прошло отлично. С тебя должок, — что-то скрипнуло, словно Аноэль качался в кресле.

Гай снял испорченную рубашку и потянулся за другой. В зеркальной стене шкафа он внезапно заметил отражение двух аккуратных шрамов, которые ещё не исчезли до конца и напоминали о себе. Ему крупно повезло, что его спасли тогда — стать игрушкой для Фомор, жаждавшей крови и секса, было бы весьма прискорбно. Гай знал, что переоценил себя в тот раз, а сейчас позволил себе поддаться мести. Кажется, с этим необходимо разобраться как можно скорей, чтобы больше не возвращаться к нему.

— Государственный обвинитель должен сказать спасибо, что его приняли, — наконец рассеяно ответил Гай, снова возвращаясь мыслями к тому вечеру и обдумывая — кому же он

обязан своим спасением. Затем медленно опустил руку, протянутую к вешалкам с одеждой. — Ты сказал — Стоун?

— Именно так я и сказал. Не знаю, чем ты там занят, но тебе надо поработать с твоей памятью. Ты сам назначил ему встречу, и он со своей помощницей сидел тут, весьма уверенно в себе и солидно.

Гай почувствовал, как кровь замедляет свой бег и все сильнее грохочет в голове, словно гигантский метроном.

— Кстати, я всегда считал, что женщины-юристы выглядят невзрачно и скучно. Но меня приятно разочаровали в моем заблуждении, — проклятый Аноэль словно специально подливал масла в и без того разгорающееся пламя.

Гай медленно нажал на кнопку, заканчивая разговор. Медленно вдохнул, и ещё медленней выдохнул. Нет. По-видимому, кто-то один — либо он, либо Кэйлаш должны покинуть игру. Третьего не дано.

Шолто стоял у стеклянной пластины окна пентхауса и смотрел на вечерний город, раскинувшийся перед ним. Было нечто парадоксальное в том, что именно в этом городе он наконец решил остановиться и ощутил себя в относительном спокойствии. Здесь он был никому не известен, и им никто не интересовался.

Ему не приходилось ощущать себя одним из незаконнорожденных, к тому же — таким, какого следовало убить ещё при рождении, но по досадному стечению обстоятельств оставленному жить. Дома не терпели тех, кто как-то нарушал привычные условности и законы не только делом, но и своим существованием. Поскольку он умел оставаться незаметным, когда нужно, и красноречивым — когда того требовала ситуация, его даже считали одним из подающих надежды, но никогда не упускали случая напомнить ему о том, что он, по сути — ничто. И он решил жить вдали от дома, чтобы оставаться самим собой, не ожидая постоянно презрения и порицания. Не бывает слегка подпорченного совершенства — говорил его дядя.

Первое время Шолто ощущал неприятный холодок, ожидая, что его начнут расспрашивать о том, откуда он прибыл, и кто его семья. Но на новом месте никто не стремился проникнуть в его секреты, и Шолто привык к этому. Прошло много десятилетий, когда он наконец свыкся с окружающим его странным, суевливым миром, в котором никому ни до кого не было дела. Затем он решил найти применение своему умению говорить и убеждать, и начал посещать курс юриспруденции в одном из старых университетов человеческого мира, который явно был моложе Шолто. Чем дальше он продвигался в обучении, тем больше понимал, что нашёл то, чем ему нравится заниматься, пускай это и вызвало бы очередной шквал презрения к нему там, откуда он сбежал.

Эльф слегка поморщился, дотрагиваясь до груди. Ничто не делается просто так, всё требует взамен сохранения равновесия. Это означало, что излечив Гая, лежащего бездыханным на постели, такой же белой и холодной, как он сам, когда жизнь полностью вытекла из него, эльф должен был заплатить определенную цену. Шолто предпочел заплатить её своей плотью и кровью. Он не мог стоять и наблюдать, как тот, кто ещё недавно стоял и источал леденящий холод, сейчас лежит мертвым. Это было неправильно. И потому, Шолто не мог не сделать то, что внушало ему ненависть к самому себе, лишней раз напоминая о том, почему он навсегда останется презираемым изгоем, но могло сохранить Гаю жизнь.

Шолто не был солдатом, но и не был слабаком. Он мог сражаться, но предпочитал использовать другие методы, отнюдь не потому, что не любил насилие. Напротив, он знал, что оно тянет его, как магнит — железо, и старался никогда не откликаться на этот зов. На это было слишком много причин.

Негромко зазвонил телефон. Шолто, увидев незнакомый номер и помедлив, ответил.

— Сколько ещё ты намерен скрываться? — голос дяди звучал слишком знакомо, словно Шолто только что стоял перед ним, выслушивая очередное распоряжение. Эльф не позволил лицу дрогнуть, оставаясь невозмутимым, словно и сейчас говорящий стоял перед ним. Очевидно, дядя прибыл в мир людей и решил напомнить ему о том, что тот должен вернуться обратно.

Шолто перевел взгляд на теплые разводы заходящего солнца, которое пряталось в тучи, похожие на длинные перья, медленно затягивающие горизонт.

— Ты не можешь нарушать традиции. Как никто другой, ты должен об этом знать лучше всех. Твое место здесь, а не там, где ты находишься.

Эльф выключил телефон, осторожно положил его на край стола. Аккуратно вынул из декоративного шкафа для вин бутылку и налил полный стакан. Его жесты были настолько осторожными, словно он боялся уронить или разбить что-нибудь. На самом деле причина заключалась в другом. Он поднял стакан к губам, и в свете солнца было видно, как тот дрожит в его руках. Нет времени размышлять и углубляться в прошлое — Шолто должен был возвращаться в особняк, поскольку ещё днём Гай позвонил и сказал, что ему нужна помощь.

Уже вечерело, когда он поднялся по небольшой лестнице к дверям особняка. Они отворились сами, словно подчиняясь системе тепловых датчиков. Но Шолто знал, что никаких систем здесь нет, кроме камер видеонаблюдения. Здесь работали другие законы.

Он миновал небольшой зал перед входом, который разделялся на пару коридоров и лестницу, уводившую наверх, на второй этаж. Гай работал вечерами в старой библиотеке, куда мало кто заходил, стараясь лишний раз не попадаться ему на глаза. Шолто толкнул дверь и шагнул в просторную комнату. Как и всегда, его встретил полумрак, который не могла разогнать даже небольшая лампа, сделанная в виде античного светильника. Шолто остановился, привлеченный странным звуком, раздавшимся откуда-то сбоку. Он приближался, и Шолто не мог понять — кто или что издавало его.

Мужчина в изодранной одежде вышел из дальнего темного угла. Он еле переставлял ноги, при каждом шаге звеня цепями, волочащимися за ними. Спутанные волосы висели как клочья дикого мха, спадая на лицо. Мужчина остановился, цепи со скрежетом замерли на полу. Он поднял голову, глядя на Шолто, и эльф понял, что не может различить его внешности, казавшейся смутно знакомой. Запоздало эльф подумал о том, что может делать в библиотеке особняка узник в кандалах?

Тот поднял руку, протягивая её к Шолто, и цепи снова загремели. Адвокат шагнул вперед, пытаясь разглядеть его лицо, прячущееся в тени. Внезапно тот упал на колени, словно подкошенный. Шолто, испытывая смятение, наклонился над ним. Он понимал, что это не его дело, у особняка были свои хозяева и свои тайны.

— Кто Вы? — Шолто знал, что не каждое существо безопасно, и не касался лежащего. В ответ ему была лишь тишина. Возможно, у Гая или его соседа, непредсказуемого авантюриста, был должник, который смог сбежать через какой-то потайной ход из какой-то камеры в подвале. Шолто мало представлял себе жизнь хозяев особняка, но такое было вполне обычной вещью у него дома.

Лежащий начал шевелиться, и эльф настороженно отодвинулся в сторону. Несмотря на странное желание увидеть его лицо, не отпуская ни на секунду, Шолто не хотел рисковать.

— Помоги мне, — внезапно произнёс знакомый эльфу голос, — прошу, помоги мне.

Шолто затаил дыхание, не в силах шевельнуться. Лежащий с трудом поднял голову, волосы свалились назад, открывая его лицо и позволяя на секунду различить черты. Шолто дернулся вперед. В голове внезапно исчезли все мысли, кроме стремления помочь. Но, едва он дотянулся до изодранных лохмотьев, как лежащий перед ним человек исчез.

Пытаясь унять бешено стучащее сердце, Шолто вздохнул.

— Что с тобой? Что случилось?

Испытывая облегчение, он выпрямился, поднимаясь, и взглянул на стоящего у стола. Чем бы не было то, что он только что увидел, оно уже исчезло. Перед ним стоял реальный, не иллюзорный мужчина, который повторил вопрос снова, обращаясь к нему. Шолто хотел ответить, что всё нормально, но неожиданно понял, что впервые за всё время слышит в его голосе участие и беспокойство. Это было невероятно, и причиняло боль и что-то, неожиданно приятное, одновременно. Шолто стоял как истукан, и его обычная находчивость внезапно испарилась.

— Что ты молчишь? — Говорящий шагнул к эльфу, который не мог вымолвить ни слова, — расскажи мне всё. Или, если хочешь, я могу рассказать о том, что ты прячешь в своей голове, думая, что никто не сможет узнать. Но я-то знаю.

Неожиданно он исчез. Просто испарился.

— Помоги мне, — прозвучал стон из темноты.

— Я знаю твои тайны, — прошептал внезапно голос, касающийся дыханием затылка Шолто.

— Помоги мне, — цепи гремели, и эхо, отражаясь от стен, облетало комнату.

— Как долго ты сможешь прятать свои тайны? Ведь мы оба знаем о том, в чем ты порой не хочешь признаться сам себе, — говорящий стоял перед Шолто, улыбаясь почти в лицо ему, — Скажи мне, — раздавался голос за его спиной.

— Помоги мне, — узник шел по темноте, и его движение выдавал грохот цепей.

— Если бы ты знал, как ты жалок, — призрачные пальцы коснулись лица Шолто, — тебя можно избивать, но это доставляет тебе только удовольствие. Тебя можно растоптать, но ты всё равно останешься. Одиночка, полный своих тайн, думаешь — я не знаю того, о чем ты молчишь? Или, может, ты хочешь, чтобы я это сказал тебе сам?

Кровь отлила от лица Шолто, и при последних словах он отступил назад.

— Беги, ты ведь всегда предпочитал бежать, — насмешливо прошептал голос позади.

— Ты омерзителен и жалок, — произнес стоящий перед ним.

На лбу Шолто выступил пот, казалось, что усилия держать себя в руках настолько же тяжелы, как и попытки удержать падающую скалу. Он чувствовал себя так, словно открыв двери в его мысли, в них презрительно поковырялись и отбросили прочь, как мерзкую грязь. Тонкая нить, удерживавшая Шолто, лопнула но в ту же секунду всё исчезло. Наступила тишина, которую ничто не нарушало. Лампа мягко освещала полутемное пространство с царившим в нём спокойствием.

Шолто, тяжело дыша, закрыл глаза. Он чувствовал себя раздавленным, словно по его разуму не только пронеслось торнадо, сокрушая всё на своем пути, но оно и причинило боль, оказавшуюся куда как острее чем, если бы тело эльфа изодрали в клочья. То, что произошло,

застало его врасплох, и он не смог бы определить — что это было, и как оно смогло его так легко поразить. Он не мог собраться и не мог ни о чем больше думать потому, что боль жила в каждой его клетке.

Позади него распахнулась дверь, слегка поскрипывая петлицами.

— Добрый вечер, — голос Гая, разорвавший тишину библиотеки, ударил по напряженным нервам эльфа, по-прежнему неподвижно стоящего посреди комнаты. Гай обошел его и остановился, ожидая, что тот ответит что-либо. С трудом, словно мозг отказывался складывать слова в простые фразы, Шолто заставил себя ответить:

— Добрый вечер.

— Я ожидал тебя немного позднее, но раз ты уже здесь, мы можем приступить.

Гай оглядел Шолто, который постарался принять непринужденный вид, не желая, чтобы тот что-либо заметил.

— Я благодарен, что ты нашел то старое дело с этой свидетельницей, — назвать её имя Гай просто не мог себя заставить, поэтому выплюнул слова так, словно они жгли ему язык. Эльф кивнул, он разделял эмоции Гая, не имея причин чувствовать иначе в отношении женщины, перешедшей ему дорогу, — Ещё я хотел бы, что бы ты взглянул на пару бумаг, их подписали только сегодня.

— Новая сделка?

— Да, — Гай подошел к столу, вынимая из ящика документы, — теперь у нашей компании есть ещё одно приобретение. Он получает поддержку своей кандидатуры везде, где только захочет, а мы расширяем влияние.

Шолто с уважением взглянул на Гая, занятого документами. Он не встречал ещё никогда более странного существа, всегда добивающегося того, чего хочет, и приносящего с собой атмосферу пустоты и холода. Она пугала и отталкивала окружающих, но только не Шолто.

Гай поднял голову, протягивая ему светлые листы бумаг. Эльф взял документы в руки и погрузился в чтение того, что подтверждало, что “Хрустальный Мост” выделяет некую сумму на поддержку фонда господина Стоуна.

Шолто споткнулся на этой фамилии и удивленно взглянул на Гая, но тот спокойно смотрел на эльфа, пытавшегося понять смысл его действий и не находившего им объяснения. Очевидно, его лицо говорило об этом гораздо красноречивей потому, что Гай поинтересовался:

— Ты нашел ошибку в договоре?

Шолто опустил глаза. Если Гай задумал игру, пускай играет в неё.

Глава 16–17

Глава 16

Джил внезапно проснулась посреди ночи. Несмотря на все её попытки снова уснуть, казалось, что мозг просто отказывается выключаться и упорно настраивался на работу. Самое отвратительное, что только может случиться посреди ночи в четвертом часу. Джил устала в потолок, с раздражением понимая, что вместо того, чтобы выспаться сейчас, она начнет клевать носом в середине дня. Стояла тишина, какая бывает только в момент границы ночи и рассвета, когда всё, что живет ночью, уже затихло, а то, что встает с рассветом, ещё не проснулось.

Где-то далеко ревела сирена, словно крик о помощи, разносящийся эхом в неподвижном воздухе. Джил повернула голову к окну, напрасно надеясь, что если она закроет глаза и

сосчитает до ста, то сможет уснуть. Не помогло. И она просто валялась, наблюдая за тем, как шевелится занавеска на окне от ветра, проникавшего через открытый верх окна.

Колыхание ткани действовало гипнотически, и Джил медленно расслаблялась. Она неожиданно вспомнила свою детскую, большую и светлую, с широким окном, в которое неизменно стучалась ветка яблони. Джил улыбнулась, когда внезапно стены квартиры исчезли, сменяясь такими привычными светлыми обоями с пушистыми зайцами. За шевелящейся занавеской покачивалась яблоня, шурша по стеклу.

Джил закрыла глаза, наслаждаясь покоем, которого не испытывала с того самого дня, как уехала из дома. Она пыталась отсечь от себя всё, что хоть как-то могло напомнить о прошлом, убеждала себя, что так будет правильней. Джил редко звонила отцу. Она приехала домой только один раз, на похороны матери, и это стало ещё одним поводом избегать дома.

Она подумала, что это неправильно. Утром она позвонит отцу и прекратит вести себя так, словно и он тоже виноват в её собственных проблемах. Джил открыла глаза, смотря на призрачных зайцев. Когда она не могла заснуть, она считала их и засыпала на двадцатом пушистике. Джил подтянула подушку поудобнее и принялась считать нереальных зайцев на нереальных стенах. Она дошла до двадцатого и повернулась на спину, чтобы продолжить считать тех, кто был на другой половине стены, когда увидела сидящего на краю её кровати. Он смотрел на неё спокойно и сурово, и ветер, долетающий до него, слегка шевелил его волосы. Джил ощутила, как её горло сжимается, язык прилипает к небу, а сердце останавливается.

— Ты забыла про меня, — произнёс Райз.

Он смотрел на неё, то самое прошлое, заставляющее её бежать от самой себя, и его лицо было полным укора. Райз протянул к ней руку, словно хотел коснуться Джил. Она же не могла пошевелиться, словно её парализовало.

— Ты предала меня, — его голос звучал так же глубоко и хрипловато, словно прошла пара дней, а не десяток лет с того момента, как он в последний раз обращался к ней. Джил снова видела его непослушные волосы, от которых черты лица становились резче и угрюмей. Волосы, которые она столько раз взлохмачивала со смехом, чтобы посмотреть, как солнце переливается в их прядях. Старая, изношенная рубашка явно была велика ему, как и раньше. Джил не могла ничего сказать, мысленно при этом исходя на крик в попытках произнести хоть слово.

— Ты бросила меня, — ветер откинул занавески и взлохматил волосы Райза, открывая его лицо, внезапно покрывшееся огромными ожогами. Джил открывала и закрывала рот, пытаясь вдохнуть.

— Ты бросила меня, — повторил призрак с обгоревшим лицом, опуская руку почти возле руки Джил. Кое-где плоть была прожжена, обнажая кость и нити сухожилий. То, что звучало в его голосе, словно проткнуло Джил насквозь, причиняя неимоверную боль, и она завопила что было сил.

Стоило её крику разорвать тишину, как всё исчезло. Не было никаких пушистых зайцев на стенах, за окном не шуршала старая яблоня. Джил была в своей тихой квартире. Она отползла к спинке кровати, подтягивая одеяло к себе и, испытывая болезненный озноб, плотней закуталась в ткань.

Спустя пару часов, когда солнце поднялось из-за горизонта, Джил наконец-то вылезла из постели. Пока варился кофе, она машинально наводила порядок, изредка потирая лоб. Голова грозила взорваться, словно мозг распух и не помещался в черепной коробке.

Пара плотков крепкого до невозможного кофе медленно возвращали всё на свои места, и наконец-то Джил могла уже трезво мыслить. Кажется, настала пора что-то кардинально менять, а если понадобится — вырвать с корнем или отстрелить.

Гай удовлетворенно улыбнулся. Большая черная тень, сидящая на краю плоской крыши здания, стоящего напротив дома Кэйлаш, наконец-то шевельнулась. Он просидел здесь половину ночи, находя дорогу к сознанию женщины и манипулируя тем, что там было спрятано. Да, такого он не пожелал бы никому. Он ощущал эту боль, которая заставляла её тело сворачиваться, а разум — стираться в порошок. И эта боль находила отголоски в нём, даруя цвет его бесцветному миру. Гай испробовал такое на Шолто, и, довольный результатом теперь наслаждался заслуженным эффектом. Правда, страдания Шолто были не так сильны, наверно потому, что женщина прятала в себе всё, не давая этому выйти наружу. Если бы эльф знал, ради чего ему пришлось испытать такое, он бы простил Гая. На войне все средства хороши.

Гай обнаружил эту способность в своем арсенале совсем случайно, когда неожиданно услышал мысли одного из служащих в своем офисе, после того как его спасло нечто от Фомор. Он подозревал, что оно использовало скорей всего свою кровь, в противном случае было бы сложно объяснить то, что он внезапно стал так легко рыться в мозгах окружающих.

Еще раз взглянув на окна квартиры, где сейчас пребывала в ужасе женщина, Гай поднялся, отряхивая песок и мусор. Он продолжит свою затею и будет возвращаться вновь и вновь, заставляя Кэйлаш медленно сходить с ума. Кажется, её боль будет отличным наркотиком, жаль только, что на короткое время. Вряд ли её человеческий разум выдержит долго его атаки.

Джил тем временем спустилась к машине. Казалось, что по ней проехал танк, разможжив голову. Тело было разбито, и она еле шагала по лестнице. У машины Джил поморщилась и подумала, что ей нужно обзавестись солнцезащитными очками. Свет резал глаза, а на машину, асфальт и небо было просто невозможно смотреть. Она постояла минуту, раздумывая, затем развернулась и пошла вниз по улице. Садиться за руль в таком состоянии — значит быть самоубийцей.

Она прошла почти треть пути, и постепенно мышцы приходили в норму. Сейчас Джил бесспорно не пробежит кросс, но бодро шагать вполне может. Температура на улице явно была запредельной даже по меркам начала лета. Воздух был горячим и влажным, словно улица превратилась в гигантскую парилку. Не спасал даже достаточно сильный ветер — он скорей создавал ощущение, что по телу проводят горячим мокрым полотенцем. На горизонте быстро собирались темные облака, обещая грозу. Что же, лето предлагало полный ассортимент своих прелестей.

Джил шагала вдоль участка, ожидавшего застройки городским муниципалитетом. Ещё не тронутый и не изуродованный, он тихо зеленел кустами сирени и акации. Когда-то тут пытались что-то сажать предприимчивые старушки, пытаясь вложить свою энергию в землю. Но старушек больше не было, и земля кое-где ещё цвела одичавшими цветами. Люди ушли, а их труд ещё радовал глаз. Скоро сюда придут рабочие, и техника сравняет ковшом всё, оставив лишь сухую, мертвую землю.

Она медленно шла мимо зеленеющего клочка посадок, и, несмотря на то, что она катастрофически опаздывала на работу, спешить ей не хотелось. Глядя на упорно продолжающие жить цветы, Джил неожиданно подумала о кладбище. Мысли, принявшие такой мрачный оборот, изнуряли посильней бессонной ночи с кошмарами, и Джил

постаралась взять себя в руки. Несмотря на всю чертовщину, творящуюся вокруг неё, она не даст ей свести себя с ума.

Подгоняемая порывами сильного ветра, толкавшего её вперед, Джил зашагала дальше. Через какое-то расстояние от неё в остатках высаженных кустов белела маленькая церковь, похожая на островок светлого цвета. Белое здание утопало в зелени, за которой никто не смотрел, не подстригал и не приводил в порядок. Джил прошла мимо неё, мельком взглянув и подумав, что этот островок дышит спокойствием и тишиной. И он абсолютно чужд городу и его суете. Она миновала заросли, распространявшие приятный, глубокий аромат сирени, и неожиданно, побуждаемая непонятным чувством, остановилась и обернулась.

Казалось, что ноги сами несли её обратно к бело-зеленому оазису. Джил нерешительно направилась по заросшей дорожке, ведущей к дверям церкви, отодвигая в сторону низко склоненные ветки. От движения с них осыпались лепестки, похожие на капли благоухающего дождя.

Двери церкви были закрыты, что выглядело вполне ожидаемо. Вряд ли кто-то приходил сюда последние лет пять, если не больше. Джил стояла, смотря на такие же белые двери, которые не потускнели и не выцвели, несмотря на забвение. От тени зелени воздух был не настолько душным и пылен. После некоторого колебания Джил подошла к входу. К дверям вели три небольшие ступени, служившие декоративным украшением, и она, смахнув с них старые листья и опавшие ветки, села на самую нижнюю.

Живая тишина, полная умиротворения, окутывала и при этом не баюкала, но словно стояла уважительно чуть в стороне, давая собраться с мыслями. Джил закрыла глаза. Сколько она так просидела — может пару минут, может десять. Неожиданно в голове из мутной мешанины мыслей выплыла одна, которая осталась на поверхности, вытесняя остальные. Она настойчиво говорила о том, что вероятно что-то идет не так, неправильно, и Джил сама выбрала это неправильное направление.

— Но если ты уже понял, что твоя дорога не верна, разве ты не стала возвращаться в нужном направлении?

Джил открыла глаза. Возле куста, усыпанного цветами, стоял похожий на священника мужчина, и его седые волосы были одного цвета с белыми лепестками сирени. Темная одежда слегка шевелилась от ветра, гнавшего свинцовые тучи по небу к городу. Джил решила встать, чтобы не выглядеть непочтительно, но священник жестом остановил её. Затем подошел и сел рядом с ней на ступени. Джил испытывала неловкость — она срочно стала думать о том, что может чем-то невольно оскорбить его и это место, а потому молчала, словно проглотила язык.

— Людям свойственно заблуждаться, но обычно они не прислушиваются к голосу, который предупреждает их о неверном выборе, — священник наклонился к Джил и показал рукой на прячущуюся в зарослях дорожку, — если перед ними стоит выбор — широкая дорога или узкая и малозаметная тропинка, какую они выбирают?

Он кивнул, словно Джил ответила, и покачал головой:

— Но ведь удобный и проторенный путь не всегда ведет туда, куда нужно. Да и чаще всего, он просто ведет кругами, от того и проторен, что по нему можно бесцельно шагать вечно.

Где-то на горизонте громыхнул раскат грома, и порыв ветра резко согнул кусты, наклоняя их к земле. Джил и священник смотрели на ветки, с которых осыпались цветы под напором ветра.

— Куда же мне тогда идти? — неожиданно спросила Джил, обхватывая себя руками.

Священник повернул к ней лицо, на котором были удивительно молодые, яркие глаза, словно в старом теле жил юный мальчик. Ветер дул прямо на них, но его седые волосы оставались лежать ровно, и ни единой пряди не выбивалось от порывов.

— Слушай свое сердце, оно подскажет дорогу — произнес он. Джил снова посмотрела на дорожку. Тучи почти закрыли небо, оставив маленький клочок синевы. Край темных облаков разрезала молния, похожий на извитой корень, уходящий куда-то в землю. Непогода надвигалась на город.

Когда Джил повернулась снова к своему собеседнику, она почти ожидала, что он исчезнет, как один из её миражей. Но он оставался на месте, и его глаза со спрятавшейся в них улыбкой говорили, что он знает о её мыслях.

— В своё время, — ответил он ей, отрицательно качая головой, — и в свое время все вернутся на свои места. Каждый идет к своей цели, но они так тесно связаны одной нитью, что это неизбежно. Ты должна сделать свой выбор — идешь ли вперед. Или стоишь на месте.

— Я хочу идти вперед, — ветер взметнул волосы Джил, бросая их ей в лицо, — но я не могу никак уйти от своего прошлого.

— Тогда возьми его с собой. Ведь настоящее растет корнями в нём.

— Оно слишком мрачное, — Джил попробовала представить, что сможет спокойно засыпать и просыпаться с мыслями о нём, а не убегать от него. Это было так заманчиво, — и я давно уже не верю в то, что что-то может измениться.

— Оно мрачно ровно настолько, насколько ты стараешься убежать от него и от себя, заключенной в своё прошлое. Встретись лицом к лицу с ним, и конец окажется всего лишь началом. Ты думаешь, что потеряла веру, но кто сказал, что вера оставила тебя? Может, просто ты не хочешь видеть того, что продолжает стучаться в твоё сердце?

Джил удивленно взглянула на священника. Он явно не представлял — как смерть и чувство вины могут быть началом чего-то. И он не мог понять, что Джил просто не в состоянии поверить в то, чему молилась в детстве перед сном потому, что, чем старше она становилась, тем больше понимала, что между ней и чем-то тем, заоблачным, лежит пропасть. Она верила тому, что видела, а видела Джил только боль, грязь и несправедливость, царящие повсюду. Как же может звать её к себе вера, если тогда, когда она так нуждалась в ней, в её помощи, та просто взяла и оставила её?

Старик же рассматривал тучи, разрезаемые молниями, словно Джил вовсе не было рядом. Она же поняла, что хочет спросить его о многом, но мысли внезапно стали разбегаться как стадо овец.

— Сейчас будет дождь, — произнёс старик, — тебе надо поторопиться.

Джил поднялась со ступеней, словно её тело слушалось его слов, и направилась по дорожке к шоссе. На секунду она остановилась и оглянулась. Седой мужчина всё так же сидел на ступенях у входа и с улыбкой смотрел ей вслед.

Она вышла на шоссе как раз в ту минуту, когда мимо проезжал невесть откуда взявшийся автобус. Джил, подгоняемая первыми крупными каплями дождя, замахала водителю, чтобы он остановился. Когда автобус тронулся с места и поехал, она выглянула в окно. Молния ударила совсем близко, отчего и зелень, и стены церкви стали ослепительно яркими на мгновение. Она смотрела на них до тех пор, пока автобус не повернул вниз, оставляя этот островок позади.

Аноэль повертел в руках телефон, обдумывая прочитанное сообщение. Гай написал, что должен уехать по делам из города на некоторое время. Это означало, что все его дела свалятся на плечи Аноэля, который испытывал неприязнь ко всему, что могло заставить его сидеть на одном месте, заниматься скучными встречами с людьми, которые совершенно его не интересовали. Он подумал, что мог бы возмутиться и заявить, что не намерен брать на себя чужую работу, но затем подумал, что отсутствие Гая — это повод для веселья. Особняк полностью принадлежит ему, можно пить столько, сколько вздумается, не морочить себе голову тем, что можно помешать Гаю своим разгулом. Вечно молчаливый Гай приносил с собой холод и скованность, отчего Аноэлю порой становилось неуютно в его присутствии.

Но именно они двое были теми, кто управлял компанией, и выше них был только Господин Хедрунг, от которого они получали указания. Потому на них лежала достаточно большая ответственность, которой ни один, ни другой не пренебрегали.

Вспомнив об Хедрунге Аноэль нахмурился. В глубине души Аноэль испытывал некоторое беспокойство, словно часть его бесшабашной натуры привязалась к тому. Но сейчас, что-то заставило его набрать номер Хедрунга, которым тот пользовался на Земле, и терпеливо слушать, что тот выключен или вне зоны действия.

Спрятав телефон в карман, Аноэль решительно направился к комнате, служившей переходом в другие миры. Он подозревал, что именно поэтому Хрустальный Мост носит такое название, но раньше никогда не придавал этому значения. Между тем, Аноэль понятия не имел — как правильно пользоваться Проходом, и как тот поможет ему найти Хедрунга, но не терял уверенности в том, что задумал.

Дверь в комнату открылась после того, как он приложил руку к сканеру. Аноэль ощущал, что пространство полно чем-то, чему он не мог дать названия. *Оно* было живым и будто-бы разумным, словно наблюдающим за ним и ожидающим его действий. Неожиданно Аноэль подумал, что возможно все эти странные переходы из одного мира в другой — не просто непонятная физике сила магии, а нечто, что требует гораздо большего уважения и внимания. Но он не был ни магом, ни ученым, в нём была лишь необычная сила и выносливость, но не более того. И это означало, что даже правильного объяснения использованию Проходов он не знает. Что уж тут говорить об более сложных вещах, в которых он был так же неразумен, как и обычные люди.

Однако пришедшая в голову мысль прочно засела, и, когда Аноэль подумал, что понятия не имеет — что ему делать, она то и пришла на помощь. Он подошел туда, где ощущение трепетания воздуха усиливалось, и остановился.

— Мне нужно попасть к Господину Хедрунгу, — произнёс Аноэль, обращаясь в никуда, но надеясь, что это живое пространство его слышит и понимает. В любом случае, он был здесь один, и вряд ли кто-то поднял на смех то, что он разговаривает сам с собою. Прошло несколько секунд. Но ничего не изменилось. Аноэль молчал, настороженно вслушиваясь, но всё оставалось по-прежнему безмолвным и трепещущим как натянутая струна. Не вышло. Он разочарованно пожал плечами, испытывая досаду скорее на себя за невозможные надежды, и пошел к двери. Что бы тут не находилось, *оно* не отвечало на его слова, и было понятно, что ему такие штуки не подвластны.

Аноэль протянул руку к двери, когда за спиной в воздухе словно прокатилась волна, дошла до него, качнув его тело, и замерла. Боясь поверить, Аноэль обернулся. Воздух светился как вода в ночном океане и был похож на идущую рябью гладь. Это было настолько красиво и необычно, что Аноэль некоторое время мог лишь восхищенно рассматривать

Проход. Затем вспомнив — ради чего он тут, он осторожно подошел ближе. Оставалось только надеяться, что Проход доставит его в нужное место.

Никогда ничего не страшась Аноэль испытывал волнение. Когда он шагнул в светлые волны, они оказались теплыми, неподвижными и бездонными. Под его ногами ничего не было, словно он парил в невесомости. По какому-то наитию Аноэль понял, что должен идти дальше. Но чем дальше он шел, тем выше поднимались волны, словно он опускался всё глубже и глубже. Аноэль отбросил тихо скребущееся желание остановиться и сделал ещё пару шагов, когда воздух вокруг него начал движение. Он поднимался кругами, словно кто-то перемешивал его, и Аноэль ощущал эти потоки вокруг себя. Чем быстрее они кружили, тем сложнее ему было понять — стоит он или лежит, движется куда-то или остается в той же комнате. Свет становился ярче, и Аноэль на мгновение зажмурился, ослепленный.

В ту же секунду всё исчезло. Ничто больше не кружило, не сияло и не удерживало его тело в невесомости. Аноэль открыл глаза. Он стоял на старой дороге, чьи камни сплошь поросли травой темного цвета, казавшейся похожей на бурьян. Со всех сторон дорогу окружали странные деревья, похожие на бамбук и на корабельные сосны в одно время. По их высоким стволам вились другие, похожие на лианы, но каждый их лист был словно неживой, будто что-то заставило их высохнуть и умереть, повиснув на ветвях.

Аноэль не знал — куда его привёл Проход, но на рассуждения не было времени. Поэтому он направился вперед по дороге, справедливо рассудив, что куда-то она да должна его привести. Казалось, что он шагает уже добрых полчаса, а впереди был только тот же лес и та же дорога. И было сложно понять — прошел ли Аноэль достаточно или это странное место заставило его поверить в то, что он вообще куда-либо ушёл. К такому он не был готов, и потому испытывал некоторое раздражение. Он ещё раз оглянулся назад, оценивая пройденный путь, и внезапно понял, что что-то видит боковым зрением. Снова повернув голову, Аноэль замер тогда, когда понял, что видит это снова. Он стоял спиной к своему пути вперед, а дорога, между тем, заканчивалась через пару шагов. Дальше шло нечто, похожее на болото, посреди которого стоял старый, полуразрушенный дворец.

Не имея понятия — как ему повернуться и увидеть всё это и дойти до дворца, Аноэль повернулся к дороге и поднял руку, чтобы потереть глаза, уставшие от напряжения. Чудеса не заканчивались. Его рука была пронизана венами, которые светились, словно по ним бежала не кровь, а синеватый огонь, озаряющий их изнутри. Аноэль заворожено смотрел на руку, затем медленно поднял её, чтобы лучше рассмотреть. Как только он сделал это, огонь словно стал ярче, и внезапно по дороге поползли трещины, словно кто-то ударил по ней, как по зеркалу, разбивая на мелкие части. Трещины ползли, увеличиваясь, а затем и вовсе растворились, открывая Аноэлю вид на то самое болото и дворец посреди него.

Не зная, что скрывает болото — трясину, топь или же оно мелкое как заливные луга, он не стал рисковать. Помня, какой эффект произвело его действие, Аноэль снова вытянул руку, и болото зашевелилось. Откуда-то из его глубин поднимались старые коряги и ветки, они сплетались вместе и укладывались в подобие гати. Только тогда Аноэль, не опуская светящейся руки, шагнул на обманчивый мост. Запрещая себе думать о том, что таится под ним, он шел вперед, а болото продолжало выстилать мост, создавая всё новые и новые его части. Волшебная гать закончилась на старых развалившихся плитах, которые окружали стены дворца. Огромные и ровные когда-то, сейчас они где-то потрескались, а где-то ушли наполовину под воду. Аноэль наконец-то ощутил под ногами твердый камень и оглянулся на

гать. Та разошлась, превращаясь в разбросанные по воде части, словно кто-то выронил веток в воду, и те медленно уходили обратно на дно.

Он прошел сквозь высокую арку входа, когда-то украшенную каменной резьбой, а сейчас хранящую лишь остатки неровных следов. Дальше было так темно, словно темнота выползала из стен и висела в воздухе, подобно туману. Решив прибегнуть вновь к странному огню, Аноэль взглянул на свои руки, но синеватое пламя исчезло. Он вслепую коснулся стены, и, ориентируясь на её поверхность, двинулся вперед по гулкому коридору. Темнота резко закончилась, когда вокруг него медленно начали разгораться огни факелов. Десятки их висели в железных кольцах на стенах, освещая большую залу, которая сделала бы честь любому замку. Она была высока и просторна настолько, что с легкостью вместила бы не одну сотню человек.

Аноэль огляделся. Он не сомневался, что место может быть опасным, а потому хотел быть готовым к любой неожиданности. Но зала была пуста, кроме пламени факелов подрагивающего в тишине, никого больше не было. Возможно, он не туда попал в своих поисках.

В дальнем конце медленно разгоралось пламя на небольшой жаровне. Оно то и освещало единственное кресло, больше похожее на деревянный трон, стоящий спиной к входу. Аноэль стоял, раздумывая, что будет правильней — подойти ближе или остаться на месте.

— Я не мог и предположить, что ты сможешь найти дорогу сюда, — вязкую тишину разорвал знакомый голос, и Аноэль облегченно выдохнул. Он добрался туда, куда и хотел попасть. — Ты не знал — куда идти, но пришел, не знал — как дойти, но стоишь тут.

— Я беспокоился, — сказал Аноэль то, что так и вертелось на языке, — мне показалось, что после Праздника Вас что-то обеспокоило. Мне не следовало приходить сюда, простите.

Если бы молчание имело оттенки, то его можно было бы назвать удивленным. Сидящий в кресле поднялся и подошел к Аноэлю.

— Кто открыл тебе Проход? — наконец спросил тот, кого они с Гаем называли Господином Хедрунгом. Аноэль на секунду растерялся.

— Никто, он сам открылся, — было сложно объяснить, что он просто пообщался с пустой комнатой, попросив помочь ему добраться в неизвестном направлении. Хедрунг снял капюшон темного плаща старинного покроя, и на его лице отчетливо было видно недоверие и удивление.

— Сам? — Переспросил он, — а как ты прошел к болоту?

Аноэль ощущал себя настолько идиотски, что был готов согласиться на что угодно, только не объяснять все странности, происшедшие с ним.

— Не знаю, как правильно объяснить, но что-то было не так с моими руками. По ним тёк огонь, и он помог перейти болото, — с ужасом слушая собственные невразумительные объяснения, произнёс Аноэль. Если честно, то он сам ни за что бы не поверил в эту чепуху, скажи её ему кто-нибудь вроде него. Но Хедрунг молчал, не произнося ни слова, и было сложно понять — что он думает об этом. Наконец он кивнул и снова опустился в кресло. Выглядел он крайне утомленным, что не могло не удивить Аноэля.

— Спасибо, что решил придти, — голос был пропитан усталостью, как земля — водою в дождь, — я был немного занят и не мог навестить вас. Ты чем-то обеспокоен?

— Да, — признал Аноэль, — Гай уезжает по делам, а я не уверен, что смогу один справиться со всеми делами.

Он замолчал, в какой-то мере смущаясь признать вслух, что слишком любит приключения, новизну, состязания и схватки, чтобы сидеть многие часы в офисе. Что боится, что рутинная работа заставит его наделать ошибок. Аноэль был готов сказать, что считает себя не годным к такой работе, чем подвести возложенные на него обязанности. Хедрунг же продолжал молчать, словно обдумывая услышанное. Время явно обходило стороной эти странные земли, и было непонятно — как долго они находятся здесь, в большой каменной зале.

Словно придя к какому-то решению, он снял с руки небольшое кольцо, выглядящее ничем не приметно, и протянул его Аноэлю.

— Теперь оно твоё, — сказал он так, словно оно имело какой-то определенную важность. Аноэль осторожно надел холодный ободок стального цвета на палец и заинтересованно посмотрел на изображение, выгравированное на плоском расширении металла. Оно выглядело так же, как рисунок на одежде священника из Храма Анхаша — просто круг, ничего более. Судя по всему, это было изображение святыни этого странного города — некоего Круга, о котором Аноэль краем уха слышал что-то в разговорах других участников состязания.

— Сложней всего не строить мир, а пытаться сохранить небольшой дом, — снова заговорил Хедрунг, и его слова звучали устало и печально, — можно подчинить себе весь мир, но потеря самого важного обесценит всё имеющееся. Можно управлять миллионами, но наблюдая, как тот, кого пытаешься остановить, приближается к пропасти, обесценивает всю власть.

Слова разносились по каменному пространству, ударяясь о стены и облетая их. Аноэль молчал, пытаясь понять — о чем говорит Хедрунг, но тот словно размышлял о чем-то своем вслух. Не смея прерывать его, Аноэль снова посмотрел на кольцо и с удивлением обнаружил, что оно светится, и от него по его руке вновь бежит синеватый огонь, становясь всё сильнее и ярче. Свет шел от маленького круга, который словно излучал сияние, и кольцо, сделанное грубо и неискусно, превращалось в маленькую звезду. Огонь бежал выше по руке, и Аноэль поднял её, а затем и вторую, вновь заморожено рассматривая сияние, текущее под его кожей. Этот огонь был не просто ярким, но чем ближе он становился к сердцу, тем горячее становилось его течение. Он приблизился к сердцу, врываясь в него с током крови, и Аноэль ощутил, что оно словно объято пламенем, не сжигающим, но захватывающим дыхание. Он не мог вымолвить ни слова, в голове внезапно стал нарастать звон, будто сотни колокольчиков зазвенели разом.

Неожиданно воздух в зале стал светлее. Из ниоткуда возникали сгустки света, похожие на радужные прозрачные шары, они заполняли пространство, поднимаясь вверх, под своды зала. Несмотря на непонятное состояние Аноэль зачарованно смотрел на их скольжение. Шары создавали не только свет, но ещё и несли что-то, что заставляло темноту и тишину отодвигаться за пределы залы, уступая им место. Но главное, казалось, что их свет идет из этого странного кольца. Он удивленно перевел взгляд на мужчину, который поднялся и стоял напротив него, словно происходящее не удивляло его. Отчего-то на лице Хедрунга были написаны не только печаль, но и сочувствие, словно он знал нечто, чего не знал Аноэль, и оно его явно не могло радовать.

— Что это? — Боясь разрушить чудо, почти шепотом спросил Аноэль.

— Это память, — показалось ему, или в голосе Хедрунга звучала вина?

Шаров становилось всё больше, и свет заполнял пространство. Внезапно, Аноэль понял,

что оно заполнено не только светом, но и звуками. Они были далекими и невнятными, словно раздавались далеко за стеной, мешающей им прорваться наружу. Светящиеся шары кружились, сплетаясь, танцевали свой причудливый танец, уносящий их вверх. Неожиданно Аноэль понял, что звуки заключены в них, и они раздаются изнутри их стен. Он попытался вслушаться, чтобы различить хотя бы что-то, но безуспешно. Свет становился сильнее и ярче, словно шары превращались в единое целое, и этот поток сосредоточенно двигался вверх светящимся столбом. Невнятные звуки, некоторые из которых были похожи на голоса, становились громче, и Аноэль испытывал почти головную боль, стараясь понять — о чем они говорят.

— Ещё не время, — внезапно послышалось ему. Это не был голос Хедрунга, не были голоса из шаров. Этот голос был ему знаком и не знаком одновременно, он раздавался внутри Аноэля, но почему-то тот знал, что звучал он из светящегося столба. В ту же секунду шары словно взорвались, превращаясь в дрожащее марево Прохода и подхватывая Аноэля. Он бросил взгляд на Господина Хедрунга, пытаясь понять — что всё это значит, но тот стоял, спокойно смотря на то, как Проход уносит Аноэля, словно так и должно было быть.

Аноэль открыл глаза и поморщился, ощущая под затылком угол небольшого шкафа. Он сидел на полу комнаты, из которой и вышел в Проход. Живое, дрожащее *нечто*, заполняющее комнату, молчало, словно ничего и не произошло. Аноэль отодвинулся и поднялся на ноги, в голове слегка шумело. Он подошел к двери и вновь, на секунду остановился. Ему хотелось оглянуться назад на то, что молчало, но он не обернулся. На протянутой к двери руке блеснуло кольцо, и Аноэлю показалось, что маленький круг блеснул, будто напоминая ему о том, что всё это не привиделось. Дверь отворилась, выпуская его, и закрылась с тихим щелчком.

Глава 18–19

Глава 18

— Вы хотите взять отпуск на неделю?

Казалось, что Стоун удивлён. Джил мысленно закатила глаза — она проработала достаточно плодотворно, чтобы иметь право на неделю для решения семейных проблем, так звучала её объяснение просьбе об отгуле. За то время как она работала у Стоуна, его дела упорно шли в гору, и Джил имела полное право заявить, что в этом есть и её заслуга.

Стоун взглянул на часы, и это движение показалось Джил неоправданно долгим, как в замедленной съемке.

— Я удивлен, что Вы не заговорили об этом раньше. Мы работали в таком режиме, что Вам действительно стоит отдохнуть. Позвоните мне, как вернётесь.

И это всё? Джил облегченно выдохнула. Она готовилась к куда как большим трудностям в разговоре, а вышло всё гораздо проще. Дома её уже ожидала заранее сложенная сумка, в которую Джил ещё вечером положила смену одежды и нужную мелочь. Она сможет выехать даже сегодня вечером и к утру окажется дома.

Оставив машину на привычном месте у дверей, Джил придирчиво обернулась и оглядела её. Новенький капот, не напоминающий ничем больше о ночной встрече, радовал глаз. Так что, можно было сделать вид, что ничего и не произошло. Испытывая ощущение абсолютной уверенности в правильности того, что она делает, Джил направилась к дверям дома.

Проверила ещё раз — всё ли собрано, она вытащила сумку и закрыла за собой дверь. Повернула ключ в замке и, вскинув сумку на плечо, спустилась вниз по лестнице.

Гай легко мог видеть безмятежное выражение на лице Кэйлаш, убирающей на заднее сидение синюю спортивную сумку. Он стоял на противоположной стороне улицы, как неприметный прохожий, и смотрел на то, как человек бежит прочь, надеясь, что так сможет снова всё оставить позади и избежать последствий. Как недальновидно и мелочно, чисто по-человечески. Кэйлаш выпрямилась, поднимая лицо к солнцу. Он легко мог сказать, даже не забираясь в её разум, что она испытывает спокойствие и облегчение.

Всё только начинается, и скоро она это поймет.

Джил вела машину, мурлыкая себе под нос засевший в памяти мотив и не утруждая себя раздумьями. Так бывает, когда мысли бродят сами по себе, но не задерживаются надолго, словно мозг взял отпуск. Город давно уже остался позади, и вечернее солнце освещало дорогу, окрашивая поля вдоль неё, засаженные зерновыми, в теплые цвета золота. Казалось, что над асфальтом дрожит дымка теплого воздуха, поднимающегося вверх от дорожного полотна, будто на него налили горячей воды. Стоял будний вечер, и навстречу Джил проехали лишь пара грузовиков и несколько машин, возвращающихся обратно в город.

Она рассчитывала добраться домой ближе к рассвету, около трех или четырех часов утра. Джил перед тем, как выехать, позвонила отцу и предупредила его о своем раннем приезде. Казалось, что им предстоит снова познакомиться друг с другом, словно та пропасть, что легла между отцом и дочерью, внезапно стала закрываться, сближая их, стоящих на разных её сторонах.

Наконец солнце совсем ушло за вершины деревьев, и из-за горизонта его лучи слабо освещали причудливые облака, похожие на крылья птицы, раскинутые над землей. Чем темнее становилось небо, тем непонятней чувствовала себя Джил. Её стало преследовать ощущение, что что-то неотступно двигается следом за нею. Она несколько раз посмотрела в зеркало, но дорога была пустынна, кроме ехавшей фуры никого позади не было. Между тем, навязчивое ощущение усиливалось, словно то, что преследовало Джил, оказывалось всё ближе и ближе, почти дыша ей в спину.

Джил сосредоточилась на дороге, полагая, что так избавится от нового приступа невроза. Как только она вернется в город, она пройдет обследование, чтобы разобраться — у неё ли проблемы с головой, или не у неё, а у мира вокруг неё. Сумерки медленно переходили в ночь, которая ложилась на землю мягким одеялом, зажигая маленькие искры созвездий. Казалось, что земля и небо стали одним целым, а машина скользит где-то между ними, оторвавшись от дороги, между мерцающими звездами и молчаливыми облаками. Это было так невероятно красиво, что Джил показалось, будто так и есть. Звезды сияли, и их свет слегка отодвигал ночную темноту к краям неба. Луна ещё не взошла, но её отсвет уже ложился на облака, что были ближе к ней. Казалось, что всё затихло, и даже время внезапно остановилось, словно погрузилось в короткий сон. Джил ощущала себя частью этого огромного мира, который стирал границы и был безбрежен.

Она запоздало заметила на дороге впереди что-то, преграждающее путь, и подумала, что у неё дежавю. Словно история вновь повторяется. Потому, что её машину несло вперед по трассе, а навстречу ей скользила туманная фигура. Джил не столько видела её, сколько ощущала, словно ей за шиворот заползали холодные щупальца чего-то непонятно-подавляющего. Машина с визгом затормозила, скользя по дороге, а призрак всё надвигался и надвигался. Только вот Джил уже не была той Джил, которая испугалась до полусмерти и разом протрезвела, чуть не разорвавшись от страха. Как только машина наконец-то остановилась, развернувшись полубоком, она вытащила из бардачка пистолет,

предусмотрительно спрятанный под какую-то ветошь и карты. Опустила его в карман легкой ветровки, которую накинула, когда стало смеркаться и похолодало. Несмотря на то, что махать оружием перед носом у чего-то бесплотного было полнейшим абсурдом, Джил решила, что лучше уж выглядеть идиоткой, чем стучать зубами от страха.

Призрак уже был почти рядом, и Джил, выждав еще пару секунд, отстегнула ремень и выбралась из машины. Она больше не собиралась сидеть испуганной овечкой и блеять от страха в ожидании. Темная фигура приблизилась и остановилась, паря прямо перед ней. Джил спокойно засунула руку в карман и сжала пистолет. Само собой, она не будет палить в туманное привидение, но металл придавал уверенности, и она не планировала просто так уступать даже призраку. Тот молчал, прячась в бесформенное мгле, окружавшей, предположительно, его лицо.

— Ладно, я верю, что я вижу тебя, кем бы ты ни был. Что тебе нужно? — от напряжения, которое Джил никуда деть не могла, её голос звучал более тонко и высоко. Призрак по-прежнему молчал. — В прошлый раз ты испортил машину. Чем она не угодила тебе?

Джил сама не знала, что говорит, но адреналин в голове плавно трансформировался в злость, и та заставляла её оставаться трезво мыслящей. Наконец призрак шевельнулся и, вместо ответа, приблизился к Джил. Она ощущала неприятный холод, который не был похож на простое снижение температуры в воздухе, а будто заползал под кожу, и непроизвольно поежилась. Тот облетел её, словно решил осмотреть со всех сторон, и снова оказался перед ней.

Внезапно, в голове Джил раздался голос, абсолютно незнакомый и чужой, словно он не принадлежал никому, а сам возникал и складывался в слова:

— Мы поиграем в игру, только ты и я.

— В какую игру? — Немного обескуражено поинтересовалась Джил, смотря на призрак. Но тот не менял формы и не произносил ничего, а вот голос в её голове продолжал, не обращая внимания на её вопрос:

— Если откажешься играть, я заберу у тебя то, чем ты дорожишь больше всего.

Услужливые мысли сложились в картинку, показывая ей лицо отца, и Джил поняла, что злость угасает, а на смену ей приходит паника.

— Если проиграешь, я возьму то, что будет справедливым забрать.

— А если выиграю я? — голос Джил звучал хрипло, а призрак неожиданно начал таять, растворяясь в ночи. Ей никто не ответил, и она повторила более уверенно, — Если выиграю я, что тогда?

На секунду ей показалось, что в растворяющейся мгле мелькнула та же безумная улыбка, которую она видела в первый раз. Призрак исчез полностью, но отголоски смеха в голове Джил говорили о том, что её вопрос был намеренно оставлен без ответа.

Джил еще пару минут стояла на дороге, смотря на пустое пространство перед собой. Затем забралась обратно в машину, испытывая состояние, похожее на то, что в её голове взорвалась бомба и разнесла всё в клочья. Вытащила аптечку и, обнаружив упаковку обезболивающего, проглотила пару таблеток. Немного отдышавшись, она завела машину и выжала сцепление, стремясь уехать подальше. К сожалению, даже нынешняя Джил ощущала себя крайне неудобно, несмотря на всю свою храбрость. Она велела себе не рассуждать о происшедшем, понимая, что её всё глубже затягивает в странную параллельную вселенную и, попусту ломая голову, она всё равно не придет к каким-либо выводам. Даже если всё это и

пришло внезапно в её спокойную жизнь, оно явно не собиралось паковать чемоданы и убираться прочь. Значит, придется играть в эти игры.

К дому Джил подъехала уже тогда, когда начал заниматься рассвет. Стояла тишина, нарушаемая только ранними птицами, Джил остановилась посреди мощеной дорожки к дому, зажмурившись, и несколько секунд слушала эту, полную умиротворения, тишину. В городе её не было потому, что город никогда не молчал и не обретал покоя.

Дверь отворилась, выпуская на крыльцо отца. Он постарел, но по-прежнему выглядел подтянуто и спортивно. Несмотря на то, что он был одет по-домашнему, старая футболка с логотипом футбольной команды, игравшей лет десять назад, казалась на нём ничуть не серьезней строгого врачебного костюма. Положительно, отец умел придавать всему солидность и уверенность.

— Ты ничуть не изменился, — Джил обняла отца и поняла, что действительно отсутствовала слишком долго.

— А ты по-прежнему грызешь ногти? — Она не видела его лица, но была уверена на все сто, что он смеется.

— Бывает, — со вздохом согласилась Джил, — понимаешь, иногда так хочется кого-нибудь прибить, а этого делать нельзя. Тут уж поневоле ногти грызть начинаешь.

— Я не знаю, что ты предпочитаешь на завтрак, но раньше ты любила омлет, и я его приготовил. А ещё, в холодильнике есть сок.

— Поверь, диеты и я — это несовместимо, — заговорщицки сообщила Джил, — так что, папа, я очень надеюсь, что ты поел. Поскольку в мои планы входит съесть всё, что я обнаружу в холодильнике.

Дом оставался таким же, как и раньше, словно Джил никогда и не покидала его надолго. Лампа в плетеном абажуре всё так же мягко освещала кухню, слегка покачиваясь, как своеобразный маятник. Стол, как и прежде, украшала скатерть теплого абрикосового цвета. Вся кухня была выдержана в оранжево-коричном цвете, а потому здесь всё будто светилося изнутри.

Пока Джил сосредоточенно поглощала омлет, поразительно отличающийся от пресновато-непонятной подошвы, которая вечно выходила у неё, отец молча сидел напротив и с улыбкой наблюдал за ней. Разочарованно погоняв вилкой последний кусок и обнаружив, что омлет исчез полностью, Джил потянулась за стаканом сока, переводя дух. Положительно, она ела как дикарь.

— Что? — Виновато-шутливо спросила она отца, — я знаю, что выгляжу по-свински. Но это твоя вина, уж больно вкусно.

Отец засмеялся и махнул рукой:

— Когда я учился, а потом начинал работать, я ел еще хуже. Потому, что приходилось порой есть раз в сутки. Так что, я не собираюсь ругать твои манеры.

Они помолчали, а затем отец снова заговорил. Только он не произнёс того, что повисло в ожидании, между ними, и к чему Джил не была ещё готова. Он спросил, не хочет ли она отдохнуть, а этого Джил очень даже хотела. Она не спала всю ночь и чувствовала себя разбито.

Занавеси на окнах медленно шевелились в такт залетающему в комнату ветру, а старая яблоня всё так же постукивала ветками по окну. Казалось, что время не просто повернуло вспять, а прошло некий круг и достигло начальной точки, чтобы вновь начать двигаться вперед. Прошло уже несколько дней, а призрачный недоброжелатель так и не появлялся.

Несмотря на то, что Джил старалась не вспоминать об его угрозе и требовании сыграть в некую игру, втайне она даже ожидала его появления. Ведь в любом случае лучше действие, чем затянувшееся ожидание.

Их отношения с отцом между тем медленно, но верно возвращался к тому теплоте и дружескому пониманию, которое, как казалось Джил, было очень давно потеряно. Они коротали вечера на крыльце в теплые вечера или кухне, когда было прохладно, обсуждали работу госпиталя или несовершенство юридической системы. В один из таких вечеров отец наконец спросил её:

— У тебя действительно всё хорошо, Джил?

Вечер был прохладным, они сидели в комнате. Джил забралась с ногами в кресло и накрылась пледом. Она подняла голову, встречаясь взглядом с отцом.

— Всё хорошо, правда.

Отец помолчал, будто удовлетворенный её ответом. Но Джил догадывалась, что он хотел спросить — почему она внезапно решила вернуться.

— Я просто решила, что дома гораздо лучше. И никакая карьера, успех, работа этого не заменят. Вот и решила приехать обратно.

Отец погасил сигарету.

— Да. Дом, каким бы он не был, всегда остается надежной гаванью в любую непогоду. Больше они не возвращались к этой теме.

Стояло раннее утро, и Джил проснулась от того, что отлежала руку. Похоже, она проспала полночи, подложив её под голову. Джил потянулась, поправила подушку и закрыла глаза, рассчитывая ещё подремать.

— Надеюсь, что ты не забыла про наш уговор, — произнёс глухой голос. Джил мгновенно открыла глаза, а сон сняло как рукой. Этот голос звучал так, словно он был и в её голове, и вокруг неё одновременно.

— Нет, — лаконично ответила Джил. Желание спать сняло как рукой, и утро стало далеко не таким хорошим.

— Тогда считай, что я начинаю её.

— А если я выиграю? — Джил решила все-таки узнать ответ. Как бы ни был эфемерен шанс, попытаться стоило.

— Ты веришь, что можешь победить? — Голос не выражал никаких эмоций, но всё же какие-то отголоски их в нём звучали. И они явно говорили, что отвечать и объяснять никто ничего ей не будет.

— Почему именно я? — Вспылила Джил, садясь на кровати. Мало того, что ей испортили утро, вторглись в её жизнь, так ещё и просто игнорируют, навязывая заведомо проигрышную схватку.

— Считай, что я — твоя совесть, проснувшаяся так не вовремя. И так, первый шаг нашей игры, — голос явно не собирался давать ей время на размышления, — ты покажешь мне место, которого боишься.

— Показать? — Джил могла списать беседу с голосами в голове на начальную стадию шизофрении, но вряд ли раздвоившиеся Джил-и-Джил могли не знать того, что знала она сама. Во всяком случае, она считала иначе. В ответ снова тишина, каждый раз демонстрирующая то, что её положение считается чуть выше плинтуса. Говорящего плинтуса.

— Я не буду играть в эти идиотские игры! — Заорала она, швыряя на пол подушку.

— Как хочешь, как хочешь, — равнодушно ответил голос, — ты ведь знаешь цену отказа.

Джил выбралась из кровати и, злобно шаркая по полу, направилась в ванную. Засунуть голову под струю холодной воды, отчего сердце чуть не остановилось, было жестоко, но иного выбора не оставалось. Иначе она колотила бы всё, попавшееся под руку, пока добрые люди не вызвали бы скорую, чтобы отправить её в психушку.

Место, которого она боится. Таких мест было мало, но откуда проклятый голос мог знать, что все они находятся здесь, в этом городке? Джил ощущала, как у неё от бешенства пар валит из ушей и ноздрей. Пока она готовила завтрак, всё летало, валилось из рук, падало. Она даже чуть не нарезала палец вместе с апельсинами, потому и не заметила, что отец, вышедший на кухню, выглядит как-то не важно.

— Ты поздно лёг, папа? — Когда Джил наконец-то оторвалась от готовки, она обратила внимание на то, что он бледнее обычного. Ощутила укол тревоги.

— Не слишком поздно и не слишком рано, — стараясь отвлечь её, шутливо произнёс отец. Но отвлечь Джил было не так-то просто, и она принялась настороженно наблюдать за ним, пока накрывала на стол. Через пять минут она не выдержала и поднялась из-за стола:

— Папа, тебе же нехорошо!

— Пустяки, внезапно просто сердце прихватило, — отец улыбнулся, пытаясь успокоить её, но получилась болезненная гримаса. Джил решительно потянулась за телефоном.

Через полчаса, когда приехавший из госпиталя доктор измерял давление и пульса отца, Джил нервно барабанила по столешнице на кухне. Она вдруг подумала, что не представляет себе жизнь без отца. Он был последним, что оставалось у неё, и что как-то привязывало её... к миру и его кипящей жизни. Без него она стала бы просто перекасти-полем, без дома, без семьи. Человеком с другой планеты, которой и не существовало. Раньше она не придавала этому значения, а теперь поняла, что мало ценила то, что у неё имелось.

— Ты по-прежнему отказываешься? — Произнёс ненавистный голос, снова возникая в голове. Джил почти позеленела, мгновенно сопоставляя происходящее и ненавистного собеседника.

— Оставь моего отца в покое, дерьмо!

— Ты можешь не трудиться разговаривать вслух, тебя могут счесть сумасшедшей. А я прекрасно слышу твои мысли, — похоже, что он был даже доволен тем, что она взбешена и паникует.

— Оставь моего отца в покое. Я не отказываюсь, клянусь, — Джил понимала, что только что подписалась на то, чего не могла предвидеть или изменить. Но жертвовать отцом она не собиралась, как бы дорого ей не обошлось общение с голосами в голове. Вышедший из комнаты доктор, к счастью, не слышал её монолога и обратился к Джил, давая рекомендации.

— Как ты себя чувствуешь? — Джил вошла на цыпочках в комнату и осторожно погладила отца по руке. Доктор сказал её, что ничего серьезного не случилось, но необходимо пройти обследование.

— Гораздо лучше, — отец пожал её пальцы, — не беспокойся, пройдишь и отдохни. Всё равно скоро должна придти наша соседка. Она заглядывает ко мне, иногда даже приносит свои пироги. Ты помнишь её — она мать близнецов.

— Неужели? — теперь Джил подумала, что в жизни отца есть кое-какие тайны, и постаралась принять заинтересованный вид, — А как поживают близнецы?

Отец кашлянул, как-то погрузнев.

— Близнецы ушли в армию, и почти через год погибли. Оба. А их отец умер от сердечного приступа, когда узнал об этом.

Джил внезапно подумала, что, носясь со своими скелетами, совершенно забыла, что люди вокруг настолько тесно живут с горем и потерями, что уже просто не замечают их, а не посвящают им, как она, половину своей жизни. Она кашлянула, скрывая свое замешательство. Раз отец нашел близкого человека, который скрашивает его жизнь, она только рада за него.

— Ей следует заходить к тебе почаще, — словно невзначай заметила Джил, поправляя плед, которым укрыла отца. Тот подозрительно покосился на неё, но ничего не сказал.

Джил постояла на крыльце, собираясь с духом, а затем решительно направилась в путешествие назад, в прошлое.

Гай провел уже несколько дней в этом, забытом всеми, городке, где тишина и спокойствие безраздельно правили всем. Он жил в маленькой комнатке почти на чердаке, которую снял за смехотворную сумму у пожилой пары. Гай позаботился о том, чтобы они не испытывали большого интереса к нему. Но он не хотел тратить время и силы на дополнительную магию, которая могла бы привлечь ненужное внимание. Хорошо уже то, что всё это время Господин Хедрунг не звал его, а Аноэль не звонил, чтобы поинтересоваться — когда же Гай вернется, и тяжкая ноша дел снова свалится с плеч бедняги.

Он видел дом Кэйлаш. Такой маленький и светлый, словно сошедший с картинок журнала недвижимости. Гай сидел на ветке старой яблони, облокотившись спиной на её ствол, и смотрел в окно, чтобы лишний раз убедиться в том, что Кэйлаш меняет свои лица в зависимости от ситуации. С отцом она была улыбочивой и заботливой дочерью, с прохожими — вежливой и доброжелательной, а в своей комнате вновь превращалась в человека, чье нутро грызут персональные демоны.

Сейчас, когда он показал ей бессмысленность противостояния ему, Кэйлаш шла по улице чтобы, как он и велел, показать место, внушающее ей страх. Гай знал, после экскурсии по её разуму, что этим местом был небольшой лес, в котором на неё напали. Несмотря на то, что это было жестоким испытанием для девочки-подростка, Гай не собирался щадить самоуверенного человека, зарвавшегося в своей лжи и самомнении. За ту историю она заплатила жизнью другого, а значит — прекрасно осознавала цену и последствия.

Он медленно следовал за ней, зная, что она ощущает беспокойство, которое появлялось вместе с его присутствием. Обычно люди не реагировали так никогда на него, но Кэйлаш словно чувствовала не так, как все, что не могло не удивить Гая. Ему было не так-то просто мчаться за её машиной по ночной дороге, после такого шоу он чувствовал себя немного усталым. Хорошо, что затем он смог добраться до ближайшего мотеля, отдохнуть и приехать вслед за ней, на другой день.

Девушка шагала по дороге, медленно переходящей из асфальтового полотна в мощенную камнем ленту. Дома, тянущиеся вдоль неё, становились всё меньше и невзрачнее, словно они приближались к окраине городка. Кэйлаш на секунду остановилась, явно испытывая замешательство. Гай не стал подталкивать её к действиям, он и так был уверен, что происшедшее с её отцом убедило Кэйлаш. На самом деле Гай и пальцем не пошевелил, у старого врача были проблемы со здоровьем, так что его внезапное недомогание пришлось как нельзя вовремя.

Наконец Кэйлаш сдвинулась с места и направилась дальше по дороге, вдоль всё более старых и обветшавших домов. Она шла с таким видом, словно впереди её ожидала схватка с чудищем. Когда она неожиданно остановилась напротив пустыря, поросшего высокой травой, Гай испытал некоторое недоумение. Он смотрел на участок, на котором некогда стояло какое-то строение, и на Кэйлаш, ощущая поднимающееся волной раздражение. Куда она пришла?

Кэйлаш сделала несколько шагов, вплотную подойдя к пустырю. Сжатые в одну линию губы подчеркивали упрямое выражение, застывшее на её лице, и Гай, не выдержав, позволил себе заглянуть в её мысли. Они были настолько черны, и настолько полны мертвенной пустотой, что он неожиданно ощутил, что они заставляют его самого испытывать боль. словно кто-то хорошенько ударил его в солнечное сплетение. Эта боль не приносила прежнего удовлетворения, а напротив — причиняла дискомфорт, словно резко разболелась голова. Гай был озадачен, разозлен и сбит с толку.

— Куда ты пришла? — Потребовал он объяснения. Он всё еще был в её мыслях, и, казалось, что его сила тонет в том, что их наполняло.

— Это место пугает меня больше всего, — ответила Кэйлаш ему.

— Что произошло здесь? Расскажи! — потребовал он, продолжая бороться с тем, что словно иссушало его силы капля за каплей. Если так продлится и дальше, ему придется ухватиться за деревянную ограду, чтобы не потерять равновесия, и перестать быть незаметным. Кто она? В ней не было ни капли магии, но при этом, то, что она несла в себе, разрушало его. И это привело Гая в ещё большее бешенство, заставляя считать её собственным врагом номер один.

— Ты вроде находишься в моих мозгах, — медленно произнесла Кэйлаш вслух, — значит, можешь и сам всё увидеть.

Он ухмыльнулся, соглашаясь на мгновение с ней, и нырнул в омут её воспоминаний. Когда они обрушились на него, Гай подумал, что ад сорвался с цепи. Он погружался в темное озеро полное кружащих образов, говорящих, страдающих, и их слова то сливались в гул, то звучали разными голосами. Казалось, что страдания и мрака в этом омуте было больше всего. Гай тонул в водовороте воспоминаний, и чем глубже он погружался, тем более четким становилось всё вокруг.

Он завис где-то на неопределенной глубине, в полной темноте, когда перед ним замерцал тусклый свет. Сперва появилась уменьшенная копия Кэйлаш, стоящая на снегу у фонаря, не освещающего ровным счетом ничего. Он смотрел на маленькую Кэйлаш, кутающуюся в теплую куртку, и ощущал все её мысли. Такие мысли не подходили девочке потому, что в них были только смятение, надежда и боль — словно ребенка предали, и ему было больно настолько, насколько это можно было представить. Девочка надеялась, что её горе не останется только с ней, его не только разделят, но и удержат на краю от падения в пропасть неизвестности и пустоты. Гай видел, как она говорила с кем-то, но не слышал слов. Он мог только наблюдать за выражением её лица, и оно затрагивало что-то непонятное в нём. Он никогда не испытывал нежных и, подобных им, глупых эмоций, но мог четко сказать, что ни один ребенок не должен быть таким потерянным и одиноким. Даже его извращенное видение мира не могло принять такого. Он смотрел на то, как кто-то подошел к ней, и девочка обрадовалась так, будто этот человек и был её надеждой. А затем мир девочки взорвался осколками, сталкивая её в пропасть, и тот, на кого она надеялась, не протянул ей руки. Напротив, Гай мог предположить, что именно он и сделал шаг,

приблизивший её к падению. Каждая из картин словно вгрызалась в его собственный разум, и боль больше не была желанной. А затем его опять подхватил водоворот тьмы, который выкинул Гая наружу, заставляя ощущать себя так, будто его избили. Он никогда не проигрывал, но то выбралось из закоулков души Кэйлаш, оказалось чем-то, с чем он не мог справиться.

Кэйлаш молчала, и Гай внезапно понял, что она так же погружена в воспоминания. Именно это место, а не лес, в котором на неё напали, и было тем, что её пугало больше всего. Потому, что именно отсюда начался путь её саморазрушения, который и создал ту Кэйлаш, которой она была сейчас. Персональное преддверие ада.

— Отлично, — произнёс голос в голове Джил, но звучал он так далеко, что она почти не слышала его и не придавала ему значения, погруженная в нахлынувшие воспоминания, — я доволен.

“Катись к черту”, — устало отозвалась она. Несмотря на то, что ей приходилось смотреть на разрушенный дом, в котором когда-то жил Райз, и невольно вспоминать шаг за шагом вечер, разрушивший их безоблачную дружбу, эти воспоминания не были прежними. Да, они причиняли, как и раньше, боль, но она словно становилась не такой острой, будто стала примиряться с прошлым. Высокая трава почти полностью закрыла развалины, деревянный дом медленно оседал, разрушался и через десять лет от места, где жил Райз, не осталось и следа. Словно природа решила стереть со своего лица то, что было полно несправедливости и зла. И Джил подумала, что её присутствие здесь тоже было правильным. Как и сказал ей тот странный священник в городе, она начала брать прошлое с собой. И оно действительно оказалось не таким жутким, каким казалось тогда, когда она пыталась убежать от него.

Глава 19

Аноэль сидел у камина, тихо поедавшего очередную порцию дров. Несмотря на теплую погоду, он сидел почти у огня и смотрел на его языки, танцующие на плашках. Камин, излучающий тепло, успокаивал и заставлял подниматься из глубин его мутной памяти какие-то смутные обрывки. Тишина и покой, внушаемый созерцанием огня, пробуждали их. Аноэль ощущал их движения, как непонятные движения в глубокой, мутной воде, не имеющие очертаний и формы. Словно он играл в прятки с собственной памятью в густом тумане.

Он задумчиво крутил данное ему Господином Хедрунгом кольцо. Неприметный ободок оставался всегда теплым, словно тепло шло изнутри него, согревая пальцы. Его самовольный поход в другой мир не прошел даром, и теперь Аноэль всё чаще ощущал себя как-то потеряно, словно он находился не на своем месте. Выпивка и развлечения будто потеряли прежний вкус, и Аноэль пробовал ввязываться в драки и схватки, будто кроме массы бумажных дел Гая он ещё и взялся за его профессиональные обязанности. Но даже адреналин не мог заглушить неясное беспокойство, которое всё чаще поднимало голову, угрожая стать постоянным спутником Аноэля. Он ощущал себя слишком нервно и проводил всё больше времени в тишине и одиночестве, при этом ужасаясь перспективе стать похожим на Гая. Либо он поймет, что его тревожит, либо оно продолжит беспокоить его, как больной зуб.

— От господина Гая нет известий? — Аноэль приветственно помахал рукой, не оборачиваясь и не вставая с кожаного дивана. Шолто все эти дни составлял ему компанию, и Аноэль неожиданно проникся уважением к, всегда незаметному и аристократичному,

адвокату. Было нечто, заставляющее думать, что красавец не так прост, как пытается казаться. Ну, а его умение оставаться безупречным в любой момент — приполз ли Аноэль домой, изрядно выпив, или же горланит на весь особняк, сражаясь в видеоигры — оставалось просто божественным. Даже всегда почтительные наги, и те иногда смотрели на Аноэля с укоризной, а будь здесь Гай, то бы вообще попытался прикончить разошедшего соседа.

Шолто прошел к камину и прислонил ладонь к грифону, поддерживающему каминную полку. Он явно ожидал ответа, и Аноэль с недовольным вздохом отозвался:

— Нет ни звонков, ни приветов, ни сообщений. Ничего. Нас бросили.

Он догадывался, что его ответ, прозвучавший слишком грубо и прямолинейно, не очень понравился Шолто, но эльф знал — с кем имеет дело. И Аноэль не собирался меняться ни ради кого.

— Seriously, с его стороны это просто скотство — исчезнуть с концами, — пробормотал он, продолжая крутить кольцо, словно это движение могло успокоить его.

— Он знает, что делает, — резко отозвался Шолто, и Аноэль удивленно воззрился на него. Неожиданно он подумал, что только сейчас ему бросилось в глаза то, на что он раньше не обращал внимания. Шолто каждый день задавал этот вопрос в разных вариациях. С момента исчезновения Гая по его неведомым делам, Шолто почти перестал отлучаться надолго, всегда возвращаясь в особняк. Аноэль внезапно понял, что тот ждал возвращения Гая. Что ещё он не замечал раньше? Он по новому взглянул на Шолто, и в его высокомерной замкнутости и идеальности обнаружил другие стороны. Преданность. Привязанность.

Он хмыкнул, надевая кольцо обратно на палец. Скорее всего, Гай знает обо всем, и именно поэтому Шолто — его доверенное лицо. Тень, которая всегда поблизости. Аноэль испытал небольшой укол зависти. Он был предан Господину Хедрунгу, он был верен своим обязанностям в Хрустальном Мосте. Но чего-то ему не хватало. Чего-то, что он должен был иметь в своей жизни, как и потерянную память.

Казалось, что всё вокруг словно только и старается усилить его нервозность. Поэтому Аноэль решил, что его не интересуют чужие отношения и чужие жизни. Разобраться бы со своей.

— Мы можем с ним связаться, — более вежливо произнёс он, посмотрев на Шолто парой минут позже. Он видел беспокойство, которое лежало хмурой тенью на безупречном лице, перечеркнутом складкой между бровями. Аноэль даже начал сочувствовать эльфу. Их с Гаем связывали отношения напарников, и то — лишь в случае совместной работы, а в остальное время каждый жил сам по себе. У угрюмого поганца был кто-то, кто прикрыл бы его в любую секунду, равно как всегда счел бы его действия правильными.

Что это с ним? Он — что, завидует тому, что Гай, обращая на эльфа внимания не больше, чем на мебель, всё же не одинок при этом? Аноэль потряс головой, стараясь привести в порядок мысли.

— Не стоит беспокоить его. Если он сочтет нужным, то сам даст знать о себе, — не согласился с его идеей Шолто. Эльф отошел от огня и сел в небольшое кресло, рядом с камином.

Отлично. Его делом было предложить.

Огонь по-прежнему мурлыкал о чем-то, и теплая тишина погружала Аноэля в расслабленную дремоту. Он почти ощущал, как проваливается в восхитительный сон, в котором было что-то очень хорошее. Оставалось ещё немного, чтобы окунуться в его чары,

но вместо этого раздался звук разбивающегося стекла и испуганный крик кого-то из нагов. Аноэль моментально сорвало с дивана. Ещё не до конца проснувшись, он потянулся к ножнам в ботинке. Шолто, очевидно так же внезапно очнувшийся, настороженно приближался к окну, ожидая атаки.

— Будь осторожен, — бросил ему Аноэль, зная, что эльф старался держаться подальше от всякого рода драк, и направился прочь из комнаты, чтобы выяснить — что случилось. Нагов было сложно напугать, хранители дома и очага, они сами могли испугать любого, кто осмелился нарушить покой их владений. Поэтому всё происходящее заставляло Аноэля держаться начеку.

Он вышел в темный зал перед входом, где был выключен свет, и замер, вслушиваясь в тишину. Опыт подсказывал ему, что именно в такой момент можно ждать чего угодно.

На него напали со спины, швырнув в стену с такой силой, что деревянный столик, на котором стояла ваза, взорвался осколками и щепками. Аноэль охнул, ощутило приложившись головой к стене, и откатился в сторону. Зрение оставалось по-прежнему острым, но из-за темноты он по-прежнему не мог разглядеть нападавшего. Тот снова бросился вперед, и Аноэль успел откатиться в сторону от разрезавшего воздух удара там, где он стоял. Он помнил расположение всех предметов в комнате, а потому, отодвинулся еще дальше, и, когда противник снова бросился в атаку, Аноэль пригнулся и подпрыгнул. Ощутил под ногами крепкую доску другого столика, из пары погибшему под его спиной. Подпрыгнул, перебирая ногами так, чтобы его отбросило в противоположном направлении к стене. Затем оттолкнулся от неё и приземлился позади нападающего. В темноте сверкнули желтые глаза, словно в темноте прятался неведомый хищник. Аноэль не мог позволить себе удивляться и тратить драгоценные секунды. Он атаковал, прекрасно понимая, что его нож не представляет ничего стоящего по сравнению с тем, что отбивало каждый его удар. Словно желтоглазый сражался двумя мечами одновременно. Аноэль решил, что ему следует пересмотреть свой арсенал, когда меч задел его плечо. Кажется, царапина была неглубокой, но кровь обильно текла, отмечая свой горячий след. Аноэль начинал злиться, не понимая — чего хочет незванный гость. Тот словно пытался вымотать его, загнать в угол, но явно не стремился убить.

Всё, что находилось в зале, было безвозвратно погублено. От мраморных перил и колон отлетали увесистые куски камня там, где на них обрушивались удары желтоглазого. Аноэль увернулся в тысячный раз и вспрыгнул на лестницу, чтобы обойти противника. Он точно рассчитал — куда приземлится, но в последнюю секунду перед тем, как его ноги коснулись пола, желтоглазый швырнул по полу обломок мрамора. Аноэль потерял равновесие, и в тот же миг на него набросили сеть. Очевидно, кроме двух мечей у желтоглазого были ещё и другие сюрпризы.

Аноэль покатился по полу, пытаясь освободиться и разорвать сеть. Но она казалась сделанной из очень прочного металла, и он подумал, что тут явно подмешаны магические фокусы. Аноэль рвался и бился, мысленно надеясь, что Шолто всё же решит оставить свой дурацкий пацифизм и придет на помощь. Краем глаза он видел, как к нему приближается желтоглазый. О, нет, никакого желания быть пойманным, как кролик в силоч, Аноэль не испытывал.

Он видел медленно переступающие, шаг за шагом, бронированные доспехи в виде лап с шестью когтями. Аноэль отчаянно пытался победить сеть, ощущая себя полностью в западне. Главное — не останавливаться и бороться. Желтоглазый уже протянул к нему

закованную в кожу и металл руку, явно намереваясь поднять пленника, но внезапно с громким ревом резко обернулся назад. Аноэль на секунду остановился, пытаясь разглядеть — что случилось. Желтоглазый бросился назад, вглубь зала, явно атакуя кого-то, и судя по его реву, он был ранен. На долю секунды Аноэль разглядел светлые волосы и облегченно вздохнул. Шолто наконец-то решил поучаствовать в драке.

Сеть ни в какую не поддавалась ни рукам, ни зубам, ни кинжалу, чьё лезвие уже затупилось. А её края словно срослись, заключая Аноэля в прочный кокон. Тогда он попробовал передвинуться настолько, насколько это было возможным. Он с трудом прополз каких-то жалких пять шагов, когда позади снова раздался рёв, а затем что-то рухнуло с жутким грохотом.

Аноэль по-прежнему продолжал свою борьбу, когда над ним прозвучал голос Шолто: — Не двигайтесь, я сниму сеть.

Когда она со звоном упала с него, словно колдовство, что удерживало её края, исчезло, Аноэль облегченно выдохнул и попятился от этой ловушки подальше.

Шолто протянул ему руку, помогая подняться, и Аноэль ухватился за неё, ощущая, как немеет плечо. Похоже, что царапина была далеко не такой уж маленькой.

Он, слегка хромя, подошел к стене и включил свет. Люстра, на удивление, осталась целой, и свет заливал зал, превращенный в поле боя, полное крови, обломков и пыли. Посреди него лежало тело непонятного существа, закованного в красно-черную броню. Аноэль никогда раньше не видел подобного, и потому слегка ошарашено рассматривал украшенную черными рогами голову и, видневшиеся из раскрытой пасти, клыки. Словно кто-то соединил воедино человека, быка и тигра. Он подозревал, что многое не знает о том, что его окружает, но сейчас чувствовал себя прямо-таки младенцем. В отличие от Шолто, который, судя по всему, не был удивлен, словно ему доводилось уже видеть таких воинов.

Аноэль посмотрел на эльфа и неожиданно понял, что его светлая рубашка полностью в крови, которой становится всё больше. Шолто был ранен и истекал кровью.

— Тебе нужна помощь, — Аноэль протянул руку эльфу, выглядевшему с каждой секундой всё хуже. Но тот отстранился и сделал шаг назад, подальше от него. — Ты истекаешь кровью, — Аноэль понятия не имел, что нашло на эльфа, но и просто наблюдать, как тот скончается на его глазах, не собирался.

— Не подходите, — голос Шолто звучал напряженно.

— Эй, всё в порядке. Давай, я доведу тебя до гостиной, и попробуем тебя подлатать, — судя по всему, у эльфа был шок, и Аноэль старался говорить как можно спокойней. Но его крайне беспокоила кровь, собирающаяся в небольшую лужицу возле ног Шолто. Он снова направился к нему, краем глаза замечая нагов, встревожено смотрящих на них из дверей.

— Зовите целителя! — рявкнул Аноэль им и вытянул руку, чтобы подхватить Шолто. Эльф метнулся с завидной для почти обескровленного скоростью. Его лицо искажалось, словно под прекрасными чертами прятались другие, и они рвались наружу, шевелясь под кожей.

— Не подходи, моя кровь ядовита! — Выкрикнул Шолто, и Аноэль застыл на месте. День безумных событий не торопился закончиться.

— И что, я должен смотреть, как ты будешь умирать? — заорал он в ответ. Аноэль понятия не имел — что будет, если эльф умрет, и не горел желанием выяснять, как будет взбешен его напарник.

— Господин Аноэль, — осторожно позвал его домоправитель, один из нагов,

почтенный даже среди них, — это действительно опасно. Аноэль думал, что его голова вот-вот взорвется от всей той неразберихи, которая обрушилась на него за последние несколько часов. Он видел, как эльф пятится, оставляя за собой кровавый след, и его лицо всё так же меняется на глазах. Наги окружили Аноэля, словно были готовы в любой момент остановить его попытки догнать Шолто.

— Он — бессмертный, господин, и он скоро исцелится, — всё так же осторожно произнёс домоправитель. Глаза его поблескивали сочувствием, словно он понимал — какую сумятицу испытывает Аноэль, — Но его кровь действительно ядовита для вас.

— Мне срочно нужно выпить, — Аноэль потёр глаза, качая головой. Он вряд ли выдержит ещё чье-то вторжение в его бушующий мозг. Всё, что ему хочется — так это спокойно провести остаток вечера. На сегодня с него хватит. Сейчас Аноэль только что убедился в том, что в этом мире есть вещи, которые гораздо сильнее него, а слуги в доме знают гораздо больше, чем он мог себе вообразить. Он знал, что даже они — существа из другого мира, но как-то раньше не утруждал себя размышлениями о своем месте в этих мирах. Боги, Аноэль всегда относился ко всему беспечно и поверхностно, а сейчас его ткнули лицом в то, что он — полный ноль. Он падал вниз, с высоты привычной жизни, в которой он ничему не придавал значения, а внизу его ожидала неизвестность, полная вопросов без ответов.

Аноэль, пошатываясь, добрался до гостиной, радуясь дивану, который по-прежнему стоял перед камином. Хоть что-то осталось на своем месте. Мысли бурлили, бесформенные воспоминания рвались наружу, причиняя боль, словно в голове ворочался клубок, утыканный иглами. Боль становилась сильнее с каждой минутой, и Аноэль сдавил виски, покачиваясь и едва сдерживаясь. Он пытался перестать думать, переключить мысли на что-нибудь другое. Но то, что командовало его мозгом, считало иначе, и Аноэль не мог справиться с самим собой. Лишенные формы образы рвались и бились в голове, превращая боль в нестерпимую пытку и взрывая перед глазами красные фонтаны. Аноэль сполз с дивана и упал на колени, готовый кататься по ковру перед камином, лишь бы найти секундное облегчение. Из глаз хлынули слезы, словно мозг увеличился в размерах и давил на них.

Боль стала настолько невыносимой, что Аноэль закричал, пытаясь хоть как-то выпустить её наружу. Он ничего не хотел больше, лишь бы эти странные образы оставили его в покое, дали ему дышать, прекратили эту дробящую кости боль. Но они не останавливались, и Аноэль закричал снова. Хрустальные вазы с цветами взорвались, рассыпаясь в воздухе. Висящие на стенах картины дрожали, словно на особняк обрушился ураган. Боль не отступала, и Аноэль не мог остановиться, продолжая кричать.

Треснула каминная панель, обсыпая огонь мелкой каменной пылью. Побросавшие все дела наги толпились вокруг, не зная — чем помочь Аноэлю. Когда один из них попробовал приблизиться, его откинуло назад, словно Аноэля окружала невидимая преграда. По стене пробежала трещина, криво рассекая её. Целитель, явившийся почти сразу, стоял у невидимой стены, отделяющей Аноэля от всех. Оставалось только беспомощно наблюдать, как он бьется на полу в приступе.

— Что случилось?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Наги, разом оглянувшиеся назад, расступились, пропуская Господина Хедрунга, который торопливо прошел вперед.

— Что с ним? — Встревожено обратился он к целителю и нагам. Казалось, что он практически не слушает то, что сбивчиво рассказывает ему домоправитель, следя за бьющимся о пол телом.

— Мы не успели известить Вас, — добавил целитель. Морщинистое лицо с небольшой рыжей бородкой выглядело озабоченным.

— Я только что прибыл, связаться со мной вы не смогли бы, — отозвался Господин Хедрунг. Тело Аноэля выгнуло дугой, словно через него пропустили мощный разряд, и затем подбросило, заставляя перевернуться на спину. Наги невольно попятились, отступая как можно дальше. Отодвинулся от неожиданности и целитель. Из широко раскрытых глаз Аноэля били лучи белого света, словно внутри него был заключен их источник. Тело продолжало дрожать в конвульсиях, а на руке, содрогающейся вслед за телом, горело таким же белым светом кольцо. На лице Господина Хедрунга застыло непонятное выражение, словно он передумал вмешиваться и останавливать происходящее.

Наконец свет в глазах Аноэля стал тускнеть, и он медленно затихал, словно то, что держало его тело, медленно отступало. Кольцо продолжало сиять, но уже не так сильно. Господин Хедрунг попробовал приблизиться к затихшему Аноэлю, спокойно пересекая невидимую границу. Он нагнулся над ним и приподнял голову Аноэля, пытаясь заглянуть в глаза и привести его в сознание.

Он чувствовал запах сырого мха и листвы после дождя, омывшего лес. Он ощущал, как трава шелестит от легкого ветра, и от его дуновения срываются вниз капли, падая на землю. Мокрые камни дышали теплом, отдавая его от своих больших краев. Аноэль не мог открыть глаза, словно они не подчинялись его усилиям. Но зато все его чувства были вдесятеро острее обычного.

Он слышал, как шевелится листва, как туман медленно скользит между деревьями. Влажный, прохладный ветер касался его лица, и в нём сплетались дыхания леса, воздуха и неба. Аноэль слышал, как трава стелется под чьими-то шагами. Словно это были и не шаги вовсе, а колебания травы от порывов ветра. Он хотел окликнуть того, кто был возле него, но его язык был так же не в силах вымолвить хоть что-то. Шаги удалялись, превращаясь в тихий шорох капель, срывающихся вниз.

Затем его окутал теплый, густой воздух, и тело Аноэля словно оживало. Будто воздух проникал вглубь, заполняя каждую клеточку и исцеляя. Он слышал, как кровь быстрее бежит по венам, а сердце замедляет стук, но каждый его удар мощнее пяти обычных.

Чьи-то голоса, почти неотличимые от звуков леса, становились ближе, и Аноэль ждал, когда они приблизятся настолько, чтобы стать совершенно ясными. Голоса были настолько мелодичными и внушающими покой, что их хотелось слушать вечно. Вновь чьи-то шаги прошелестели вблизи Аноэля, и он опять попытался заговорить, но всё так же не мог заставить себя произнести ни одного слова.

— Почему ты так долго шёл? — спросил один из голосов, раздаваясь над ним.

“Я не знаю. Я не могу говорить”, — подумал он. Воздух стал ещё гуще, и его колебания прошли вдоль лица Аноэля, словно кто-то провел рукой.

— Чего ты хочешь? — снова спросил голос. Аноэль шевельнул губами, но они были словно высечены из камня.

“Я понятия не имею, чего могу хотеть”.

Он слышал, как очередная капля сорвалась с вершины дерева, и слышал, как она скользит в воздухе мимо ветвей, приближаясь к земле. Теплый мох впитывал в себя влагу, и

Аноэль ощущал, как она уходит в землю.

— Если птица не знает, как ей летать, это не значит, что у неё нет крыльев, — произнёс голос.

“Мне надоели эти загадки”, — подумал Аноэль в ответ.

— Но нет никаких загадок, — возразили ему в ответ, — просто ты не хочешь слышать то, что и так слышно.

“Я хочу вспомнить себя. Мне нужно моё прошлое”, — Аноэль не знал — где он и с кем говорит, но хорошо знал, что его тревожит.

— Твоё прошлое — это твоё настоящее и ещё не родившееся будущее, — отозвался голос, продолжая говорить непонятными фразами, — это то, что ты делаешь сейчас и получаешь позже — как зерно, уже посаженное, но ещё не проросшее в колос.

“Если ты не хочешь мне помочь, то зачем нам продолжать разговор?” — Аноэль испытывал разочарование.

— Как же я могу помочь, если ты держишь свои глаза закрытыми и не хочешь их открыть? — Голос зазвучал порывом ветра, сокрушался хрустальным звоном капель и отдавался покачиванием травы. — Ты должен сам увидеть то, что не хочешь видеть.

“Я хочу открыть их, но не знаю — как!”

И его глаза открылись.

Всё вокруг было полно изумрудной зелени, солнечных лучей, пронзающих свежую листву. Большие серые камни, покрытые разнообразным узором мхов, отдавали свое тепло, стоя кругом вокруг поляны. Он лежал посреди гигантских стволов деревьев, чьи вершины почти доставали неба. Солнечный свет падал на траву, по которой никто никогда не ступал, и каждая травинка светила в его лучах как драгоценный камень.

Аноэль приподнял голову и увидел стоящую у одного из камней фигуру. Её очертания дрожали в теплом воздухе, словно она висела в воздухе, не касаясь земли.

— Всему своё время, твоя дорога выбрана только тобой, и ты должен сам пройти её до конца, Аноэль — произнёс голос, называя его по имени. Но этот голос не принадлежал фигуре, не принадлежал он и кому-то ещё. Словно это говорили камни, деревья леса, солнечные лучи и сам воздух. Аноэль, ощущая себя слабее новорожденного, оперся на руку и приподнялся, сиюсь рассмотреть стоящую у камня фигуру. Но, каждый раз её очертания дрожали и размывались, словно поверх неё был наброшен серый плащ из тумана.

— Но все ответы находятся перед тобой, — голос таял. Аноэль боялся, что так и не сможет рассмотреть человека возле камня, когда тот неожиданно повернулся. И он смог увидеть на секунду лицо. Лицо женщины. А затем её очертания словно подхватил ветер, размывая в воздухе.

Аноэль бессильно упал назад, на траву. Всё вновь исчезло, остались только звуки. Но и они медленно сливались в один неясный гул, который удалялся, затихая вдали. Аноэль погружался всё глубже нечто, похожее на землю, вязкое, глухое и тянущее за собою куда-то вниз. Затем он ощутил боль в руке, словно её неимоверно жгло. Он втянул воздух, шипя от боли, и радостно подумал, что тело понемногу начинает слушаться его. Затем Аноэль инстинктивно дернул руку, стараясь подтянуть её к себе и избавиться от источника боли. Но это было не так-то просто.

Сквозь закрытые веки до него стал долетать свет, и он с трудом приоткрыл глаза. Он лежал на ковре у погасшего камина, а над ним склонились Господин Хедрунг и целитель, который проживал поблизости от особняка. Человеческий врач, который жил двумя

жизнями сразу — леча своих пациентов и составляя снадобья при помощи трав и магии. Аноэль наконец-то смог подтащить к себе свою руку и выяснил, что её жгло то самое кольцо. Господин Хедрунг, перехватив его взгляд, взял его руку и легко снял кольцо.

Аноэль с отстраненным удивлением смотрел на свою кисть, на пальце которой был словно вплавлен серебряный ободок. Он перевернул ладонь и, всё так же отстраненно, обнаружил, что в центре ладони красуется светлый круг, словно выбитый расплавленным серебром. Смотря на него, Аноэль пытался удержать в памяти черты той женщины, которая была там, в кругу камней. Он знал, что теперь его прежняя жизнь закончена, и смыслом новой будет поиск ответов, заключенных в этой призрачном видении.

Глава 20–21

Глава 20

Если бы кто-то заглянул в маленькую комнату на самом чердаке одного из небольших ухоженных домов на главной улице, то, несомненно, сперва стал голосить на весь городок, а затем вызвал бы всю полицию, какая только могла приехать на вызов.

Гай сидел посреди полупустой комнатухи, обставленной по-спартански, и смотрел на то, как очередной порез покрывается выступающей кровью. Она стекала по руке, смешиваясь с другими ручейками из расположенных выше разрезов. Он нанёс себе уже столько их, что мог бы давно умереть от потери крови, как малолетний человеческий суицидник, не регенерируй его тело увечия.

Черные брюки были почти полностью в крови, которая хоть и была невидна на них, но пропитала ткань насквозь. Гай сам словно раздвоился. И половина его насмешливо наблюдала за тем, как края ран стягиваются, зарастая, понимая всю бесплодность его стараний. А вторая заходила в вопле, требуя избавить от вгрызавшихся в неё воспоминаний Кэйлаш, которые неотступно следовали за ним. Он уже был и не рад своей затее, всё увиденное им не отступало ни на секунду продолжая стоять перед глазами, заставляя постепенно терять контроль и хладнокровие. Но самое главное — они будто выпивали из него силы. Словно Кэйлаш носила в себе некий вирус, который теперь овладевал Гаем — медленно, но верно.

Его прежние попытки причинять себе боль и испытывать при этом хоть какое-то подобие эмоций и удовольствия теперь стали безрезультатными. Он морщился от боли, когда лезвие вспарывало кожу, а перед глазами навязчиво, как наркоманский бред, снова и снова горел старый фонарь, стояла маленькая девочка, и преисподняя приветливо открывала свою пасть, готова принять её в свои ледяные объятия. И он купался в её мерзком и жутком безразличии, переплетённым с иссушающим холодом и пустотой, как и маленькая девочка под старым тусклым фонарем на зимней улице. И конца этому не было. Теперь его игра с болью превратился из кайфа в чистейшее садо-мазо.

Более того, с самой Кэйлаш было всё настолько не так, неправильно, что он испытывал желание вновь увидеть её. Несмотря на то, что желание растоптать её и поставить на место никуда не исчезало. Она, неведомо как, разрушала его, начиная с того самого момента, как появилась на судебном процессе. Гай понимал, что ему следует вернуться в город и не продолжать свою затею. Вполне возможно, что Кэйлаш, сама того не зная, является кем-то из существ другого порядка. Может, в её роду были колдуны или ведьмы. Может кто-то ещё. Кто их знает — с кем путались существа, когда могли спокойно пересекаться с людьми. Именно поэтому, пытаясь списать всё на странную магию, Гай и пытался вернуть себе покой и способность соображать, нанося один за другим порезы.

Бесполезно. Он злобно выругался и отшвырнул нож. Обсидиановая рукоятка блеснула как черная звезда, пролетая в лучах солнца, заглядывающего в маленькое окно. Гай огляделся. Весь кровавый антураж придется убирать, если он не хочет вызвать проблемы на свою голову, их у него и так полно. Недовольно морщась от необходимости применять магию и привлекать к себе внимание, Гай заставил кровь раствориться темной дымкой, повисшей в воздухе, будто кто-то курил в комнате, а затем вылететь в окно.

Просто так он не уйдет. Уж слишком много он сделал, чтобы вот просто так взять и отступить. Тем более, что прошло уже более трех дней, и ему надо было наведаться к Кэйлаш хотя бы для того, чтобы закрепить эффект своих действий.

Джил затеяла большую уборку, слишком поздно поняв, что это титанический труд. Она доблестно сразилась с коридором, привела в порядок комнаты наверху, но при виде кухни, кладовки, гостиной и комнаты, превращенной отцом в некий склад бумаг и книг, тихонько заскулила, соображая, что не осилит всё сразу.

Стягивая с себя промокшую и запачканную футболку, которую позаимствовала из отцовских вещей, Джил почесала нос. Кожа облезала, как и раньше, в детстве, когда она слишком долго была на солнце. Интересно, что в городе такого никогда не было, словно там даже воздух был настолько неестественный, что лакировал всё, чего касался, тонким слоем пыли и газов.

Она хихикнула, поворачиваясь к зеркалу и глядя на то, каким пугалом выглядела. Положительно, так ей идет больше, чем ходить в строгих костюмах. Самое то.

— Тебе так весело?

Джил чуть не уронила футболку, которую держала в руках, и оглянулась, машинально прикрываясь её. На ней, кроме спортивных штанов и белья, ничего не было, поэтому вряд ли она была готова к тому, что кто-то войдет в комнату. Правда, она не сразу сообразила, что в комнате никого нет, а значит — это вновь вернулся призрачный преследователь. Джил отошла от зеркала и демонстративно бросила вещь в корзину для одежды. Если вторгается в её жизнь без предупреждения, пусть пеняет на себя. Она, конечно, не обладала тем, что можно показать мужчинам, но чего стесняться бесплотного паразита, сознательно мешающего ей спокойно жить?

— Мне не весело, мне просто хорошо, — отозвалась Джил, ожесточенно захлопывая крышку корзины. “Надеялась, что ты сгинул”, — добавила она, зная, что тот всё равно это слышит.

— В прошлый раз ты показала мне место, которого боишься, — ему словно нравилось напоминать ей о том, что ранило или задевало. И Джил промолчала, хотя ей слишком хотелось сказать что-то типа непотребного ругательства, отправляющего собеседника в далекое путешествие. Она понимала, что если хочет остаться с меньшими потерями, то ей лучше быть спокойно и трезво соображать, чтобы не нарваться на подвох.

Её собеседник, тем временем, словно раздумывал, и потом, когда она уже решила, что он убрался восвояси, заявил:

— Сегодня ты покажешь мне место, где была счастлива.

Если Джил и сомневалась на секунду в том, что с ней играет игры какая-то нечисть, теперь они рассеялись. Всё, что он требовал ему показать, находилось здесь в этом городе. Похоже, что её саму знали гораздо лучше, чем показывали это, и явно хотели преподать ей какой-то извращенный урок или заставить совесть мучать её.

Она подхватила куртку и молча направилась к лестнице вниз. Как бы то ни было, Джил

собиралась встретить всё с расправленными плечами, даже если это было слишком больно. К тому же, эта жестокая игра была не так проста на первый взгляд. Она словно служила ступенькой к тому, о чем говорил старый священник — к будущему, для которого ей было необходимо вернуться в прошлое и взять его с собой, не как врага, а как друга.

Ночью был дождь, и, несмотря на яркое солнце, погода оставалась прохладной. Словно, вместо летнего тепла внезапно наступили осенние дни. Джил застегнула куртку и, засунув руки в карманы, чтобы не зябли, зашагала вверх по дороге, уводящей на холмы.

Ничего не изменилось. Вдоль дороги по-прежнему росли разнообразные кусты, которые отгораживали её от полей и небольших рощ. Дорога уходила вверх, поднимаясь на склоны холмов, окружающих город. Джил шагала по неровному покрытию, которое давно требовало ремонта, оставляя позади последние дома, заслоняемые раскидистыми деревьями и разросшимися кустарниками. Где-то на горизонте клубились тучи, обещая снова дождь, а в разрывах между ними мелькали проблески солнечных лучей.

Чем дальше оставался город, тем тише было вокруг. Джил шла, и в тишине, нарушаемой лишь птичьими голосами, ей казалось, что рядом, обретая очертания и плоть, шагает Райз. Это было настолько реально, что она могла представить, как протягивает руку, чтобы положить её на его большую ладонь. И они идут вместе по дороге, навстречу гребням холмов, покрытым деревьям и разнотравьем.

Она улыбалась. Наконец-то, представляя его, она может улыбнуться, а он, как и раньше заботливо обнимет её, защищая от порывов ветра. И между ними больше не будет никогда ни боли, ни пустоты. Он шёл рядом с ней, невидимый, но реальный, и Джил ощущала его как часть себя. Как неотъемлемую часть, которой ей так не доставало. Они шагали рядом, их дороги наконец-то сошлись, и конец путешествия был близок.

Джил свернула на почти заросшую тропу, по которой никто не ходил уже много лет. Трава доставала ей почти до пояса, при её невысоком росте, казалось, что она почти пропала под ней. Заросли роняли на ноги капли дождя, и холод проникал сквозь ткань брюк.

Никто не ходил сюда — ни подростки, ни дети, ни компании, словно это место просто исчезло для всех. Джил добралась до вершины холма и остановилась перед почерневшим от времени и непогод сараем. Он всё ещё стоял, как старый корабль, уже не бороздящий волны, но еще способный напомнить о своем прошлом. Джил толкнула дверь, на которой так никогда и не висел замок, и та с тихим скрипом отворилась, пропуская её.

Внутри было тихо, пахло старой травой и деревом. Лестница, на удивление, оставалась целой, хотя пара ступеней и надломилась. Джил, осторожно цепляясь за её края, взобралась наверх и перекинула ноги на дощатый пол, выложенный под самой крышей. Сено, разбросанное по нему, где-то почти высохло и рассыпалось, где-то слегка покрылось слоем плесени. Но часть его всё ещё оставалась нетронутой.

Джил остановилась, глядя на чердак, освещаемый пробивающимся сквозь прорехи в крыше солнцем. Осторожно прошла вперед, но старые доски были крепки и прочны, как и раньше. Она помедлила и приблизилась к уложенному почти посреди чердака сено. Опустилась на одно колено. Проводя рукой по колючим стеблям и вдыхая их запах, так хорошо знакомый ей. Джил поворошила сено и легла так, чтобы видеть в дыры в крыше сарая небо.

Солнце как раз вышло из-за туч, и его лучи косо попадали внутрь сарая. Шею кололи травинки, возвращая забытое воспоминание. Она почти видела, как свет солнца просвечивает насквозь темные волосы Райза, который, как и она, смотрел вверх, на небо.

— Ты видишь то же, что и я? — спросила она, наблюдая, как пылинки танцуют в луче солнца.

— Я вижу тебя. Лучи похожи на твои глаза, — он поднял руку, показывая ей на них.

Она всегда смущалась, когда он так говорил, и ощущала себя чем-то особенным. Он говорил так, словно она была принцессой или сказочной красавицей. И в его голосе не было никогда ничего, что могло бы заставить сомневаться в этом.

Они лежали, держась за руки и наблюдая за медленно скользящим по небу солнцем.

— Иногда мне кажется, что однажды ты уйдешь. Из школы, из города, куда-то очень далеко, — произнесла она, содрогаясь от этих слов и ощущая — насколько она маленькая, чтобы остановить его.

— Я никуда не уйду без тебя, — отозвался он, сжимая её пальцы, чтобы показать, что крепко держит её. Но она молчала, ощущая предчувствие, слишком большое для маленькой девочки, которое приходило, чтобы заставить её снова и снова ждать надвигающуюся неизбежность.

Он, словно почувствовав неладное в её молчании, повернулся к ней, приподнимаясь на локте.

— Даже если мне придется уйти, я всё равно вернусь за тобой.

Она перевела взгляд на него, заглядывая в глаза и ища в них надежду.

— Обещаешь?

— Клянусь, — кивнул он.

Джил лежала, смотря на тусклый солнечный свет, и в глазах стояли слезы, искажая всё вокруг неё. Это были удивительно легкие слезы, дарующие покой и облегчение, внезапно опустившиеся на неё.

Гай ощущал, как его сердце бьется всё медленней, словно всё в его теле замедлило свой ход. Впервые он не знал — что ему делать и ощущал себя растерянным настолько, что это ввергало его в ужас. Он смотрел на Кэйлаш и видел на её лице приговор себе. Когда Гай начинал свою затею, собираясь сломать её и свести с ума, он понятия не имел, что всё пойдет не так, как он рассчитывал.

Он шёл за ней по дороге, и с каждым шагом она словно становилась сильнее. Словно что-то делало её мощней, светлей и отражало эту силу вокруг неё. И Гай невольно стал задумываться — правильно ли он поступил с самого начала, затеяв всё это для удовлетворения своей мести?

Кэйлаш шла по полю, и он мог видеть, как её принимает земля. Те невидимые ей жители этого места не бросались врассыпную, ощущая тьму и угрозу, идущие от злого человека. Напротив, они даже выглядели посмотреть на неё, а потом мирно занимались своими делами. Кэйлаш шла в густой траве, а её лицо становилось безмятежным, словно демоны, прятаясь в её душе, внезапно исчезли.

Он поднялся за ней на чердак старой развалины, наблюдая за полными нежности движениями, которыми она касалась старой травы. За осторожными шагами, словно она старалась не нарушать тишину. Гай удивленно наблюдал за тем, как она опустилась на сухое сено, подставляя тусклому солнцу, едва пробивающемуся сквозь тяжелые облака. Его лучи касались её темных волос, заставляя их вспыхивать рыжими отблесками, словно освещаясь изнутри.

Он, затаив дыхание, наблюдал за тем, что происходило на его глазах. Гай видел, как её лицо расслабилось, и затем на нём отразились одновременно грусть и счастье. Он мог

заглянуть в её мысли, но внезапно его охватил трепет, словно он не смел нарушить нечто особенное, чему стал свидетелем. Гай видел, как Кэйлаш открыла глаза, лишённые выражения, словно она видело нечто, что было видно лишь ей, и они медленно наполнялись слезами. Он мог поклясться, что в воздухе рядом с ней призрачно дрожали очертания кого-то, похожего на призрак, стертый временем, но даже почти исчезнувший он словно был частью Кэйлаш, частью этого места и частью её жизни. Она пришла сюда потому, что здесь ещё жила память о нём, чтобы встретиться с ним потому, что он и был её счастливым воспоминанием.

Гай не мог понять — что происходит, когда ему стало нехорошо. Сила, исходящая от Кэйлаш, была настолько велика, что у него перехватывало дыхание, и он в любую минуту боялся стать видимым. Кроме того он внезапно понял, что стал пешкой в чьей-то затее, которая использовала его, чтобы привести Кэйлаш в оба места и заставить встретиться со своим прошлым. Нечто выше и сильнее его сыграло иначе, а он поверил, что настолько могущественен, что вся инициатива и результаты принадлежат лишь ему. Это был неожиданный удар.

Когда на глазах Кэйлаш появились слезы, Гай убедился в том, что он действительно был всего лишь пешкой, играющей свою роль. Потому, что в нём неожиданно подняло голову его второе Я, произнося — “Я хочу оберегать ее”. И он, доселе незнакомый с существованием этого Я, понял, что оно сильнее всего в нём, и ему придется подчиниться его требованиям. Это был второй удар, сбивающий его логику с ног.

Он смотрел на то, как Кэйлаш улыбается, и до него доходило, что так выглядит любовь. Гай понятия не имел о том, что это может быть таким необычным, но думал, что хотел бы ощутить и сам эту странную силу. Он почти завидовал тому призраку, который вместе с Кэйлаш создал это чудо. И это был третий удар потому, что он понял не только, что хочет испытывать подобное, но и что с самого начала был неправ. Не может тот, кто так любит, быть лживым и жестоким.

Вместе с хаосом эмоций, неожиданно обрушившимся на него, эмоций, которых он всё время желал и пытался ощутить, стала нарастать боль в руке. Гай поднял её к лицу. С разрезов, которые должны были давно исчезнуть, медленно капала кровь, исчезая в воздухе.

Джил складывала вещи в сумку, собираясь обратно в город. Казалось, что она уже вечность провела дома, и ей совершенно не хотелось возвращаться в шумный, пыльный и безразличный город. Более того, она внезапно стала думать, что есть смысл перебраться ближе к дому. Интерес к карьере, шумной жизни и работе неожиданно угас, словно он был ни чем иным, как просто временным увлечением, в которое она ушла с головой, чтобы ни о чем другом не вспоминать. А на самом деле Джил поняла, что ей по душе тихая и спокойная жизнь.

Она обернулась, проверяя — всё ли уложено, и увидела отца, стоящего в дверях комнаты.

— Как дела? — Джил провела рукой по вещам, собираясь закрыть сумку.

— Жаль, что тебе уже пора возвращаться, — она слышала в голосе отца сожаление и понимала, что ей не стоит быть далеко от него. Он не молод, а она ощутила — каково это, понимать, что в любой момент можно потерять его.

— Я планирую поискать работу здесь. Вроде в конторе Адама нужен юрист, — Джил

застегнула молнию и повернулась к отцу. Он отреагировал не так, как она ожидала, не выказывая ни удивления, ни скрытой радости, ни неодобрения. Казалось, что он сосредоточен на своих мыслях.

Джил могла честно признаться, что ей абсолютно не хочется уезжать из дома. Она готова прожить рядом с отцом много лет, чтобы быть вместе, семьей, затем состариться и доживать свои дни среди неспешной жизни маленького городка. Улыбаясь такой перспективе, она поинтересовалась:

— Как ты смотришь на то, что я приготовлю нам что-нибудь? Например, шоколадные блинчики?

Отец кивнул, по-прежнему занятый своими мыслями.

Джил деловито сновала по кухне, следя, чтобы её творение не подгорело, когда отец неловко произнёс:

— Послушай, я должен тебе кое в чём признаться.

Джил ухмыльнулась, представляя, как он наконец-то признаётся об отношениях с соседкой.

— Это моя вина в том, что твой друг погиб.

Ветер качал старую яблоню, а над вершинами холмов висели тяжелые облака, пропитанные дождем.

— Его могли бы оправдать или дать хотя бы условный срок, если бы я позволил выступить тебе на суде.

Джил остановилась посреди кухни, держа в руках миску с тестом. Она пыталась осмыслить то, что сказал отец.

— Я хотел уберечь тебя от всего этого, — продолжал отец, а в его голосе звучали попытки оправдаться, — мы с мамой думали, что так будет лучше для тебя.

Она молчала, стараясь не открывать рот и ничего не произносить. Потому, что ничего умного и нужного явно в её голове сейчас не было. Правда обнажалась, как больной проказой, демонстрируя всё более и более уродливые шрамы и язвы. Когда Джил считала себя виноватой в смерти Райза, она не ошибалась.

— Сейчас я понимаю, что это была огромная ошибка, — отец, вероятно, хотел, чтобы она не молчала, а что-нибудь ответила, — потому, что вместо этого мы сделали тебя несчастной.

В голове Джил стало так тихо, словно все мысли исчезли разом. Сейчас она находилась на тонкой границе — если она сделает неверный шаг, то вернется в прошлое, где будет по-прежнему мрак, пустота и ненависть ко всему. Была ли она счастлива? Был ли в её душе мир все эти годы? Нет.

А затем она подумала, что отец столько лет молчал, но постоянно думал об этом, видя её саморазрушение и виня себя в этом. Каждый из них был несчастен, а она ведь ни разу не оглянулась, продолжая тешить свои раны и саму себя.

Любить — значит прощать. Даже если простить слишком сложно.

— Всё в прошлом, папа, — Джил поставила миску на стол и подошла к отцу. Обняла его. — Давай оставим это позади. Надо жить дальше.

Они стояли, обнявшись, и воздух вокруг медленно наполнялся теплом и жизнью, которая замерла, ожидая, что её разбудят и вернут вновь в дом.

— Иногда мне кажется, что тебя ждет очень далёкая дорога, и тогда я не хочу отпускать мою дочь, — неожиданно произнёс отец, — а затем я понимаю, что какой бы далёкой она не

была, это твой путь. Ты всегда принимаешь верные решения, и это заставляет меня не бояться за тебя.

Её далёкая дорога закончилась — подумала Джил, выезжая на шоссе. Наконец-то закончилась.

Глава 21

Гай ещё только поднимался по ступенькам к входу в особняк, когда чутье сообщило, что что-то не так, что-то случилось.

Зал перед дверями был в таком плачевном состоянии, словно в нём проводили скачки динозавры. Удивленно присвистнув, Гай оглядел разрушения, которые не могли скрыть даже тщательная уборка и попытки залатать повреждения картинами и гобеленами. Размышляя — не находится ли весь дом в таком состоянии, он заглянул в гостиную и большую столовую, которую полагалось использовать для торжественных ужинов. Но, к его облегчению, всё оставалось целым и невредимым, на своём месте.

Впервые за всё время Гай решил сам отыскать кого-нибудь и узнать — что случилось в его отсутствие. Но, словно нарочно, ему никто не попадался. Словно особняк вымер. Машина Аноэля стояла в гараже, когда Гай заехал на своё место. А значит, надоедливый сосед был дома. Удивительно, что он не орал на весь дом, играя в свои дурацкие видео игры что-то вроде — “О, да, я тебя сделал!” или же не ругался, в очередной раз воюя с инструментами. Тишина могла говорить лишь о том, что, либо кто-то лишился языка, либо лежит при смерти.

Гай распахнул дверь в комнату Аноэля, ожидая увидеть скорбную картину — тот лежит в постели, закатив глаза, а все вокруг ожидают — умрет он или поправится. Но его взору предстало ещё более неожиданное зрелище — Аноэль сидел у компьютера, обложившись несколькими стопками книг. Гай мог поклясться, что среди них видит достаточно старые фолианты, которые раньше спокойно пылились на полках библиотеки.

Сам же Аноэль выглядел тоже необычно. Он был одет. Полностью и во всё темное. Даже резинка, собравшая белоснежные волосы, и та была темная. Аноэль, который разгуливал по дому лишь в кожаных брюках и удосуживался одеться более-менее лишь из уважения к присутствию Господина Хедрунга. Гаю захотелось протереть глаза и решить, что ему всё это привиделось.

Он молча продолжал удивляться, когда его присутствие, наконец-то, заметили.

— С возвращением, засранец, — бросил ему Аноэль, даже не поворачиваясь от компьютера.

— С чего бы вдруг так вежливо? — Поинтересовался Гай, оглядывая комнату. Исчезли украшавшие стены коллекции оружия и стенд в виде готического шкафа с дисками. Гай всегда подозревал, что он держит там порно. Со стены напротив кровати сняли плазму, а сама кровать с балдахином, которой было место в борделе, внезапно оказалась лишенной того самого балдахина и черного постельного белья. Обычная постель обычного человека.

Гай стал подозревать, что Аноэля очень сильно ударили по голове. Иного объяснения у него не находилось.

— Надо предупреждать о том, что исчезаешь на две недели.

Аноэль был полностью поглощен чем-то, щелкая мышкой и быстро печатая.

— Я не мог, — лаконично отозвался Гай, — Кто или что разнёс фойе внизу?

Аноэль на секунду оторвался от монитора и пожал плечами:

— Хотел бы я тоже это узнать. Скажем так, там оказался ниоткуда некий монстр с

рогами и в броне. Пытался достать меня, ранил Шолто.

— Зачем ему понадобился ты? — Гай нахмурился, припоминая всех существ, имеющих рога и носящих доспехи.

— Он не сообщил, знаешь ли, — ехидно отозвался Аноэль, — просто махал огромными мечами, а потом набросил сеть, которая сама упаковывает жертву. И меня, кстати, беспокоит твой эльф, — он повернулся к Гаю, — тебе стоит узнать — как он там?

— Он бессмертный, — отмахнулся Гай, доставая из стопки одну из книг и открывая её, — ты что, решил заняться изучением человеческих легенд и оккультизма?

Аноэль спокойно поднялся и забрал у него книгу.

— Извини, но я немного занят, — заявил он так, словно Гай был назойливым ребенком, — так что, поговорим потом. Мне нужно продолжать.

Гай не знал — удивляться ему, возмущаться или просто смеяться. Что бы не произошло, оно явно должно было равняться ядерному взрыву, чтобы настолько изменить безалаберного Аноэля. Хотелось надеяться, что всё остальное осталось прежним.

Но на самом деле, как всё могло оставаться прежним, если он сам им не был? В нём теперь словно жили два разных существа, одно из которых требовало, чтобы он был неподалеку от Кэйлаш. Второе же оставалось тем Гаем, который был лучшим убийцей и стратегом.

Его никогда не интересовали женщины, но и сейчас он был не просто заинтересован в ней, ему хотелось находиться рядом. Ему не приходило в голову думать о ней, как об одной из многих других потому, что он уже убедился в том, что она особенная, по-своему.

Гай включил свет в ванной и подошел к своему отражению, которое вырисовывалось в зеркальной стене. Ещё недавно он хотел уничтожить Кэйлаш, словно панически боялся, ощущая, что она — угроза для него. В какой-то мере, так оно и было, она делала его уязвимым и разрушала его жизнь.

Он дождался, когда она ушла, и, шатаясь, опустился на пол. Кровь не останавливалась, и он неожиданно подумал, что сейчас он обессилен, истощен и уязвим. Это было страшное состояние, и Гай сидел, ожидая чего-то. Он даже не был уверен, что у него хватит сил позвать на помощь. Когда почти стемнело, он наконец понял, что кровь остановилась. Гай коснулся кожи и ощутил, что раны исчезли. Попробовал подняться, и понял, что вновь полон сил.

Гай видел, как Кэйлаш уезжает из своего дома, и не следовал за ней. Он больше не смел проникать в её мысли. Но какая-то его часть продолжала её ненавидеть. Он вернулся в город на следующий день и планировал разобраться во всем.

А сейчас, глядя на себя, он слышал, как то, чем он был, упорно повторяет, что хочет оказаться неподалеку от неё. И заставить это замолчать было невозможно. Ощущая, как мерзко дрожат руки, Гай вытащил из кармана нож. Отражение худощавого мужчины с изможденным лицом настороженно смотрело на лезвие, замершее над его ладонью.

Гай выпрямился и, глядя в зеркало, прижал лезвие к груди. Боль дарит забвение и приносит ясность мыслям. Лезвие медленно опускалось, оставляя за собой багровеющий след, а Гай видел в отражении не себя, а Кэйлаш. Она смотрела на него тем самым взглядом с фотографий, заглядывая в самые дальние уголки его нутра. Горячая кровь стекала по телу, но он не чувствовал ничего, смотря на мираж в зеркале.

Им обоим в нём нужна она. Он хотел её ненавидеть, и он хотел защищать её. Ненавидеть — потому, что она приносила хаос и нарушала его покой. Защищать — потому,

что того требовало чудовище внутри него, наслаждающееся болью. Её жизнь — маленькая хрупкая травинка, и он мог бы её сломать, но это причинило бы ему нечто непоправимое.

Когда лезвие остановилось, дойдя почти до выступающей кости бедра, Гай понял ещё одну вещь. Мир больше никогда не будет прежним.

Глава 22–23

Глава 22

Над головой сияло багровое солнце, а его лучи касались тела и жгли, как яд, проникающий внутрь кожи. Фиолетовое небо дышало жаром, словно расплавленный металл в форме.

Теряя границу между явью и бредом, Шолто брел по сухой земле, которая была изборождена трещинами, настолько глубокими, что он мог бы поместиться в них полностью. Он шел к замку, зная, что там его не ждет ничего кроме презрения и ненависти. Но Коллахт, неприступный и высокий, был его домом, ненавистным, проклятым домом, наполненным красотой и холодом.

Словно это было вчера, перед ним проносились картины далекого прошлого. Его дядя, кипящий от гнева и отвращения, приказал бросить его в пустоши, ожидая, что мальчишку растерзают забредающие в пустошь драугры, вечно застрявшие между жизнью и смертью покойники, или же прикончат лайханы — крылатая помесь стервятника и демона, лишенная перьев и переговаривающаяся между собой отвратительными визгливыми голосами. Если драугров заносило через их могилы, из которых они выползали наружу, в этом странном крае земель пустыни и вечного дыхания ада, то лайханы были местной заразой, истребить которую было невозможным. Они не имели гнезд, предпочитая блуждать в поисках добычи и развлечений. Говорили, что их любимое занятие — оторвать жертве конечности и наблюдать, как она медленно издыхает в муках. Они были не из этих земель, но старики говорили, что пара лайханов сбежала из самой преисподней, через один из Проходов, и случайно оказалась в землях близ Коллахта. Граница мира эльфов так им приглянулась, что теперь их было около сотни, что значило — размножившаяся парочка явно почувствовала в этих землях сходство с родным домом.

Шолто выдержал ночь, отбиваясь от всех тех тварей, которые пытались добраться до него. Когда он сообразил — как ему будет легче сражаться с ними, оказалось, что даже они испытывали к нему отвращение и неприязнь. Среди адских отродий никто не захотел с ним связываться. Когда он случайно капнул кровью на одного из лайханов, отмахиваясь от его усеянного зубами клюва, тот завизжал, а его тело задымилось так, словно кровь Шолто была кислотой. Он медленно брел по дороге, ощущая, как каждый шаг дается ему с большим трудом, а Коллахт белел впереди недостижимой скалой.

Он всего лишь вышел из себя, когда его в очередной раз решил сделать посмешищем кузен Ари, и это обернулось ужасными последствиями. Великовозрастный кузен считал, что все вокруг — пыль, недостойная касаться его сапог. Он относился так же даже к собственному отцу, души не чаявшему в наследнике и не замечающему, что тот — вовсе не очаровательный подросток, а редкостная испорченная дрянь.

Ари всегда позволял себе слишком много в отношении всех, но Шолто он изводил как жалкую собачонку, считая, что маленький и тонкий подросток — отличная цель для издевательств. Шолто был бастардом, которого терпели лишь потому, что его отец был великим героем, захватившим одно из княжеств темных альвов, жестоких колдунов, чья магия тянулась из ада. Их боялись и древние люди, и те, кто был вынужден жить рядом с

ними, и те, кто знал о них из сказок и легенд.

Герой вернулся с победой, его деяния были воспеты и увековечены. А Шолто имел право на более-менее сносное существование, поскольку больше у его отца детей — ни законных, ни бастардов, не было. Отца он не помнил, его отослали к дяде, едва он научился ходить. А затем отец геройски погиб во время очередной стычки с вторгавшимися в их земли в это время в их земли странными захватчиками, о которых даже старики мало что знали. Они были похожи на демонов, их головы венчали рога. А тела были закованы в красно-черную броню. Шолто был ещё совсем маленьким, когда голову такого монстра привезли в Коллахт и выставили посреди площади. Тогда ему сказали, что его отец погиб.

Ари решил скрасить свой вечер, а потому просто подошел к сидящему в углу Шолто и отвесил ему удар, от которого у мальчишки загудело в голове. Затем заставил его повиснуть в воздухе, скованным по рукам и ногам невидимой силой.

— У тебя слишком девчачье лицо, ублюдок, — загоготал кузен, считая всё происходящее весьма забавным, — таким как ты можно выигрывать войны — всего лишь и дел-то, что нарядить как девицу и отправить к врагу. Уверен, они будут настолько впечатлены тобой, что позабудут обо всём. А мы тем временем сможем взять их голыми руками, пока они будут восхищаться тобой.

Шолто всегда молча сносил его выходки, говоря себе, что ему, сыну героя, не пристало отвечать дураку. Ари же не унимался, продолжая:

— А может ты и впрямь становишься одним из тех парней, что рядятся девицами и гуляют с кавалерами? Наш вечно молчаливый милашка Шолто.

Он засмеялся снова, а за ним захихикали и его спутники, молодые люди, отправленные в обучение и службу будущему наследнику Коллахта. Такое же сборище шутов и дураков, как и их господин. Внезапно Ари лениво щелкнул пальцами, подбрасывая Шолто в воздухе, и перестал смеяться.

— В любом случае, от тебя отказался даже собственный отец, которому оказался не нужен женоподобный бастард. На твоём бы месте я покончил бы с собой, чем жил, окруженный таким позором.

В зале были не только Ари и его прихвостни. Дядя и его жена, мачеха Ари, сидели в окружении советников, обсуждая дела. Все видели и слышали, что говорил и делал Ари, а его последние слова прозвучали в тишине так громко, что их могла слышать даже стража у дверей зала.

Если раньше Шолто позволял кузену издеваться над собой и терпел всё, то сейчас гнев затопил его настолько, что он больше не мог сносить его выходки. Мальчик бешено задергался, пытаясь освободиться, но магические путы крепко держали его. Он не владел магией, несмотря на то, что в его возрасте остальные могли делать разные вещи. Бастард, лишенный магии, и, как следствие — добыча для любого, что могло быть ещё более уничительно?

Ари хохотал, глядя на то, как Шолто бьется, исходя на молчаливое бешенство. Но потом резко перестал смеяться, меняясь в лице. Шолто понятия не имел — почему вдруг кузен решил замолчать. Он мог лишь купаться в озере кипящего гнева, который придавал ему сил. А затем он почувствовал, что его руки изменяются, словно кости стали жидкими и отливаются в иную форму. Кожа на лице слегка зудела, словно её растягивали. Шолто снова попытался вырваться из плена, и внезапно его руки со свистом разрезали невидимые оковы. Ари попятился, зацепился за собственную ногу и упал на спину, выглядя так, словно перед

ним восстал кошмар.

Шолто плавно опустился на пол, глядя на своего мучителя. Было крайне приятно наконец-то поменяться ролями и видеть, как тот испуган. Краем глаза Шолто увидел, как советники вскочили со своих мест и отступили к стене. Мачеха стоит с изумленным лицом. А дядя не может вдохнуть, отчего его лицо наливается красным цветом.

Затем дядя бросился к ним, выхватывая меч.

— Не трогай моего сына! — закричал Айнгус, замахиваясь на Шолто и задевая его руку. Шолто взглянул на неё и увидел, что она была похожа на жуткое крыло летучей мыши землисто-желто цвета. А там, где должны были быть пальцы, крыло заканчивалось когтеподобными шипами.

Он плечом потер щеку и понял, что ровная кожа словно покрылась шрамами.

— Отец, спаси меня от этого уродца! — заныл перепуганный Ари, и дядя снова махнул на Шолто мечом. В нём Шолто успел разглядеть своё отражение — настолько безобразное и омерзительное, что пришел в ужас. Судьба не только не дала ему ничего, она еще и создала его на самом деле чудовищем.

Как только Шолто растерялся, он понял, что снова меняется. Спустя секунду он рухнул на каменный пол, тяжело дыша и не понимая — что с ним всё же произошло.

— Стража! — Закричал дядя, — взять его! Вывезите в пустошь и оставьте там! Мой дом не может быть приютом для черного альва!

И вот, сейчас Шолто брел обратно, волоча за собой израненное крыло. Он шёл потому, что должен был идти. Если он остановится, то умрет.

Впереди показались ворота замка, и Шолто замедлил шаг. Дядя мог отдать приказ не впускать его или убить. Что ещё можно было ожидать от него, выяснившего — какой подарочек отправил ему покойный братец на воспитание?

Мир эльфов был прекрасен. Настолько, что их по праву называли совершенными, дивными. Всё, что было уродливо или неполноценно, эльфы старались искоренить, изменить. Несмотря на то, что дядя правил самой окраиной, охраняя Проход, соединяющий их мир с другими мирами, и эта окраина была так же совершенна в своей уродливой красоте, дядя продолжал жить так, как жили все его соплеменники.

Ворота открылись, пропуская того, кого Шолто меньше всего ожидал увидеть — мачеху Ари. Надменная и холодная женщина с совершенным, но всегда суровым лицом вышла замуж за дядю, через год после того, как он овдовел. Шолто никогда не слышал, чтобы мачеха обратилась к Ари, или кому-то ещё. Она вообще не снисходила до разговоров с кем-либо кроме супруга и советников. Говорили, что она была королевских кровей, что приходилась родственницей одному из Лордов, водящих в Совет Анхаша.

В любом случае Шолто нашел в себе силы удивиться тому, что она стояла у ворот, ожидая его приближения. Она смотрела на него, на его изломанное крыло и молчала. На лице жены дяди не отражалось ничего, но Шолто молчал, ожидая, что она что-нибудь скажет.

— Чтобы твоя рука исцелилась, ты должен заставить кости срастись, — наконец произнесла она, — увидь свои кости и представь, как они исцеляются, принимая целую форму.

Шолто последовал её совету и понял, что она была права. Хотя это было болезненно, но его крыло медленно перетекло в руку, и Шолто перевел дух.

— Идём, — жена дяди развернулась и направилась в замок. Словно Шолто вернулся с

обычной прогулки. Он сделал шаг и остановился.

— Но дядя... — неуверенно произнёс он.

— Я сказала — идём, — оборвала она его тоном, не допускающим возражений.

Шолто вернулся в замок, но его жизнь не стала прежней. На него не обращали внимания, как и раньше, но больше его никто не трогал и не задевал. Его учили наукам, как и Ари, но с ним вели себя как с чужаком. Шолто догадывался, что он обязан своим возвращением жене дяди, но леди Коллахта никогда не разговаривала с ним.

Она умерла, когда он достиг совершеннолетия — четырех сотен лет. Несмотря на то, что Шолто так и не узнал, почему она заставила дядю изменить своё решение, он испытывал к ней уважение и благодарность. Ведь она была единственным, кто сделал ему добро в его жизни.

Земля была настолько сухой и раскалённой, что казалось, будто под ногами лежат раскаленные угли. Он приказывал своим костям исцелиться, но крыло по-прежнему волочилось сломанным парусом. А Коллахт всё так же был далек, сколько бы он не пытался приблизиться к нему.

Шолто больше не мог идти. Он чувствовал, как шевелятся его внутренности в распоротом животе, словно клубок огромных червей, причиняя боль при каждом шаге. Остановиться — значит умереть. Шолто был готов умереть, хотя в мозгу из последних сил теплилась мысль, что он должен идти. Если он умрет, то больше никогда не увидит того, ради кого и пытался идти. Он не мог оставить его.

Откуда-то издалека в знойный воздух проникали голоса, назойливо гудя и заставляя голову раскалываться. Он пытался отмахнуться, но они не исчезали, а становились ещё громче. На мгновение Шолто вынырнул из бреда, чтобы увидеть стены старой комнаты в доме, населенном наркоманами и проститутками обоих полов, место, где никому не было дела до происходящего в двух шагах от него. Сюда приползали вколоть дозу, отдохнуть от клиентов или тихо лежать, умирая.

Старые обои висели клочьями, словно их срезали со стен. Грязное окно не пропускало света, и в комнате царил желтоватый полумрак, который не могла разогнать мигающая лампочка, висящая под самым потолком. Поэтому он решил, что ему показалось, что в комнате ещё кто-то есть. Две тени, наблюдающие за ним. Он ожесточенно зашипел, махнув крылом, и они подались назад, чтобы он не задел их. А затем Шолто вновь очутился на дороге к Коллахту, бредя по раскаленной земле.

Он уже не думал ни о чем потому, что разум покинул его. Он слышал голоса, которыми разговаривало солнце, и видел впереди замок, который растекался в воздухе. И тогда Шолто остановился, чтобы умереть.

Но вместо смерти пришла облегчающая страдания влага. Она скользила по его телу каплями дождя, сбивая жар, охвативший его тело. И земля вокруг Шолто медленно смыкала свои уродливые трещины, получив наконец-то так же освобождение. Он закрыл глаза, подняв лицо к небу и наслаждаясь облегчением.

Когда жар наконец утих, он смог снова вынырнуть из бреда и увидел склонившееся над ним лицо дяди и придворного целителя. Дядя, смотрящий на него с непроницаемым выражением, удерживал его крыло, пока целитель пытался влить в рот Шолто снадобье. Это было слишком нереально, чтобы быть правдой, и Шолто снова впал в забытие.

Сколько он проспал — он не мог понять. Может полдня, может день. Но, когда он открыл глаза, то вновь увидел стоящего над ним дядю и складывающего в кожаный саквояж

инструменты и снадобья целителя. Увидев, что Шолто открыл глаза, дядя наконец заговорил:

— Ты заставил приложить немало усилий, чтобы найти тебя. Тебе не место в этом омерзительном вертепе.

Шолто огляделся. Он помнил, что комната, в которую он заполз, теряя рассудок, находилась в одной из городских трущоб. Здесь всё было неприглядно и несовершенно. Как и он сам.

— Как Вы нашли меня? — Шолто закрыл глаза, которые раздражал даже такой тусклый свет, на который могла быть способна гаснущая лампочка.

— Ты забываешь, что в тебе течет кровь моего брата, — холодно заметил дядя.

Если один из членов семьи попадал в беду, вся семья это ощущала и могла найти пострадавшего по следу его магии. В какой-то мере Шолто был даже рад тому, что дядя его нашёл. Сам бы он не справился.

— Что со мной было? — он знал, что не только бессмертен, но и почти неуязвим, а значит — насколько не были бы серьезными раны, он всегда выкарабкается. Но в этот раз не сработало.

— На оружие, которым тебя ранили, был яд, — лорд Айнгус снова надел холодную маску. Шолто вспомнил демона в доспехах, напавшего на Аноэля. Такой же демон был выставлен на площади Коллахта, и он, маленький мальчик, смотрел, как фиолетовые лучи отражаются в красно-черной броне.

— Этот яд убил твоего отца, — дядя словно прочитал его мысли и поймал взгляд на целителя, — ран было слишком много, а целители — слишком далеко. К тому же, ты — не просто эльф.

Спасибо за напоминание, дядя. Ему с очевидным трудом удавалось спокойно говорить о том, кем был Шолто.

— Благодарю, — Шолто устало закрыл глаза.

— Ты должен вернуться домой, — сказал дядя.

— Мне хорошо в этом мире, — отозвался Шолто.

— Это не твой дом! — Дядя гневно повысил голос, — твой дом — Коллахт!

— У меня нет дома! — Ощущая резкий прилив сил от нахлынувшего гнева, перебил его Шолто, — вы объяснили мне это, когда велели выкинуть в пустошь! Я — бастард Вашего брата, чудовище, которое Вам ненавистно!

Воцарилась тишина. Где-то за перегородкой слышался чей-то бессмысленный смех, кто-то плакал, кто-то невнятно бормотал в тяжелом сне.

— Ари убит, — внезапно глухо произнёс лорд Айнгус.

Шолто не испытывал ни капли жалости к кузену, но всё же спросил:

— Как это случилось?

— Те же демоны, что ранили тебя, — дядя внезапно осунулся, и груз прожитых столетий проступил на его лице. Шолто невольно почувствовал жалость к нему, дядя же продолжал, — они захватили один из миров юга. Разведчики говорят, что теперь они — не просто небольшие отряды. Целая армия.

Ари был наследником. Теперь Коллахт остался почти обезглавленным, не имея других претендентов на трон. Дядя потерял любимого сына умирающим от ядовитого оружия захватчиков, а Коллахт лишился будущего правителя. Безрадостное будущее.

— Теперь ты — мой наследник.

Дядя повернулся к Шолто, и его взгляд говорил о бессонных ночах и до сих пор не пережитом горе.

— Я не могу. Нет, — Шолто был настолько изумлен, что еле выдавил из себя эти слова, — нет, дядя!

Это было худшее, что он мог себе вообразить. Насколько худшее, что он почти ощущал, как на шее стягивается душащая его петля. Он не может покинуть этот мир. Он не может бросить всё, что у него здесь есть.

— Кроме тебя у меня больше нет никого. Я не так молод, чтобы жениться, да и не хочу этого, — голос дядя внезапно дрогнул. И Шолто подумал, что это было самое странное время для того, чтобы судьба стерла многолетнюю неприязнь дяди к нему. Он не знал, что сказать на всё это. — Я позвонил тому, на которого ты работаешь. Он уже едет, чтобы забрать тебя. Когда восстановишь силы — дай знать и возвращайся.

Шолто был готов закричать на дядю, в ужасе представляя, что тот позвонил Гаю. Он не мог допустить того, чтобы тот увидел — где предпочитает зализывать раны Шолто. А главное — чтобы он увидел его таким, беспомощным и никчемным.

Дядя направился к двери, но внезапно остановился и повернулся к Шолто:

— Родную мать Ари убили черные альвы. Они внушили ей броситься с башни замка, просто так, развлекаясь. Глядя на тебя, я всегда вижу её убийц, полукровка.

Молчание было настолько тяжелым, что от него становилось не по себе. Пока Гай молча вёл машину, изредка глядя в зеркало заднего вида, Шолто сидел, закрыв глаза и морщась от боли. Несмотря на снадобья дядиного целителя и медленное восстановление своего тела, он продолжал ощущать себя ужасно.

Но ещё более ужасающим было то, что Гай пришел в этот притон, увидел все его грязные и мерзкие детали — пьяных шлюх, блюющих в коридоре наркоманов, тощих несовершеннолетних человеческих подростков, торгующих собой и наркотиками наравне с взрослыми. И он до сих пор молчал. Шолто ощущал себя по уши в дерьме. Лучше бы тот хоть как-то выказал свое презрение или мнение по поводу того, как низко пал Шолто. Или же он считал, что его пристрастия таковы, что он находит удовольствие во всём этом. Тут была доля правды, но Шолто почему-то не хотелось пасть в глазах Гая ещё более ниже. Он и так испытывал невероятное унижение, слывя трусливым пацифистом. Объяснять же, что насилие течет в его венах и зовет его, чтобы он вновь и вновь превращался в чудовище, Шолто не мог и не хотел. Ему оставалось только носить клеймо труса.

Заговорить первым он не решался, хотя тишина и изводила его неопределенностью. Слишком много всего произошло за такой короткий отрезок времени — всего лишь каких-то три дня. Ну, а последняя пара часов, так та вообще была полна сюрпризов.

На лице Гая застыло хмурое выражение, не покидавшее его с той секунды, как он вошел в комнату Шолто. Он вытащил его на себе, осторожно поддерживая, чтобы не побеспокоить рану. Она безобразно рассекала живот Шолто, и он смутно помнил, как в бреду расстегнул рубашку и обнаружил шевелящийся узел своих собственных внутренностей. Всё так же осторожно и почти бережно Гай помог ему забраться во Лэндровер, принадлежащий Аноэлю, и теперь осторожно вёл машину, избегая резких встрясок.

— Мне неудобно, что Вас побеспокоили, господин, прошу простить нас — наконец решил заговорить Шолто, вызывая Гай на диалог. Но тот молчал. Продолжая следить за дорогой, — дяде не стоило звонить Вам.

Гай ударил по рулю, приходя в бешенство, но всё же сумел взять себя в руки и

отозвался:

— Простить за беспокойство? Конечно же, кто такой — какой-то лорд другого мира! Просто нищий попрошайка, Шолто, посмевающий побеспокоить меня.

Шолто догадался, что Гай взбешен тем, что только сейчас узнал больше о его родне. Он не знал — что сказал ему дядя, и это крайне беспокоило Шолто. Гай же продолжал, меняясь в лице от гнева:

— Черт тебя возьми, я и представить не мог, что заставляю работать на себя наследника целой части страны! Почему ты не сказал мне правду с самого начала?

Они оба понимали, о чем говорит Гай. Тот вечер, когда Шолто проиграл судебное слушание, и Гай чуть не вырвал его сердце. Шолто видел, что он кипит от едва сдерживаемых эмоций, и понимал, что он испытывает смущение и ненависть к своей недальновидности.

— Я стал наследником только несколько часов назад, господин, — пытаюсь разрядить обстановку, произнёс Шолто.

— Не называй меня больше господином, — сквозь зубы бросил ему Гай и вывернул на переключаящийся желтый свет под истеричную серенаду гудков возмущенных водителей.

— Пока я работаю на Вас, я буду называть Вас так — Шолто не собирался потакать настроению Гая.

— Значит, ты больше не работаешь на меня, — отрезал Гай.

Всю оставшуюся дорогу они молчали. Гай был слишком зол, чтобы хоть что-то говорить, а Шолто был в ярости на дядю и на то, что судьба каждый раз возвращает его туда, где ему было место, несмотря на его попытки сбежать — в пустоту и одиночество.

Они подъехали к особняку. Ворота открылись, и Гай завел машину на бетонированную площадку перед домом. Их уже ждали.

Аноэль стоял, опираясь на стену и невозмутимо глядя на подъезжающую машину. Сложив руки на груди, он наблюдал за тем, как Гай остается на месте, не выходя из машины и смотря прямо на него в упор. Затем, Гай резко распахнул дверь и направился к Шолто, чтобы помочь ему выбраться.

В полной тишине они добрались до фойе, которое по-прежнему оставалось в следах вторжения. Гай удерживал Шолто, чьи ноги по-прежнему не хотели слушаться и безвольно подгибались, словно были сделаны из ваты. Аноэль шёл за ними, держась позади и не произнося ни слова. Почти на самом верху лестницы Шолто попытался повернуть к нему голову, которая не могла никак держаться прямо, и, фокусируя взгляд на лице в обрамлении бело-черных волос. И произнёс то, что Аноэлю следовало знать и помнить:

— Их оружие отравлено.

Они оба понимали, что вслед за одним посланцем придет другой. В этом Шолто был более, чем уверен, он знал, что эти демоны не приходят просто так. Значит, Аноэлю следует знать как можно больше.

— Открой дверь, — с плохо скрываемой злостью бросил Гай Аноэлю, и тот отворил дверь в гостевую комнату, не отвечая никак на явную грубость, что на него было совсем не похоже.

Гай осторожно помог Шолто лечь, стараясь при этом не вспоминать о том дерьме, которое считалось кроватью в том притоне, где жил Шолто. Он не понимал, почему тот словно сознательно окружает себя тем, отчего даже Гаю становилось противно, несмотря на то, какая мерзость таилась в нём самом.

Когда он тащил на себе Шолто, ему в голову пришла мысль, воспоминание, которое внезапно воскресло и с каждой минутой крепло всё больше и больше.

— Оставь нас, — обратился он к Аноэлю, который по-прежнему молча наблюдал за ними. Тот кивнул и вышел за дверь.

Гай прошел к окну, чтобы хоть как-то успокоиться. Раньше он никогда не терял контроль, но теперь, благодаря Кэйлаш, его эмоции не только раскрашивали мир, но и ввергали его в безумный водоворот. За окнами стояла ночь, беззвездное небо лежало слишком низко над землей, и деревья словно задевали его вершинами, путаясь в облаках.

— Ведь это ты спас и вылечил меня? — Спросил без предисловия Гай. Он подозревал нечто подобное, но не мог представить, чтобы надменный Шолто сделал такое.

— Да, — голос эльфа был хриплым. Бредя, он сорвал его, отбиваясь от призраков пустоши. Гай не знал, что задевает его сильнее — то, что он самого начала не догадался, или же то, что от него столько скрывали, обманывали. Он всегда знал о преданности Шолто, и теперь, узнав, что тот не был с ним искренен, Гай ощущал себя уязвленным.

— Ты дал мне свою кровь? — Сухо поинтересовался он.

— Я связал Вас с собой, чтобы исцелить, — отозвался Шолто.

— Почему ты ничего не сказал мне ничего, Шолто? — Гай не знал, что цена за окрашенный эмоциями мир — это уязвленность, осознание невозможности быть рядом с тем, к кому зовет инстинкт. Он понял, что в какой-то степени всегда относился к Шолто как к более близкому ему. Ближе, чем к Аноэлю. И он неожиданно осознал, что просто использовал Шолто, порой переходя границы настолько, что было даже вспоминать было тошно. Гай сжал кулаки и отвернулся к окну.

Позади него раздался странный звук, словно что-то с треском взлетело, заставляя стены вздрогнуть. Гай обернулся, выхватывая из наручных ножен кинжал, готовый отразить нападение.

— Боги, — выдохнул он, отступая непроизвольно на пару шагов назад.

Раскинув кожистые крылья, казавшиеся невероятно огромными, посреди комнаты, стоял некто незнакомый Гаю. И выглядел он так, что у Гая невольно перехватило дыхание от изумления и неожиданности. Он был страшен. Какое там, он был ужасающ.

Вместо глаз, обычных или не совсем обычных глаз со зрачками, он смотрел на Гая двумя светящимися зеленоватым светом провалами. Казалось, что половина его лица наполовину обожжена, изъязвлена и покрыта рубцами и незаживающими ранами. Тогда как вторая половина...

— Шолто, — произнёс Гай, впервые за всю жизнь не в силах поверить своим глаз не потому, что перед ним было то, что не поддавалось объяснению, а потому, что это был Шолто, которого он знал.

Крылья дрогнули, и он увидел, что каждое из них оканчивается острыми шипами. Гай смотрел на того, кто словно переместился прямо из преисподней, и у него невольно поднимались волосы дыбом.

— Что я должен был тебе сказать? — голос, похожий на шумное дуновение ветра, сминающего деревья, почти разрывал барабанные перепонки, — Или же ты принял бы меня таким, какой я есть?

Гай был невысокого мнения о себе, но он не думал, что кто-то может посчитать его тем, кто будет судить о других лишь по тому, сколько клыков или чешуи они носят на себе.

— Ты думаешь, что меня волнует то, что ты есть? — Заорал он, отшвыривая прочь

кинжал и, собирая всю силу, какую только мог найти, — ты действительно так думаешь?

— Я только на половину эльф. А на вторую — то, что ты видишь, — светящиеся глаза словно заглядывали в каждый угол разума Гая, вытесняя его самого, заглядывая во всем его скрытые уголки. Гай чувствовал, как воздух сгущается вокруг него настолько, что он уже мог начать изменяться. От силы, которая заполняла комнату, дрожало и ходило ходуном абсолютно всё.

— Ты слишком невысокого мнения о себе, — зарычал Гай, ощущая начинающиеся изменения, — но ты не знаешь, что когда связал меня с собой, я смог заглядывать в чужие мысли, играя ими так, как мне заблагорассудится. И я был в твоих мыслях, помнишь те призраки в библиотеке? Помнишь их? Право быть омерзительным и стыдиться самого себя принадлежит явно не тебе, не обольщайся!

Он видел, как свет в глазах Шолто стал ярче, а затем по его разуму пронеслась сметающая всё на своем пути волна, словно он пытался атаковать Гая. В ту же секунду Гай растворился и переместился за спину ангела из ада.

— Я всегда думал, что могу доверять тебе, Шолто, — он слышал горечь в собственном голосе и знал, что она появилась в нём из-за того, что он смотрит на самого себя со стороны. И это приводит его в ужас.

Распахнутые и подрагивающие в воздухе крылья внезапно перетекли, меняя форму, в обычные человеческие руки. А затем Шолто, зажимая рану на животе рукой, упал на пол, явно обессиленный. Гай бросился к нему, чтобы помочь, но он вытянул другую руку, заставляя его остановиться.

— Я позову Аноэля, — Гай вернулся к двери, толкнул её и оглянулся, ища соседа. Тот словно знал, что будет нужен, и стоял неподалеку от комнаты с невозмутимо-безразличным лицом, несмотря на то, что явно слышал всё происходящее. По его лицу было непонятно, о чем Аноэль думает, но сейчас Гай был не расположен рассуждать о мыслях своего напарника. Увидев его, Аноэль так же молча прошествовал в комнату, словно знал, что тот собирается позвать его. Наклонился над Шолто, помогая ему подняться и вернуться в постель.

Гай ощущал себя отвратительно и понимал, что сейчас ему лучше убраться подальше. Поэтому он вышел из комнаты, оставляя Шолто и запрещая себе думать, что с сегодняшнего дня потерял его преданность.

Глава 23

Официальный наряд Дайен всегда вызывал страх у тех, кто должен был её бояться, и желание у тех, кто мог ею восхищаться. В первом случае это были враги Фомор, а во втором — придворные или те, кто рассчитывал на благосклонность дочери короля.

Тонкие золоченные звенья сплетались в нагрудник, украшающий металлический корсет. Всё остальные детали наряды были сделаны из кожи. Отлично выделанной кожи. В старину короли носили парадные плащи из кожи поверженных врагов, а сейчас приходилось довольствоваться кожей животных.

Дайен интересовалась политикой ровно настолько, насколько она была целесообразна её планам. Отец проживет ещё не одну сотню лет, а значит она, единственная оставшаяся в живых его наследница, может спать спокойно, не боясь необходимости вступить в брак и приобщиться к нудному правлению, которое она не одобряла. Её раздражало то, что при всей малочисленности их народа, все продолжают делать вид, что они по-прежнему страшны и могущественны. Их оставалось несколько тысяч, а они даже не задумывались о

своем будущем.

Сама Дайен позаботилась о том, чтобы никто из ближайших родственников не решил посчитать её опасной помехой. Убей — или будешь убит. Между Дайен и её отцом больше никто не стоял, двух кузенов она победила в открытом состязании, где ей весьма вовремя помогли снадобья её покойной матери. Старшую сестру, уже пару раз пробовавшую избавиться от Дайен, она убрала при помощи методов самой же сестры. Такова жестокая жизнь Фомор. И только поэтому сейчас она рассматривала в зеркале свое отражение в официальном наряде наследницы, а не была похоронена с почестями в королевском склепе.

На самом деле Дайен сейчас заботило совсем другое. Она много времени пыталась выбросить из головы мысли о мужчине, сопровождавшем посредника между одним из богов, желавшим оставаться неизвестным, и теми, кто заключал с ним сделки. Леди Дайен хотела этого мужчину, а он ускользнул от неё. Поэтому она думала не об очередном собрании, которое созывал её отец с целью наконец-то обсудить планы расширения владений Фомор. Дайен смотрела на переливающиеся пластины металла и вспоминала цвет волос того мужчины, которые были черны как ночь, и прозрачны на свету одновременно. Однажды ей придется выйти замуж. Но сейчас Дайен не хотела больше ничего — не развлекаться в пыточной, не проводить время в ленивой роскоши. Ей хотелось снова увидеть его, но он ускользнул от неё дважды. Она ещё секунду смотрела на свое отражение, а затем её озарила идея. Если Дайен хочет найти кого-то из людей, она посылает ищеек. Если же она хочет найти существо не из мира людей, она может найти его по следу его магии. Каждый из них оставлял след, который могли прятать лишь искусные маги, боги или древние ведьмы. Но порой даже кто-то из них допускал ошибку, подчинившись эмоциям или применив слишком много сил. И таким образом обнаруживал себя.

Земли Фомор были созданы магией, той самой магией, о которой в древности слагали сказки и легенды. И только магия и поддерживала их существование, скрывая и защищая от других, более сильных захватчиков, которые уже давно могли уничтожить остатки их беспечного народа.

Дайен оглянулась, ища взглядом то, что ей было нужно. В углу просторной спальни стояло широкое блюдо, похожее на плоскую чашу. Такие использовали в колдовских целях, и они были у каждого члена королевской семьи. А в старину парой таких же чаш владели и люди, великие короли, с которыми считались обитатели разных миров. Теперь же мир людей опускался всё ниже в бездумное существование, которое они считали высокоразвитым и просвещенным. Пока люди дрались ради религий, власти, нефти и денег, их соседи могли не беспокоиться ни о чем. Магия людьми была забыта, а значит — её случайные проявления не могли изменить что-то или напугать их.

Прозрачная вода, наполнявшая блюдо, пошла легкими волнами, когда Дайен поставила её перед собой. Затем подернулась мутной дымкой, которая поднялась вверх, клубясь. Дайен затаила дыхание, наблюдая за превращением. Наконец дымка рассеялась, и перед Дайен отразилось подобие карты, сплошь покрытое светящимися точками. Это были следы магии, творимой, которую не прятали по неведению или беспечности, или творящейся самостоятельно и спонтанно. Дайен нужно было всего лишь пожелать найти Гая, и отражение показало бы ей его последнее местонахождение, но при условии, что он творил бы магию. Дайен на секунду нахмурилась, а затем улыбнулась. Этот мужчина мог быть не из древнего мира, но магия была с ним и в нём. Всегда.

Вода дрогнула, меняя наконец картинку. Дайен не знала этих мест, они были ей

незнакомы, и, вероятно, находились в другом мире. В любом случае, она могла переместиться туда, пользуясь расположенным во дворце Проходом. Но для этого ей было нужно получить разрешение отца. Проходами было запрещено пользоваться просто так, их оставалось слишком мало в землях Фомор, а потому они были стратегически важны и бесценны.

Дайен отодвинулась от чаши и раздраженно фыркнула. Будь её воля, она бы не медлила ни секунды. Этот мужчина настолько глубоко засел в её мыслях, что казалось, будто он — заноза, которую можно вытащить, лишь заполучив его. Но Дайен не могла попасть в его мир, минуя отборную гвардию и волшебные ловушки, охраняющие проход, равно как не могла заставить привести его. Это нарушало правила, установленные Верховным Советом, имевшим власть над всеми мирами, и нарушения жестоко карались. Нельзя было похитить жителя одного мира и забрать в другой — это нарушало правила и наносило оскорбление миру похищенного. Дайен готова была разрушить дворец до основания, осознавая своё бессилие, в её характере не было никогда понятия — держать эмоции в узде. Она нервно ходила по спальне, а зеркало отражало её лицо — то идеальное и прекрасное, то покрытое морщинистой кожей с неподвижными золотыми глазами.

Казалось, что никакого выхода нет. И это распаляло её гнев еще больше. Дайен перебрала возможные варианты решения проблемы, но все они сводились к одному и тому же — ей не попасть в мир Гая.

— Мне нужно попасть туда любой ценой! — Дайен со всей силы ударила кулаком о стену, заставляя камень крошиться мелкими осколками. Леди Фомор обладала не только красотой и хитростью, но и недюжинной силой, и выбоина в стене была отличным свидетельством тому. На белоснежной коже багровел след от столкновения с камнем, и медленно выступала кровь, с каждым толчком сердца Дайен становившаяся ярче. Капли с гулким всхлипом падали на пол, и она неожиданно поняла, что она не одна. Чье-то присутствие, тяжелое и давящее, было настолько ощутимым, что она, не оборачиваясь, могла сказать — где именно находится нежданный гость.

— Когда прекрасная женщина нуждается в помощи, сложно не ответить на её зов, тем более, когда она проливает такую древнюю и сильную кровь в горести, — произнес мягкий, вкрадчивый голос. Дайен обернулась. В большом зеркале отражался мужчина в странном наряде из черной, как смола ткани, богато расшитой золотом. Он был стар и похож на грифа, спокойного и выжидающего своего часа. Всё в нём было настолько старо и опасно, что она почти ощущала горечь во рту от поднимающегося вверх желания отойти как можно дальше. Его одежда казалась невероятно богатой, но затем на мгновение становилась похожа на ветхое и почти истлевшее рубище. Чтобы через секунду вновь таинственно начать переливаться полуночным мраком и всполохами светящегося шитья.

Гость с интересом разглядывал Дайен. Её наряд, скрывающий меньше, чем следовало, заставил его черные глаза зажечься опасным огоньком, говорящим о том, что он оценил её красоту. Дайен выпрямилась, принимая достойный принцессы вид.

— Кто ты? — Она не испытывала страха, но недоумевала — кто же мог так внезапно откликнуться на её зов. Она пролила свою кровь напрасно, произнося при этом свое пожелание. Это могло сработать как призыв, на который отозвался тот, кого привлекла её просьба.

— У меня много имен. Те, кто мне близок, называют меня Низам, а те, кто падал к моим ногам, знали меня как Ужасного, — он самодовольно улыбнулся, и Дайен ощутила

презрение к такой напыщенности. Подавив слова о том, что его имена должны соответствовать таким же деяниям, она поинтересовалась:

— И как же ты можешь мне помочь, Ужасный?

— О, нет, нет! — он поднял руки, останавливая её, — для тебя я не в силах быть Ужасным, для твоей красоты я могу быть лишь восхищенным почитателем.

Дайен молчала, улыбаясь и думая, что если он умен, то её улыбка не обманет его. Ну, а если он глуп, то ей же лучше.

— Я могу помочь тебе добраться туда, куда зовет сердце, и научить — как взять то, что не дается в руки, — продолжил её гость, загадочно смотря на неё.

— И что же ты хочешь взамен? — осторожно спросила Дайен, чуя подвох.

— Взамен — ничего. Я попрошу лишь о том, чтобы однажды ты вспомнила о том, что я помог тебе, и осталась моим другом, — он выглядел абсолютно безмятежным.

— Иными словами, ты просишь меня стать твоим союзником, — Дайен задумчиво рассматривала собеседника. Она знала, что он был тем, кто вполне мог менять ход истории, а это значило, что союз с ним мог вовлечь Фомор как в беспощадные войны, так и принести выгодные перемены.

— Ты мудра, как истинная королева, — несмотря на всё очарование Низама, Дайен видела, что за ним прячется хладнокровный и хитрый расчет. Он знал, что она — наследница, знал, что его предложение, как обоюдоострый меч, заинтересует её своей выгодной стороной. А он получит сильных союзников. Дайен могла убить двух зайцев — получить Гая и вернуть Фомор прежнее уважение и процветание.

Она медлила, взвешивая все за и против, и накручивала на палец длинный локон. Низам молчал, ожидая ответа и не торопя. Его фигура выступала из марева, и за ним было видно край пепельного неба его мира. Наконец Дайен приняла решение и подняла глаза на Низама, улыбаясь:

— Ты весьма щедр. Но сперва я хотела бы увидеть то, что ты можешь сделать для меня.

На лице, вроде и старом, но при этом лишенном возраста, отразилось торжествующее выражение, и он приосанился. Низам поднял руку, украшенную разнообразными кольцами с самоцветами, и снял один, украшенный ярко-красным кровавым рубином. Зеркальная поверхность задрожала как льющаяся вода, когда он протянул кольцо Дайен. Его рука легко пересекла границы стекла и замерла, ожидая, что она возьмет его.

— Этот перстень полон яда, который не имеет противоядия. Тебе достаточно лишь нажать на него, и из оправы появятся шипы, ранящие жертву. Яд подчинит её волю, и она сделает всё, что ты пожелаешь. Осторожно! — резко одернул Низам Дайен, когда она решила проверить его слова, — этот яд действует даже на бессмертных и богов. Воспользоваться им можно лишь один раз, — предупредил он, убирая руку, и зеркало вновь застыло стеклянной массой. Дайен не надо было объяснять дважды, и она осторожно надела перстень на указательный палец.

— А теперь твое второе пожелание, — Низам вновь поднял руку, указывая куда-то за спину Дайен, и она обернулась. Для того, чтобы с восхищением, смешанным с ужасом, наблюдать за тем, как прямо посреди её комнаты начинает дрожать воздух, светясь и сворачиваясь в кольца.

— Ты можешь создавать Проходы! — невольно вырвалось у неё, и она почти поверила, что он — наверно почти как бог.

— Нет, — Низам снисходительно усмехнулся, — в твоей комнате раньше был Проход, и

я заставил показаться его остатки. Он скоро исчезнет, так что тебе стоит поторопиться. Не забудь о своей части сделки.

— Моя честь и моё слово, — Дайен гордо выпрямилась, давая клятву. Низам наклонил голову, принимая её слова и выказывая уважение Дайен. А затем медленно растаял, и зеркало по-прежнему отражало спальню и саму Дайен. Теперь ей придется стать его союзницей тогда, когда ему потребуется её помощь. Она чувствовала, что получит гораздо больше из этой сделки, чем казалось на первый взгляд.

Дайен осторожно осмотрела себя в зеркальной стене лифта, спускающего её вниз. Она впервые за всю жизнь испытывала некоторое подобие беспокойства. Словно собиралась прыгнуть в воду, не зная — что скрывает её темная гладь.

Она даже отбросила в сторону свою любовь к нарядам и выглядела совсем обычно. Как любая другая женщина на улицах города. Настолько обычно, насколько ей позволяла её внешность. Длинные волосы, достигающие бедер, она скрутила в узел, чтобы не привлекать к себе внимания.

Кроме этого Дайен позаботилась обзавестись человеком в корпорации, которой управлял Гай. Это было так смешно — существа работают как простые люди. Приходят утром, уходят вечером. Сидят, разбираясь с кучами бумаг. Дайен не понимала смысла в этом занятии и ещё раз убеждалась в том, что её мир более логичен. Чем мир людей.

Теперь она знала — где живет Гай, и знала, что через несколько дней состоится званый вечер, на которой он будет присутствовать вместе с другими людьми из корпорации. Всё складывалось как нельзя лучше.

Дайен легко освоилась за пару дней, и без труда расплачивалась картой, открыв счет в одном из банков города, играла в казино и даже наведлась в закрытый стрип-клуб. Весьма экзотическое место не произвело на неё сильного впечатления. Во-первых, с развлечениями Фомор было сложно сравниться самому изобретательному уму. А во-вторых, Дайен предвкушала момент, когда наконец-то сможет получить Гая в свои руки.

Внизу её ждала арендованная машина. Она не разбиралась в моделях, обнаружив, что их столько, что ей и не сосчитать всевозможные разнообразные машины. Но ей понравилась изящная форма одной из предложенных, похожая на скользящую в воде рептилию. Поэтому, сидя за рулем Lamborghini Aventador, Дайен ощущала себя просто великолепно.

Она планировала навеститься к дому Гая и посмотреть — как он живёт. Дайен знала, что он делит дом вместе с соседом, совладельцем корпорации, но не считала, что их связывают какие-то ещё отношения. Гай был похож на спящий вулкан. А тот, кто имеет партнера, распространяет вокруг себя огонь.

Город был похож на голодное чудовище, которое медленно просыпалось с наступлением сумерек. Дайен ощущала себя так, словно она была среди полных добычи джунглей. Похоть, ненависть, страх, жажда удовольствий — великолепный букет человеческих пороков сопровождал её, обещая, что если она захочет развлечься, то получит самое лучшее.

Дайен ехала по улицам, и город освещал ей дорогу холодным неоновым светом. Время от времени она сверялась с навигатором, уточняя маршрут. Положительно, люди не имели магии, но они превосходно заменили её массой полезных вещей.

Она выехала на полупустынную улицу, застроенную элитными особняками, без труда нашла тот, что принадлежал Гаю. Он просто светился от магии, окружавшей его защитным куполом. Дайен проехала немного дальше и остановилась, развернув машину так, чтобы видеть всех, кто подъезжал к воротам особняка. Она устроилась поудобнее, вытягивая длинные ноги, и включила музыку.

Глава 24–25

Глава 24

Джил оглядела кабинет Стоуна, который неожиданно показался ей абсолютно незнакомым. Она действительно отвыкла за две недели от всего, что связывало её с работой. И теперь, словно заново знакомилась с нею.

Вот только прежнего рвения трудиться и удовлетворения от работы не было.

— С возвращением, — голос Стоуна, полный приветливости, вернул её из мира размышлений, — Вас очень не хватало. Я убедился, что без Вас всё шло кувырком.

Джил улыбнулась. Она прекрасно понимала, что её отсутствие заставило его потрудиться вдвое больше, чем обычно. Стоун достал телефон, вибрировавший от входящего звонка, и оглянул кабинет с видом человека, слегка ошалевшего от работы и заблудившегося в четырех стенах. Джил подавила смех, представляя — какими словами её честили в те моменты, когда дела погружались в хаос и неразбериху.

Спустя час она разбирала тот беспорядок, в который превратились дела, бумаги и всевозможные документы. Кажется, для прокурора эти две недели были действительно сложными. Она систематизировала все дела и довольно оглядела кабинет, получая удовольствие от результатов. Подхватив папку, которую Стоун забыл убрать на место, Джил подошла к небольшому шкафу, стоящему рядом с его столом. Средняя полка была уставлена несколькими фотографиями Стоуна в разные годы. Джил с интересом рассматривала его, выступающим на каком-то слушании, затем, ставшим более старше, на фотографии со встречи с министром юстиции.

Разглядывая вторую фотографию, Джил внезапно поняла, что предыдущая показалась ей почему-то знакомой. Она вернулась к первому изображению и с удивлением обнаружила, что судья, слушающий выступление Стоуна, знаком ей. Это был судья Додж, мистер Додж, приходивший к её отцу посмотреть вместе очередной футбольный матч. Судья Додж, которого она увидела, когда ей исполнилось десять лет, в судейской мантии и осталась надолго под впечатлением от того, как он важно выглядит в ней. Но что делал Стоун в её городе? И почему она не знала об этом, особенно учитывая то, что отец был всегда в курсе всех назначений, новостей и перемен города? Возможно, дело было в том, что она не интересовалась биографией Стоуна. Но в любом случае, Джил должна была его помнить хоть как-то. Даже если он пробыл в городе недолго.

Крайне озадаченная Джил направилась из кабинета прочь, продолжая налаживать порядок, согласовывать встречи и дела прокурора. Работы оказалось так много, что за весь день они со Стоуном перекинулись лишь парой слов, когда случайно столкнулись в украшенном колоннами коридоре.

— На следующей неделе мэр города устраивает прием, нам придется присутствовать там, — продолжая пробежать глазами документы, рассеянно сообщил Джил Стоун, — как бы ни хотелось, но мы обязаны там быть.

Он был не до конца искренен, подразумевая, что не очень-то хочет ехать. Джил знала, что Стоун планирует принять участие в ближайших выборах, и ему надо заручиться

поддержкой влиятельных лиц города. Она будет вынуждена сопровождать его, минутой позже он сообщил ей вторую половину малоприятной новости. Поскольку она — его идеальный помощник, просто ангел Фемиды без капельки изъяна.

Джил ехала домой, недовольная такой перспективой. Придется тратиться на платье, на туфли. На прическу. Она понятия не имела — в чем смысл стольких хлопот ради одного вечера, но прыгнуть выше великосветских условностей было практически невозможно. Кроме того, она всё раздумывала над вопросом — почему она никак не может вспомнить, чтобы Стоун был в их городе? На фото судья Додж был таким, каким она его знала, когда была в старших классах, а значит, что в то же время в суде работал и Стоун.

Она выехала на улицу, ведущую наиболее прямо к дому, но обнаружила, что её перекрыли, и техника укладывает асфальт. Городской муниципалитет всегда находил самое неудобное время для начала залатывания прорех в облике города.

Джил съехала на шоссе, которое шло мимо новых кварталов. Она сосредоточено смотрела на дорогу, когда, проезжая мимо заросших пустырей, поняла, что ей знакомы эти места. Ровно через один поворот должен бы быть подъем наверх, на холм, а за ним располагались старые посадки и такая же старая церковь.

Когда машина взобралась на вершину пологого холма, Джил повертела головой, оглядываясь вокруг. На месте зарослей стояла техника, и рабочие сновали туда-сюда, как муравьи. Джил подъехала ближе и вышла из машины. Она заметила стоящих неподалеку от дороги мужчин в касках, похожих на начальников бригады, и подошла к ним.

— Прости, Вы не знаете — тут раньше находилась церковь? — Джил прикинулась любопытствующей особой, которая лезет везде и всюду с вопросами.

Один из мужчин пожал плечами:

— Насколько я знаю, церкви тут не было. Точнее были развалины церкви, а сама она перестала работать сорок лет назад. Моя мать тогда ещё колледж заканчивала.

— Мне говорили, что тут служил очень известный проповедник, — действительно растерявшись, продолжала играть свою роль Джил.

— Не знаю, я не слышал о таком. Последний священник как раз умер сорок лет назад, и после его смерти церковь закрыли, — казалась, что она слегка раздражает рабочего своими расспросами.

Джил поблагодарила его и вернулась в машину. Не могла же она бредить наяву и принять старые развалины за настоящую церковь? Она поехала дальше и постаралась в деталях вспомнить тот день. Чем больше она думала и вспоминала, тем больше убеждалась в том, что стрелка, отмечающая уровень необъяснимого в её жизни, покачивается у отметки “Перебор”. Иначе как можно было объяснить то, что тот странный священник говорил так, словно хорошо знал Джил?

Когда она наконец добралась домой, потратив на дорогу вдвое больше времени и ругая на чем свет стоит городских чиновников, занявшихся ремонтом дороги, Джил не стала тратить время на приготовление ужина. В холодильнике оставался кусок копченной курицы, всё остальное или просилось в мусорное ведро, или требовало готовки. Джил достала ещё свежий французский багет, мысленно напоминая себе разобрать холодильник и купить продуктов, сгребла курицу на тарелку и направилась напрямик к ноутбуку.

Отыскать в интернете биографию такого известного человека, как прокурор Стоун, было не так уж сложно. Джил сосредоточенно изучала длинные статьи, рассказывающие о карьере Стоуна. Казалось, что это была странная сказка, рассказывающая о Люциане Стоуне,

человеке, который шел вперед, и чья жизнь была невероятна тем, какое сказочное везенье сопровождало ему. Все статьи, рассказывающие о нём, сходились в одном — он был воплощением незаурядного ума и справедливости, которую до сих пор не омрачило ни одно грязное пятно скандалов.

Джил продолжала перелистывать разные страницы, машинально жуя курицу. Наконец, убедившись в том, что ничего даже отдаленно похожего на название её родного города не встретилось, она облизнула испачканные пальцы и потянулась за новым куском багета. Открыла другую станицу.

Наконец, через полчаса ей улыбнулась удача. В статье, посвященной каким-то политическим дебатам, Джил наткнулась на знакомые фамилии. Мэр её города, господин Петр. Молодой правозащитник Стоун. Адвокат Адам. Джил оживилась, подозревая, что это даст ей какую-то ниточку. И она не ошиблась, когда дальше прочитала о том, что мэр Петр поддерживал молодого гособвинителя и крайне положительно отзывался о нём.

Что-то знакомое вертелось в голове при упоминании мэра, настолько знакомое, что Джил была уверена — это похоже на потерянную вещь. Которую ищут по всему дому, а она лежит себе преспокойно прямо перед носом, на видном месте. Джил поднялась, разминая затекшие ноги, и направилась к холодильнику, автоматически протягивая руку к бутылке с соком. Обнаружив что она пуста, Джил побрела к чайнику, решив, что горячий чай будет гораздо лучше холодного сока. Пока чайник медленно начинал разогреваться, она поплотнее зашторила окно. На улице было уже темно, летние ночи становились всё длиннее, предвещая близость грядущей осени. Джил посмотрела на окно. Темнота за ним что-то задевала, связанное с мэром, но вот что их связывало — понять этого Джил никак не могла.

Чайник согрелся, и она налила себе кружку черного чая, ощущая, как приятное тепло пробегает по телу, словно растекается вместе с кровью. Затем вернулась к ноутбуку и вышла на сайт города.

— Главное, что это не коснется Джил. Вряд ли можно надеяться, что ему хоть как-то смягчат приговор. Мэр постарается, как-никак это же был его племянник.

Чашка чуть не выпала из её рук, когда она подпрыгнула от неожиданности, вспомнив слова отца. Она услышала их ненароком, когда родители обсуждали — что теперь ждет Райза. Джил коряво набрала в поиске имя мэра, ошибаясь на каждой второй букве в спешке. Ага, так оно и было. Вот почему темнота и мэр как-то перекликались между собой.

Она отставила в сторону чашку с чаем и поняла, что всё это все равно не объясняет — причем тут был Стоун. Хотя, где-то на границе её, начинающего закипать от всего прочитанного, мозга маячило очень смутное объяснение, но рассмотреть его Джил была не готова.

Поглядев на часы и подумав, что уже поздно, но всё же не настолько, Джил нашла телефон, который валялся на столе между вазой с яблоками и вазой с сухими цветами. Помедлив, набрала номер отца. Он ответил почти сразу.

— Прости, что так поздно, — торопливо начала Джил, расслышав на заднем плане женский голос и невольно улыбаясь во весь рот, — я просто хотела узнать у тебя одну вещь.

Отец явно вышел куда-то и закрыл за собой дверь. Надо сказать, скрип был невероятным, а значит — он был не дома. Дома все двери открывались и закрывались бесшумно.

— У тебя всё хорошо? — Обеспокоенно спросил он.

— Да, всё отлично. Ты прости, что потревожила звонком. Послушай, папа, я хотела

спросить, ты помнишь — был ли у нас в городе государственный обвинитель Стоун? — Джил мысленно закатила глаза, понимая, что вопрос, конечно, звучит по-идиотски, и явно ради этого не стоило звонить почти в одиннадцать ночи.

— Знакомая фамилия, — раздумывая, произнёс отец, а затем его тон изменился. Джил пока не могла понять — в как и в какую сторону. — Да, был.

— Когда я была в старшей школе? — Продолжала допытываться она.

— Да, — отец, судя по всему, явно испытывал нежелание отвечать, — ты тогда уже окончила школу, когда всё это случилось.

Джил затаила дыхание.

— Адам защищал твоего друга. А прокурор Стоун добился для него максимального наказания. Потом он перебрался на должность повыше.

Джил зажала себе рот, боясь вымолвить хоть слово.

— Стоун? — Наконец смогла она переспросить, словно внезапно поглупела настолько, что в голове у неё не складывалось услышанное.

— Да, — отец говорил очень сдержанно и неохотно.

— И ты знал, что теперь я на него работаю? — Ужасаясь такому повороту событий, спросила его Джил.

— Я думал, что ты знаешь, — возразил отец.

Джил отключилась. Положила телефон как можно дальше, словно он был каким-то ядовитым животным. Положительно, она не могла собрать мысли воедино, а те словно взбесились и метались по её голове так, что она почти ощущала боль в висках. Как-то всё это начинало переходить в сплошное безумие. Но, с другой стороны Джил была сама виновата — за столько лет она ни разу не заставила себя узнать больше о процессе, боясь, что это будет слишком тяжело для неё.

Сейчас у неё есть два варианта в этой ситуации — если она считает, что Райза осудили несправедливо, ей надо уйти от Стоуна. А если же она хочет продолжать строить карьеру, не взирая ни на что, тогда об этом надо забыть, словно ничего и не было. Но, конечно же, она не сможет так поступить.

Джил поставила на стол кружку с чаем, испытывая потребность в чем-то, гораздо крепче. Вытащила из дальнего угла шкафа ещё закрытую бутылку вина и побрела в спальню, держа одной рукой бутылку, а другой — голову, словно она тоже могла в любой момент взять и разбиться, как стеклянная бутылка.

Ночь выдалась бессонной, и наутро Джил выглядела хмуро, помято и похмельно. Полный набор всех прелестей. В зеркало она даже не рисковала заглядывать, расчесав волосы и надеясь, что не похожа на пугало для птиц.

Единственное, к чему она пришла за ночь, полную мыслей, вина и рассуждений, так это то, что больше она не может работать на Стоуна. Джил объяснит ему свой уход необходимостью находиться с семьей, что было не настолько уж далеко от правды. Так будет честно и правильно, даже если при этом она потеряет выгодное место. Всё же она работает там. Где должна править справедливость, а какой из неё слугитель закона, если она сама не будет поступать по совести?

С самым решительным настроением она сообщила Стоуну о том, что ей придется его покинуть. Он поднял на неё глаза, и Джил ощутила себя так, словно он видел её насквозь и знал, что она явно что-то недоговаривает.

— Я понимаю Вас, — произнёс он совершенно не то, что она ожидала услышать, — но

я могу попросить Вас уйти от меня после приема? Мне хотелось бы, чтобы Вы поехали со мной. А потом я отпущу Вас, хотя мне и не хочется расставаться с таким замечательным работником.

Джил прогнала остатки вина из головы, соображая, что прием был уже послезавтра. А значит, от неё ничего сверхъестественного не просят.

Следующие несколько часов Джил провела в магазинах, тихо зверея от примерок. Она поняла, что её выводит из себя одно только осознание того, что ей придется перемерять уйму вещей, почти каждая из которой окажется неподходящей. Жмет. Мало. Не тот цвет. Велико. Слишком открыто. Слишком чопорно. Слишком легкомысленно.

Выходя из последнего магазина с платьем. Выдержавшим все требования, Джил чувствовала себя так, словно побывала на поле битвы или её потрепал ураган. Никогда больше и ни за что она не пойдет в здравом уме и по собственной воле на такой кошмар. Да ещё и выложит кругленькую сумму впридачу.

Её страдания окупились с лихвой, когда она оглядела себя ещё раз в зеркале дома, ещё раз примерив купленное платье. Ради этого можно было и пострадать — призналась себе Джил, разглядывая себя с чувством полного удовлетворения. Не бог весть какая красавица, но сейчас она выглядела очень даже ничего. Платье было насыщенного цвета, переливающегося от синевы до почти что фиолетового. В нём она не бросалась в глаза, а выглядела мило и достойно, не привлекая внимания, но и не серо и невзрачно.

Джил повернулась вокруг себя, наблюдая за тем, как длинный подол платья взметывается, меняя цвет. Сейчас ей не было жалко потраченных денег, одно лишь её отражение уже стоило того, чтобы окупить их с лихвой. Она уже так давно не ощущала себя чем-то вроде принцессы, а сейчас готова была улыбаться и радоваться собственному отражению, говорящему, что она выглядит на все сто.

Несмотря на то, что было семь часов вечера, казалось, что по-прежнему светло, как днём. Эту иллюзию создавали многочисленные гирлянды и невообразимое количество ламп и светильников. И без того светлое убранство виллы, на которой проходил прием, выглядело так, будто сияло изнутри. Не менее ярко были одеты и люди, приглашенные сегодня, которые прогуливались между подстриженных газонов. Темная ткань костюмов отражала свет, а гарнитуры на женщинах блестели, как искры, просто ослепляя своим сиянием.

Аллеи расходились веером от дома, оббегая небольшие фонтаны, украшенные статуями, превосходными копиями античных подлинников. Поодаль дома блестела стеклянная галерея розария, и запах цветов разносился в воздухе, насыщая его зовущим и волнующим ароматом.

Джил шла по выложенной декоративными плитками дорожке, придерживая подол платья. Вторая её рука покоилась на предплечье Стоуна, казавшегося в своем темном костюме настолько высоким и красивым, что глаза начинали болеть. Джил ощущала себя Золушкой, которая заглядывает на чужой бал, но при этом понимает, что опостылевшая кухня полная работы и золы, выглядит гораздо приветливей и теплее, чем дышащее холодным равнодушием веселье именитых лиц. Она начинала нервничать, понимая, что это глупо, но не в силах успокоиться. Джил говорила себе, что постарается быть незаметной и ничем не отличаться от стен и мебели, пробыв ровно столько, сколько этого требует приличие, а затем она вернется домой. Ну, а потом она будет заканчивать свои дела в городе, и вернется к отцу. Домой, в свой настоящий дом.

Из открытых дверей доносилась музыка вперемешку с голосами, и Джил постаралась принять уверенный и спокойный вид. Они со Стоуном вошли в полный людей, просторный

дом, кажущийся сплошной драгоценностью. Он был заполнен старинными картинами, дышащими временем и подлинностью, статуями и массой других вещей, которые мечтали бы иметь в своих коллекциях музеи. Запретив себе отвлекаться и оглядываться по сторонам как маленькой, Джил нацепила самую безупречную улыбку и поняла, что теперь придется пережить ряд знакомств с нужными Стоуну людьми.

Первым к ним подошел невероятно напыщенный, толстый мужчина в очках с золотой оправе. Он обладал абсолютно немужскими манерами и говорил так жеманно, что Джил мигом заподозрила, что он является не только членом городского муниципалитета, но ещё и явным поклонником исключительно мужского общества. Да и по его восхищенному разглядыванию Стоуна это было более, чем очевидно. Джил мысленно скривилась. Если все присутствующие здесь обладают таким же ассортиментом пороков, то Стоун зря уговорил её сопровождать его. Не то, чтобы Джил была ханжой, просто ей было некомфортно здесь.

За первой ласточкой последовали другие, и она уже сбилась со счета — скольким она улыбалась. С кем здоровалась. Стоун словно догадался, что Джил устала, и провел её к банкеткам у окон, на которых пока никого не было, а, значит, и не было угрозы опять с кем-то разговаривать.

— Мне придется оставить Вас на несколько минут и поговорить с мэром. Вы выглядите очаровательно, — он улыбнулся ей, и Джил подумала, что ей будет не хватать его здравомыслия и понимания, — простите, вынудил Вас терпеть их всех.

Стоун кивнул назад, на многочисленных гостей, и Джил внезапно догадалась, что он презирает их. Настолько, что позволяет им считать, будто нуждается в них. Люциан Стоун не нуждался ни в ком, более того, это они как-то неожиданно выглядели зависимыми от него.

Он уже собирался оставить её, но Джил положила руку на его плечо, удерживая.

— Почему Вы предложили мне работать с Вами? — Спросила она его прямо. Светлые глаза прокурора повернулись к ней, и в них она увидела чистоту и разум, не замутненные ничем, словно она смотрела в ясное горное озеро. Они отражали такую мудрость, что Джил верила ему, верила, что он поступает так, как нужно, даже если его решения кажутся подчас неправильными. Но при этом, она видела тонкую трещину, которая нарушала эту красоту, и не могла понять — почему при всем его великолепии и совершенстве, эта тонкая трещина невообразимо уродует его.

— Я понял, что мы с Вами похожи, и решил, что вместе мы можем сделать многое — произнёс Стоун, и Джил слышала в его голосе правду, что они действительно имеют так много общего, что это связывает их чем-то крепким, сильнее, чем обычные отношения. Он был мудр, а она всегда хотела знаний. Он был бесстрастен, а она стремилась уничтожить в себе всё, что делало её мятущимся человеком. Он был понимающим и зовущим, а она искала того, кто её позовёт. Прекрасный холод, проникающий внутрь, отрывающий от земли и позволяющий быть выше всех тех, кто сейчас окружал их, выше считающих себя хозяевами жизни и благ; холод, который остужал боль, эмоции и давал блаженное состояние вечности и гордого превосходства.

Он уже ушёл к мэру и окружающим его собеседникам, а Джил всё ещё продолжала ощущать себя так, словно то, что окружало Стоуна, величественный океан холода, разума и силы, смывало все её тревоги и сомнения, позволяя быть свободной от всего.

Джил наконец пришла в себя и рассеяно оглянулась. Вернув себе возможность думать, она вдруг поняла, что её глаза, похоже, играют с ней в игры. В противоположном углу

большой гостиной стоял тот самый странный директор Хрустального Моста, обладатель гипнотизирующего голоса и невероятной прически. Она моргнула, сообразив, что разглядывает его в упор. Если раньше его волосы были просто белые, как снег, то сейчас они перемежались несколькими темными прядями волос. Однозначно, этот парень состоял в каком-то сообществе неформалов.

Он разговаривал с другим мужчиной, который был не настолько вопиюще экстравагантен, как блондин. Мало того, что блондин имел такую прическу, так он был ещё и на пол-головы выше всех в комнате. А вот его собеседник был просто высокого роста, худощавый и не похожий на светловолосую силу-и-мощь в одном флаконе. Несмотря на то, что он был меньше блондина, Джил могла с уверенностью сказать, что он настолько же опасен, как и блондин. Если тот выглядел как скала, то этот был клубком мускулов и ловкости. Всё это скользило в его самых простых движениях, предупреждая, что лучше держаться подальше.

Джил срочно перевела взгляд в сторону, начав рассматривать картину на стене, когда он повернул голову и почти встретился с ней взглядом на какую-то долю секунды. У мужчины были темные волосы почти до плеч, которые переливались в свете ламп. Джил смотрела на картину, на которой стоя гончих бежала за зайцем, и размышляла над тем, что именно его она видела на процессе, проходившем над тем козлом-женоубийцей. Конечно, ей могло и показаться, но не в этот раз. Уж больно хорошо она помнила его.

И вот прямо сейчас он смотрел на неё. Поразительно, но мир действительно был слишком тесен.

Глава 25

Гай испытывал смешанное чувство раздражения и беспокойства. Несмотря на то, что всё было почти таким как прежде, он знал, что это — обманчивая видимость. Особняк затих, словно внезапно всё в нём погрузилось в тишину. И она смотрела на Гая отовсюду.

Пару раз он поднимался вверх, чтобы остановиться возле двери комнаты, за которой медленно приходил в себя Шолто. Он стоял, не решаясь войти, а затем разворачивался и уходил. Аноэль неожиданно удивил Гая, тем, что проводил почти всё время с Шолто, который на удивление медленно и сложно восстанавливался. Гай мог ожидать от кого угодно, но только не от Аноэля, в голове которого всегда шумел ветер.

Кстати, Гай так до сих пор и не выяснил — что произошло в тот вечер, и кто напал на них. Но сейчас это не казалось таким уж важным. Гая не прекращала мучить вина за сказанное им Шолто. Оказывается, что он даже не подозревал, насколько их сотрудничество было почти на грани чего-то, похожего на дружбу. Он знал, что Шолто почти единственный, кто всегда поддерживал его и на кого он мог бы положиться без сомнений.

Он никогда бы не осознал этого, если бы в его жизнь не вторглась Кэйлаш, разрушая и переворачивая всё до основания. Вспоминая о ней, Гай невольно понимал, что губы складываются в неловкое подобие улыбки. И, несмотря на то, что у него не было ни секунды на отдых, столько дел внезапно свалилось на него, Гай мысленно возвращался к ней почти постоянно. Думать о ней было легко, словно она медленно, но верно становилась чем-то необходимым для него, привнося дуновение перемен. Потому, что эгоистичный и никогда не задумывающийся дважды над принятым решением, Гай внезапно стал видеть свои действия совершенно в другом свете, обнаружив — как много в них подчас было неправильного и

неверного.

Гай вернулся днем из офиса, думая о том, что Господин Хедрунг до сих пор не призвал его и не захотел поговорить о делах. Такое было весьма странным, ведь раньше он встречался с Гаем почти каждую неделю, контролируя все дела Хрустального Моста. Сам же Гай не хотел проявлять инициативу, напомнив о себе, боясь, что его могут спросить о том, где он отсутствовал столько времени. Господин Хедрунг не контролировал каждый его шаг, но подчас Гай думал, что он слишком строг и требователен с ним.

Он добрался до библиотеки, рассчитывая ещё немного посидеть в тишине, прежде чем пойдет отдыхать. Сегодня библиотека была ярко освещена, и это его удивило, когда он подошел ближе и заметил яркий свет из приоткрытой двери.

Господин Хедрунг стоял возле одного из массивных шкафов из красного дерева, держа в руках открытую книгу и пробегая взглядом страницы. Гая почтительно остановился неподалеку от него, ожидая, что тот заговорит.

— Троя была такой могущественной. Но погибла из-за одной лишь женщины и излишней доверчивости троянцев, — Господин Хедрунг покачал головой, закрывая книгу и постукивая пальцами по твердому переплету.

— Это всего лишь легенда, — вежливо отозвался Гай.

— Ты ошибаешься, — Господин Хедрунг задумчиво посмотрел на книгу, — многие герои погибали лишь по тому, что доверялись не тому или не тем. Самый главный предатель — то, что люди называют сердцем. Оно заставляет видеть мир вокруг иначе, дарит пару мгновений, а затем заставляет платить цену, вдвое больше, чем полученное.

Гай молчал, сохраняя бесстрастное выражение, но при этом ощущал себя немного растерянно. Что имел в виду Господин Хедрунг, говоря о мире вокруг?

— На то они и люди, — голос Гая был таким же, как и всегда — спокойным и холодным. Господин Хедрунг покачал головой:

— Все в этом и других мирах склонны падать под влиянием сердца. Эмоций. Инстинктов. Они требуют поступков, порой противоположных нам. И даже боги подчас идут у них на поводу.

Гай не произносил ни слова, пытаясь понять — что хочет сказать ему, таким образом, Господин Хедрунг. А тот прошел вдоль шкафа, касаясь книг.

— Мифы. Легенды. Сказания. О чем они, Гай? Да всё о том же. Один раз пойдя на поводу у сердца, ты обречен. А главное — ты никогда не знаешь, чем придется пожертвовать взамен. Возможно, что минута окрашенного чувствами мира заставит тебя испытать смерть, боль. И ты упадешь так низко, что сломаешь крылья.

Гай начинал понимать, что его подозрения лишь крепнут с каждым словом Господина Хедрунга. И когда тот, наконец, повернулся к нему, Гай понял, что был прав.

— Ты чувствуешь — как прекрасен мир? Как много в нём цвета, жизни и какие чувства он дарит теперь тебе?

— Я не понимаю Вас, — голос Гай мог заморозить всё живое, но Господин Хедрунг нахмурился, не поверив ему:

— Ты никогда не лгал раньше, а сейчас готов лгать прямо мне в лицо?

Гай опустил глаза, не желая смотреть на него и позволять убедиться в своей лжи.

— Она заставляет тебя идти на поводу у того, что никогда не было тебе свойственно. Ты всегда был мудрым и хладнокровным. А теперь ты смотришь на всё так, как заставляет тебя видеть мир она, — голос Господина Хедрунга окружал Гая, сгущаясь и превращаясь в

несущие угрозу и предостережение тучи. Он всё знал, и Гай боялся даже предположить — как давно он обо всём знал.

— Ты должен был никогда не идти за ней. Даже из желания проучить её. Ты должен был оставить её и держаться как можно дальше, в ту минуту, когда ты решил оставить всё и пойти за ней, ты погиб!

— Она не виновата, — внезапно подумав, что ей может угрожать что-то из него, сказал Гай. Лицо Господина Хедрунга исказилось от гнева, и он ударил кулаком по воздуху. Сила, расходящаяся от него волнами, заставила Гая пошатнуться и ощутить, как воздух торопится покинуть его легкие.

— Дело не в ней! Дело в тебе! — этот голос гремел повсюду, раздаваясь со всех сторон, окружая Гая и сбивая с ног, — Если ты продолжишь и не остановишься сейчас, ты погибнешь. И тогда никто, даже я, не сможет тебя спасти.

Темная одежда Господина Хедрунга дрожала, словно вокруг него шумел вихрь. Гай поднял голову, борясь с окружающей его плотной и наступающей со всех сторон силой. Стены библиотеки вокруг них исчезли, и Гай видел, что они вдвоем стоят на уступе скалы, выдающимся над холодным северным морем. Серые, тяжелые волны гулко бились о каменную преграду, и их соленые брызги долетали до него, оставаясь на одежде темными следами. Небо казалось настолько низким, что свинцовые тучи, плотно застилающие его, лежали почти в волнах. На скале не росло ничего, даже упрямая трава, способная пробиваться сквозь неприветливые камни, здесь не дрожала на ветру. Господин Хедрунг стоял почти на границе, где заканчивалась скала, и начинался обрыв вниз, в бушующее море. И он казался почти частью этого холодного места, словно он брал силы из волнующейся мощи воды, из закаленного тысячелетним противостоянием ей камня, и из неба, спокойно наблюдавшего на их борьбу веками.

— Всё, что я помню о себе — это мир, лишенный того, что делало бы его хоть немного ценным. Я только и делаю, что убиваю и приобретаю власть, деньги и готовых работать на Вас людей, — прокричал Гай, сквозь порывы ветра, бьющего прямо в лицо. Негодующая вокруг него буря продолжала сковывать движения, но Гай продолжал, — всё, что я о себе знаю — это то, что я служу вам. Я могу быть лучшим, но в чём смысл, если всё вокруг всегда стерто в безличное и бесстрастное движение вперед? Знаете, если даже цена за то, что я смогу пожить хоть пару дней ощущая то, что чувствуют каждый день люди, не имеющие ни магии, ни ума, будет высокой, я готов платить.

— Они не чувствуют этого, им нет дела до того, чем они обладают, — Господин Хедрунг внезапно словно постарел, и Гай видел сквозь сеть дождя в его глазах то, что было почти похоже на сожаление, — Гай, для них мир — это бег в никуда за властью и удовольствиями.

— Мне всё равно, — Гай внезапно ощутил, как буря вокруг него стихает, а невидимая сила словно отступает, — Мне нет дела до них, до кого-либо ещё. Я хочу жить в мире, где есть чувства, и я готов платить за это.

— Я создал Хрустальный Мост для тебя и Аноэля, чтобы вы могли применять свои таланты и умения в мире людей. Вам принадлежит власть над теми, кто приходит заключать сделки и просить помощи. Вам мог бы принадлежать этот мир вместе со всеми людьми. Зачем же ты отвергаешь всё, что я пытался дать тебе, ради короткого мгновения, которое затем обернется долгим временем расплаты? Или ты думаешь, что я не знаю то, о чем пытаюсь тебя предупредить и от чего хочу удержать?

Вместо Господина Хедрунга на Гая смотрел тысячелетний старец, и в его глазах застыла такая скорбь, словно уже оплакивал его. Гай не мог видеть этого взгляда, ощущая, как начинает на мгновение колебаться. Он не боялся никогда ничего, и сейчас не собирался отступить лишь потому, что ему предстояло чем-то заплатить.

— Я не откажусь от своего решения, — произнёс он, разрываясь между привязанностью к Господину Хедрунгу и своим выбором.

— Пусть будет по-твоему, — голос Господина Хедрунга словно растворялся в шуме волн.

Внезапно всё исчезло. Гай по-прежнему был в библиотеке, и вокруг него царила тишина, отражаемая от тысяч книг, прятавших внутри себя свои истории. Господин Хедрунг исчез, словно оставшись возле моря под холодным дождем и порывами ветра...

Сейчас Гай стоял в доме, полном людей и нелюдей, но все они были явно настроены развлекаться и ощущали себя легко и комфортно. Он был вынужден тратить здесь впустую время, только потому, что являлся одним из директоров Моста, чьей поддержкой обладала треть из присутствующих. Аноэль же явно был как рыба в воде и планировал провести вечер, отдыхая на полную катушку. Они стояли вдвоем в углу комнаты, а в воздухе повис гул, смешивающий музыку и громкие голоса.

Несмотря на то, что Шолто собирался покинуть особняк и вернуться к дяде, Аноэль не выглядел осуждающе, и за это Гай был ему благодарен. Сам он разрывался между двумя эмоциями — одна говорила, что ему будет не хватать Шолто, а другая требовала идти дальше, убеждая, что это закономерный рубеж. Они — больше не хозяин и работник. А значит, как прежде уже ничего не будет.

— Как думаешь, может быть вероятность того, что мы с тобой какие-то дальние родственники? — Спросил Гай Аноэля. После разговора с Господином Хедрунгом он внезапно задумался о том, почему тот так заботится о них. Так что, подобная безумная идея вполне могла иметь право на существование.

— Да ни за что! — Казалось, что Аноэль был потрясен, — я бы повесился, окажись, что ты — мой родственник.

— Неужели всё так плохо? — хмыкнул Гай, пробуя шампанское, пенившееся в изящном бокале.

— Хмурый, эгоистичный, и потенциально невменяемый... Хорош родственничек, — закатил глаза Аноэль. Гай не стал говорить о том, что недалёковидный авантюрист, приносящий лишь разрушения и испытывающий тягу к бойне и приключениям — тоже далеко не то, что хотелось бы назвать родней.

— Интересно, догадываются ли люди о том, как много разных существ ходит рядом с ними, — задумчиво поинтересовался Аноэль, провожая взглядом сухопарую старую даму в меховой накидке. Она повернулась, разговаривая с моложавым мужчиной, сопровождавшим даму, и Гай увидел её глаза, полные черноты. Это тело было лишь видимостью человека. Он уже заметил ещё нескольких таких духов, пару полудемонов, несколько эльфов. Рядом с пожилой женщиной в дорогом костюме стоял, выглядевший как человек, гоблин. Гай видел, как его клыки поблескивают, когда он улыбается своей спутнице. Ведьма с вечерним макияжем, скрывавшим её кошачьи черты, кокетничала с двумя мужчинами. Судя по всему, люди не видели их, но даже если что-то и подозревали, то не считали это чем-то необычным. Они даже не задумывались, что среди них в большинстве ходят лишь те, кого нельзя счесть милым и добрым.

Кроме тех, кого Гай уже увидел, он так же ощущал неуловимое, но могущественное присутствие чего-то, настолько же мрачного, как и те, кто веселились посреди людей. Гай подумал, что и он сам, одетый в дорогой смокинг, ходящий рядом с людьми, сам далеко не то, что можно было назвать милым и добрым.

Он повернулся к Аноэлю, который явно собирался потихоньку бросить его и примкнуть к какой-нибудь оживленной компании.

— Я не держу тебя, — сообщил ему Гай, — так что, можешь не изнывать от скуки, чтобы потом жаловаться, что я мешал тебе развлекаться.

Аноэль словно только и ждал этого. Поправив воротник рубашки, он довольно улыbnулся и направился в толпу.

Гай оглянулся на окна, но за ними было слишком светло от сумасшедшей иллюминации. А потом вдруг Гай понял, что вокруг больше нет никого — ни музыки, ни людей, ни нелюдей. Потому, что на небольшой банкетке у стены между окнами сидела Кэйлаш. И она была просто невероятно красивой с просто убранными в хвост волосами и в платье, переливавшемся как свет вечернего неба. Гай застыл истуканом, наблюдая как она поворачивает голову к картине, чтобы рассмотреть её. Это было просто невероятно — встретить её здесь, в толпе, где каждый второй мог легко уничтожить хрупкую человеческую жизнь. Инстинкт, с которым он никак не мог справиться, требовал подойти и быть как можно ближе, чтобы никто не посмел причинить ей вред.

Скорее всего, Кэйлаш была здесь с прокурором, сопровождая его на этот прием. Мысли Гай неожиданно приняли нехорошую окраску, нашептывая ему, что прокурору совершенно нечего делать рядом с ней. Гаю хотелось подойти к Кэйлаш, но ноги почему-то приклеились к узорному паркету, и одна мысль о том, что он заговорит с ней, приводила его в замешательство. Такое с ним было впервые, и он, положительно, не знал — что делать.

Но, видя — сколько вокруг мужчин разного возраста и из разных миров, инстинкт, всё время бдительно оглядывавший пространство вокруг Кэйлаш, вынудил его сдвинуться с места. Слишком много угрозы вокруг — говорил Гай себе, пока преодолевал пространство между ними. А точнее — слишком много других, кто может позволить себе подойти к женщине, которая была важна для него. Он заставил когти, рвущиеся наружу сквозь кожу, оставаться на месте. Это было что-то новое, в равной мере восхитительное и пугающее.

Джил уже целых пять минут смотрела на картину с гончими, испытывая растерянность. Она была почти уверена, что темноволосый мужчина мог её узнать, а потому надеялась, что не слишком-то отличается от стены. С той разницей, что на ней было темное платье, а стена была светлой. Просто замечательная маскировка, всё равно, что натянуть на себя красное банное полотенце и выскочить в стадо быков, авось примут за своего.

— Этой картине почти три века, — произнёс спокойный, глуховатый голос почти над её головой, и Джил вздрогнула. Он стоял рядом с ней, и она могла даже разглядеть его во всех деталях, если бы решилась отвернуться от картины и повернуться к нему.

— Она прекрасна, — вежливо отозвалась Джил, не зная — что сказать, чтобы не показаться неучтивой.

— Живыми они выглядели бы гораздо красивее, — возразил он, и Джил обернулась, удивленная таким ответом. Он звучал так, как думала она, увидев впервые этих животных, застывших в движении вперед. Тем временем, её собеседник сделал знак проходящему мимо с бокалами шампанского официанту, и тот приблизился. Джил взяла бокал, ощущая, как на лице приклеилась фальшивая улыбка. Ей было бы гораздо комфортнее, будь рядом с ней

Стоун. С каких-то пор она стала доверять Люциану, словно тот был её лучшим другом или тем, кому она доверяла.

— Вам ведь совсем не хочется быть здесь, и Вам тут неуютно, — произнёс мужчина, продолжая смотреть на застывших в вечном беге изящных собак.

— Я просто не люблю шум, — Джил не нравилось, что он почти читает её собственные мысли.

— Мы не знакомы, — её собеседник наконец перевел взгляд на неё, И Джил, вынужденная так же посмотреть на него, подумала, что у него странный взгляд, полный спокойствия и холода, — Гай.

— Джил. Джил Кэйлаш, — она вспомнила, как мать учила её в детстве всегда оставаться леди, даже если собеседник тебе неприятен.

— Рад знакомству, Джил, — с его стороны это было слишком вольно — обратиться к ней по имени. Но при этом, Джил внезапно подумала, что оно звучит совершенно по-другому когда он произнёс его, словно это было новое для него слово, вслушиваясь в каждый его звук.

А затем он поинтересовался, — Если я предложу Вам пройтись, Вы же не сочтете это за дерзость?

Судя по всему, Стоун покинул её гораздо на большее время, чем несколько минут, и Джил внезапно решила, что раз уж золушка попала на бал, то должна как следует провести время, а не хмуриться в углу, считая минуты до возвращения домой. Надо заботиться о себе, а не тратить время попусту. Она поднялась с банкетки, возвращая бокал на поднос очередного официанта, подошедшего к ним.

— Не сочту, — Джил вежливо улыбнулась в холодные глаза, которых не касалось то, что произносил их хозяин. Гай пропустил её вперед и последовал за нею, направляющейся к открытым в сад дверям.

Небо уже почти потемнело, а над особняком разливался свет, почти разгонявший сумерки. Небольшой ветер, поднявшийся еще раньше, касался плеч Джил, заставляя зябко поежиться. Хорошо, что она додумалась прихватить с собой темный палантин из мягкой теплой ткани, подходивший к платью и согревающий в ночную пору.

— Ваша фамилия переводится как “кристальная”, — удивительно, что он разбирался в тонкостях восточного языка, которому Джил была обязана такой необычной фамилией. В её семье была намешана разная кровь, но отец привнёс в семейную копилку еще и отзвуки далекой экзотической страны, где сказки и правда сплетались с нищетой и сокровищами в один тугой узел.

— Вы правы. Но у меня такое ощущение, что я уже где-то Вас видела, — Джил слишком поздно сообразила, что сказала не то, что следовало. А ведь она сделала всего-то два глотка шампанского. Мужчина улыбнулся:

— Да, я видел Вас на слушании в суде, несколько недель назад.

По крайней мере он не отрицал этого, а значит все домыслы Джил о том, что он был настроен неприязненно, рассыпались в прах. Глупая истеричка, надумывающая себе невесть что.

— Подсудимый, к сожалению, работал в нашей корпорации, и меня вызвали, как потенциального свидетеля.

Они прошли вдоль небольшого фонтана, выложенного голубой мозаикой, и свернули на дорожку, которая вела в крытому танцполу. Хозяева приема продумали абсолютно всё,

чтобы их гости не скучали. Несколько пар, очевидно, так же уставших от шума в доме, медленно двигались под ненавязчивую музыку. Джил уже рассчитывала обойти площадку, когда Гай повернулся к ней. О, нет, только не это.

— Могу я пригласить Вас?

Он улыбался ей так, словно знал, что она планирует отказаться. Но Джил неожиданно решила согласиться. Чтобы не быть предсказуемой.

Вообще-то, ей всегда нравились танцы. Другое дело, что она почти никогда не попадала на них, то из-за своей нелюбви к клубам, то из-за нехватки времени. Учеба сутки напролет, работа от звонка до звонка, выходные в полной сна прострации. Когда тут было танцевать?

Поэтому она, поднимаясь на танцпол, на секунду усомнилась в том, что сможет сделать хотя бы пару шагов. Огляделась, подмечая — как танцуют люди вокруг неё, и поняла, что тут явно не конкурс танца.

— Вы простите мне, если я окажусь плохим партнером? — Он протянул ей руку, — я никогда не танцевал раньше.

Ох, ну и отлично, она сможет наступать ему на ноги столько, сколько ей заблагорассудится, или просто топтаться на одном месте, изображая видимость танцев. Джил почти ухмыльнулась, радуясь такой перспективе.

У него были сильные, большие руки, которые сейчас держали её за талию. Гай мог спокойно обхватить её обеими ладонями, несмотря на то, что худенькой Джил не была никогда. Обычное спортивное телосложение, помноженное на невысокий рост. Она старалась, как ни в чём ни бывало, смотреть куда-то в сторону за его плечо, испытывая неловкость от того, что в противном случае будет вынуждена смотреть прямо ему в лицо.

— Вы хорошо танцуете, — заметил Гай.

— Поверьте, в последний раз я танцевала на выпускном балу в школе, — усмехнулась Джил его неосведомленности в том, что значит “хорошо танцевать”.

— Не так уж и давно, — он поддержал её шутливым тоном. Джил улыбнулась, соглашаясь. Совсем-то ничего, несколько лет назад.

— Вас не очень радуют воспоминания о выпускном, — этот мужчина был слишком внимателен к тому, что не нужно было замечать, — неужели такой важный день прошел настолько плохо?

— Да, — прямо ответила Джил, смотря на него в упор. Раз он лезет не в своё дело, то пусть будет готов к неприятному ответу. — Потому, что после него произошло несчастье с моим лучшим другом.

— Он погиб, — осторожно сказал Гай с полувопросительной интонацией.

— Да, — Джил и не скрывала звучащей в голосе почти грубости.

— Вы до сих пор не можете пережить и забыть эту трагедию потому, что она изменила всю вашу жизнь, — с каждой минутой он словно рассматривал её нутро под рентгеновскими лучами, но делал это как-то очень уважительно. Джил поняла, что в его голосе нет праздного любопытства, и неприязнь стала понемногу отступать.

— Я стала юристом потому, что хотела справедливости для таких, как он. Для тех, кто не может позволить себе роскошь быть невиновным в силу своей состоятельности или связей. А потом, оказалось, что этому миру не нужна справедливость, ему и так хорошо. Ну, а спасти всех невозможно. Иногда, даже тому, кому пытаешься помочь, уже слишком поздно помогать, — она неожиданно вспомнила ту женщину, с разбитой губой и старым синяком на лице, которая не хотела, чтобы её спасали. Ей было привычно жить так, как она жила.

Наверно, мрак в душе Джил поднял свою уродливую, скользкую голову как раз тогда, когда она впервые поняла, что её попытки изменить мир — жалкое трепыхание мухи в огромной паутине, которую не разорвать. Ту собаку оставили её любимой хозяйке, как и добивалась Джил, но мир, в котором жило животное, был разбит надвое тем, что её хозяева больше не вместе. И этого не изменить.

— Я думаю, что они никогда не уходят. Наши друзья, любимые, — неожиданно нарушил её мысли Гай, — они всегда находятся рядом, даже если их нельзя увидеть.

Джил удивленно посмотрела на него. Холодный и богатый человек, сгущающий на приеме, среди себе подобных. Оказывается, и он тоже знает цену потерям и утратам. Если бы она не смотрела прямо в его глаза, то подумала, что он просто произносит слова, полные пафоса и лицемерной веры. Но его холодные серые глаза, в которых была просто тишина и глубокое спокойствие, почему-то не похожие на обычные человеческие глаза, в которых подчас видно все мысли, а порой — и заднюю сторону черепа, не были неискренними. Удивительно, но при своей холодности, они говорили об участии. Он, что, испытывал участие к ней?

— Они всегда рядом. Наблюдают за каждым шагом, стараясь, как и прежде оставаться в нашей жизни, оберегая и пытаясь помочь. Но главное — мы причиняем им боль, когда считаем, что они нас бросили, а мы остались одни.

Джил находилась на танцполе, её тело двигалось, а разум взял и остановился, пораженный простотой и теплом этих слов. Если они были правдой, то тогда она никогда не была одинока. Никогда, в самый тяжелый момент жизни. И, если ей и казалось, что выхода нет, и она одна, то лишь потому, что она отказывалась представить, что вокруг неё всегда есть те, кто ушли, просто перешли в другой мир, невидимый глазу, но находящийся рядом. Они никогда не оставляли её, это она не хотела думать о них и считала себя одинокой.

Ох, она была верующей, но никогда, видимо, не понимала смысла того, во что официально верила.

Холодные глаза смотрели на неё с тем же участием, и Джил ощущала тепло. Такое же, какое приносил всегда Райз, находясь рядом с ней, и это было так прекрасно — наконец снова почувствовать себя будто ожившей, оттаявшей. Сильные ладони на талии напоминали о том, как когда-то давно другие сильные руки всегда помогали ей подняться, идти дальше и оставаться собой, не оглядываясь на других. Прошое, такое долгожданное, внезапно вернулось снова, смешиваясь с настоящим и вращая в него.

Кажется, она ничего не могла поделать, когда поняла, что на глазах выступили слезы. С одной стороны, ей было безразлично — что подумает о ней её спутник, но с другой, она смутилась и отвела, было, взгляд. Но Гай опустил голову, прижимаясь к её лбу и не давая ей разорвать некую нить между ними. Джил закрыла глаза, и слезы повисли на ресницах, выдавая её с поличным.

— Надо просто позволить им быть рядом потому, что это нужно и нам. И им, — прошептал он.

Она почти слышала, как бьется его сердце под дорогим смокингом. На секунду Джил подумала, что, несмотря на то, что они знают друг друга меньше часа, он кажется ей знакомым уже целую вечность. Как выглядел бы Райз, доживи он до этого дня? Был бы он похож на темноволосого Гая, чье худощавое лицо с выступающими скулами и разрезом глаз, напоминающим утонченный взгляд египетских фресок, начинало мерещиться ей повсюду.

Она всегда думала о Райзе, как о высоком подростке, которому не было важно то, что

его окружало, или то, что было на нём надето. Джил представляла, что он всегда останется неутомимым Райзом, который постоянно стремился открывать что-то новое и не стоять на месте. Путешественник, нарушающий все правила и презирующий общественное мнение. Она готова была бы идти вместе с ним в его странствии. Или же с надеждой ждать, когда он появится на пороге вместе с порывами ветра, возвращающего его к ней.

Гай же словно пришел откуда-то из пересечения прошлого, настоящего и будущего, зная и понимая её так, как возможно понимал бы её Райз, проживи они вместе до этого дня.

Наконец музыка прекратилась, и Джил отодвинулась от мужчины, испытывая некоторую неловкость за свои слезы.

— Простите, — она осторожно провела рукой по щекам, боясь, как бы кожа не покраснела от раздражения. Когда Джил плакала, её щеки неадекватно реагировали на слезы, словно те вызывали аллергию.

— Всё хорошо, — он стоял, ожидая, когда она соберется с мыслями, — это же я расстроил Вас своими словами.

— Честное слово, я на какой-то момент подумала, что или мы были знакомы, или Вы — отличный психолог, — попыталась свести разговор в более нейтральное русло Джил.

— Ваш спутник наверно уже ищет Вас, — Гай оглянулся на дом, светящийся как рождественская ель в сочельник.

— Да, я думаю. Не стоит заставлять его бросаться на мои поиски, — Джил ухватила за эту идею.

Они снова вернулись в дом, где по-прежнему кипело веселье. Стоуна нигде не было видно, и Джил заподозрила, что он смог добиться внимания нужных ему людей, и они заняты где-нибудь исключительно деловой беседой.

Гай больше не проронил ни слова, и Джил была ему благодарна. Ей было вовсе ни к чему привязываться к незнакомцу, чьи слова случайно нашли отклик в ней. Она оставила его возле дверей, где к нему подошел какой-то мужчина, и направилась в гостиную, решив подождать Стоуна ещё несколько минут, а затем вызвать машину и вернуться домой.

Возле входа в комнату стояли беседующие люди. Несколько женщин, одетых в платья, стоящие почти годовую зарплату Джил, смеялись словам пожилого господина, который явно приходился душой компании. Джил, осторожно придерживая платье, чтобы никто ненароком не наступил ей на подол, прошла мимо них, явно не собиравшихся потесниться, чтобы не мешать другим.

В этот момент прямо на неё вышла высокая женщина, высматривающая кого-то в толпе. Из-за столпившихся у входа она столкнулась с Джил, и Джил почувствовала, как что-то задело её, царапая кожу. Так обычно бывает, если задеваешь шитье золотом или стразы на ткани.

— Ох, простите меня! — Женщина обладала приятным голосом, который сейчас был полон извинения, — я такая неловкая!

— Пустяки, — Джил улыбнулась ей, мысленно восхищаясь золотым волосам, завитым в крупные локоны и достигающим почти до бедер женщине. Да и сама она была просто загляденьем, словно сошла с картинки журнала высокой моды. Они обе ещё раз неловко улыбнулись друг другу и разошлись, теряясь в толпе.

Стоун подошел к Джил почти через пару минут, и она могла сказать по его довольному выражению, что он получил всё, чего хотел.

— Мне пришлось быть на импровизированном совещании, которое устроил мэр, — он протянул Джил руку, чтобы она могла опереться на него, — Вы наверно уже хотите домой?

— Хочу, — призналась Джил.

— Тогда давайте сбежим отсюда, — он улыбнулся ей.

Глава 26–27

Глава 26

Шолто медленно подошел к окну, чувствуя, как каждая мышца в его теле протестует против движения. За окном темнело вечернее небо, но свет городских огней оставлял кусок, расположенного над зданиями, гораздо светлее, чем остальная его часть. Несмотря на то, что отравленная рана заживала медленно и плохо, словно тело отторгало все попытки восстановления, пока в нём оставалось хоть капля яда, Шолто чувствовал себя гораздо лучше. Если бы ещё так же было неплохо и морально, то тогда даже огромный рваный шрам, который теперь украшал его тело, не был бы поводом для грусти.

Но Шолто знал, что даже если раны на теле и заживают, то раны внутри, не зарастают так просто. Если они вообще могут когда-либо зажить.

Он смотрел на улицу, освещенную фонарями, а в голове снова и снова повторялись слова, которые бросил ему Гай, словно кто-то включил кнопку повтора и проматывал их бесконечно. Шолто сделал то, что мог для него, когда нёс тело Гая, из которого почти вытекла жизнь. Шолто был просто жалок, когда напился и решил найти Гая, хотя бы для того, чтобы убедиться, что с ним всё в порядке. Пьяный идиот, испытывающий беспокойство за того, кто убивал так же легко, как и дышал. Но в ту ночь его идея спасла Гаю жизнь.

Шолто понимал, что ещё пара минут — и на его руках так и останется холодная, безжизненная оболочка в виде трупа. Зелья, которыми славились Фомор, возможно и не шли ни в какое сравнение с ядом на оружии бронированных демонов, но всё же были так же опасны.

Дождь лил всё сильнее, когда машина, которую он угнал с той темной улицы на окраине, заглохла. До особняка оставалось ещё слишком далеко, чтобы позвать на помощь, и Шолто был в ярости и смятении. Это и помогало ему оставаться в своем облики альва. Затем он неожиданно вспомнил о странном ритуале, описание которого случайно прочитал в рукописи, почти стертой от времени. Она была написана так давно, что могла претендовать на то, что помнила еще времена Проклятого, попытавшегося захватить миры. Странные слова на древнем языке рассказывали о том, как соединить жизни двоих, чтобы один мог спасти другого. Связь между ними становилась кровной, и они могли всегда найти друг друга, как члены семьи.

Эти слова засели в памяти Шолто, словно ожидая своего часа, который сейчас и пробил. Дождь лил сплошной стеной, и Шолто вытащил тело Гая, опуская его прямо на залитый водою асфальт посреди дороги. Он плохо помнил то, что делал, пытаясь повторять всё в точности так. Как было написано в рукописи. Он был чем-то большим, чем тот Шолто, который всегда старался быть незаметным и неуязвимым для мира вокруг, словно его настоящие чувства и сила выливались наружу, не сдерживаемые больше ничем. Он обращался к Силе, что правила миром и знала — что лучше для каждого из них, он призывал четыре стороны света и силу, связывающую жизнь и смерть, прося позволить ему вернуть того, кто был в опасности. Шолто лишь на мгновение остановился, прежде чем распороть кожу руки шипами другого крыла, помня, что его кровь ядовита для всех. Но вид Гая, чье лицо было белым, как снег, заставил его отбросить сомнения. И когда ритуал был завершен,

а с его руки, которую он заставил стать обычной, человеческой, капала кровь, начинающая уже останавливаться, ему больше не оставалось ничего, кроме как сидеть подле неподвижного тела и ждать. Он укрывал крылом Гая от льющихся с неба потоков дождя и ждал.

Когда сердце Гая начало биться, Шолто сперва не понял — в чем дело. Казалось, что в его собственном теле забились два сердца. Но затем, с облегчением понял, что ему удалось задуманное. Стук второго сердца затих, но слабый пульс на шее Гая был ощутимым, и Шолто решил поспешить, чтобы передать его теперь целителям.

На самом деле он не хотел, чтобы тот очнулся и увидел его таким. Чудовищем.

Он долетел до особняка и, приняв обычный вид, донёс Гая до ворот, немедленно распахнувшихся перед ним.

Теперь их жизни были связаны так, что они считались братьями. Какая-то часть Шолто наконец-то смело считала Гая своим, частью своей жизни. Своей семьи, которой у него никогда не было.

Он сейчас охотно бы напился, если только мог. Но никто в здравом уме не принес бы ему не то что бутылку виски, но даже каплю его в стакане. Шолто столько лгал, что сделал это почти искусством. Искусством выдавать неправду за полуправду, а затем — превращать ту в истину.

Иногда казалось, что он настолько заврался даже самому себе, что потерял способность здраво оценивать истинное положение вещей. Хотя нет, он продолжал лгать, чтобы хоть как-то создать видимость прежней жизни и прежнего Шолто.

Когда Аноэль, оказавшийся первоклассной сиделкой и ненавязчивым собеседником, как бы невзначай поинтересовался — как у него дела, Шолто пустился в пространный бред о том, что ему не терпится вернуться к делам. Он даже немного болтал о Коллахте. Если Аноэль и понял, что Шолто бесстыдно врет, то не подал и виду.

На самом деле Шоло было нужно много, очень много виски, водки и петля. Будь он человеком, петля стала для него спасением, но, к сожалению, Шолто был бессмертен. А то, что неотступно следовало за ним, просто так и требовало, чтобы он разбил себе голову и избавился от своих мыслей.

Когда Гай выкрикнул ему в лицо то, что он проделал с его сознанием тот же трюк, которым славились все темные альвы, умеющие изворачивать разум жертвы так, что та сходила с ума от собственных страхов и тайных грехов, Шолто впал в ярость. Но он простил бы ему это, остынув позже, если бы не совершил величайшую ошибку, позволив себе проникнуть в мысли Гая.

То, что Шолто узнал, разрушало его.

Гай использовал на нём новоприобретенную возможность для того, чтобы оказаться ближе к женщине. Той самой женщине, ненависть к которой он никогда не скрывал, и о которой Шолто разузнавал как можно больше, считая, что Гай хочет разобраться с ней, так неприятно помешавшей его планам.

Но самое главное и непонятное было то, что сейчас Гай думал только о ней, он был почти поглощен этими мыслями. Настолько, что в его мире больше не было места ни для кого.

Шолто было больно. Слишком больно, несмотря на то, что всё это было глупым и неразумным. Он понял, что всегда думал о Гая, как о самом близком ему существу. Он был рядом с ним рядом слишком давно. Если бы не Гай, Шолто так бы и странствовал, не оседая

нигде. Но он остался с Гаем, неожиданно привязавшись и стараясь разделять все его дела. Он нашел его, когда Фомор собиралась заняться с ним своими чудовищными играми. И он спас его, вернув ему жизнь.

Шолто дал ему всё то, что имел, фактически разделив с ним всё и свою жизнь тоже.

А теперь Гай жил мыслями о человеческой женщине, вычеркнув разом всех, кто был с ним рядом так, словно они всегда были абсолютно ничем. Шолто пытался сказать себе, что рад за него, но это было тоже ложью. Он не мог радоваться потому, что ему было больно.

Когда он занялся адвокатской практикой в этой стране, он не ожидал, что однажды Гай спасет ему жизнь. Возможно, кто-то мог бы посчитать, что он вернул долг сполна, когда в свою очередь сохранил жизнь Гаю. Но было ещё нечто, что не могло разрушить его обязанности быть с ним и защищать его.

Он закончил свои дела и собирался уже уходить, когда к нему приблизился пожилой мужчина, одетый как знатный аристократ.

— Могут ли я поговорить с Вами, господин Шолто?

Они сидели в его небольшом кабинете, и Шолто слушал неторопливую речь, каждое слово которой заставляло его сопротивляться эмоциям, которые невольно пробуждал рассказ.

— Этот человек нуждается в защите, как от людей, так и от тех, кто не является людьми.

— Почему Вы говорите так, словно думаете, что я могу кого-то защитить?

— Потому, что я знаю — кто Вы.

Два обитателя иных миров смотрели друг на друга в упор, и Шолто первый заговорил:

— Почему он так важен для Вас?

— Он является частью того, что может принести большие перемены. Но при этом, он — всего лишь подросток, который нуждается в защите. Я не могу доверять информацию о нём кому-либо, кто может предать нас. У меня не было возможности наблюдать за ним с рождения, я был вынужден находиться в другом мире. Но сейчас, я стараюсь наверстать упущенное время и должен помочь ему.

Этот человек умалчивал половину того, что заставляло его придти с таким предложением. Шолто покачал головой.

— Я — плохой помощник в этом деле.

Его собеседник наклонился вперед:

— Вы ошибаетесь.

Их первая встреча произошла задолго до той ночи, когда на Шолто напали гули. Когда он впервые увидел Гая, он понял — почему его собеседник был прав.

Верность отверженного ублюдка, который не должен был выжить, неожиданно стала принадлежать тому, кто так же, как и он сам, был вне любых законов.

Дальше он не мог себе позволить вспоминать, слишком уж ранили эти картины далекого прошлого.

Напиться так, как он напился, когда Гай избил его, терпевшего тот отвратительный срыв лишь потому, что он знал, что заслужил это, Шолто не мог. Он подвел тогда его, проиграв дело, и он терпел боль, тогда как Гай даже не знал, что перед ним, полностью в своей крови, находится существо, которое вызывает страх и ненависть почти во всех мирах, способное легко убить самого Гая.

Но и оставаться рядом с ним, находящимся при этом за тысячи световых лет, Шолто

тоже больше не мог. Гай не нуждался ни в нём больше, он стал достаточно силен и умен, чтобы противостоять любой опасности. А Шолто внезапно понял, что оказываться ненужным — самое худшее, что только может быть. Сейчас он был похож на разрушающееся изнутри здание, грозящее погрести всё под собой, и ему явно не стоило находиться возле Гая, хотя бы ради его же блага.

Оставалось только одно. Иногда лучше отпустить тех, кто слишком долго был рядом.

— Ты еще слишком слаб, чтобы пройти через Проход, — произнёс лорд Айнгус.

Шолто обернулся. Почти десять минут назад он попытался позвать дядю, не особо надеясь на результат. И вот, тот стоял перед ним, а на лице дяди было то же усталое выражение, говорившее, что он слишком погрузился в заботы и собственные горькие мысли, оплакивающие по-прежнему погибшего сына.

— Я думал, что Вы будете больше рады тому, что я хочу вернуться.

— Надвигается война, — произнёс Айнгус, — и если она дойдет до нас, то я не хочу потерять и тебя.

Шолто промолчал. Несмотря на то, что дядя внезапно вспомнил, что они — родственники, он никогда бы не поверил, что тот окончательно перешагнул через отвращение к сущности Шолто. Но сейчас ему было больше некуда идти, и Коллахт ждал его. Старая, ненавистная и прекрасная тюрьма.

Он, прихрамывая, подошел к дяде.

— Мы идем? — Спросил Шолто, давая понять, что им больше нечего обсуждать. Дядя оглядел его и, кивнув, повернулся к дрожащему посреди комнаты Проходу, который соединял сейчас этот мир и земли Коллахта. Шолто бросил последний взгляд назад, мысленно прощаясь со всем.

С Гаем.

Он сможет жить дальше, перешагнув через такой пустяк, как боль в сердце. Проход поглотил его, сомкнувшись со всех сторон и унося туда, где прежнего Шолто больше не было.

Кэйлаш исчезла так внезапно, что Гай мог поверить, что она ему всего лишь привиделась. Он всего лишь отвлекся на минуту, поздоровавшись с одним из тех, кого финансировал, получая взамен отсутствие проверок и подозрительного интереса к своим делам. А когда снова повернулся к Кэйлаш, её нигде не было.

Он прошёл в гостиную, рассчитывая, что она вернулась обратно, но её там не было. Обойдя еще несколько комнат, Гая понял, что она, по всей вероятности, уехала. Наверняка, со своим прокурором. Больше ему не хотелось здесь оставаться потому, что в дальнейшем времяпровождении посреди малознакомых и неинтересных ему людей Гай не видел смысла. Аноэль сам вернется тогда, когда наконец нагуляется и развлечется вдоволь.

Гай вышел на улицу, направляясь к парковке. Всё, что он сейчас хотел, это сесть за руль и убраться отсюда подальше, чтобы остаться наедине с собой и тем, что только что произошло с ним. Он пока не мог найти объяснения случившемуся на танцполе, оно выходило за рамки того, что он мог понять. Единственное, что было понятно ему, так это то, что их с Кэйлаш что-то связывало. Нечто общее, о чем знали лишь они вдвоем. И это позволяло ему ощущать себя в какой-то мере частью её мира.

Позади него раздавались голоса тех гостей, которые явно перебрали с выпивкой и

развлекались уже в тени закоулков аллей. Какая-то женщина смеялась высоким, похожим на переливы колокольчика смехом, и явно направлялась тоже к парковке, покидая компанию. Гай слышал, как постукивают её каблуки по дорожке, но сейчас все звуки словно отскакивали от непроницаемого кокона мыслей, в который он был погружен. Гай внезапно подумал о том, насколько хрупка жизнь человека, который даже не подозревал о том, что его руки легко могли сломать её как тростинку.

Он не сразу вернулся обратно, на землю, когда за его спиной раздался высокий и звучный голос Дайен Фомор:

— Ты потерял кого-то, дорогой?

А затем на его голову обрушился удар, сопровождаемый невнятным шепотом странных слов, и всё вокруг погасло и затихло.

Дайен извиняюще улыбнулась мужчине, который подогнал её Ламбоджини:

— Муж опять перебрал, никак не могу за ним уследить, — её голос звучал так трогательно и растеряно, что мужчина просто не мог не пожалеть такую красивую женщину, вынужденную практически волочить на себе пьяного вдребезги супруга. Он даже помог ей усадить того в машину, мужик был абсолютно в отключке.

Дайен довольно улыбнулась, отъезжая от виллы. Люди всегда настолько доверчивы, что готовы поверить любой лжи, даже если она не всегда складна. Этот человек даже не подумал задаться вопросом — как она может тащить на себе взрослого и крепкого мужчину, который вдвое больше неё самой.

Гай очнулся, с трудом открывая глаза. Казалось, что все его органы чувств ушли в дикий заул, и он не может ни внятно говорить, ни слышать, ни понять свое положение в пространстве. Голова раскалывалась так, словно на неё уронили груды камней. Он попробовал повернуть глаза, чтобы понять — где находится, но казалось, что любое движение заставляет мир вокруг крутиться колесом.

Под ним была постель. Но явно не в его комнате, поскольку он еще пока не спятил настолько, чтобы спать на красных шелковых простынях. Такие ещё мог предпочесть Аноэль, но тот вроде как завязал с такими замашками. Да и вся комната была похожа скорее на номер-люкс в дорогом отеле.

Гай поморщился и попытался поднять руку, чтобы потрогать голову и убедиться — точно ли она на месте. Но тут же выяснилось, что он не может этого сделать потому, что его руку прочно удерживает наручник. Невероятно. Гай дернул вторую руку, убеждаясь в том, что действительно прикован к кровати. Более того, неожиданно оказалось, что его сил было мало, чтобы разорвать наручники.

— Это закаленная дыханием вечного огня сталь, — Дайен присела на край кровати и сдвинула с его лица пряди волос, упавшие на глаза.

— У тебя слишком тяжелая рука для женщины и отвратительная любовь к заклетьям, — сообщил ей Гая скучающим тоном, на какой был только способен при всей головной боли и двоящемся мире в глазах.

— Ох, прости, но у меня не было другого выхода. К тому же, я ведь не человек, — Дайен пожала плечами.

На ней было красное платье, которое выглядело как вторая кожа, обтягивающая её тело и демонстрирующая всё округлости и изгибы. И при всем вызывающем виде и цвете платье только ещё больше подчеркивало её красоту. Гай поинтересовался:

— Тебя так часто бросают при всем твоём очаровании, что ты вынуждена удерживать

при себе мужчин только наручниками?

— Только одного, — Дайен улыбнулась и провела рукой по его щеке, — того, что всё никак не дается в руки.

— Знаешь. Вообще-то такое, — Гай приподнял руки, насколько это было возможно, демонстрируя наручники, — возбуждает лишь при обоюдном согласии. А так ты рискуешь остаться ни с чем.

Дайен убрала руку от его лица, но не перестала улыбаться. Она поднялась и прошла куда-то вглубь комнаты. Гай же воспользовался моментом и закрыл глаза, чтобы боль немного отступила. Насколько он мог судить по свету за большими окнами, уже стоял день. А это значило, что он отключился почти на половину суток, если не больше.

Тем временем Дайен вернулась к постели и стояла над ним, оценивающе рассматривая его.

— Сомневаюсь, что из меня будет хорошая игрушка для твоих фантазий, — Гай размышлял — через сколько времени Аноэль хватится его и сообразит, что его отсутствие слегка затянулось?

— Раньше я и впрямь думала, что ты сможешь ею быть, — согласилась Дайен, — но теперь я хочу гораздо большего.

Гай приоткрыл глаза, насмешливо глядя на неё.

— Например? Секс с болью и кровопусканием тебя больше не воодушевляет?

Дайен пожала плечами.

— Думаю что да, не воодушевляет, — она присела рядом с ним и провела тонкими пальцами по его груди, раздвигая расстегнутый ворот рубашки.

— Провальная затея, — лениво ответил Гай, — видишь ли, я, к сожалению, не испытываю интерес к женщинам.

Дайен резко подняла голову, отчего её золотые волосы разлетелись по плечам, и Гай понял, что она беззвучно смеется.

— Я почти поверила бы в это, если бы не видела, как ты вчера обнимаешь одну из интересных тебе женщин. Более того, ты до невозможного хотел не просто обнимать её и танцевать, и мне показалось, что тебе очень хотелось, чтобы вы были настолько близко, что между вами не осталось бы даже намека на одежду. Тебе настолько не интересны женщины, что не можешь думать ни о чем другом, кроме неё.

Гай смотрел на неё в упор, испытывая потрясение, от которого даже голова внезапно перестала болеть.

— Одна из способностей моего народа — это умение заглядывать в чужие мысли. Правда, мы можем это делать лишь тогда, когда жертва потеряла контроль над собой. Говорят, что кто-то из наших предков был темным альвом, то ли захваченным в плен, то ли добровольно укrywшимся в нашем мире, когда Проклятого приговорили к изгнанию и забвению, — Дайен улыбалась, но её глаза были холодными как лёд.

— Полагаю, что я обязан хранить целомудрие лишь потому, что ты обратила на меня своё внимание? — Раньше Гай понятия не имел, что такое страх, но сейчас неведомое доселе чувство проникало под кожу миллионами игл и заставляло сердце биться сильнее от одной только мысли, что он навлек на Кэйлаш беду.

— Нет, дело не в простых девках, с которыми может развлечься каждый желающий, — пальцы Дайен медленно скользили вниз, и Гай испытывал такие же эмоции, как если бы по нему ползали ядовитые насекомые, — дело в том, что ты хочешь быть с ней, как с себе

подобной. Тебе нет дела ни до того, что она — просто человек, ни до того, что она никогда не примет тебя, ни до того, что ты становишься жалким, когда почти готов опуститься до того, чтобы притворяться таким же человеком, лишь бы она обратила на тебя взгляд ещё раз. Но ведь ты — не человек, — голос Дайен опустился до шепота, который окружал Гая, вползая в уши и голову, — ты даже не человек наполовину. Ты — то, что наслаждается кровью и смертью, и ты никогда не перестанешь быть самым собой, сколько бы ни старался.

Он почти перестал дышать не только от страха за Кэйлаш, но и от слов Дайен, которые были правдой. Гай никогда раньше не думал об этом, не задавался вопросом — как сможет он совмещать в себе двух разных существ, одно из которых было охотником и убийцей, а второе тянулось к Кэйлаш.

Дайен наклонилась так низко, что её губы почти касались его рта.

— Я вижу, как ты обдумываешь все способы, чтобы обезопасить свою игрушку, — её дыхание было свежо, как ветер над лугом, но Гай испытывал желание отодвинуться от неё как можно дальше, — но проблема в том, что ты опоздал.

— Что ты сделала с ней? — Хрипло спросил Гай, сжимая кулаки. Адская сталь впилась в кожу, почти разрезая её. Дайен выпрямилась, отстраняясь наконец-то от него.

— Абсолютно ничего.

Она потянулась к прикроватному столику и затем повернулась к Гаю, демонстрируя ему золотое кольцо с массивным рубином.

— Смотри, — она надела кольцо на указательный палец и повертела рукой, чтобы Гай рассмотрел его как можно лучше, — а вот и маленький сюрприз.

Дайен коснулась большим пальцем края кольца, и из оправы, удерживающей камень, появились несколько небольших шипов. Гай настороженно смотрел на кольцо, которое Дайен приближала к нему так, чтобы шипы угрожающе зависли почти в сантиметре от его лица.

— В этом камне находится некий яд, и достаточно лишь слегка задеть шипами кого-нибудь, чтобы он оказался в его коже, — Дайен рассказывала это так буднично, что Гай почти приготовился услышать о том, что Кэйлаш мертва. Он рванулся, снова пытаясь разорвать удерживающие его наручники, и Дайен рассмеялась над его попыткой освободиться.

— Я убью тебя, если она мертва! — Гай догадывался, что эти оковы не только удерживают его, но и не дают ему проявить свои силы и тем более — измениться.

— Это было бы слишком просто и грубо, — Дайен смеялась, и её золотые волосы переливались на свету как струи воды, — этот яд всего лишь подчиняет полностью чужую волю и разум тому, кто применил его.

— Что ты хочешь от неё? — Гай уже знал, что первым, что он сделает как освободится, это разорвет её большие, трепещущие и сочащиеся кровью куски плоти. Но перед этим вырвет собственными руками сердце Дайен.

Она провела рукой по камню, шипы которого снова исчезли внутри оправы.

— Она мне не интересна, если говорить честно, дорогой. Но я решила, что будет очень забавно, если я скажу ей сделать нечто такое, что в корне изменит её скучную жизнь.

Гай мысленно издал вопль бессильного бешенства. Он знал, что кажущиеся невинными, на первый взгляд, слова Дайен на деле могут означать только ужасное для Кэйлаш. Но он попался в ловушку и был лишен возможности даже вырваться из этого номера. Оставалось лишь одно — положиться на хитрость и уступить Дайен ровно настолько, насколько это

было нужным для того, чтобы освободиться и найти Кэйлаш.

— Я готов сделать всё, что ты скажешь, если потом ты отпустишь меня, — произнёс Гай, несмотря на то, что всё внутри него протестовало против этого.

Дайен довольно улыбнулась.

— Я знала, что ты скажешь именно так. И, конечно же, я отпущу тебя после того, как получу всё, чего мне хочется. Но ...

Она поднялась, и её красное платье выглядело так, словно она вся в крови, стекающей по её телу и ещё не утратившей своего поглощающего свет оттенка, который звал Гая и обещал много безумия и тьмы. Дайен расстегнула молнию на боку, и платье скользнуло вниз, обнажая совершенное тело, на котором больше не было ничего. Но это не будило в Гае абсолютно ничего, даже несмотря на то, что более совершенней и желанней не могла выглядеть ни одна женщина. Красота Дайен была слишком совершенна, чтобы быть настоящей. Она подняла руки, убирая назад волосы, и её золотистые глаза с вертикальным зрачком, похожие на неподвижные змеиные глаза, смотрели на Гая так, как смотрит рептилия перед на жертву перед броском.

Кожа на прекрасном лице сморщивалась, меняя цвет на пепельно-серый и показывая настоящую Дайен. Она приблизилась к Гаю, скользящими движениями оказываясь поверх него, и одним движением распахнула на нём белую рубашку, заставляя пуговицы с треском разлететься в разные стороны. Провела руками по его телу, спускаясь к ремню на черных брюках, и тот, медленно разрезаемый острыми когтями на тонких пальцах, словно предсказывал, что Гая ожидает много и много чего-то извращенного и манящего, как бездонная пропасть.

Дайен оглядела его и довольно улыбнулась, как кошка, налакавшаяся сливок.

— Но боюсь, что будет уже немного поздно, мой дорогой.

Глава 27

Отражение говорило, что ей следовало лучше выспаться. Но это было не так-то просто хотя бы потому, что было невозможно справиться с ужасной головной болью, которая стучала в каждый уголок её мозга так, словно там работала команда с отбойными молотками. Джил ухватила за края раковины, зажмурившись, когда боль в очередной раз атаковала её, и подумала, что скорей всего её сейчас начнет тошнить.

Вроде она и не пила вчера. Стоун довёз её до дома, и она почти сразу отправилась спать. Джил чувствовала себя настолько уставшей, что смогла лишь стянуть с себя платье, бросить его на стул, доползти до кровати и рухнуть на неё, не разбирая, чтобы отключиться почти моментально.

А утром преподнесло вот такой подарочек, выворачивавший всю её наизнанку.

Джил выругалась и, опираясь на стену, побрела из ванной. Боль не просто разрывала голову, она вела себя как живое существо, уверенно располагающееся внутри неё. Джил доползла обратно до кровати и свернулась в клубок, почти скуля и умоляя лишь о том, чтобы хотя бы на минуту избавиться от этой пытки. Но все её просьбы оставались без ответа, и она могла только лежать, надеясь, что всё-таки всё пройдет само, не заставляя её искать топор. А то она просто тихо свихнется от дорожно-ремонтных работ в её мозгу.

Наконец боль словно прогрызла голову насквозь, и её вспышки становились медленней и короче. Измученная до невозможного, Джил лежала в ожидании момента, когда они и вовсе прекратятся. Казалось, что до этого оставалось совсем немного.

Она не помнила — в какой момент вдруг её стало клонить в сон. Потом, когда Джил

пыталась вспомнить весь этот день, на этом её мозг словно стопорился, а затем начинался один огромный, сплошной провал, похожий на то, что она раздвоилась — одна из них так и осталась, погруженной в сон. А вторая прожила этот день как-то совсем иначе. Вот только как — она не могла вспомнить.

Джил села на кровати, жмурясь от яркого солнечного света, бывшего почти ей в глаза. Она позволила себе отдохнуть, и в итоге проспала полдня. А ведь на сегодня у неё были большие планы. Джил поднялась с кровати, краем глаза заметив платье, валяющееся на стуле. Потом его надо будет убрать.

Прошла в ванную, умылась и оглядела свое лицо в зеркале. Оно выглядело настолько бледно и устало, с синяками под глазами, что сама поразилась тому, что докатилась до состояния огородного пугала.

Усталая, унылая с копной спутанных длинных волос, которые превращали её в какой-то ужасный синий чулок, на который без отвращения и смотреть то было сложно. Пару секунд Джил раздумывала, а затем решительно потянулась к шкафчику над раковиной, доставая расческу. И ножницы.

Спустя десять минут на неё смотрела из отражения уже немного улучшенная версия её самой. Волосы, лежащие на плечах и достигающие теперь только лишь до лопаток, придавали ей более свежий и оптимистичный вид. Так-то лучше. Давно надо было это сделать.

Она повертела головой, рассматривая себя, и осталась вполне довольной результатом. Затем навела порядок в ванной и вышла обратно в спальню. Сегодня ей предстояло много дел. Джил подошла к шкафу, открыла его и поглядела на полки. Она явно хотела что-то сделать с вещами. Что-то сделать.

Её голова соображала на удивление ясно и быстро, и, когда Джил попробовала представить все свои планы, то отчетливо слышала их в своей голове. У неё были очень важные планы, которые она должна была сделать ещё гораздо раньше, но почему-то всё никак не хотела сделать. Джил ещё раз посмотрела на полки в шкафу, потом закрыла дверцы шкафа и, проведя рукой по волосам, привыкая к их новой длине, направилась из спальни.

День в полицейском участке почти добрался до обеденного перерыва. Детектив Танилли замечал, как его напарник поглядывает на часы, явно торопя время. Они уже столько времени потратили на возню с отчетами, что Танилли вполне понимал парня. Он и сам бы взвыл, будь на пару десятков лет помоложе.

— Жуткая погода. Где-то пекло, где-то ураган, а где-то заливает. Хорошо, хоть у нас прохладно. Какие планы на выходные? — Поинтересовался напарник.

— Да как обычно, — отозвался Танилли, — навести порядок в доме. Свозить Марикету за покупками. Ну и отдохнуть. В воскресенье Бешеные Псы играют.

— Будешь смотреть матч? — Оживился напарник.

— Само собой, — Танилли имел две слабости, главной из которых был отдых в тишине и спокойствии, а второй — футбольная команда, за которую он болел уже не первый год.

— А вот Оуэн из отдела дознания пойдет на сам матч. Достал билеты, правда, втридорога, — напарник явно завидовал этому Оуэну. Танилли пожал плечами. Убить время на сидение под вопли и рёв болельщиков — ну уж нет, лучше он посмотрит игру дома по телевизору. Хватает ему истерики и криков тут, в участке.

Они снова замолчали, погружившись в отчеты. Участок гудел, сновали люди, проводили мимо подозреваемых. Плакала какая-то женщина со свежим синяком на скуле. Обычный

день полицейского участка. Танилли не заметил, как погрузился с головой в отчет, когда мимо них пробежал дежурный.

— Срочно, всем! Стрельба во Дворце Правосудия, возможен захват заложников! Всем свободным офицерам — на место происшествия, — в его голосе звучали нотки почти истерики, и это передавалось окружающим.

Напарник вскочил из-за стола, проверяя оружие, и Танилли поднялся вслед за ним, испытывая нехорошее предчувствие. Во Дворце Правосудия никогда не происходило инцидентов, это место служило одним из оплотов власти и правосудия.

Кроме того, Танилли вдруг почуял чутьем, отточенным за долгие годы службы в полиции, что что-то словно сдвинулось с места и несется на город. Это ощущение пришло внезапно, и оно было настолько сильным, что детектив никак не мог от него отделаться. И оно усиливалось с каждой секундой.

Марикета всегда ходила в церковь, хотя он посмеивался над ней и её рвением. На самом деле, Танилли гордился ею и считал, что такое увлечение церковью ничуть не делает её хуже, наоборот. Она была чем-то стабильным в его, полной безумия и человеческого зла, жизни. И это позволяло бодрее смотреть на мир и знать, что в нем есть еще что-то правильное.

Сейчас их машина неслась через весь город к Дворцу Правосудия, а Танилли неожиданно вспомнил то, что она как-то сказала ему в ответ на его очередное подшучивание, когда она перед сном о чем-то шепталась с большим распятием, висевшим в их спальне:

— *Знаешь, Марк, каждый день я ложусь и думаю — а что, если это последний вечер в моей жизни? Могу ли я быть гордой за то, как провела его, да могу ли гордиться вообще всем тем, что успела сделать за всю жизнь? И каждый вечер я понимаю, что раз я не могу ответить “Да”, то мне надо что-то менять.*

Он тогда просто обнял её, не желая слышать то, что звучало как-то слишком сурово и серьезно. Ему хватало работы, чтобы не хотеть забивать голову чем-то ещё, но он уважал Марикету и то, во что она хотела верить. Он думал, что это именно его работа, полная угрозы и опасностей, заставляет её искать облегчения в церкви, а на такие мысли её толкает постоянный страх за него.

Сейчас Танилли внезапно снова слышал её слова, и отчего-то они оседали в его мозгу так, словно касались и его. Наверно, он уже стареет, раз стал задумываться о таких вещах, как смысл жизни и смерть.

Джил припарковала машину на служебной стоянке. Посмотрела на себя в зеркало, где отражалась спокойная и уверенная в себе женщина, а затем вышла из машины. У неё не так много времени, чтобы успеть сделать всё, что нужно.

Большие колонны, поддерживающие своды вестибюля, уходили вверх, теряясь почти под крышей. Статуя Фемиды, стоящая у стены, словно напоминала всем тем, кто проходил мимо неё о том, что здесь её владения. Джил привычно миновала вестибюль и подошла к лестнице, широкий пролет которой поднимался на второй этаж, а затем уходил выше, раздваиваясь уже на две свои уменьшенные копии. Каменные ступени создавали впечатление того, что Дворец Правосудия — это подобие античного храма, уменьшенная его копия, модернизированная и перенесенная сюда из более древнего мира.

Мимо неё проходили люди, и Джил подумала — насколько же они выглядели смешно, изображая из себя преданных слуг закона. Каждый второй лгал, воровал и подтасовывал те

самые законы, которые должен был охранять. Она дошла до кабинета Стоуна, толкнула дверь, но та была закрыта. Обычно в это время прокурор всегда находился у себя, если только не проходили слушания, совещания, или Стоун не был в деловой поездке. Джил пожалала плечами и пошла обратно, направляясь к лестнице.

Она уже одолела почти половину ступеней, ведущих вниз, когда случайно взглянула в вестибюль и увидела Стоуна, стоящего неподалеку от статуи и разговаривающего с кем-то. Джил довольно улыбнулась и продолжила дорогу вниз. Целых пятнадцать ступеней. Положительно, тут пора было сделать ещё парочку лифтом и пожертвовать никчемной красотой ради удобства.

Джил шла по блестящим плитам из мрамора, из которых был выложен пол, и смотрела на Стоуна. Он стоял спиной к ней, продолжая разговор, который был явно непростым, судя по тому, как был напряжен прокурор. Джил подошла ближе и остановилась в нескольких шагах от Стоуна, не желая отвлекать его. Она умеет ждать.

Наконец собеседник Стоуна соизволил оставить его в покое, распрощавшись и уходя в другую сторону. Прокурор явно вздохнул, облегченно переводя дух, словно разговор дался ему не так-то легко.

— Люциан, — позвала его Джил, впервые называя по имени. Стоун обернулся, и она видела, как он смотрит на неё — сперва с удивлением, сменяющимся на обычную приветливость.

— Добрый день, — ему явно нравился её новый облик, — Вы сегодня просто прекрасны.

— Спасибо, — улыбнулась Джил, и его глаза стали темнее, словно то, как она говорила и улыбалась, затрагивало его гораздо сильнее, чем обычный разговор.

— Вы наверно хотите напомнить мне о том, что уходите, — казалось, что его не очень радует это, но Джил не собиралась обсуждать с ним свой уход с работы.

— Не совсем, — она покачала головой, — но ты прав, я пришла поговорить с тобой. Лицо Стоуна выглядело немного озабоченно.

— Что-то случилось? — Он беспокоился за неё?

— Да, — она опять улыбнулась ему, — я поняла, что тебе стоит знать одну вещь.

Стоун подошел к ней ближе, и расстояние между ними было чуть больше вытянутой руки.

— Что же я должен знать? — Джил внезапно поняла, что в его голосе слышится что-то темное, с тонким запахом порока, зовущее её. И часть её действительно хотела отозваться на него, говорящего на одном языке с ней. Но она помнила, что пришла сюда не за этим.

— Люциан, — она подняла руку, касаясь его красивого лица, — есть вещи, которые не стоит скрывать. Например, то, как много крови на твоих руках, которая просто въелась в кожу. Или как много лжи, которой ты пропитан насквозь, сказано этими прекрасными губами. А я ведь уверена, что лгут они так же прекрасно, как и целуют.

Джил смеялась, говоря эти странные слова, и думала, что у неё стал абсолютно другой голос. Более низкий, плавный, опасный. Чужой голос.

— О чем ты говоришь? — Глаза Стоуна темнели, и их голубизна словно клубилась вихрем, медленно превращавшимся в темноту грозового неба. Но Джил знала, что ему нравится всё происходящее. Ему нравится её голос, и он отзывается на него всем телом. Их связывало нечто темное и настолько же сильное, что выступило сейчас наружу, словно сорвав с них маски, обнажая и показывая свою силу.

— Возможно, ты и вправду считаешь, что я не знаю — кто ты на самом деле, — при этих словах Стоун нахмурился, словно был удивлен, — но меня больше волнует то, что касается конкретно меня.

Джил почти вплотную подошла к нему так, что их тела почти соприкасались. Стоун сделал движение, словно собирался протянуть руки и обнять её, но остановился.

— Ведь это ты заставил суд приговорить моего друга Райза Туи, — она прошептала это так, словно признавалась в том, что хочет его прямо здесь и сейчас. Несмотря на то, что она знала о том, что он испытывает это же желание, Стоун едва заметно улыбнулся.

— Райз, — его, ставшие почти черными, глаза смотрели на неё.

— Да, — всё тем же шепотом ответила Джил.

— Он никогда не был достоин того, чтобы ты сожалела о нём, — голос Стоуна звучал иначе, гораздо ниже и мощнее. Они стояли почти у ног статуи Правосудия, а всё вокруг словно исчезло, отодвигаясь далеко за пределы мира. С каждой секундой та темнота, которая скользила между ними, связывая их всё сильнее, крепла.

— Не тебе судить об этом, — покачала она головой. Сейчас они были только вдвоем, оставив весь мир за пределами. И Джил знала, что всегда хотела оставаться вот так, выше всех людей, не стоящих ни сочувствия, ни сожаления в их мелочности, хотела силы, несущей разрушение, власти, чтобы поставить всех на колени, и знания, бесконечного, как целая вечность. И сейчас всё это стояло перед ней. Она догадывалась, что человек перед ней может дать ей всё это.

Люциан протянул руку, касаясь её щеки, и они стояли двумя зеркальными отражениями друг друга.

— Он не был достоин тебя. Никто не был достоин тебя. В тебе так много тяги к знаниям, такой пытливый ум, который не хочет находиться в границах обыденности, которую может предложить серая жизнь. Ведь тебе всегда хотелось большего, но ты никогда не знала — как получить это, — он говорил с ней так, как говорят старшие братья с сестрами или подругами.

Джил слушала Люциана, который говорил о том, что она всегда знала, но не могла выразить так ясно и четко, как это сделал он. Он был прав настолько, насколько она всегда думала, что все её проблемы от того, что она не может выбрать между тем, к чему привыкла, и тем, что хочет. Всю жизнь она делилась внутренне на две стороны — одна из них была холодной и чуждой всему, что окружало Джил. А вторая оставалась нелепым ребенком, верящим в нечто из области сказки.

Сейчас первая половина протягивала ей руку и хотела, чтобы Джил наконец перестала разрываться между ними и выбрала её. Люциан стоял молча, и Джил знала, что он будет ждать ровно столько, сколько она будет принимать решение. Даже если на это уйдет вся оставшаяся жизнь.

— Ты пытаешься понять — кто же я такой. Девочка, назовись я Люцианом или Люцифером — какая разница в звучании моего имени? Ты даже не представляешь, как мы можем вместе изменить весь мир, — произнёс он, — мир, в котором всё будет так, как ты хотела.

С ним она больше никогда не будет неудачницей, пожелавшей изменить мир и оставшейся у разбитого корыта.

Неожиданно мысли Джил споткнулись, и она словно стряхнула с себя наваждение, вызванное словами Люциана. Ей нужно сделать совсем другое. Она моргнула, раздумывая —

почему вдруг ей показалось, что голубые глаза Стоуна могли стать черными, и какого чёрта он, всегда спокойный и сосредоточенный, стоит сейчас, держа её лицо в своих ладонях? Что происходит?

— Ты убил его, — сказала она Стоуну. Эта фраза должна была объяснить ему — почему Джил так поступает. Затем она отодвинулась от него, заставляя отпустить её, и вытащила из кармана куртки пистолет, направляя его на Стоуна.

Он замер от неожиданности, напряженно следя за её движениями.

— И я думаю, что ты заслужил это, — произнесла Джил, нажимая на курок.

Время замерло.

Её палец медленно нажимал спусковой механизм курка. Лицо Стоуна выражало удивление и неожиданно — восхищение, словно он восторгался тем, что она делает. Что-то темное и большое бросилось к ней, выхватывая пистолет и сбивая с ног. Пуля медленно приближалась к Стоуну. Джил смотрела на её полет, поражаясь тому, как она идеально и плавно движется, рассекая воздух.

Затем мир вернулся на место. Звук выстрела заставил людей, находящихся вдалеке от них, закричать и броситься бежать. А Джил, сбитая с ног тем, кто выхватил у неё оружие, лежала на полу и не могла понять — что происходит, и кто стрелял. Она с ужасом смотрела на Стоуна, который осел на пол, а на его плече расцветало кровавое пятно, отчетливо видное на ткани пиджака. Затем Джил перевела взгляд на того, кто стоял с её пистолетом в руках. Он тоже смотрел на Стоуна с таким выражением, словно не мог поверить в то, что произошло.

Потом он повернул голову к Джил, и она подумала, что бредит наяву. На неё смотрел Гай, но его лицо было лицом Райза, которое она узнала бы из тысячи лиц.

Он отбросил пистолет и опустился рядом с ней, притягивая её к себе так, словно ей что-то угрожало.

— Нет, — Джил начала вырываться из его рук потому, что ей было крайне важно ещё раз взглянуть в его лицо и убедиться в том, что это действительно Райз.

— Всё хорошо, теперь всё будет хорошо, — он не отпускал её, видимо полагая, что она всё ещё в состоянии шока. Кажется, тут он был прав потому, что Джил понятия не имела — как она оказалась во Дворце Правосудия, что происходит и почему у неё так болит голова.

Стоун, явно теряющий сознание от боли, пытался приподняться, словно хотел подползти к ней, и Джил отстраненно подумала, что ему срочно нужна помощь, что надо что-то делать. Но она не могла даже собрать воедино свои мысли, и всё, о чем она могла думать, так это о том — почему этот человек похож на Райза.

Её попытки вырваться оставались по-прежнему безуспешными, он держал её крепко и вообще вёл себя так, как ведут люди, сильно напуганные за кого-то, а затем боящиеся отпустить того хоть на мгновение. Где-то очень далеко кричали люди, раздавался вой сирен. Полицейские окружали их троих, явно считая опасным человека с лицом Райза, и Джил неожиданно подумала, что история повторяется снова.

Держа его под прицелом, они требовали, чтобы он отпустил её и отошел в сторону, видимо ожидая, что он воспользуется ею как заложницей. Это всё напоминало какой-то сумасшедший сон, и Джил думала, что сейчас она откроет глаза и окажется дома, а всё происходящее будет лишь очень плохим кошмаром с элементами боевика.

Мужчина внезапно отпустил её, и она, наконец, смогла заглянуть ему в лицо. Округлив глаза Джил смотрела на Гая и не могла понять — куда делся Райз, которого она так

отчетливо видела несколько минут назад. Гай же смотрел на неё, и в его взгляде было что-то непонятное — сожаление, надежда, просьба. Прощание.

Затем он поднялся и, подняв руки, отошел от неё.

Джил не видела, как его схватили полицейские потому, что в этот момент из толпы к ней подбежал другой человек, так же непонятно как очутившийся здесь, во Дворце. Блондин с черными прядями в невероятно светлых волосах подхватил её, поднимая с холодного пола. Он озабоченно смотрел на неё, и его губы шевелились, произнося какие-то слова, которые Джил не могла понять. Кажется, он пытался спросить — не ранена ли она? Джил медленно покачала головой, и блондин, бросив взгляд поверх её головы туда, где были полицейские и Гай, повёл её в толпу, смешиваясь с людьми.

Последнее, что Джил ещё помнила, это был Стоун, лежащий на краснеющем от крови полу и смотрящий на неё. Она внезапно подумала, что он придет за нею, эта мысль словно прозвучала в её голове. А затем всё вокруг внезапно накренилось, как палуба в хороший восьмибальный шторм, и Джил начала падать в черноту, где глохли любые звуки и терялось всё в полнейшем небытие.

Когда она закончила, его сил хватило лишь на то, чтобы доползти до края кровати, испачканной кровью, потом и чем-то ещё. Его вырвало. Затем снова. И снова. Тело, покрытое ожогами, кровоточащими ранами от когтей, её алой помадой и багровыми синяками, отказывалось подчиняться.

Его выворачивало наизнанку, пока он пытался оказаться как можно дальше от того места, где его тело было использовано всевозможными способами. А она лежала, опираясь на красную шелковую подушку, и довольно улыбалась, наблюдая за его жалкими попытками.

Он попытался встать, но ноги отказывались держать его. Руки, онемевшие от удерживающих их наручников, были холодны как лёд. Он испытывал к себе такое омерзение, что от него кружилась голова. Если его тело было полностью использовано и замарано грязью, то рассудок ещё держался на тонкой нити, напоминающей о том, ради чего он выносил всё это.

Его криков, к счастью, никто не слышал. Она наложила заклятье на стены, которое не пропускало звуков. И он был этому рад потому, что знал, что сломался достаточно быстро. Запах горящего тела, и вспарывающие кожу острые когти были не так страшны, пока она не решила, что ей достаточно такого разогрева. Её язык слизывал с его ран текущую кровь, но он пытался терпеть боль, которая становилась всё сильнее. Это всего лишь начало, его ждет гораздо больше боли потом, и он не давал ей, сковывающей тело, завладеть им полностью.

Слезы, стекающие по его лицу, когда она, наконец, проникла в его разум, были хуже того, что она вытворяла с его телом. Но самым мерзким было то, что она заставила его возбудиться. Она была на нём, в нём, а её лицо было лицом единственной женщины, которая могла разбудить его. И она знала об этом, её смех звучал как похоронный колокол, когда его тело предало его, всё-таки отзываясь ей.

Он был настолько запачкан, что теперь никогда и ни за что не осмелится даже близко оказаться к Кэйлаш потому, что лишь одно его дыхание сможет отравить воздух вокруг неё.

Сперва она заставила его сломаться и кончать не раз, и не два. Он ненавидел себя. Он натягивал цепи, лишь бы они врезались как можно сильнее в руки и не позволяли ему поддаться. Затем она вторглась в его разум, играя с ним так, как ей хотелось, создавая иллюзии, хохочущие её голосом и смотрящие на него лицами другой женщины.

Затем она наклонилась к нему и прошептала, зная, что он слышит её:

— Магия способна на многое, дорогой. Теперь мы поменяемся ролями.

Когда он забился в попытках вырваться, с ужасом поняв, что она задумала, она лишь рассмеялась. Кошмар с лицом Кэйлаш. Он запрещал себе забывать, что это — лишь маска с чужими чертами. Но затем она вновь приняла свой настоящий вид, и он на мгновение выдохнул с облегчением.

Дайен заставила его окунуться на самое дно извращенного кошмара, где насиловали не только его тело, но и разум одновременно. Он заставлял себя думать о Кэйлаш, но с каждой минутой она словно удалялась от него. Удерживать её было всё труднее; чем больше он осознавал, что то, что с ним происходит, делает его грязным, тем туманнее становились воспоминания. Никто никогда не сможет быть рядом с ним даже в мыслях потому, что он мерзок.

Он знал, что по его лицу текут слезы, но остановить их не мог, словно они оплакивали то, что ему никогда не вернуть. Этот день поставил точку в том, что он так хотел сделать, изменить в своей прежней жизни. Он сопротивлялся столько, сколько мог, держась только за обрывки мысли, что делает это ради того, чтобы Джил была в безопасности. Потому, что то, что в нём хотело защищать её, было сильнее инстинкта самосохранения.

А затем он сломался. Его рассудок всё же отключился, лишь слабо брезжа обрывками воспоминаний, но тело больше не сопротивлялось ни боли, ни насилию, продолжавшемуся бесконечно.

И вот, она, наконец, отпустила его, как и обещала.

Когда щелкнули наручники, он даже не понял, что теперь свободен. Затем, когда она потянулась к бокалу с шампанским, он попробовал пошевелиться.

Сейчас, едва видя то, что находилось перед ним, он всё же заставил себя подняться. Нашел свою одежду, которая лежала на полу. Ему не было стыдно того, что он почти не может двигаться. Всё в нем было сломано, и до того, как он может переставлять ноги, ему как-то не было никакого дела. Застегнуть рубашку он смог с четвертой попытки, и, наконец, ощущая, как одежда, словно наждак, растирает раны, сделал шаг к двери.

— Ты не хочешь спросить меня — что я велела ей сделать? — Она лениво растянулась, вытягивая, как змея, свое тело покрытое засохшей кровью.

Она сделала то, что хотела — отняла у него надежду и вернула его в тот мир, где он был до сих пор. Всё это время она знала, что делает, отнимая у него то, чем он дорожил.

— Я приказала ей убить прокурора. Ведь когда-то он засудил её друга, — она смеялась, считая это очень забавным.

Он услышал её слова, и, несмотря на то, что не мог ни о чём думать, всё же заставил себя с трудом, но сделать шаг вперед. Кэйлаш по-прежнему была в опасности.

Его лицо оставалось относительно не тронутым, и он мог спокойно пройти мимо толпившихся внизу людей. Путь до дверей отеля дался ему так, словно его тело разваливалось на части. Вот как выглядит насилие. Его не смыть и не содрать, даже если снять с себя кожу, обнажая кости. Он пропитан им насквозь, он омерзителен как гниющий труп, распространяя его дыхание вокруг себя.

Он ехал в такси, которое поймал у отеля. Дорогая одежда, кредитная карта, такая безупречная оболочка для искореженного нутра. Джил могла отправиться лишь в одно место в это время дня, во Дворец Правосудия. Туда он сейчас и ехал, надеясь лишь на то, что не опоздал. Нащупав в кармане телефон, он набрал номер не слушающимися его пальцами и сказал то, на что хватило сил:

— Бросай всё и мчись во Дворец Правосудия. Вызови прямо сейчас нашего врача, пусть ожидает твоего возвращения.

Две фразы дались ему с таким трудом, словно он разучился разговаривать.

Последний бросок.

Последнее усилие.

Он не для того проделал весь этот долгий путь.

Когда перед ним автоматически раскрылись стеклянные двери, он уже знал, что Джил тут. Вынимающая пистолет и целящаяся в прокурора, чужая и уверенная в себе, словно перед ним стоял кто-то другой, а не маленькая женщина, неспособная забыть погибшего друга.

Он собрал все силы и направился к ней. Действие любого заклятья спадает, если разрушить контакт, изменив действие так, чтобы его выполнил не тот, кому его внушили, а другой. И он столкнулся с Кэйлаш, выхватывая у неё пистолет и нажимая на курок.

Теперь она свободна.

Но он смотрел на летящую к прокурору пулю и видел, как тот не проявляет эмоций, свойственных человеку. Тем более, человеку, в которого стреляют. Перед ним стоял кто-то неизвестный, кто улыбался, наблюдая за происходящим так, словно оно ему было по душе.

Рассудок отказывался воспринимать что-либо, всё, что он мог сейчас помнить и видеть перед собой, это была она одна. Поэтому он равнодушно бросил пистолет и повернулся к ней. Её глаза наконец-то стали прежними — большими, испуганными, и он опустил на пол рядом с ней. Он позволил себе прикоснуться к ней, обнять.

Это убивало его. Простое прикосновение к ней казалось похоже на пытку, словно он обнимал огонь, и не только потому, что он испытывал боль каждым сантиметром кожи. И не потому, что ему было сложно заставить себя испытать контакт с кем-то после того, что с ним сделали. Его грязное тело не должно было даже касаться её, пачкая Кэйлаш тем, чем он теперь был пропитан насквозь. Но он знал, что это — последний раз, когда он может оказаться рядом с ней. Ощутить её реальность, которая так и останется обрывками воспоминания, смешанного с канвой боли и позора. Услышать её голос, уже начинающий стираться, как старая запись. Он яростно удерживал её образ перед собой, борясь с тем, что волочило его обратно, в засасывающую тьму.

Это было прощание.

Он всё ещё оставался собой, когда вокруг них поднялся шум, появилась полиция. Он не мог найти в себе силы отпустить Джил и поставить точку.

Но затем он всё же отпустил её.

Пока его окружали полицейские, он смотрел, как её подхватывает и уводит единственный, кому он мог доверить заботу о ней. Когда они скрылись в толпе, его разум мог больше не бороться с теми трещинами, которые раскололи его на множество осколков.

Последнее, что он подумал — всё равно, ради неё стоило заплатить такую цену.

Глава 28–29

Глава 28

Над городом собирались тучи, обещающие грозу и хороший ливень. Несмотря на то, что до сих пор стояли весьма прохладные дни, конец лета решил побаловать горожан жарой на прощание. Кроме людей, суетливо снующих по улицам, всё живое попряталось и замерло. Птицы не носились стайками, щебеча изо всех сил, домашние животные не рвались гулять. А те, кого хозяева выводили, тихо семенили за ними, словно не решаясь отойти в сторону.

Аноэль смотрел в окно на тучи, окружающие город плотным кольцом, но не

приближающиеся к нему, и думал, что над особняком так же сгущаются тучи проблем. Он понятия не имел — как объяснить то, что творилось вокруг него, и находился в состоянии взвинченной готовности ко всему. От цунами до очередного вторжения в дом.

Сейчас в его доме, наверху, лежала женщина, которую он видел до этого всего лишь один раз. А теперь она непостижимым образом оказалась задействована в той чертовщине, что творилась вокруг всех них. Он до сих пор не мог забыть все то, что разыгралось на его глазах после звонка Гая, и был готов поверить, что это ни что иное, как просто плохой розыгрыш. Только вот подтверждение тому, что это случилось наяву, на самом деле, лежало в гостевой спальне, неспособное придти в себя. А в её крови находился некий яд, который пытался вывести целитель. Он прямо сказал Аноэлю, что на человеческую болезнь это не похоже, а значит вести её в госпиталь — опасно. Слишком много вопросов и ненужного интереса. Похоже, что человеческую знакомую Гая угораздило влипнуть гораздо глубже, чем надо.

Аноэль вздохнул. Ему хотелось стучаться лбом о стену только от одного факта того, что он понятия не имеет — что ему делать дальше. А главное, он не мог понять — почему Гай тянет со своим освобождением под залог. Будь он здесь, вдвоем они точно знали, как разгрести свалившееся дерьмо.

Вот уже три дня Аноэль не мог сам навестить Гая, который по-прежнему находился под бдительным присмотром полиции. Ещё бы, его обвиняли в попытке убийства прокурора города. Аноэль не мог никуда уйти потому, что женщина была настолько плоха, что пару раз он уже был готов к тому, что она умрет. А, учитывая то, как вёл себя с ней Гай, это грозило ещё худшими последствиями.

Кстати, теперь у них не было адвоката. Шолто исчез, явно вернувшись к себе домой. Блудный принц, или лорд, Аноэль плохо помнил то, что тот рассказывал ему, и так слишком долго терпел Гая, а тот оставался по-прежнему занозой в заднице. Ему стоило быть внимательней к тем, кто его окружал. В итоге Гай остался без того, кто следовал за ним тенью, а его подруга лежала в полной отключке от неземного яда. Шолто покинул особняк — и у них больше не было чудадея, способного перевернуть всё в свою пользу.

Аноэль изо всех сил треснул кулаком по стене. Гай умудрился обрубить сук, на котором сидел. Человеческие адвокаты не смогут добиться того результата, который мог получить Шолто.

Сейчас Аноэль ещё более явно понял, что не знает — за что хвататься. Пока он решил, что раз Гай так беспокоился за эту женщину, ему тоже стоит беспокоиться о ней. Они — не люди, а она — просто человек, слишком хрупкий и слабый по всем меркам. Один — ноль в пользу человека.

— Её состояние начинает улучшаться, — вошедший в комнату целитель выглядел усталым. Полукровка, полу-колдун, полу-человек явно старался изо всех сил, и сейчас был изнурен почти бессонными третьими сутками. Этих слов Аноэль ждал как дождя в знойный полдень, теперь с него сняли одну из проблем, которые висели на нём как гирлянда из побрякивающих цепей. Сам он не поднимался наверх, предоставив целителю свободу действия. Когда он вытащил женщину из той заварухи, похожей на сцену из драматичного боевика, она выглядела так, словно вот-вот умрет, и всё, о чем он мог думать, так это о том, как скорее добраться до дома. Гай успел сказать ему, когда звонил, чтобы тот срочно вызвал целителя. И он был абсолютно прав.

Хоть какая-то радостная новость. Теперь Аноэль мог спокойно ехать за Гаем.

Танилли сидел, глядя на экран компьютера, и размышлял, что от всего творящегося у него голова вот-вот расплавится голова. В один день произошло столько событий, что разбираться теперь придется не одну неделю. Когда в прокурора города стреляют посреди бела дня, и стреляет один из известных людей, надо ждать проблем. У палки два конца — один с властью, другой с деньгами, оба из них гарантируют много шума и грязи. А сама палка лежит на дне мутного омута больших разборок.

Прокурор Стоун лежит в больнице, и его состояние вне опасности. Один из директоров корпорации, которая кормит почти всех больших чиновников, находится под стражей и считается опасным преступником. Когда схватываются два таких бульдога, выходит победителем лишь один.

Танилли видел задержанного и решил, что тот и вправду выглядит так, что один его вид внушает желание перейти на другую сторону улицы. Он знал тип таких людей, которые стреляют без промаха в тех, кто переходит им дорогу, или спокойно отправляют армию наемных убийц за их головами. Этот человек в любом случае был опасен. И прямо сейчас его держали в одной из камер, усиленно охраняя, словно тот мог вызвать личный танк, сломать стены и сбежать.

Всё это нехорошо. Даже очень.

Детектив посмотрел на часы. Ещё только одиннадцать часов, а кажется, что он просидел тут уже весь день. На улице стоял удушающий зной, который заставлял асфальт превращаться в мягкую резину, смердящую так, что начинала кружиться голова. Если бы в здании не работали кондиционеры, люди бы просто умирали от жары.

Аноэль впервые оказался в полицейском участке, и тот был похож чем-то на уменьшенную копию улья. Он даже сперва немного растерялся, но затем остановил первого встречного мужчину со значком, и тот объяснил ему — куда и к кому Аноэлю надо обратиться.

И сейчас он, вот уже несколько минут сидел перед немолодым детективом с колючим взглядом темных глаз, которые словно видели его насквозь. Это раздражало. Как и то, что Аноэль с каждой секундой понимал всё яснее, что ему не дадут увидеться с Гаем. Старый осёл считал, что выполняет свою работу, но каждый миг промедления мог стоить ещё больших проблем. Он слишком хорошо знал неуправляемого и не подчиняющегося никому Гая.

— Хорошо, — Аноэль выдавил подобие улыбки и вытащил свой телефон. Нет, всё-таки хорошо, что они имели нужных людей в своем распоряжении.

Понадобилось ровно пару минут, чтобы, после слов того, кто попросил Аноэля передать трубку детективу, тот поднял на него глаза, и стало ясно, что встреча с Гаем все же состоится.

Они шли по коридорам, которые явно охранялись. Аноэль замечал установленные камеры видеонаблюдения, фиксировавшие все передвижения по пространству. Позади них осталось несколько дверей, снабженных решетками и автоматическими замками. И охраной. Аноэля слегка передернуло. Всё это напоминало клетку, а клетка могла свести с ума кого угодно, тем более — такого, как Гай.

Чертов засранец. С каждым шагом Аноэль более ясно понимал, что ему надо сделать всё, что в его силах, чтобы вытащить его отсюда. Гай мог быть занозой и психом, но он оставался тем, с кем они прошли через многое.

— Проходите. У Вас есть десять минут, — детектив произнёс это так, словно ему было

не по душе даже звучание этих слов.

Аноэль стоял перед ещё одной дверью, за которой находились камеры. Детектив кивнул полицейскому, более похожему на спецназовца в форме полиции, тот открыл дверь, пропуская Аноэля вовнутрь.

Так мог выглядеть зверинец или виварий. Расчерченный на небольшие квадраты с проходом между ними. Сейчас зарешеченные клетки были пустыми, все, кроме одной.

Время неожиданностей явно не собиралось заканчиваться.

Аноэль оказался перед решеткой, которая стояла между ним и сидящим на низкой лежанке мужчиной, который был похож на того, кого он знал как Гая.

— Боги, — Аноэль непроизвольно ухватился за толстые прутья решетки, понимая, что всё действительно покатилося в пропасть.

— Тебе не стоило приходить.

Он выглядел так, словно его сгибала к земле огромная скала. Гай всегда был высоким, худощавым и молчаливым, но сейчас перед Аноэлем находился изможденный мужчина с разбитой бровью и запавшими глазами. Каждая черта лица стала жестче, скулы заострились и, казалось, что он тяжело болен.

— Что ты несешь, — Аноэль понял, что его охватывает тревога. Он никогда не видел Гая таким, даже когда тот валялся раненым. Всё было как-то неправильно.

— Не надо тебе было сюда приходить, — повторил Гай.

— Я собираюсь вытащить тебя отсюда, — Аноэль нахмурился, заставляя непрощенное беспокойство убраться, — внесу залог, и ты поедешь домой.

— Ты не понимаешь, — Гай покачал головой, поднимая на Аноэля глаза.

Его лицо выглядело так, словно он заглянул в преисподнюю, и та опалила его, оставляя свой след. Его глаза, обычно холодные и внимательные, потухли, лишившись своего огня. Перед Аноэлем словно сидел старик, чья жизнь была ношей, ломающей его. Он не мог смотреть на Гая, ему становилось не по себе от одного его вида.

Гай не может больше тут находиться. Заключение его убивало.

— Брось, старик, — Аноэль заставил себя смотреть на тень прежнего Гая, — тебе нужно сменить место обитания. Здесь же нет никаких удобств!

В ответ тот медленно покачал головой.

Аноэль был готов трясти решетку, чтобы заставить Гая перестать быть таким пугающе усталым и безразличным.

— Ты не сможешь вытащить меня отсюда, — теперь даже его голос звучал так, словно ему было безразлично всё происходящее.

— Но почему? — От неожиданности Аноэль заговорил почти шепотом.

Вместо ответа Гай сухо засмеялся, и его пустой смех раздавался как скрип старого дерева на ветру. Этот звук заставил всё внутри Аноэля сжаться.

Гай никогда не смеялся.

Затем он поднялся и нетвердой походкой направился к решетке, останавливаясь напротив Аноэля. Задрал рукав измятой рубашки, обнажая руку, и Аноэль невольно выдохнул, глядя на чернеющий браслетом синяк вокруг запястья и уходящий вверх по руке след от чего-то, похожего на когти, хлыст или ожог. В любом случае, это была далеко не свежая рана, и её вид говорил о том, что она начинает воспаляться.

Что произошло с ним?

Аноэль пораженно поднял глаза на Гая, а тот повернул руку так, чтобы ему было лучше

видно раны. До Аноэля слишком поздно дошел тот факт, что рана не заживала. Это было неправильно потому, что они могли восстанавливаться достаточно быстро.

А тут, не только не заживающая рана, но и инфицированная. И, похоже, что она не одна на его теле.

В голове стало внезапно пусто, Аноэль мог думать лишь о двух вещах — как и почему?

— Они больше не заживают, — Гай повторил то, что он боялся предположить.

— Но почему? — Если бы его челюсть могла отвалиться, она бы уже лежала на полу.

— Это наказание, — перебивая его вопрос, Гай слегка вскинул голову, — ничего не спрашивай. Это касается только меня. Ты не сможешь ничего сделать, просто поверь, что все попытки будут неудачными.

Он говорил настолько спокойно, что в голову Аноэля закралось подозрение.

— Ты знал? Знал, что такое возможно?

— Да, — на секунду это был голос прежнего Гая, — но я сделал свой выбор.

Идиот.

Аноэль бессильно сжал кулаки. Что же он наделал.

— Господин Хедрунг не поможет, — предупреждая его мысли, произнёс Гай.

— Я не могу бросить тебя вот так, — Аноэль лихорадочно обдумывал все варианты, которые могли бы вытащить Гая. Должно же было быть хоть что-то, способное помочь им. Но, если он действительно навлек на себя наказание или проклятье, то тут всё было бессильно. Гай стал уязвимым как человек.

— Что произошло? — наконец выдавил Аноэль. Ему было больно смотреть на Гая, и что-то сжималось в груди, мешая дышать.

Потухшие глаза поднялись снова к нему, и Аноэль понял, что Гай теперь не только имеет израненное тело.

— Я теряю свои мысли и воспоминания. Они ускользают от меня. Кажется, она сломала во мне что-то, — снова тускло сказал Гай.

— Женщина, которую я привез к нам домой? — Вспыхнул Аноэль, закипая от ярости. Гай внезапно протянул руку, хватая его за ворот и притягивая к решетке.

— Нет, не она! Не вздумай причинить ей вред, — его слова звучали быстро, словно он торопился сказать то, что мог удержать в голове, — ты должен беречь её так, как только сможешь. Прошу тебя — сделай для неё всё тоже, что сделал бы и для меня.

Если бы кто-то сказал Аноэлю, что в один прекрасный день он услышит, как Гай просит о чем-то, он рассмеялся бы. Но сейчас Гай, привыкший приказывать и всегда получать желаемое, просил его.

Аноэль подумал, что медленно сходит с ума.

— Обещаю, — он положил руку на его руку, сжимающую ворот его рубашки, и понял, что кожа Гая горит, словно тот в лихорадке. Ещё один “подарок” человеческой уязвимости.

— Спасибо, — на секунду глаза Гая вспыхнули прежним огнём, словно он вернулся прежним. Но затем на смену ему снова вернулось усталое безразличие, вытеснившее всё то, живое, что в нём было.

Теперь Аноэль окончательно понял, что то, что произошло с Гаем, сломало его рассудок. И видимо — очень крупно и непоправимо.

— Я не могу бросить тебя, — прошептал он. Раньше Аноэль никогда даже не представлял — насколько он привык к Гаю, почти как к брату, несмотря на то, что никогда не придавал значения тому, что они жили под одной крышей и каждый день пересекались

друг с другом.

Он не ценил этого. А сейчас понял, что у него никого больше никого кроме Гая и не было.

Гай отпустил его рубашку. Безвольно уронив руку, он просто стоял возле решетки, и Аноэль видел, как его глаза вновь стали пустыми, словно прежний Гай ушел слишком далеко. Аноэль был готов выломать решетки, раскрошить бетонированные стены, сделать что-нибудь, лишь бы только вернуть его. Он не мог смотреть на то, что от него осталось.

Аноэль сжал сильнее ту руку Гая, что еще держала его. Словно, если он отпустит его, то потеряет навсегда.

— Уходи, — произнёс Гай, отходя от решетки, и Аноэлю все-таки пришлось отпустить его. Гай снова вернулся на место и опустился на лежанку. Аноэль стоял, почти слыша, как с каждой минутой что-то ускользает безвозвратно, и он не в силах остановить этого при всём том, что в его силах было сделать гораздо больше, чем обычному человеку.

Когда он возвращался к дверям, каждый шаг давался ему с таким трудом, словно к ногам примотали по многотонному валуну. Дверь открылась, выпуская его, и Аноэль оглянулся назад, на сидящего в той же позе Гая. Ему хотелось сказать, что всё будет хорошо, но слова застревали в горле. Ложь ничего не изменит.

Аноэль прошел мимо охранников, провожающих его взглядами. Мимо детектива, который ожидал его возвращения. Разнести здесь всё, не оставив камня на камне. Найти того, кто посмел сотворить такое с Гаем. Вернуть его домой.

Он всё равно сделает всё, что только возможно, чтобы вытащить его любой ценой. И эта решимость крепла с каждым шагом, с каждым новым поворотом коридора. Прежний Аноэль исчезал, уступая место другому, который расправлял плечи, принимая на себя груз ответственности за всех тех, кто был с ним.

— Вы очень близки, — он и забыл, что за ним следом шагал детектив, очевидно наблюдавший за их разговором через монитор с камер слежения.

— Он мне как брат, — больше ничего Аноэль не собирался говорить.

Этого и так было достаточно.

Джил лежала на чем-то очень мягком, приятном и пахнущем цветами. Аромат летнего поля висел в воздухе вокруг, и она блаженно улыбнулась. Кажется, она в раю.

Затем распахнула глаза, с ужасом вспоминая всё, что было перед тем, как она отключилась. Выстрел в прокурора, пистолет в руках Гая. Ощущая неудобство в руке, Джил скосила глаза на неё. Из сгиба локтя торчал катетер-бабочка, а у кровати стоял штатив с капельницей.

Кстати, о кровати, на которой она лежит. Это была не её кровать и не её комната. И даже не палата в больнице. Ощувив подкатывающую к горлу панику, Джил попробовала приподнять голову. Не вышло. Голова оказалась похожей на кусок камня и осталась лежать на подушке.

Как она тут очутилась? И где она вообще?

Паника проползала под кожей и скручивала живот в тугий узел. У дверей комнаты раздались чьи-то шаги, и Джил поспешно закрыла глаза, притворяясь спящей. Сквозь ресницы она видела, как в комнату вошла невысокая женщина, одетая как горничная в богатом доме. Здесь есть даже прислуга!

Женщина положила стопку белоснежных полотенец на небольшой комод и подошла к

постели, проверяя капельницу. Джил следила за её уверенными движениями и размышляла — есть ли смысл заговорить с нею? С другой стороны, она лежала в очень богато обставленной комнате, говорящей о том, что хозяева дома состоятельны. Ей оказывали медицинскую помощь. Значит, не всё так плохо.

— Э, прощу прощения, — у неё голос стал сиплым, словно она сто лет не пользовалась своими связками, и теперь они скрипели как рассохшееся колесо, — где я нахожусь?

Женщина удивленно дернулась и обернулась. Чувство такое, что она не ожидала, что Джил умеет разговаривать. Лицо горничной не имело возраста, но Джил догадывалась, что та вдвое старше неё. Женщина улыбнулась так, словно пришла в восхищение и опрометью бросилась из комнаты.

Господи, что она такого сказала?

Спустя пару минут, в комнату вошел мужчина, и Джил моментально поняла, что он был врачом. Цепкий взгляд, собранный вид. Только костюма не хватает.

— Добрый день, — врач улыбнулся ей так же, как и горничная, — наконец-то Вы пришли в себя.

— Что со мной случилось? И где я? — Джил хотела наконец-то выяснить всё, что случилось с того момента, как она потеряла сознание во дворце Правосудия.

— У вас было что-то вроде глубоко обморока. Сейчас вы в доме господина Аноэля.

Она никогда не падала в обморок. Если только не считать, что происшедшее на её глазах могло довести её до постыдной потери сознания. Джил перевела взгляд на капельницу.

— Вы были без сознания почти двое суток, и пришлось вводить растворы для поддержания организма.

— Почему меня тогда просто не отправили в больницу? — Эта нелогичность немного напрягала.

— Потому, что у Вас было сильное переутомление, фактически Ваш мозг взял небольшой тайм-аут. Мы решили, что можем навредить, если подвергнем Вас перевозке в госпиталь, — доктор улыбнулся, и Джил поняла, что он говорит неправду. Она слишком хорошо знала, как дочь врача, это выражение профессионального умалчивания “во благо”.

Ладно. С этим она разберется позже.

— И когда я смогу вернуться домой? — Джил неосторожно шевельнула рукой и почувствовала, как катетер дернулся внутри вены.

— Вам сейчас лучше отдохнуть, возможно, дня через два-три Вы сможете отправиться домой, — доктор закончил измерять пульс на её свободной руке и снова улыбнулся.

Да, да, конечно. Джил скривилась, пытаясь изобразить улыбку, и закрыла глаза. Похоже, что он был прав. Она устала от небольшого разговора, и её явно клонило в сон.

Когда она снова открыла глаза, за окном уже смеркалось. Из руки вынули катетер, и капельница исчезла из комнаты. Джил чувствовала себя гораздо лучше, вот только слабость во всём теле никуда не делась. Она валялась как неподвижное бревно, словно долго и тяжело болела.

Пользуясь тем, что глаза, в отличие от всего остального, могли ворочаться и докладывать о том, что её окружает, Джил оглядела комнату. Насколько позволял угол зрения. Весьма недурно. Кажется, этот господин Аноэль, внезапно проявивший к ней непонятную заботу, имеет вкус и приличное состояние.

Аноэль сидел за компьютером Гая, изучая весь тот мусор, которым были забиты папки.

Несколько из них было защищено паролями, но Аноэлю хватило пары минут, чтобы открыть их. Да уж, дела Гая всё больше и больше казались далеко не безобидными. Похоже, что Аноэль не знал больше половины того, что тот творил. Он искренне понадеялся, что Гаю хватило ума не хранить ничего в офисе, иначе его проблемы увеличатся в стократ.

Одна из папок была создана совсем недавно, и Аноэль решил посмотреть её содержимое.

Вот оно, что значит. Срочные дела, которые вынуждают уехать на пару недель. Бла-бла.

Это было полное досье, собранное достаточно скрупулезно, и оно не давало всё равно объяснения тому, что сказал Гай. Сперва он собирает досье на Джил Кэйлаш, затем уезжает в её родной город. А потом просит заботиться о ней.

И как он мог забыть, что сейчас она лежит наверху, а целитель пытается очистить её тело от яда. Просто восхитительно. Гай всегда умудрялся взорвать мозги окружающим. Аноэль ничего не знал о Джил, кроме того, что она сидела с прокурором перед ним, и сам Аноэль явно ей не нравился. Небольшая, похожая на настороженного зверька помощница прокурора. В следующий раз он увидел её лишь во Дворце Правосудия. Кровь, кричащие люди, полиция, Гай, удерживающий её, отбивающуюся как разъяренная кошка.

Гай ничего о ней не говорил. Всё, что он сделал, так это внезапно позвонил, выдергивая Аноэля из кровати после хорошей пьянки, которой тот завершил вечер у мэра, чтобы затем ему пришлось мчаться через весь город и увозить с собой неизвестную женщину.

Раз уж на него теперь возложена забота о ней, будет справедливым, если он узнает о Джил больше. Они толком и не познакомились, а то, что она пожала ему руку в офисе, знакомством не назовешь. Если она уже приходит в себя, то значит им пора побеседовать. Может, так он лучше поймет — что связывало Гая с ней.

Аноэль подумал о том, что Гай был прав. Ни одна его попытка вытащить его не увенчалась успехом. Гая отказались отпускать под залог, отказались поместить под домашний арест. Его делом занялись теперь федералы, и двери камеры захлопнулись еще крепче. Аноэль пробовал связаться с Господином Хедрунгом, но тот словно растворился, будто его никогда и не было. Управляющий Дэв, остававшийся наблюдать за делами компании, часть из которых была прикрыта, позвонил и рассказал, что в здании проходят обыски, и половина служащих уволилась. Сбежали, как крысы с тонущего корабля.

Мир трещал по швам, и Аноэль остался в нём один, не в силах помочь Гаю.

Превращенный в уязвимого человека. Лишенный сил и теряющий рассудок.

Аноэль кашлянул, горло словно перехватило. Это было слишком жестоко, по любым меркам. Единственная ниточка к ответам сейчас спала, приходя в себя. Хотелось бы ему знать, как в её тело мог попасть странный яд, с которым не был знаком даже их целитель.

Было слишком поздно предпринимать что-либо. Почти два часа ночи. Аноэль оглянулся на небольшую коллекцию бутылок. Внезапно идея выпить показалась ему тошнотворной, словно организм однозначно решил завязать с алкоголем. Ещё лучше, значит, ему предстоит бессонная ночь, полная одних и тех же размышлений, от которых начинало ломить виски. Он поднялся и побрел к себе, надеясь, что все-таки сможет просто заснуть.

Джил проснулась пару часов назад и с удовольствием поняла, что чувствует себя почти отлично. Она попробовала сесть на кровати и поняла, что все тело слушается её. Прогресс. На спинке высокого стула, стоящего рядом с кроватью, висел шелковый халат, переливающийся насыщенным оттенком зелени. Джил некоторое время разглядывала аистов и лотосы, украшающие ткань и пришла к выводу, что, судя по всему, это настоящий

рисованный шелк.

Кажется, ей специально оставили его, чтобы она могла накинуть такую красоту на себя. В этом доме, случайно, не едят с золотых тарелок?

Джил стянула с себя одеяло и обнаружила, что на ней тонкая, но закрытая сорочка. Хотелось надеяться, что переодевал её женский персонал. Холодная ткань халата была приятная даже на ощупь, но жара в комнате угрожала, что даже шелк может превратиться в подобие панциря. Погода запоздало опомнилась и решила стать теплее, несмотря на то, что стоял уже конец лета, когда температура должна медленно спадать.

Её вещи, выстиранные и отглаженные, висели в чехле в шкафу, видимо, там же стояла и обувь. У кровати находились домашние туфли, похожие на мягкие сандалии, слишком очаровательные, чтобы ходить в них по дому. Джил только собралась попытаться встать, как в дверь постучали.

— Да, войдите, — крикнула она, запахивая шелковое чудо, и надеясь, что выглядит прилично.

— Я решил навестить Вас и узнать — как Вы себя чувствуете.

Джил хватило услышать только первые слова, чтобы её мозг заработал в удвоенном режиме. Она повернулась, надеясь, что не выдает своих мыслей выражением лица. Действительно, тот, о ком она подумала, стоял перед ней, потрясая белизной волос, убранных назад и своими невероятными темными глазами.

— Так это ваш дом, — пробормотала Джил, понимая наконец — кем был милосердный самаритянин, проявивший к ней такую заботу.

— Не совсем, мы живем здесь с другом, — казалось, что Аноэль слегка смущен.

— Я признательна Вам за Вашу заботу, и мне неудобно за доставленное беспокойство. Я хотела бы скорей вернуться домой и больше не обременять Вас, — Джил сбежала бы прямо сейчас, будь её воля.

— Не считите меня грубым, но я вижу, что Вам сейчас не дойти и до двери, так что необходимо ещё несколько дней, чтобы Вы полностью восстановились. Прошу Вас, не отказывайтесь, — он выражался невероятно учтиво, но что-то в нём было такое, что Джил понимала — этот невероятный блондин не так-то прост.

— Спасибо, — дипломатично ответила она, уходя от прямого ответа.

Аноэль прошел к окну, откуда веяло зноем.

— Как в аду, — пробормотал он. Джил подумала, что хозяин дома явно чем-то обеспокоен или озабочен. Затем он принял более беззаботный вид и снова заговорил с ней:

— Насколько Вы сейчас себя хорошо чувствуете? Мы можем поговорить, или лучше отложим разговор?

Джил отрицательно мотнула головой. Нет, ни за что не стоит упускать такую возможность узнать побольше о том, кто внезапно проявил такое внимание. Кто знает, может, у него были свои мотивы на это.

— Отлично, — мужчина явно испытывал неудобство от того, что был вынужден навязывать ей разговор, но при этом в его раскосом внимательном взгляде явно читалась решимость. Похоже, что это было важно для него.

Он остался стоять у окна, но повернулся к ней так, что она могла видеть его лицо.

— Как давно Вы знакомы с Гаем?

Сперва Джил не поняла — о ком он спрашивает, и Аноэль, видимо, понял это по выражению её лица.

— Мы встретились на приеме у мэра, — до Джил наконец дошло, о ком он её спрашивает, и ей внезапно стало неприятно, словно он спрашивал о чем-то личном.

Последнее, что она могла вспомнить, это был Гай, стоящий с пистолетом в руках.

— Что с ним? — Она отчетливо слышала, как в её голосе прорезается волнение. Непонятно почему, но ей было небезразлично то, что происходило с этим мужчиной.

Лицо Аноэля приняло непроницаемый вид, словно он отгородился огромной стеной, и мужчина произнёс:

— Он задержан по обвинению в покушении на прокурора.

Стоун, лежащий в крови и пытающийся что-то сказать. Джил начала испытывать легкую дурноту.

— Прокурор жив?

— Насколько я знаю, его состояние в порядке. Но я хотел бы спросить, может Вам известно что-то, что могло бы объяснить, почему Гай поступил так?

Стоп. Он что, серьезно думает, что она знает больше, чем все вокруг? Или подозревает, что она перешла дорожку обоим, помахав перед носом у двух мужчин помпонами, как чирлидерша из школьной группы поддержки?

— Почему Вам так важно знать мотивы его поступка? — Джил не собиралась позволять ему вторгаться в то, что как-то было связано с ней. Она пока сама не могла понять — что произошло между ней и Гаем тем вечером, и что случилось во Дворце Правосудия.

— Возможно потому, что в этом доме живу не только я, но и Гай, — резко ответил Аноэль, и Джил неожиданно подумала — может они любовники? — Он мне как брат.

Поправка вышла очень вовремя. Почему-то, при одной мысли, что Гай может быть с кем-то, Джил становилось не по себе. Несмотря на то, что это явно было не её делом. В любом случае, Джил видела, что Аноэль действительно переживает за него.

— Я действительно не знаю, — она почти испытывала к Аноэлю сочувствие, — я видела Гая дважды. Последний раз там, во Дворце.

Она осеклась, вспоминая, что видела его трижды. О нет. Четыре раза. Четыре потому, что впервые она увидела его в фирме, из которой ушла к Стоуну. Вот кто был один из тех мужчин, которые беседовали с её боссами, и который привлек её внимание, когда она уходила.

Этот мир становится слишком тесным, если только это не какая-то странная череда совпадений, которую придумал кто-то за них всех.

— Врач сказал, что у Вас был сильный шок, — Аноэль выглядел озадаченно, словно она внесла куда как больше вопросов, чем объяснений, тем, что сказала, — простите, что доставил Вам беспокойство расспросами.

Он явно собирался покинуть её, но тут Джил вспомнила самую кошмарную часть событий во Дворце и поспешно произнесла:

— Я хотела бы попросить Вас. Если появится такая возможность, могу ли я с ним встретиться?

Аноэль обернулся, и его лицо явно говорило, что ей не стоило такого произносить.

— К нему никого не пускают, кроме адвоката.

Джил понимающе кивнула.

Ей слишком многое нужно было спросить у Гая, но она, похоже, вновь не успела. Кажется, история снова повторяется, и она повторяет одни и те же ошибки, которые заставляют время проходить одни и те же ситуации заново, в надежде на то, что она изменит

будущее.

Глава 29

Аноэль застыл с пультом в руке, когда до него дошло то, что только что произнёс ведущий вечерних новостей.

Сперва он решил, что ослышался, но затем, когда отмотал назад, благо — имелась функция записи, и вновь просмотрел весь отрывок, ему захотелось запустить чем-нибудь в плазму.

Вот же дерьмо.

Теперь он понял, почему Гай говорил, что тот не сможет ему помочь.

Покушение на прокурора. Торговля оружием. Обвинения в убийствах. Ох, простите, несколько тех, кого Гай убил, были слишком непростыми людьми. Да ладно, они даже людьми-то не были...

Полный крах.

В общей сложности набегала вероятность того, что его приговорят к смертной казни.

Аноэль моргнул. Похоже, что-то попало ему сразу в оба глаза, защищав их. Что он может сделать ещё? Ничего. Все деньги потрачены, лучшие адвокаты изображают бурную деятельность. Он понятия не имел — как полиция получила сведения о делах Гая. Разве что, какой-то осведомленный сотрудник решил спасти свою шкуру и поделился информацией.

Вдобавок, Аноэль испытывал жгучее чувство вины. Всё время, пока он пил и развлекался в перерывах между делами, он мог поинтересоваться тем, чем занят Гай, и мог в чем-то его предостеречь или остановить.

Но не удосужился.

— У них не получится приговорить его, у них нет четких доказательств — вот о ком Аноэль в данный момент позабыл напрочь, так это о Джил Кэйлаш.

Судя по всему, она стояла в дверях уже некоторое время и видела эти новости. Аноэль с раздражением подумал, что уж её всё это не касается. Он сейчас был не готов выслушивать пустую болтовню. Забота о ней и её состоянии — это одно, но переживания за Гая касаются только его.

— Поверь, у них есть все нужные доказательства, — Аноэль не потрудился скрыть грубости в своем тоне.

Несмотря на то, что Джил практически ничего не знала о Гае, ей не хотелось, чтобы это было правдой. Несмотря на то, что ему инкриминировали такой список, что наиболее вероятным было лишь одно решение суда.

Аноэль потер лоб и, убирая руку, случайно заметил серебряный круг, красовавшийся на его ладони. Со злостью подумал, что лучше уж быть просто человеком, чем застрять где-то посередине и не иметь возможности помочь Гаю. Даже Хедрунг исчез, и как Аноэль не старался, найти его не удалось. Не помогла даже попытка пробраться в комнату с Проходом — Аноэль смог оказаться там, несмотря на то, что везде была полиция, но комната молчала, словно там никогда ничего и не было. Казалось, что удача полностью оставила их всех.

— Я должна поговорить с прокурором Стоуном, — неожиданно заявила Джил. Ей пришло в голову, что она сможет повлиять на него, и, возможно, Стоун в свою очередь будет более снисходителен к Гаю. Это была единственная мысль, имевшая хоть какое-то зерно разума и пользы.

— Ага, а потом тебя обвинят в соучастии. Если ты не забыла, в этом доме жил обвиняемый. Просто чудо, что еще никому не хватило наглости заявиться сюда, — Аноэль

ненавидяще смотрел на круг в центре ладони, — так что, сделаешь только хуже всем нам.

Он был прав.

Несмотря на поздний вечер, на улице была жара как в парилке, вытягивающая весь кислород.

— Вы видели его? — Поинтересовалась Джил. Не будь она слаба, как новорожденный теленок, то сама попыталась бы добиться встречи с Гаем. Ей казалось, что от того, что они вновь увидятся и смогут поговорить, что-то изменится. Навязчивая мысль, что он знает нечто важное, никак не оставляла её в покое.

— Да, видел, — сухо ответил Аноэль, не желая распространяться.

— Если Вы сможете ещё раз с ним встретиться...

— Он попросил позаботиться о тебе, — пребил её Аноэль, поднимаясь, — позволь спросить — откуда ты его так хорошо знаешь, что он, находясь по уши в дерьме, беспокоится за тебя?

Джил невольно ощутила себя очень маленькой, когда он поднялся, оказываясь вдвое выше неё и источая вокруг себя сплошную угрозу. И опять уставилась на его волосы.

— Что не так? — Опасный друг Гая явно испытывал недоумение от её реакции.

— Ваши волосы, простите, я не могу быть безразличной к такому цвету, — выдавила Джил, краснея, как рак, от своего поведения. Но эти волосы просто не позволяли оторвать глаз, завораживая её, как золото — сороку.

Теперь настал черед Аноэля так же уставиться на неё с видом полного ступора. Люди, вообще-то, никогда не видели настоящего цвета его волос. Для них он был просто русоволосым качком. Только некоторые из жителей других миров могли видеть на его голове мечту неформала. Как тогда Джил умудрилась увидеть это?

— Ты сейчас это увидела? — Он так растерялся, что ляпнул то, что подумал. Джил покачала головой.

— Нет, ещё когда мы посетили Ваш офис. Я не могла тогда поверить, что такой цвет бывает вообще.

Аноэль открыл рот, собираясь что-нибудь сказать, и так же закрыл его. Возможно, что она не была человеком, или была им наполовину. Или же была какой-то особенной, способной видеть то, что не видели люди.

На сегодня его мозг больше не мог воспринимать и переваривать все эти открытия, и он поднял руки, словно сдавался.

— Прости, я был груб.

— Всё нормально. Я понимаю, Вам не легко сейчас, — Джил действительно понимала, что на его месте другой вел бы себя ещё хуже.

— Доброй ночи, — Аноэль обошел её и направился к себе в комнату.

Мужчина разгуливал в такую жару по дому в одних брюках, и Джил невольно обернулась ему вслед, поражаясь количеству шрамов. Пара из них выглядела крайне ужасной, большие белесоватые рубцы были почти симметричны и явно причинили ему в свое время много боли. Джил уже догадалась, что они с Гаем занимались явно противозаконными вещами, но почему-то назвать их преступниками и считать, что они заслуживают проблем, не могла. Она изменяла своим принципам закона и справедливости ради человека, которого встретила несколько раз. Возможно, она просто видит везде повторение истории с Райзом, и потому так остро реагирует, надумывая то, чего на самом-то деле нет?

И всё же Джил не могла убедить себя заставить перестать вспоминать Гая. Более того, она позволила себе вновь вспомнить тот вечер и все слова, которые он тогда произнёс. Так не мог говорить человек, погрязший в крови и деньгах. Более того, он словно знал её гораздо лучше, чем она сама.

Поэтому, вместо того, чтобы попробовать заснуть, она лежала и размышляла — есть ли все-таки смысл попробовать связаться со Стоуном и попытаться помочь Гаю?

Старая автомастерская, стоящая при въезде в город, уже давно отжила те дни, когда от клиентов отбою не было. Сейчас же приходилось радоваться тому, что в день заезжало около трех-четырех машин, в выходные, правда, бывало и побольше. Радовало ещё и то, что пара помощников не разбежалось в поисках более выгодной работы.

Солнце нещадно палило, раскалив все металлические вещи так, словно их только вынули из плавильной печи. Пахло бензином и маслом, тягучий запах стоял в жарком воздухе, и от него начинала кружиться голова. Из открытого гаража доносился грохот и шум работы, который только раздражал ещё больше в такое пекло.

Чед Кроу, такой же старый, как и его автомастерская, закончил чинить телевизор, висящий на стене и упорно отказывающийся работать. Чед знал, что город неумолимо приближается, расползаясь, как гигантское чудовище, и скоро его мастерской придется уступить под этим натиском. Но пока ещё он оставался хозяином этого клочка земли у дороги. Чед мог продать его и отправиться в более лучшее место, благо, что денег, скопленных за все эти годы, хватало на хорошую и спокойную жизнь. Но мастерская была всем, что его держало. Здесь он встретил свою жену, когда был совсем молодым пареньком, подрабатывающим в гараже. Здесь они прожили, выкупив потом мастерскую, почти тридцать лет. Здесь же распрощались со своим единственным ребенком, не дожившим до года. Отсюда его жену увезли в госпиталь, где она тихо умерла.

Мастерская напоминала Чеду о всех прожитых им годах, и он не хотел продавать свои воспоминания.

Держа в зубах сигарету, он ещё раз покрутил отверткой в разъёме.

— Ну же, сукин ты сын, — Чед каждый день заставлял телевизор работать, и это превратилось в своеобразный ритуал. Он мог бы купить современную плазму, но старый телевизор был приветом из прошлого, да и тратить деньги на плазму и тарелку Чеду было лень. Пустая трата. Всё равно посетителей почти нет.

Наконец упрямый ящик пискнул, и по экрану пробежало полосами изображение. Чед довольно кивнул и выпустил струйку дыма. Так-то лучше.

Он уже собирался слезть со стула, на котором стоял, когда задрожали стекла в окнах. В последний раз такое было, когда лет десять назад на шоссе сел самолет с отказавшим двигателем, и тогда окна чуть не выбило от вибрации и гула. Затем все предметы, которые не были закреплены или приколочены, начали мелко подпрыгивать. Чед выругался и слез со стула. Наверно неумный дорожный департамент опять затеял ремонт дороги, нагнав технику, от которой каждая половица начинает трястись.

Чед подошел к двери, собираясь посмотреть — не помешают ли работы проезду к мастерской, когда услышал крик одного из своих помощников. Затем послышались равномерные удары, словно кто-то забивал сваи или же по шоссе шагал слон. Чед выглянул в

дверь, но тут его чуть не сбил с ног влетевший парень. Механик выглядел так, словно его только что навестил дух покойно бабули.

— Что с тобой, Билл? — Рывкнул на него Кроу, глядя как парень пятится подальше от двери.

— Ты не поверишь, Чед, — забормотал парень, словно у него зуб на зуб не попадал, — они берутся просто из ниоткуда! Я такую жуть только в кино видел!

— Да ты никак пьян! — Чед Кроу терпеть не мог, когда механики пьют прямо на работе. Он сам не пил, и от работников требовал только одного — работать трезвыми. В такое пекло от выпивки Билу ещё не то привидится.

— Сам посмотри, — парень продолжал пятиться, озираясь, пока не споткнулся о ящик и не хлопнулся на пол.

Кроу выглянул на улицу. Дорога к городу была абсолютно пуста, над ней дрожало марево раскаленного воздуха. Но гул не прекращался, словно в небе находилось несколько самолетов. Он сделал шаг, собираясь выйти и получше осмотреться, но в ту же минуту раздался вопль второго механика, который был сейчас в гараже.

Потянувшись за стоящей у двери палкой, Чед собрался направиться на помощь или напомнить выпивохе о том, что нечего путать работу с отдыхом. Он не успел и шаг сделать за порог, как в воздухе промелькнуло что-то темное, с влажным всхлипом и стуком приземлившись ему под ноги. Кроу опустил глаза на нечто, лежащее прямо перед ним, а затем невольно попятился. Такое он видел лишь во время войны, на которую поехал, преисполнившись патриотизма, чтобы затем вернуться и проклясть всех политиков мира. Вот только тогда он был солдатом, а сейчас Чед стоял на пороге своей автомастерской.

И перед его ногами лежала оторванная голова Сэма, его второго механика.

Мертвые глаза Сэма были широко распахнуты и всё ещё отражали ужас, который парень испытал в последнюю секунду. Чед бросился вовнутрь, закрывая дверь и отбрасывая палку и доставая из-под стойки ружье.

— Вызови полицию, Билл! — Заорал он, проверяя — заряжено ли оружие. Перед глазами у Чеда стояла голова бедняги Сэма, и он внезапно подумал, что края раны были такими, словно голову ему снесли чем-то очень похожим на мачете. Кто бы это ни был, он явно был невменяем и силен. Сэм был огромным детиной, и просто так разделаться с ним было слишком сложно.

Кроу присел за стойкой, надеясь, что Билл смог перестать трястись и добрался до телефона, висевшего в подсобке. Громкие шаги приближались к дверям, и Чед собрался, приготовившись дать отпор.

На секунду воцарилась тишина, словно тот, кто подходил к двери, остановился. Кроу вслушивался в безмолвие, ощущая, как медленно отсчитывают свой бег мгновения, и гадая — что за этим последует. Тишина продлилась ровно минуту, а затем дверь с грохотом слетела с петель. Чед, как в старые армейские времена, поднялся над стойкой, целясь в то, что стояло посреди помещения.

Он стрелял, наполняя пространство грохотом, но его глаза отказывались принять то, что видели.

Стоящий перед ним двухметровый гигант с головой быка и торчащими из пасти кривыми клыками с интересом рассматривал, как пули ударяются о его красно-черную броню и отскакивают от неё. Затем он поднял свою уродливую голову, выискивая того, кто выпускал в него пули. Чед понимал, что в глаза ему смотрит смерть, но просто так сдаваться

этому адскому отродью не собирался.

— Билл! Билл, беги отсюда! — Заорал он, вытаскивая нож, который всегда носил с собой. Парень ещё слишком молод, у него ещё вся жизнь впереди, если Чед задержит здесь это чудовище, то выиграет для Билла десяток минут форы. Он отступил к стене, наблюдая, как гигант расшвыривает стоящую на его пути мебель. Билл должен уже оказаться как можно дальше отсюда.

В следующую секунду, стена, на которую он опирался, вздрогнула. В комнату, со стороны подсобки и черного входа, вошел второй такой же монстр, волоча за собой то, что когда-то было Биллом. Чед бросил взгляд на окно. Он надеялся только на то, что у проезжающих хватит ума не остановиться возле мастерской, а, увидев кровь перед ней, вызвать полицию.

Но за окном перед мастерской ходили такие же жуткие твари, и выходили они прямо из дрожащего жаркого воздуха посреди шоссе.

Желтые глаза обоих гигантов повернулись к Чеду.

— О, Господи, — пробормотал он, понимая, что затем они пойдут дальше, в город.

Где-то очень далеко детектив Танилли, нахмутив брови, слушал несвязанный лепет обкуренного парня, твердившего ему, что только что, на его глазах какие-то “инопланетяне с рогами и огромными мачете” шли по шоссе в город. Судя по тому, какое пекло было на улице, парень перегнул с дозой и явно поймал еще и тепловой удар. Но голос его был полон неподдельной истерики, и на краткое мгновение Танилли неожиданно подумал, что наркоман действительно напуган.

Он с облегчением повесил трубку, отделавшись от психа обещанием разобраться и проверить его сообщение. Напарник детектива разговаривал по телефону, и Таннилли отчетливо слышал, как тот переспрашивает:

— Мэм, вы уверены, что у них были рога? Может это были просто байкеры или какие-то подростки? Вы видели еще и мечи?

Детектив пожал плечами и углубился в подготовку отчета о нераскрытых делах. Когда он уже полностью сосредоточился на работе, раздумывая над тем, что в последнее время раскрываемость падает все ниже и ниже, мимо пробежал дежурный, на ходу бросая:

— Всем офицерам, срочный сбор! В нескольких районах убийства. Говорят, что какие-то неизвестные сносят головы прохожим большими мачете или мечами.

Холодящее мерзкое ощущение проползло по спине Танилли, проникая под кожу тонкими иглами. И отчего-то он, поднимаясь и доставая оружие, подумал вновь о словах своей жены Марикеты, о том, что каждый день может оказаться последним...

Глава 30

Джил была почти уверена, что вся эта затея не приведет ни к чему. Её телефон лежал на тумбочке у кровати, так же чинно и аккуратно, как и все её вещи — выглаженная одежда в шкафу и стоящие внизу туфли.

Всё равно, попытаться стоило. Номер Стоуна не подавал признаков жизни, однако Джил упорно продолжала слушать долгие гудки. Она уже знала из новостей, что ранение Стоуна не опасно для жизни, что он быстро поправляется и уже даже давал несколько интервью. Почему-то, когда она смотрела телевизор и видела его лицо, обращенное к камере, ей упорно казалось, что он смотрит прямо на неё. И несмотря на разговор с журналистом, его глаза непрерывно наблюдают за ней, сидящей на краю кожаного дивана в большой гостиной.

Она решила, что ждет ещё секунду и отключается, когда внезапно телефон ожил. Всё внутри ухнуло куда-то, словно она каталась на аттракционе, когда раздался голос Стоуна. Он заговорил с Джил так, словно ничего и не произошло, будто они только вчера попрощались в конце дня:

— Добрый день. Рад наконец-то Вас услышать.

— Как Вы? — Она не стала прямо спрашивать о его самочувствии, поскольку такой вопрос мог помешать её планам. Глупо напоминать о ранении и затем пытаться убедить не раскатывать того, кто в него стрелял. Она — бесстрастный миротворец. Адвокат. Профессионал.

— Я волновался за Вас. Почему Вы не позвонили раньше? С Вами всё в порядке?

Несмотря на то, что это было немного не то, что она ожидала от прокурора, Джил всё же улыбнулась. Приятно всё-таки слышать слова, полные заботы и внимания.

Продолжая улыбаться, она ответила:

— Да, я в порядке. Надеюсь, что всё уже позади.

— Я хотел бы поскорей увидеться с Вами, мне просто необходимо убедиться в том, что мир остается прежним, — Стоун шутил, но Джил слышала, что за видимостью юмора проскальзывают жесткие нотки.

— Я приболела, — Джил поморщилась, пытаясь найти более подходящее для своего странного состояния слово, которое выглядело бы правдой, — еле хожу.

— Я надеюсь, что Вы скоро поправитесь.

— Спасибо, буду стараться. Я потрясена тем, что на господина Гая нашло такое помутнение. Это не оправдывает его, но ему явно необходима психиатрическая экспертиза, — она постаралась придать голосу самое сухое и деловое звучание.

— Такие, как он, являются угрозой обществу, — голос Стоуна тоже изменился, став холоднее не несколько градусов, — если по улицам города будут разгуливать психопаты, имеющие деньги и влияние, дальше нас ожидает хаос.

— Вы абсолютно правы, — Джил произнесла эти слова, мысленно содрогаясь от их смысла — она соглашалась с тем, что Гай заслуживает самого строгого наказания. Иногда Стоун был похож на неумолимо шагающую смерть, которую ни остановить, ни уговорить невозможно. Он не останавливался никогда, если решил для себя что-то, а его тон сейчас говорил о том, что делом Гая Стоун займется вплотную.

Её идея, как и предсказывал Аноэль, провалилась, а сама она оказалась слишком самонадеянной, заявляя, что сможет повлиять на Стоуна. Джил отложила телефон и окинула взглядом комнаты. Больше недели она находилась в доме, где жил Гай, касалась тех же вещей, что и он, ходила по комнатам, которые принадлежали ему, но так и не знала ничего толком об этом человеке, кроме того, что он сказал ей тем вечером.

В этом доме не было фотографий, и она подтянула обратно телефон, выходя в интернет. Поисковой запрос предоставил ей несколько фотографий, которые были сделаны так, будто Гая поймали в объектив чисто по случайности, а сам он сознательно отворачивался от камер. Лишь пара фото демонстрировала его лицо полностью. Джил увеличила одну из них и стала разглядывать лицо мужчины. Его глаза на абсолютно незапоминающемся лице были самым ярким, и выглядели они так, словно он прожил долгую и сложную жизнь.

Как-то так вышло, что у Джил не осталось ни одной фотографии Райза. Она все эти годы хранила его образ в памяти, а теперь вдруг поняла, что он словно уходит, стирается и освобождает её.

— Как Вы? — Возникший в дверях Аноэль выглядел куда как дружелюбнее, чем раньше. Непонятно как, но они оба умудрились найти общий язык, и выяснилось, что мужчина был достаточно общительным и позитивным настолько, насколько позволяли сложившиеся сейчас обстоятельства, в частности — беспокойство за Гая, которое не покидало ни на секунду Аноэля.

— Отлично. Ваш врач сказал, что я смогу уже отправиться домой через день, — Джил считала дни до того момента, когда сможет наконец-то вернуться домой. Ей было неудобно, что она столько времени обременяет хозяина этого особняка, который окружил её просто божественным комфортом.

— Завтра в десять утра его переводят в окружную тюрьму, — он явно больше не надеялся, что сможет помочь другу. Джил молчала. Ей просто было нечего сказать, все слова были бы сейчас либо фальшивыми, либо неуместными. Она снова поглядела на фотографию, с которой на неё смотрел мужчина с холодными глазами.

— Как давно вы знакомы? — Спросила Джил.

— Много лет, — Аноэль постукивал пальцами по косяку, и стук, как метроном, отсчитывал равные промежутки.

Сейчас ей стоило оставить его одного. Джил поднялась с дивана и направилась вверх, в свою комнату.

Еще только рассвело, а она уже лежала без сна, думая о том, что сейчас делает Гай. Ждет ли он приближающейся возможности увидеть снова город, живущий по-прежнему беззаботно за пределами его камеры? Эти мысли явно не приносили ничего хорошего потому, что с каждой минутой она чувствовала себя всё более и более хуже.

Аноэль давно уже был на ногах, если вообще ложился этой ночью. Она слышала пару раз его голос, затем его шаги, которые раздались на лестнице и говорили о том, что он не может находиться в своей комнате в ожидании утра. Джил не хотела даже представить — каково ему сейчас.

В восемь утра она спустилась вниз, и широкая плазма оказалась уже работающей. Прислуга, обладающая манерами, которым могла позавидовать сама королева, ждала новостей с таким же нетерпением, как и Аноэль. Они появлялись неслышными тенями, будто занятые своими делами, но их взгляды были прикованы к экраны. Все в доме переживали за Гая, и Джил ощущала себя чужой, лишней в доме, затихшем в ожидании новостей.

Половина десятого встретила их уже вдвоем. Аноэль ходил по комнате, и Джил могла поклясться, что выглядел он хуже некуда. Ему бы стоило выпить, чтобы успокоиться, но он словно боялся отойти от экрана более, чем на пару десятков шагов.

Без пяти минут десять. Джил поняла, что, как и все вокруг, не может ни о чем больше думать, кроме как о Гае. Он проходил сейчас длинные коридоры здания полиции, сопровождаемый конвоем, навстречу ярко светящему солнцу на улице.

Десять. Его должны уже вывести. Они направляются к машинам, которые доставят его в тюрьму, где он будет ждать суда. Ведущий новостей объявляет прямой репортаж от здания участка. На экране появляется само здание, которое окружено журналистами и зеваками, пытающимися оказаться поближе. Двери открываются, и толпа с шумом накатывает, как морской прибой, но оцепление выдерживает её напор и удерживает толпу на месте. Вот и полицейские, которые выводят Гая. В гостиной висит тишина, которая ничем не нарушается, кроме звуков из телевизора.

Гая проводят почти рядом с камерой, и на минуту он оборачивается. Гай выглядит так устало и измождено, словно постарел на пару десятков лет. Выделяющиеся на худом лице глаза сейчас смотрят на всех, кто находится в гостиной. На Джил, на Аноэля, на столпившихся в дверях слуг.

— Ты обещал, — внезапно произносит Гай, словно зная, что тот, кому он адресует эти слова, сейчас его видит. Затем его оттесняет охрана, и вновь появляется студия новостей, а ведущий пускается в рассказ обо всех преступлениях, которые совершил Гай.

В гостиной раздаётся звук похожий на сухой кашель. Экран гаснет, и Аноэль отворачивается от телевизора. Он не хочет слушать дальше то, что обсуждается теперь на каждом углу.

Сейчас он просто опустился на диван, почти рядом с Джил, и она видит, что он полностью потерял остатки уверенности в том, что всё можно изменить.

— Он говорил это Вам? — Ну зачем она задает идиотский вопрос, ответ на который и без того очевиден.

— Да, он напомнил, что я обещал позаботиться о тебе, — Аноэль не повернулся к ней, словно тоже считал, что она спрашивает заведомую глупость.

Может, она вот-вот проснется, а всё это окажется дурным сном?

— Мы не были знакомы толком, — у Джил не было объяснения тому, что Гай так вёл себя.

— Я по-прежнему удивлен не меньше тебя, — Аноэль отбросил в сторону пульт, который держал в руках.

Может, Гай был каким-то психом с навязчивой идеей?

Прислуга уже давно исчезла, оставив их одних. Аноэль явно не собирался помочь ей найти объяснение всему, и Джил прямо поинтересовалась:

— Почему я?

— Понятия не имею. Он просто позвонил, велел приехать. Я пробрался сквозь толпу и забрал тебя. Вот и всё. Больше я ничего не знаю, хотя хотел бы знать больше, — Аноэль развел руками, — я рассчитывал, что ты мне объяснишь что-нибудь.

Джил поежилась, испытывая дискомфорт и чувство, будто её мозг перегрелся, как старый процессор.

— Я действительно не знаю. Он подошел ко мне тогда, у мэра. Всего каких-то полчаса, может больше.

— Ладно. Нам обоим нечего сказать по этому поводу, так что не вижу смысла строить догадки.

Где-то вдалеке надрывались сирены полиции, и этот звук нарушал снова повисшую тишину. Джил сидела, пытаясь хоть что-то сообразить или понять, её сосед тоже молчал, погруженный в далеко нерадостные мысли. Сколько они просидели — было сложно сказать.

Раздавшийся за окном грохот заставил Джил подпрыгнуть от неожиданности. Звук был таким, словно кто-то обрушил небольшой дом рядом с особняком. Затем грохот снова повторился, будто за первым зданием последовало второе. Джил вскочила с дивана и, следом за Аноэлем, опередившим её, направилась к окну. Она почти была возле него, когда шум повторился, на этот раз ещё сильнее.

Джил невольно пригнулась, когда Аноэль вытянул в её сторону руку, останавливая и не разрешая подойти ближе. За окном явно творилось что-то странное, и он не позволял Джил сдвинуться с места, продолжая держать руку в предостерегающем жесте. Сообразив, что

сейчас лучше слушать его, Джил напряженно следила за выражением лица Аноэля и пыталась по нему понять — что там творится.

— В чем дело? — Почти шепотом спросила она, когда он повернулся, оглядывая комнату.

— Оставайся на месте, — его голос звучал теперь совершенно иначе. Спокойный и жесткий, словно перед ней находился не человек, который совсем недавно горевал о друге, а солдат, за спиной которого был слишком большой опыт.

Джил и не собиралась ничего делать, никуда идти, но её начинало раздражать неведение. Снова гул, но на этот раз после того, как он затих, раздались странные громкие голоса, доносившиеся до окна комнаты. Они разговаривали, но язык, на котором они общались, Джил был незнаком.

— Что, черт возьми, происходит? — Зашипела она на Аноэля, который продолжал молча наблюдать за тем, что происходило снаружи. Паника, которая начинала пробиваться из растерянности, заставляла дыхание участиться. Джил почти чувствовала, как сердце колотится где-то возле горла, грозя выскочить наружу от чрезмерного уровня адреналина. Наконец Аноэль медленно отошел от окна, передвигаясь по-кошачьи медленно и плавно так, чтобы его движения не были заметны тем, кто был на улице.

Когда он обернулся к Джил, она поняла, что там творится явно что-то не то.

— Отойди вглубь и не приближайся к окну. Не поднимайся выше уровня подоконника, — он говорил спокойно и медленно, чтобы она уяснила каждое его слово.

— Я поняла. Но ты должен сказать — что происходит? Там полиция? Они хотят штурмовать особняк? — Она попятилась, выполняя его приказ, и сердито сверкая на него глазами.

— У нас серьезные проблемы, — Аноэль снова вернулся к окну, так и не удосужившись ответить Джил.

Когда это в его руках оказался небольшой кинжал? Джил вытаращила глаза, глядя на блестящую сталь. Кто он такой? Бывший солдат какого-то элитного подразделения? Разведчик? Работает на правительство? И что там за окном, что он явно готовится к нападению?

Гул и голоса за окном усиливались, и Джил внезапно подумала, что до сих пор не слышит криков и паники, ведь люди должны были хоть как-то реагировать на происходящее. Гул звучал так, словно по улице двигалась какая-то тяжелая техника, заставляющая стекла мерно подрагивать. Аноэль отодвинулся к стене между окнами.

— К дому они не подойдут, но лучше держаться подальше от окон, — он посмотрел на двери комнаты, и Джил поняла, что там уже некоторое время стоят слуги, явно ожидающие его указаний. На секунду она была готова поклясться, что зрачки в их глазах вертикальные, словно на человеческих лицах были глаза змей, но затем решила, что окончательно сходить с ума ни к чему. Нужно быть в состоянии адекватно мыслить, особенно в такое время.

Когда внезапно раздался громкий голос, отлично долетающий до открытых окон, Джил подумала, что как раз таки пора начинать сходить с ума. Шум и голоса внезапно затихли, и голос звучал отчетливо и ясно:

— Джил, я знаю, что ты здесь. Ответь мне, что ты в порядке.

Если бы её глаза могли вывалиться, они бы сейчас со стуком катились по полу. Она смотрела на Аноэля, который был явно удивлен не меньше неё, он приложил палец к губам, приказывая сохранять тишину.

— Я волнуюсь за тебя. Тебе не причинили вреда? — Этот голос не мог раздаваться там, за окном, разносясь при этом так гулко, словно был усилен десятикратно. Так не звучит речь через мегафон.

Аноэль сжал кинжал и буравил взглядом Джил.

— Ты говорила кому-либо о том, что ты здесь? Говорила с кем-нибудь?

— Нет, я всего лишь звонила Стоуну, я надеялась переубедить его, — Джил слышала, что её голос сейчас больше похож на невнятное блеяние, настолько он дрожал. Но сейчас она не могла нормально соображать, какое там — говорить.

Взгляд, которым наградил её Аноэль, явно был равнозначен самому нелестному мнению о её мозгах вдобавок к отборному мату.

— Оставайся здесь, — бросил он ей, явно подавив свое негодование, и направился к выходу из комнаты.

Как только по её расчетам Аноэль спустился вниз, она, пригнувшись, добралась до окна и выглянула наружу, стараясь, как и он, прятаться за краем окна.

То, что она увидела, заставило её молниеносно съехать вниз по стене и зажать себе рот, чтобы не завопить от испуга. Это выглядело как ужасный гибрид, созданный чокнутым фантастом, находящимся под действием тяжелого наркотика.

Возле ворот прохаживались огромные, жуткие создания, которые будто сбежали с фестиваля фантастики и ужасов. Если бы не естественность их движений, Джил подумала бы, что это жуткое шоу с отлично загримированными и одетыми аниматорами. Что-то вроде адского Марди Гра с девизом “эй, давайте напугаем тут всех до истерики”. Те, что были там, внизу вели себя не так, как ведут люди, нанятые развлекать толпу, а как те, кто действительно носит блестящую броню подходящего размера для двух с половиной метров роста, которой мог бы позавидовать Железный Человек. Потому, что эта броня — вполне привычный костюмчик, полностью защищающий их уродливые тела, которые венчали головы с небольшими черными рогами.

Отдышавшись и заставив себя успокоиться, Джил поднялась и снова выглянула. Бронированных становилось всё больше, словно они прибывали откуда-то, стягиваясь к особняку. Единственное, что ей было непонятно, так это то, что никто вокруг не исходил на визг и вопли от ужаса. Кажется, народ, который уже не мог ничему удивляться, просто считал, что тут снимают очередное кино про Мстителей или нападение пришельцев. Положительно, люди, уплетающие попкорн в то время, как на экране кого-то рвут на клочья упыри или взрывают целый город, не испытывают потрясения при виде чего-то необычного. Их уже просто нечем поразить, ведь всему всегда есть объяснение.

Сперва Джил решила, что на голове у них нечто вроде шлемов с рогами, но, приглядевшись, убедилась в том, что эти рога крепятся прямо к голове. Такими в сказках выглядели всевозможные демоны, и Джил поняла, что описания их были вполне реальными.

— Не бойся, Джил, я заберу тебя, — она чуть не подпрыгнула до потолка, когда снова раздался этот голос. Всё в ней требовало не отзываться и не подавать никаких звуков в ответ, но при этом Джил не могла поверить, что этот голос принадлежит тому, кто всегда оставался единственным нормальным, даже если мир вокруг сходил с ума. Вот только не мог он сейчас находиться здесь и говорить так, что его голос, обычно негромкий, разлетался вокруг, как эхо. Она видела, как Аноэль медленно приближается к воротам.

А навстречу ему из-за бронированных чудищ выходит тот, кого она только что считала самым нормальным человеком. К воротам приближался Люциан Стоун, и сейчас он смотрел

на окно, за которым пряталась Джил.

Первой её мыслью было — он в опасности, проходя мимо рогатых уродов. Но затем до Джил стало доходить, что Люциан не в опасности. Те обходили его так, словно он был чем-то, что вызывало у них желание отодвинуться подальше. И он, и они прекрасно видели друг друга, но враждебности и угрозы не выказывали.

— Вам лучше отойти, — негромко произнёс позади неё невысокий домоправитель, и Джил оглянулась на него. Он смотрел с обеспокоенностью в глазах, которые были разделены пополам длинным вертикальным зрачком.

— Кто вы такой? — просипела Джил. Голос с трудом протискивался сквозь горло, которое перехватило от удивления. Мужчина с достоинством поклонился и произнёс с такой гордостью, словно рассказывал о древнейшей родословной:

— Я, как и все слуги здесь, происхожу из народа нагов. Мы храним домашний очаг, госпожа. Мы — последние из нашего рода, и нам здесь любезно оказали приют. Я бесконечно рад, что Вы видите нас настоящими, это означает, что Ваша душа чиста, или же Вы можете видеть то, что скрыто от людей.

Его слова долетали до Джил странным набором непонятных слов, из которых она поняла только то, что вокруг неё царит альтернативная реальность, полная сказочных существ.

— А Аноэль? Он такой же, как Вы? — Слабо поинтересовалась она, вспоминая его белоснежные волосы и его удивление, когда она сказала, что видит их цвет.

— Нет, госпожа.

Теперь было понятно, почему прислуга в этом доме напоминает ей беззвучных и понимающих абсолютно всё змей. К счастью, она слишком много читала в детстве и вспомнила то, что нагами называли существ, соединяющих в себе и человека, и змею. Как ни поверни — мифы, смотрящие на неё многовековым взглядом. Рассказать кому-то, так ведь не поверят ни за что. Ещё и отправят на лечение.

Значит, оба хозяина дома так же могли быть кем-то, не похожим на людей. Но если Гай — не человек, то почему он не может освободиться при помощи известных ему способностей или фокусов?

Джил снова выглянула в окно.

Аноэль почти приблизился к воротам, и ветер шевелил его светлые волосы. Он шагал по горячим от солнечных лучей плитам, размышляя — как много демонов вокруг особняка, и что он может предпринять, если они попробуют проникнуть в дом. Несмотря на то, что Хедрунг окружил его какой-то, известной лишь ему защитой, сейчас его здесь не было, да и возможностей этой орды Аноэль не знал.

Перед ажурными створками ворот стоял мужчина, которого он уже видел вместе с Джил. Как же Аноэль мог не понять, что он — совершенно не тот, за кого себя выдает? Сейчас он должен был находиться, окруженный комфортом и вниманием, выздоравливая от своего ранения. Но они стояли друг напротив друга, и тот, кто называл себя Стоуном, с легкой улыбкой рассматривал Аноэля. Прокурор никак не мог стоять у ворот его дома, целый и невредимый, будто и не лежал никогда, обливаясь кровью у ног статуи Правосудия.

При всем этом Стоун все же стоял перед ним, спрятав руки в складках темного плаща, под которым, по всей видимости, прятал оружие. Определенно, такая одежда должна была быть весьма неудобной в жару, но Стоун выглядел отлично. Лицо его выражало одновременно мягкость и дружелюбие. Хотя то, как он смотрел на дом за минуту до этого,

заставляло Аноэля надеяться, что у маленькой Джил хватит ума сидеть как можно дальше от окна.

— Что Вам надо? — Поинтересовался он, не заботясь о приличии. Из-за этого человек Гай сейчас ожидал суда в тюрьме. Он видел, что демоны не трогали Стоуна, а это значило лишь одно — он играл на их стороне.

— Меня зовут Люциан, — от него исходило сплошное дружелюбие, — и я крайне обеспокоен тем, что мою помощницу удерживают здесь.

— Её никто не удерживает, — возразил Аноэль, раздумывая — что могло связывать его с Джил.

— Серьезно? Поэтому ты стоишь здесь с оружием, которое прячешь почти везде в одежде? — Спокойный бархатный голос Люциана словно подчеркивал несоответствие того, что говорил Аноэль, и что он делал. Затем Люциан демонстративно развел руки, показывая, что под плащом у него нет оружия. Но сила голоса, который явно мог внушать то, что хотел он, на Аноэля не действовала.

— А ты пришел сюда не один, и это странно, если ты просто беспокоишься. Непонятно, зачем приводить с собой почти целую армию, если всего лишь пришел узнать о своей знакомой, — Аноэль пожал плечами.

Солнце нещадно жгло, словно пыталось развести своими лучами костер прямо на голых камнях.

— Она много значит для меня, — мягкость в голосе Люциана могла обмануть кого угодно, но не Аноэля.

— Что же, я рад, — нотку сарказма Аноэль добавил с превеликим удовольствием.

— И, знаешь, без неё я отсюда не уйду, — Люциан произнёс эту скрытую угрозу с прежним дружелюбием.

— Тогда тебе придется стоять тут очень долго, — сообщил ему Аноэль.

— Если она захочет спуститься и уйти со мной, ты не можешь ей помешать. Это её выбор, — тут он был прав, запретить Джил уходить или остановить её Аноэль не смог бы. К счастью, теперь он знал одну вещь, а именно — что Джил видит гораздо больше, чем думает Люциан. А это означало, что она не высунет носа из дома, видя то, что разгуливает за оградой. В эту минуту Аноэль порадовался, что она определенно нарушила его приказ и смотрит в окно на них. Пусть наблюдает, это удержит её внутри.

— Я слишком долго наблюдал за ней, помогал ей и ждал своего часа, чтобы кто-то решил, что может легко забрать её. К несчастью для такого глупца, она является тем, что мне очень нужно, — Люциан выглядел обеспокоенно, но Аноэль почему-то был уверен в том, что он лжет. Он и правда хочет забрать Джил, но при этом не испытывает того, о чем говорит. Видя, что он молчит, и, расценивая это, как размышление над его словами, Люциан доверительно продолжил, — тебе совершенно ни к чему все эти заботы. Просто не мешай мне и всё. Взамен я постараюсь, чтобы твоего друга судили гораздо мягче, а если повезет, то и дали самое небольшое наказание.

Аноэль убрал за ухо прядь, мысленно поражаясь его лицемерию — ведь если он заберет Джил, то ничего не сделает из своих обещаний. Он просто разбрасывается словами, которые хотят услышать те, с кем он говорит.

Ветер крепчал, и его порывы становились всё сильнее. Полы кожаного плаща Люциана резко разлетались в стороны, а волосы Аноэля взметывались вверх, окружая его лицо белым облаком. Они стояли, меряя друг друга взглядами, но взгляд Люциана медленно становился

заинтересованно-задумчивым, и чем дольше он смотрел на мужчину по ту сторону ворот, тем больше крепло это выражение.

Наконец он нахмурился так, что брови сошлись в одну линию, словно был очень озадачен, и, спустя секунду, захохотал. Люциан смеялся так сильно, что на его глазах выступили слезы. Он смахнул их и продолжал хохотать, не в силах остановиться. При этом он продолжал пристально смотреть на Аноэля, словно видя его насквозь — до костей и внутренностей.

Аноэль не подал виду, что удивлен. Неизвестно, чего Люциан хочет таким образом добиться, а значит надо быть начеку.

Наконец, Люциан спросил, едва подавляя очередной приступ смеха:

— Ты тоже владеешь Хрустальным Мостом?

Аноэль кивнул.

— И живешь здесь? — Голос Люциана звучал отрывисто, словно ему с трудом удавалось говорить сквозь едва сдерживаемый смех.

На такой идиотский вопрос он даже не ответил.

Люциан наконец дал себе волю и снова зашелся в хохоте, который сотрясал его тело. Он смеялся так сильно и громко, что даже демоны остановились, наблюдая за ним.

— Быть не может этого... в такую встречу я никогда не поверил бы. Это поистине самое невероятное, что могло только произойти.

Аноэль молчал, стараясь не обращать внимания на его слова, которые звучали странно, словно касались чего-то, что уговаривало его задать вопросы и узнать объяснение тому, что тот говорил. Люциан отдышался и протянул к нему руку:

— Посмотри на себя, друг мой. Тебя устраивает всё это? — Но видя, что Аноэль не реагирует на его слова, он стал серьезным и пристально заглянул в его глаза, — о, вот оно что. Теперь понятно.

Сейчас он говорил совершенно серьезно и спокойно, словно за минуту до того не смеялся до упада:

— Значит, у тебя забрали даже память. Что же, это было почти милосердно.

На щеке Аноэля начинала тонко биться жилка. Он не поддастся на слова Люциана, несмотря на то, что с каждой секундой всё больше хотел узнать — о чем тот говорит, и касается ли это того, что он не мог вспомнить?

Тем временем Люциан поднял глаза на дом и снова заговорил:

— Всё, что я хочу, так это забрать её. Больше мне ничего не надо. Напротив, я могу помочь тебе, вернуть твои воспоминания. Ведь с тобой обошлись несправедливо, когда-то ты, мой друг, был одним из лучших. А у тебя забрали абсолютно всё — даже собственную память, и превратили в потерянного недочеловека, который играет в богатого наемника. Пойдем со мной, я смогу помочь тебе.

— Ты не получишь её, — покачал головой Аноэль. Все эти слова, обещающие так много, не стояли того, чтобы отдать маленькую Кэйлаш ему. Аноэль знал, что, несмотря на заманчивое предложение, единственно реальным остается эта женщина. Он не собирался гнаться за эфемерными посулами.

С губ Люциана сбегала улыбка, меняя его выражение на более жестокое и мрачное. Он отступил на шаг от ворот.

— Тебе стоит всё же хорошенько подумать. Я предлагаю тебе помощь, а ты отказываешься. Мне нужна она, и поверь — это слишком небольшое желание. В её душе

живет пустота, которую только я могу заполнить. Тебе же она ни к чему.

— Нет, — Аноэль знал, что, если понадобится, он не сойдет с этого места. Сейчас речь шла о чем-то, гораздо большем, чем просто просьба Гая защитить Джил. Это касалось чего-то, что бродило далеким бесформенным воспоминанием в голове Аноэля.

— Я слышал, что один из отрядов таких же демонов разыскивает некоего участника соревнований Объединения. Крайне неприятно для него, если они его всё-таки разыщут. Последний раз спрашиваю — ты отдашь мне девчонку?

Солнечный свет вокруг Люциана словно стал тускнеть, будто лучи приглушились или поглощались чем-то, что высасывало из них яркое свечение. Бронированные демоны медленно подходили, окружая Люциана, ожидавшего с явным недовольством ответа.

Аноэль положил руки на пояс, ощущая, как под рукавами рубашки так и просятся наружу из ножен небольшие, но очень острые ножи. Неожиданно он подумал, что когда-то уже стоял так, слышал слова, предлагающие ему выбор. И тогда, как и сейчас, он тоже знал, что не отступит от своего решения.

— Нет, — его голос был спокоен. Когда-то он произносил тот же ответ, и сейчас почти знал, что за ним последовало.

За спиной Люциана с шумом развернулись два гигантских крыла. Пара демонов, стоящих слишком близко, отлетели в сторону, когда крылья ударили по ним. Даже их рост и уйма брони не помогла монстрам удержаться на ногах. Остальные же попятились, освобождая место вокруг Люциана, и явно испытывая опасение.

Эти крылья были прекрасны каждым своим пером цвета грозового неба. Невероятные, сильные и совершенные. Перед Аноэлем стоял некто, кто был ему абсолютно не известен — никого похожего он в жизни не встречал.

— Посмотри на себя. Ты стал жалок, — голос Люциана просто сочился презрением, наполнявшим пространство.

Аноэль испытывал странное раздвоение — часть его с удивлением наблюдала за всем, а вторая словно когда-то уже участвовала в событиях, повторяющих сегодняшний день.

— Знаешь, я не буду мешать этим славным воинам в их поисках, тем более, что они уже и так нашли тебя. И, поверь мне, я всё равно получу женщину, ведь она давно уже стала моей, — теперь этот голос был холоден, как воздух зимней ночью.

— Это твой выбор, — произнёс Аноэль и, развернувшись, направился к дому.

— Кстати, демонов здесь неисчислимое множество, и скоро этот мир захлебнется в крови, — крикнул ему в спину Люциан. Аноэль не остановился, продолжая шагать. У него было поручение, которое он мог выполнить, спасти же весь мир он не мог.

Люциан наблюдал за тем, как он уходит, лениво шевеля крылом.

— Когда я разрушу защиту этого дома, вы должны будете найти и привести ко мне женщину целой и невредимой. Всех остальных можете убить. А потом — присоединяйтесь к своим братьям, и берите этот город, он — ваш, — лениво бросил он демонам.

Они явно были признательны за такую щедрость. Уважение, которое им внушал Люциан, было гораздо больше, чем то, какое они вынужденно оказывали Шакре. Он мог отдавать приказы, но он никогда не был частью их мира. Если они и были вынуждены служить напыщенному и недалекому богу, это не значило, что они не помнят величия и красоты своего мира, в котором правит сила и разум.

Джил невольно съежилась, наблюдая за происходящим. Она слышала, как вокруг, постепенно нарастая, стали раздаваться крики и вопли, словно что-то огромное и ужасное

наконец двинулось на город.

Кажется, она была чересчур глупа, сочтя Люциана кем-то слабым и находящимся в опасности. Он не только находился в опасности, он был окружен ею, и он был сам опасностью. Самым жутким и, одновременно — невероятным, моментом было мгновение, когда из-за его спины показались два крыла. Джил уцепилась за подоконник и внезапно испугалась за Аноэля. Сейчас он казался на фоне Люциана слишком человеком, слабым и уязвимым.

Сейчас он уже покинул двор особняка, а Джил всё продолжала смотреть на Люциана, осененного двумя огромными крыльями и смотрящего на её окно.

— Джил! — Голос Аноэля раздавался на лестнице и явно приближался.

Управляющий, всё это время остававшийся рядом с ней, словно охраняя, осторожно коснулся плеча Джил, привлекая её внимание, до сих пор прикованное к Люциану.

— Мы должны немедленно уходить, — Аноэль вошел в комнату и огляделся, — через несколько минут они окажутся здесь.

Джил ещё раз бросила взгляд на Люциана, который словно притягивал её. Неужели, тот, кого она считала самым разумным и справедливым человеком, на самом деле — вовсе не человек, а тот, кто собирается прорваться в дом, причиняя вред его обитателям?

— Пойдем, теперь тут слишком опасно, — Аноэль приблизился к Джил и потянул её за собой от окна.

— В погребе есть запасной ход, он выведет вас на другую улицу, — управляющий больше не был воплощением вселенского спокойствия. Сейчас это был хищник, в чьих глазах медленно разгорался нехороший огонь предвкушения битвы. Сколько бы он не прятался за людской стороной своей натуры, всё же старый наг оставался хладнокровным змеечеловеком.

— А как же Вы? — Джил ужаснулась, представив — что будет, когда все эти монстры окажутся внутри дома.

— Мы уйдем, — казалось, что он был тронут её беспокойством, — мы всегда можем вернуться в наши родные земли. Не беспокойтесь.

Не тратя больше времени, Аноэль заторопился вниз, увлекая за собой Джил. Ей пришлось почти бегом поспевать за его большими шагами. Они спустились на первый этаж, миновали кухню царских размеров и через небольшую дверь пробрались в винной погреб. Там уже стоял один из слуг, открывший им неприметную дверь, больше похожую на лазейку и закрытую одним из шкафов для вин.

Когда Джил проходила мимо него, он неожиданно схватил её за руку и быстро заговорил:

— Вы можете помочь ему... Анхаш, Храм — запомните это, там ему помогут.

Джил успела услышать эти слова, звучащие как непонятное археологическое название, а затем её утянул за собой Аноэль. Ей приходилось почти бежать за ним, не выпуская её руки. Они бежали, и она думала, что ход скорее смахивает на катакомбы, когда наконец перед ними оказалась тускло освещенная пробивающимся светом солнца земляная лестница. Она вывела их в небольшой сарайчик, расположенный на заднем дворе чьего-то дома.

К счастью для них ворота, преграждавшие им дорогу на улицу, были не настолько высокими. Аноэль подсадил Джил, которая в тот момент искренне порадовалась тому, что на ней брюки, не мешающие такому предприятию, и затем легко перемахнул следом на другую сторону.

Сейчас они находились на пустынной улице, но обманчивое спокойствие не могло продлиться вечно. Аноэль решительно направился к стоящей перед домом машине.

— Что ты делаешь? — Спросила Джил. В ответ он молча выбил локтем стекло и щелчком открыл дверь, показывая ей, что она должна оказаться внутри.

Отлично. Впервые в жизни она сидела в угнанной машине, которая сейчас мчалась по улице, превышая всю дозволенную скорость.

— Почему ты не отдал меня ему? — Джил наконец заставил себя оторваться от ползущей стрелки спидометра.

— Засомневался, что тебе понравится его компания.

Она не стала спрашивать его о том, почему Люциан носил такие охрененные крылья, и кем он вообще был. Зубы Джил шумно клацнули, когда на повороте Аноэль заложил машину в вираж, достойный Наскара.

— Ты с ума сошел, — она не стала продолжать, что чуть не откусила себе язык.

— У нас очень мало времени, — ответил он таким тоном, словно ей было три года.

Словно в подтверждение его слов по улице, на которой они оказались, бежали люди, бросаясь в разные стороны. А за ними неспешно шагали демоны. Они никуда не торопились, и длинные мечи некоторых были выпачканы чем-то красным, что явно не было краской. В воздухе рокотали вертолеты, наверно полиция подняла в воздух те силы, которыми располагала на данный момент. Где-то выли сирены, и раздавались крики в мегафоны, приказывавшие сложить оружие или уговаривающие людей не паниковать. Вряд ли те отряды, которые собирались дать отпор вторжению на улицах города, представляли то, с чем им предстоит столкнуться. Город утонет в крови раньше, чем люди поймут — кто пришел в их жизнь.

Джил захотелось съежиться и сползти вниз, но она вцепилась обеими руками в ремень безопасности и приказала себе дышать как можно глубже.

— Куда мы едем? — Она должна думать о чем-нибудь, чтобы не поддаваться истерике, которая приветливо помахивала, стоя на пороге мозга.

— Сейчас есть только одно безопасное место, это здание Моста, — Аноэль сосредоточенно смотрел на дорогу, лавируя между брошенными машинами, машинами, столкнувшимися между собой и выскакивающими на дорогу людьми.

Город стремительно погружался в хаос. Люди, ещё недавно спокойно проводившие обычное утро буднего дня, сейчас метались в панике, как стадо овец, в чей загон пробрался волк. Привыкшие к комфорту и спокойной обыденности сейчас, в минуту опасности они теряли последний рассудок и превращались в легкую добычу. Но главным союзником тем, кто пришел, служило то, что человеческий разум считал главным достоинством — неверие скептиков. Они не представляли, что когда-нибудь злодеи и герои уже не пугающих никого сказок оживут и окажутся на расстоянии нескольких шагов, легко срубая головы и распарывая тела одним взмахом — как на скотобойне. Люди столько жили в мире без необычного, что теперь шок от того, что их легко можно было сломать и убить, был оружием, работающим против них.

Лишь единицы переживут этот день, если сохранят рассудок и решимость. И они будут помнить о происшедшем долгие года, рассказывая об этом своим детям и внукам, если для них останется безопасное место на этой земле. Надежды людей на то, что сотворенное ими может защитить их, что оружие, на разработку которого уходили миллиарды, сможет остановить любую угрозу, а их мир готов ко всему — это и было главной западней.

На улицах разворачивалась гигантская трагедия, обнажающая то, что пряталось за дорогими костюмами и успешностью. Трусость, паника, растерянность и эгоизм — всё это расцветало как гриб ядерного взрыва и готовилось погрести под собой вчерашних хозяев мира, забывших о том, что они — не единственные и не всемогущие. Против того, во что люди не верили, не могла устоять никакая армия.

Машина выехала на кольцевую развязку, которая была почти полностью забита теми, кто спешил уехать. Аноэль применял все уловки, чтобы проскочить мимо гигантских пробок, которые парализовали движение. Он съезжал на другие полосы, объезжая препятствия и не считаясь с тем, что это часто была встречная линия. Где-то на съездах горели взорвавшиеся машины, и дым от мест столкновения поднимался вверх, в жаркое небо. Где-то прямо на трассу выползали из искореженных автомобилей окровавленные люди, тщетно пытаясь вызвать службу спасения или зовя на помощь. Где-то истошно кричал ребенок. Хозяева большинства машин, сообразившие, что дальше ходу нет, бросали их и торопились покинуть повисшие над землей развязки. Огромный муравейник спешил хоть как-то спастись, выжить любой ценой.

Впереди уже блестели невероятные здания делового района. Джил смотрела на картину апокалипсиса, разыгрывавшегося вокруг, и видела безразличное сияние строений, которые не отражали страха и ужаса горожан. По стене одного из высотных зданий спускалось нечто, похожее на странную ящерицу с острым гребнем на голове и раздвоенным хвостом, и её шкура ярко блестела на солнце. Ящерица остановилась, запустила одну из лап внутрь стены, разбивая зеркальное покрытие, которое осыпалось вниз стеклянным дождем. Она вытащила маленького, отбивающегося человечка и запихнула его туда, где должно быть, располагалась её пасть.

— Что это такое? — выдохнула Джил, наблюдая, как затем ящерица легко прыгнула вниз и, расправив остроконечные крылья, спикировала, чтобы затем резко взмыть вверх. Она проследила за её полетом и увидела, как та направляется к двум таким же, летящим рядом с вертолетом. Удар раздвоенного хвоста одной из тварей подбросил машину, и та, крутясь в воздухе, загорелась.

— Думаю, что вы называете такое нежить. Если точнее, один из её видов, — Аноэль даже не посмотрел на них, полностью занятый тем, как поскорей добраться до Моста.

Джил погружалась в пропасть леденящего ужаса. Мир, который она знала, теперь стремительно катился в бездну, полную кошмаров, приветливо разевающую свою пасть, чтобы поглотить его целиком и без остатка.

— Мой отец! — Внезапно завопила она, подскакивая, — я не могу оставить его!

Аноэль нажал кнопку, автоматически блокируя двери машины.

— Слишком поздно. Либо он сможет выжить, либо — нет. Ты больше ничего не можешь сделать ни для кого.

— Нет! — Джил попыталась броситься на Аноэля с кулаками и выбраться из машины, но мощная рука молниеносно ухватила её за горло. Он не собирался задушить Джил, но его пальцы были прочнее металлической удавки, и, если она продолжит вырываться, то легко свернет себе шею в его хватке. Она хватала ртом воздух, на глазах выступили слезы.

— Возьми себя в руки, — резко бросил Аноэль, — и не заставляй меня поступать так больше.

Он разжал пальцы, отпуская Джил, и она закашлялась, хватаясь за горло.

Что-то мелькало позади, отражаясь в зеркале, и она, немного придя в чувство,

посмотрела на то, что словно висело в воздухе над трассой.

— Он летит за нами, — голос Джил и так был хриплым от потрясения, а сейчас, после руки Аноэля, и вовсе скрипел как ржавая пила.

— Знаю. Он летит за нами уже давно. Нам надо поднажать, — Аноэль прибавил скорость, выжимая из машины всё, что она могла. Если перед ними возникнет хоть малейшая неровность на дорожном полотне, они полетят кувыркком и взорвутся, как и те бедолаги, что полыхали факелами. Джил ухватила за ручку над дверью и зажмурилась. Так было немного полегче.

— Когда я остановлю машину, ты выскочишь и побежишь к дверям. Ни секунды не медли, ты должна оказаться внутри раньше, чем я или он, — Аноэль не выказывал никаких эмоций, и Джил подумала, что была права, считая, что они с Гаем были кем-то вроде профессиональных наемников. Но только у Аноэля это было словно в крови. Он, наверно, родился уже таким. Аноэль же продолжал, — Больше никаких вопросов ни о ком. Никаких истерик. Мы должны спастись, и они сами бы велели тебе делать то же самое.

Он говорил сейчас об её отце и Гае. Не только она оставляла позади близкого человека.

Джил кивнула, показывая, что поняла его и не собирается спорить.

Они уже были среди зданий, приближаясь к Хрустальному Мосту. Тот, кто преследовал машину, явно нагонял их. Все-таки, у него были крылья, а это было куда как мощнее, чем автомобиль, мчащийся по дороге с препятствиями. Аноэль резко затормозил, и Джил, за секунду освободившись от ремня, выскочила из машины. Она помнила его приказ — бежать изо всех сил к дверям здания. Ворота въезда на территорию были открытыми, видимо он всё спланировал заранее и воспользовался собственным доступом к системе.

Джил бежала по площадке перед зданием и мысленно орала на себя, запрещая оглядываться. Когда перед ней раскрылась автоматическая дверь, она пробежала ещё пару метров и только потом остановилась, оглядываясь.

Аноэль почти достиг дверей, но и Люциан был уже рядом, опустившись на землю и всего лишь на несколько шагов отстав от него. Он взмахнул своим огромным крылом, сбивая Аноэля с ног, и Джил взвизгнула от ужаса, глядя на того, кто был когда-то прокурором Стоуном. Красивый и при этом невероятно уродливый от той странной трещины, что нарушала его совершенство, Люциан обернулся к ней. И улыбка на его лице была такой же теплой и доброй, как и всегда. Словно на улицах не лилась кровь, и не царил кошмар, а за его спиной не подрагивали два грозowych крыла, в размахе превышающие три роста человека.

— Джил, не бойся, — она не могла слышать его сквозь стекло и стену, но при этом его голос раздавался внутри фойе, — пойдем, со мной ты будешь в безопасности от этого ужаса.

Она смотрела, как он направляется к дверям, такой знакомый и чужой, одетый не в привычный деловой костюм, а в плащ, странно подчеркивающий его красоту, и все никак не могла оторвать глаз, словно он был для неё магнитом. Джил пятилась и пятилась, пока за спиной не оказалась круглая стойка рецепшена.

Люциан протянул руку к дверям, но в ту же секунду Аноэль бросился вперед, подкатываясь к его ногам и взмахивая чем-то, похожим на небольшой кинжал. Кажется, он разрезал сухожилие на ноге Люциана потому, что тот рухнул на колени, явно испытывая сильную боль, исказившую его лицо.

Дверь раскрылась, пропуская Аноэля, и он, прихрамывая, подбежал к Джил.

— Скорей! — Он даже не оглядывался назад, снова волоча её за собой куда-то в глубину здания. Они остановились только возле не приметного лифта, который находился внутри

запутанной сети коридоров, которую они миновали.

Внутри кабины они наконец-то смогли перевести дух.

— Это служебный лифт, — пояснил Аноэль, пряча свой небольшой кинжал в ножны, которые находились на его руках.

— И куда мы сейчас направляемся? — Джил думала, что Люциан, имея в своем распоряжении крылья, легко сможет опередить их и добраться вверх быстрее. Если у него повреждена нога, то это не значит, что он не способен летать.

— Увидишь, — Аноэль не тратил время на объяснения.

Джил закрыла глаза. У неё начинала болеть голова, словно в ней прогрызал себе дорогу, как в яблоке, червяк. Неожиданно, вместе с болью, перед глазами стала вспышками появляться её квартира. Она сама стояла перед зеркалом в ванной, обстригает волосы. Шагает по блестящим плитам Дворца Правосудия. Люциан касается её лица, произнося что-то, что она никак не может расслышать. Она вынимает пистолет...

Лифт остановился. Аноэль выглянул наружу, проверяя обстановку, затем повернулся к Джил:

— Идем. Осталось совсем недалеко.

Она же словно приросла к полу и смотрела на него безумным взглядом.

— Что с тобой? — Аноэль встревожился, заглядывая ей в лицо.

— Это я стреляла в Стоуна, — трясущимися губами пробормотала Джил, пребывая в полнейшем ужасе от вернувшихся воспоминаний того дня. Если сейчас Аноэль врежет ей или бросит её тут, в компании с апокалипсисом за стенами здания, это будет ещё самое малое, чего она заслуживает.

На мгновение его лицо выглядело абсолютно потрясенным, но затем он стрёб её в охапку и вытащил из лифта, начинавшего как-то странно гудеть, словно все системы в здании медленно, но верно выходили из строя.

— У нас больше нет времени на прошлое, — несмотря на его слова, его глаза выдавали те эмоции, которые он пытался подавить прямо сейчас. Больше всего в его раскосых глазах было боли. Боли и смятения. Джил понимала, что он борется с собой, заставляя себя продолжать спасать шкуру той, из-за которой его друг сейчас оставался где-то там, внизу, без надежды на спасение. Она спотыкалась на каждом шагу, ощущая, как к горлу подкатывает тошнота. Из-за неё другой человек был осужден за то, чего не совершал.

Дальний конец коридора, оканчивающегося большим окном, взорвался осколками стекла, и в получившемся проеме появился Люциан. Он оказался внутри и свернул крылья так, чтобы они не мешали ему идти по коридору, размер которого был гораздо меньше, чем их размах. Аноэль ускорил шаг и подтащил Джил к какой-то невзрачной двери, возле которой светился сканер. Он приложил к нему свою ладонь, ожидая, что система распознает его и откроет замок.

Люциан шагал не торопясь, явно зная, что им больше некуда бежать. Они втроём находились сейчас на высоте двадцати этажей, и из них только один имел крылья. Джил, несмотря на потрясение, слышала, как вокруг здания продолжает всё гремять и взрываться. С каждым шагом, приближающим Люциана к ним, внутри неё всё обрывалась, и она из всех сил вцепилась в рукав Аноэля, выглядевшего обманчиво спокойным.

— Ты же знаешь, что я приду за тобой, Джил, — голос Люциана разносился по коридору, такой знакомый и полный зовущей к себе силы, словно каждый его звук был промагничен, — ведь мы связаны тем, что ты впустила в себя давным-давно. То, что

помогает тебе бороться с эмоциями, уязвимой стороной тебя, которая приносит только слабость и боль, это есть и во мне, и оно связывает нас крепче всего.

Он шагал почти на середине коридора, а его крылья, несмотря на то, что были сложены, задевали стены, царапая покрытие.

— С первой нашей встречи я понял, что ты — то, что нужно мне, сильная женщина. Я ходил, как обычный человек, вынужденный быть связанным нелепым наказанием, но ты, несмотря на это, знала в глубине души, что я — другой. Я видел это в твоих глазах, и был горд, что в нужный час рядом со мной окажется неординарная личность, заслуживающая окунуться в самые глубины знания и власти. Если мы будем вместе, то построим новый мир.

Люциана от них отделяло уже всего лишь несколько метров.

— Тебе не стоит, да и некуда бежать от меня. Часть меня — в тебе, и по ней я всегда найду тебя, где бы ты ни была, Джил, ведь с каждым днём я становлюсь всё сильнее. Подумай о нашем будущем прекрасном мире. Иди ко мне, Джил.

В этот момент дверь наконец-то распахнулась, и Аноэль втолкнул Джил первой внутрь, закрывая её собою. Люциан бросился вперед, но дверь успела закрыться прямо перед ним.

Только сейчас Джил поняла, что всё это время она мертвой хваткой держалась за руку Аноэля как хороший бультерьер и, абсолютно точно, делала ему больно. Она разжала пальцы, думая, что у него останутся хорошие синяки в виде браслета на запястье, и огляделась. Полутемная комната была заполнена каким-то странным, светящимся воздухом, который словно сворачивался в клубы, усиливая своё движение в центре помещения.

— Что это? — Джил была поражена, несмотря на то, что с трудом могла ещё чему-то удивиться за сегодняшний день.

Аноэль стоял, глядя на странное свечение в воздухе. И на его лице отражалась внутренняя борьба.

— Это наш единственный выход, — наконец произнёс он, — правда, он ведет туда, где ты явно никогда не смогла бы оказаться, не случись вся эта история.

Дверь содрогнулась от удара, несмотря на то, что выглядела как конструкция, которой в пору было закрывать банковское хранилище. Или правительственный бункер. То, что пыталось её сокрушить, явно было гораздо сильнее всех известных орудий и взрывчатых веществ, и долго она не протянет под таким напором.

Джил понятия не имела — как эта комната может им помочь. Это было полностью закрытое пространство, выход из которого был уже закрыт.

— В здании находится система самоуничтожения, после сигнала оно взорвётся, — произнёс Аноэль когда дверь в очередной раз вздрогнула под натиском Люциана. Это не могло порадовать или успокоить Джил, если только их выходом не было самоубийство.

— Что ты собираешься делать? — Не планирует же этот беловолосый солдат стоять и ждать, пока до них доберется то *чудовище*. Заставить себя назвать существо, рвавшееся в бронированную дверь, по имени Джил не могла.

— Ты никогда не хотела увидеть другие миры? — Его голос, несмотря на творящийся вокруг кошмар из снов, был полон бодрости.

— Очень удачная шутка, — не совсем уверенно отозвалась Джил. После того, что она увидела, было уже непонятно — во что ей верить, а что считать выдумкой. Она прекрасно помнила змеиные глаза нагов-слуг и широкие, смертоносные крылья Люциана ...

— Жаль тебя разочаровывать, маленький адвокат, но я не шучу. Ты доверяешь мне? — Аноэль оценивающе взглянул на дверь, явно рассчитывая — насколько долго её хватит.

Вообще-то, он оставался единственным, кому она могла доверять, и то — лишь благодаря тому, что Гай заставил его дать обещание заботиться о ней. Джил судорожно вздохнула, вспомнив о нём. Господи, она по уши в крови. Полностью в чужой крови невинных людей, лживая защитница закона и справедливости. Сперва Райз, теперь Гай. Ей стоит находиться там, внизу, вместе с другими, а не убегать, спасаясь такой ценой.

Аноэль смотрел на неё, ожидая ответа, и Джил хрипло, голосом прокуренного старика, отозвалась:

— Да, я тебе доверяю.

Он нахмурился. Подошел к ней и обнял.

— Прости меня, Джил, это наш единственный шанс спастись.

Она только собралась сказать, что это ей стоит просить прощения, но неожиданно Аноэль оторвал её от земли, удерживая так сильно, что ей стало сложно дышать, и шагнул вперед, в светящийся воздух.

Тот закружился, поднимаясь вокруг и становясь всё плотнее, а затем Джил почувствовала, что они с Аноэлем словно куда-то падают. Последнее, что она заметила — дверь в комнату треснула с грохотом, пропуская Люциана, распахивающего крылья. Затем свет стал ярче, заставляя её зажмуриться, чтобы не ослепнуть. Аноэль держал её по-прежнему крепко, и она надеялась, что они, даже если и упадут куда-то, то окажутся вместе.

Где-то очень далеко раздался взрыв, а затем его звук погас, словно растворяясь в клубящемся потоке, уносящем их прочь.

Шакра довольно осматривал стоящие перед ним отряды демонов, готовых к наступлению. Его воины уже нанесли первые удары по нескольким землям, и он предвкушал, как новые действия принесут ему расширенные владения. Он устал ждать, пока Низам завершит свою часть договора, и собирался прибавить к магии ещё и действия. Запах крови приятней, чем благовония, а крики умирающих звучат лучше молитв. Проклятый Строитель уже подчинил себе мир людей, а значит — звездный час Шакры совсем близок.

Отряды медленно заполняли широкую равнину, на которой призрачно дрожал воздух, похожий на струи воды. Переход из одного мира в другой был капризен и непостоянен, и Шакре не так-то легко удавалось удерживать его в одном месте. Переходы подчинялись только законам Анхаша, который был центром силы, создающей их.

Закованные в черную, как смола, броню демоны выглядели ужасающе. Головы полулюдей — полубыков, увенчанные острыми рогами, повернулись к Шакре, ожидая приказа. Желтые глаза, не моргая, смотрели на него.

Первыми должны пасть земли ленивых и избалованных жителей мира, соприкасавшегося с несколькими другими. Он давал стратегическое преимущество, позволяя иметь несколько выходов для наступления. Тот, кто меньше всего думает об осторожности, всегда платит двойную цену. Шакра прикрыл глаза. Однажды, так же рядами перед ним будут стоять бывшие повелители и владельцы чьих-то жизней, ожидая его слова, а он наконец-то будет владыкой и повелителем.

Переход ожил, словно воздух пошел рябью, и Шакра махнул командирам отрядов. Ровные строи двинулись с места, отчего земля содрогнулась в такт с их шагами. Первые прошли сквозь прозрачное марево и исчезли. И так — весь отряд, ушедший на юг.

Шакра оглядел оставшихся неподвижными демонов, пока остающихся в бездействии, и подал знак развести солдат. Он вернулся внутрь дворца, где жара сменялась легкой прохладой от каменных стен и широких бассейнов. Ему не хватало чего-то, что встряхнет опостылевший покой и тишину. Одна из Апсар, случайно оказавшаяся на его пути, спешно склонилась почти до земли, надеясь, что он не обратит на неё внимание. Шакра равнодушно прошёл мимо, его взгляд сложно было зацепить видом красивой женщины. Когда он вынужден терпеть их свору целую вечность, большие овечьи глаза и красивые лица вызывают только раздражение.

Он прошёл мимо двух стражей, охраняющих вход в его покои. Похожие на каменные статуи павианы с человеческими телами обладали жестокостью и хитростью, что делало их особо ценными в глазах Шакры. Он дошел до широкого балкона, оплетенного лозой и, не оборачиваясь, поинтересовался:

— Есть ли новости?

Человек, вышедший из угла, в котором находился всё время, ожидая возвращения Шакры, был ничем не примечателен. Маленького роста, с лицом, лишенным яркости, словно невзрачная амбарная мышь, он был одет так, как никто не оделся бы в здравом уме. Короткая рубашка, не достающая даже до колен, была завязана на шее странной лентой темного цвета, на которой блестело тонкое украшение. Такое носили люди, со временем потерявшие стыд и уважение к традициям и одевавшиеся так, словно в их мире никто не знал, как нужно носить одежды.

— Ужасный, мы смогли найти след воина, которого Вы ищете, — тихий голос звучал вкрадчиво и осторожно, словно в любую минут мог исчезнуть вместе с произнесёнными словами.

— И где же он? — Шакра смотрел на парящего в жарком небе коршуна. Тот завис на распростертых крыльях, высматривая добычу где-то далеко внизу.

— Его след уходит в другой мир. Мир людей, там нет никакой защиты для ему подобных, если он — человек, потому, что люди слишком уязвимы.

— Тогда я хочу, чтобы его нашли там, — коршун не шевелил крыльями, полностью доверяясь потокам горячего воздуха.

— Мой повелитель, — безликий ищейка поклонился, — но с ним был еще один след.

— Он не волнует меня. Мои воины скоро будут и в мире людей, а значит — все идет так, как и надо, — коршун внезапно сложил крылья и камнем устремился вниз. Шакра улыбнулся, — Когда его найдут, я хочу узнать об этом сразу.

Коршун взмыл вверх, неся в когтях добычу. Сильные крылья неторопливо несли его вдаль, и каждый взмах рассекал густую жару, унося хищника к его цели.

Ищейка попятился, исчезая в темноте потайного хода в стене. Шакра наблюдал за тем, как коршун исчезает черной точкой в дрожащем мареве горячего воздуха. Каждый жаждет получить то, чего хочет больше всего. Он узнал о Низаме очень давно, но никогда не горел желанием узнать лично проклятого колдуна, приговоренного Высшим судом к изгнанию за то, что он осмелился пытаться захватить Анхаш когда-то очень давно.

Легенды говорили, что он служил одному из великих Строителей Анхаша, который вместе с другими спустился оттуда, где они служили самому Великому, но затем решил, что может стать владыкой и хозяином всех миров. Он развязал войну, отголоски которой доносились до самых краев небес и приводили в ужас все живое, но потерпел в ней поражение. Прошли века, и всё уже забыли о нём. Но был один искусный колдун, чья

мудрость была превыше мудрости всех старых жителей миров, и он, такой же гордый и полный самомнения, обратился к свергнутому Строителю, обещая служить ему взамен на силы и умения, которым тот его научит.

Затем он собрал армию, которая была столь же многочисленна, как и песок на дне океана, и двинулся на Анхаш, стремясь захватить его, а вместе с ним и все известные миры. Строитель, низвергнутый, но полный желания стать снова могущественным, помогал ему. Но сам не мог перейти границу своего заточения. Попытка Низама сорвалась, поскольку тогда ещё жители всех миров были полны лучшего, что позволяло им верить и побеждать. Армия Низама была разбита, а сам он схвачен и тоже приговорен к изгнанию. Со временем все забыли о мятежном Строителе, и о самом Низаме так же никто не вспоминал, словно он канул в небытие. О нём помнили лишь старые легенды и несколько манускриптов, описывающих суд. Говорили, что до своего злодеяния Низам был одним из тех, кто помнил Анхаш молодым, а кто-то даже — что он даже помогал строить его вместе с ушедшими назад Строителями, которые и были первыми служителями Круга Вечности. Шакра никогда не интересовался этими старыми преданиями, до тех пор, пока их пути не пересеклись благодаря рыжему Локи.

Горели несколько факелов, освещающих черноту ночи в лесу. Если бы не гордость, Шакра признался бы, что ему слегка не по себе находиться рядом с жуткого вида берсеркерами, похожими на застывших, непредсказуемых медведей из далеких северных земель. Их волосы были заплетены, а огромные фигуры скрывались под меховыми плащами, сшитыми из шкур неведомых Шакре животных, отчего берсеркеры казались ещё больше и массивней. Если бы не его стража, стоящая поодаль, Шакра чувствовал бы себя крайне некомфортно.

Но именно берсеркеры обеспечивали ему безопасность, удерживая Локи, явно планировавшего сравнять с землей всех, кто находился рядом с ним. Только сила Фригг, заключенная в тонком золотом торке, лишала Локи его сил, а иначе этот лес дымился бы чернеющими головнями. Мудрая Фригг не стала привлекать внимания к тому, что происходило, и очевидно никто больше не знал о происходящем.

Испытывая такую же неприязнь к Локи, как тот — к нему, Шакра не мог отказать себе в удовольствии злорадно улыбнуться. Он потратил почти год человеческого времени на поиски беглецов, разыскивая Локи и одну из своих Апсар. Её участь была плачевной, беглянка умерла, что было главным ужасом для почти бессмертных Апсар, а Локи возвращали домой стражи Фригг. Достаточная кара за проявленное неуважение и оскорбление.

Шакра ощущал себя почти удовлетворенным, когда Локи с ненавистью оглядел его, и издевательски протянул:

— Какое торжествующее у тебя выражение, словно ты наконец-то вырядился в женское платье и готов расчесывать волосы и жеманничать дни и ночи напролёт!

Шакра слышал о злом языке Локи, способном разрушать терпение из закаленной стали, но очевидно мало представлял его на деле. Сейчас ему вся кровь бросилась в лицо от гнева, а тот продолжал, растягивая губы в презрительной улыбке:

— Как, должно быть, радостно твоему нежному сердцу — ведь впервые за столько-то веков кто-то вспомнил о том, что ты вообще существуешь. Наверно во всех твоих развалившихся храмах алтари от удивления треснули, поднимая пыль. Признайся, что как правильно имя твое произносится уже никто и не вспомнит, наверно это так невыносимо

— оставаться всеми позабытым! Бедный, бедный Шакра, чье имя даже червей в земле напугать теперь не способно, так и быть — порадуйся немного!

Он поднял руки, демонстрируя свои оковы и продолжая смеяться. Его смех разносился по лесу, отдаваясь сотнями отголосков, словно каждое дерево, травинка, лист смеялись его голосом. Шакра молчал, не в силах даже найти слов в ответ. Гнев бурлил в нём как лава — Локи словно знал, чем можно задеть его сильнее всего. Он кивнул берсеркерам, которые так же молча шагнули к Переходу, ведя за собой Лога, не прекращавшего смеяться своим отвратительным беспечно-безумным смехом.

Когда они скрылись за пределами текучей зеркальной двери Перехода, Шакра повернулся к своим воинам. Сделал знак одному из них приблизиться и, выхватив кинжал, спрятанный в золотой ткани рукава, молниеносно перерезал тому горло. Кровь обильно текла на землю, словно багровый ручей, а Шакра бормотал слова, открывающие дорогу в Забытые земли. Только кровь могла открыть её, кровь, взятая не у врага и не у друга, пролитая без уважения и надобности.

Серые и сухие, эти земли были молчаливы и мертвы. Безжизненные просторы не нарушали ни звуки, ни дыхание ветра. Безжизненной в своей неподвижности казалась и фигура в черном, стоящая спиной к Шакре и смотрящая в темный горизонт.

— Ты — Низам? — Шакра всё еще не мог унять переполняющий его гнев, и его голос звучал в тишине резко и неприятно.

— А ты — тот, кто жаждет вернуть прежнее могущество, — колдун повернулся к Шакре, и черные глаза, казалось, заглянули внутрь него, — тот, кто ищет удовольствие в крови и плаче умирающих, но оказался слишком ленив, чтобы удержат поводья судьбы на своей стороне.

Шакра молчал, немного пораженный услышанным. Колдун, словно довольный его молчанием, кивнул:

— Раз ты пришёл сюда, значит, я могу помочь тебе. Надо всего лишь напомнить о себе, чтобы получить желаемое.

Песок зашевелился, и на секунду Шакре послышалось тонкое шипение, складывающееся в какие-то неведомые ему слова на непонятном языке. Забытые земли были мертвы и бесплодны, но то, что обитало здесь, было по другую сторону смерти. И оно смотрело на него острым взглядом, знавшим то, чего хочет Шакра, и то, что он пришел, готовый заключить сделку.

— Ты должен дать каплю своей крови, раз хочешь заключить союз и получить желаемое, — произнёс Низам, внимательно наблюдая за Шакрой, — ты получишь силу и мощь, которые помогут тебе.

— Всего лишь каплю? — Презрительно усмехнулся Шакра, вытащил кинжал и провел по ладони, разрезая плоть. Кровь быстро капала в серый песок, который поглощал её, не оставляя и следа. Шакре показалось, что лицо Низама стало таким, будто он услышал самые хорошие известия, но когда он поднял голову, тот оставался по-прежнему бесстрастным, наблюдая за стекающей вниз кровью.

— Всё? — нетерпеливо произнёс Шакра. Низам наконец оторвался от созерцания падающих капель и улыбнулся холодной улыбкой, не достигающей до его черных глаз. Затем повернулся лицом к безжизненному горизонту, словно вслушиваясь в тишину. Шакра недовольтно нахмурился, но остался стоять. Возможно, старик призовет для него армию духов или ещё что-нибудь.

Неожиданно пески заволновались, словно по ним прошелся сильный порыв ветра, и его волна дошла до стоявших возле Прохода Низама и Шакры. Она была настолько сильна, что взметнула края их одежды и засыпала ноги песком. Низам повернулся к Шакре, и на его лице сияла довольная улыбка.

— Твоя кровь вернула силы тому, кто теперь даст тебе то, что ты хочешь. Наш союз заключен. Ты получишь могущество и вернешь былую власть. Но для того, чтобы всё получилось, ты должен найти одну вещь.

Шакра понятия не имел — о ком говорит спятивший в заключении Низам, но он знал, что тот не обманет его.

— Какую? — Он явно терял терпение.

— Найди того, кто не будет не богом и не демоном, оставаясь при этом сильным, не героем и не обычным созданием, способным на великий подвиг. Найди и убей его.

Шакра ожидал чего-то большего, что потребуют от него взамен, но услышав такое, не смог удержаться от усмешки. Ничего необычного, никаких даров, которые будут слишком дороги. То, что от него просят, он легко найдет и отдаст безумному Низаму и его проклятому Хозяину.

Шакра стряхнул воспоминания, отрывая взгляд от горизонта. Совсем скоро воин будет в его руках, и его сердце послужит на пользу его славе. Шакра почти представлял этот миг, когда ещё бьющееся сердце будет лежать на его ладони, чтобы выполнить свою великую роль, возвращая прежнее величие и мощь войны и смерти.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Пояснения и комментарии

От автора:

1. Скандинавский бог Локи имеет несколько хейти (heiti — замена имени), включая имя — Хведрунг. Способен менять свою внешность.

2. Индийский бог Шакра, он же — Индра, царь дэвов и повелитель небесного царства в ведизме и индуизме; бог войны.

3. Фоморы — мифические существа, представляющие в ирландской мифологии демонические, тёмные силы хаоса.

4. Апсары — полубогини в индуистской мифологии, изображались в виде прекрасных женщин.

5. Проходы — авторское видение порталов между мирами и "кротовых нор".

6. Ракшасы — демоны-людоеды индуистской мифологии, обычно изображаются в виде полутораметровых косматых чудищ с желтоватой кожей, гранитными зубами. В «Атхарваведе» ракшасы изображаются как правило в человеческом образе, хотя иногда и чудовищами; цвет их чёрный.

7. Город Анхаш — центр всех миров, объединяющий Мультивселенную.

8. Шеду — в шумеро-аккадской мифологии дух-хранитель, изображался в виде существа с телом быка или льва, с орлиными крыльями и человеческой головой.